

91-32

13

М.А. ГАСРАТЯН

КУРДЫ
ТУРЦИИ
В
НОВЕЙШЕЕ
ВРЕМЯ

91-52/13-2
М. А. Гасратян

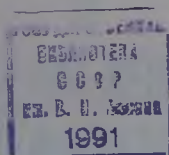
**КУРДЫ
ТУРЦИИ
В
НОВЕЙШЕЕ
ВРЕМЯ**

Ереван «Айастан» 1990

ББК 63.3 (0) 63
Г 225

Рецензенты: доктор исторических наук
Ш. Х. Мгоян, кандидат исторических
наук Р. П. Кондакчян

Гасратян М. А.

Г 225 Курды Турции в новейшее время.—Ер.: Айастан, 1990 — 385 с.

В монографии рассматривается политика правящих кругов Турции в курдском вопросе, освещается борьба курдского народа за свои национальные права в новейшее время. Автор прослеживает этапы курдского национального движения в Турции, отмечает качественные сдвиги в нем, вызванные социально-экономическим и политическим развитием страны, включая Турецкий Курдистан.

Автор монографии на богатом фактическом материале доказывает, что решение курдской проблемы тесно связано с борьбой трудящихся масс всех народов Турции против социального и национального гнета.

Книга рассчитана на востоковедов и широкий круг читателей.

0503030000
Г $\frac{701(01)-90}{41-89}$

ББК 63.3 (0) 63

ISBN 5-540-00496-5

© Гасратян М. А., 1990

Г Л А В А I.

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ПЕРИОД КЕМАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1918—1924 гг.)

1. Великий Октябрь и курдский вопрос в начале кемалистского движения

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории развития человеческого общества, эру пролетарских и национально-освободительных революций, эру освобождения народов колониальных и зависимых стран от империалистического гнета. Она нанесла мощный удар по устоям империализма в колониях, подняла угнетенные народы Востока на борьбу против чужеземных поработителей, за свое национальное освобождение.

«За периодом пробуждения Востока в современной революции,—говорил В. И. Ленин,—наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества» (5, с. 328).

Советское государство, рожденное Великим Октябрем, с первых дней своего существования проводило политику разоблачения захватнических планов империалистических держав в отношении народов Востока. Основные принципы Советского государства по отношению к народам Востока были разработаны В. И. Лениным и претворены в жизнь Советским правительством. Так, в Декрете о мире, принятом на II съезде Советов 8 ноября 1917 г., а также в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г. были официально провозглашены принципы внешней политики Советского государства о братской поддержке угнетенным народам Востока в их борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Седьмой Всероссийский съезд Советов принял спе-

диальное постановление об угнетенных нациях, в котором заявил о своей глубокой симпатии к освободительному движению народов Востока и выразил свою готовность оказывать им как моральную, так и материальную поддержку (27, с. 18).

Октябрьская революция создала благоприятную обстановку для освободительной борьбы угнетенных народов Востока против империализма. Она не только подорвала колониальную систему империализма, но и создала в лице Советского государства оплот национально-освободительных революций.

«Само собой понятно,—указывал В. И. Ленин,— что это революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма» (5, с. 318).

Для колониальных и зависимых народов Советская Россия стала знаменосцем, освещающим путь к освобождению от социального и национального гнета.

Характеризуя значение Октябрьской революции для народов Востока, один из основателей Коммунистической партии Турции и ее председатель Мустафа Субхи писал: «Торжество победы в России находит горячий отклик среди рабочих и угнетенных народов всего мира, вселяя в них луч надежды... Сегодня Советская Россия протягивает руку помощи угнетенным народам всего мира и призывает народы к братству и содружеству» [Цит. по; (117, с. 45)].

Идеи Великого Октября, несмотря на все предупредительные меры турецких властей, проникали в Турцию и распространялись среди народов страны. «Каждый городок, каждая маленькая деревенька Анатолии,—вспоминал об этом времени Назым Хикмет,— были наполнены слухами о Русском Октябре» [179, 5. VIII, 1951].

Идеи Великого Октября, несомненно, проникли и в восточные вилайеты, населенные преимущественно курдами.

О влиянии идей Октябрьской революции в курдских районах докладывали английские агенты, которые были посланы туда британским правительством с целью использования курдского освободительного движения в своих империалистических целях.

Так, майор Ноэль, посланный полковником Вильсоном для управления районом Сулеймания, в 1919 г. в отчетном письме отмечал: «Надо учитывать, что на внутреннее положение в курдских областях в основном влияет внешнеполитическая ситуация. Отсрочка мира с Турцией и ее борьба с греками занимают умы видных людей Курдистана. Планы большевиков становятся здесь известны, все возрастающий авторитет большевика мешает проведению английской политики в этих областях. Турецкая агитация, направленная против Англии, попадает на плодотворную почву. Курды знают Кемаль-пашу и думают, что он создаст исламское государство и даст автономию курдам, независимо от мирной конференции. Главная наша задача не допустить проникновения большевистских идей и справиться с турецкой исламской пропагандой, а также с революционными течениями в странах Ближнего и Среднего Востока» [175, с. 145].

Победа Великого Октября, выход России из войны и ее разрыв с политикой империалистических держав, а также оккупация Англией Месопотамии с Мосульским вилайетом (южная часть Курдистана) и раздел Османской империи создали новую обстановку. Курдский вопрос приобрел международное значение. Это определялось следующими основными факторами: 1) Курдистан изобилует естественными богатствами, главное из которых нефть в Мосульском и некоторых других районах. Кроме того, имелись хром, железо, свинец, уголь и другие минеральные богатства; 2) южная часть Курдистана (Мосул) имела большое торговое значение как транзитная территория между Турцией и Ираком, Турцией и Сирией, Ираном и Ираком; 3) Курдистан имел большое стратегическое значение—его горные районы господствуют над Юго-Восточной Турцией и Ираном, равнинами Ирака, над дорогами к Персидскому заливу, а также Советскому Закавказью; 4) расположение Курдистана в составе трех государств (Турции, Ирана, а затем и Ирака) позволяло империалистам постоянно оказывать давление на политику этих стран, используя для этого освободительные устремления курдского народа. Все эти моменты содействовали возникновению «курдского вопроса» после первой мировой войны, который пытались использовать в своих империалистических целях западные державы.

2. Первые послевоенные курдские организации и их деятельность

Освободительная борьба курдов в Турции, пройдя несколько этапов в своем развитии, к началу XX в. стала приобретать характер национального движения, обостряемого шовинистической политикой турецких правящих кругов, младотурецкой верхушки. Поражение Османской империи в первой мировой войне, крах политики панисламизма и паносманизма вместе с усилением пантюркизма, предполагавшего насильственную туркизацию и ассимиляцию национальных меньшинств, явились факторами, содействовавшими формированию и развитию курдского национального самосознания и усилению освободительного движения. В условиях развала Османской империи, курды, как и другие народы, поднялись на борьбу за свои национальные права. Выразителями интересов курдского движения выступали такие курдские организации, как Общество возрождения Курдистана (Курдистан теали джемиети), Курдское общество социальной ассоциации (Кюрт тешкиляти иджтиманйе джемиети), Курдская национальная партия (Кюрт милли фыркасы), действовавшая главным образом в Стамбуле, Общество возрождения курдов (Кюрт теали джемиети), осуществлявшая деятельность в Диярбакыре [145, с. 54].

Общество возрождения Курдистана было создано в 1918 г. в Стамбуле. Многие члены руководящего совета Общества возрождения Курдистана были выходцами из влиятельных семей, известных в Курдистане. Основателями Общества были Бедиуззаман Молла Саит-бей, Халид-бей из Микиса, Халиль Хаяли-бей из Мутки. В него вступили представители курдской интеллигенции, именитые граждане курдского происхождения, проявлявшие интерес к национальной проблеме курдов.

Общество избрало руководящий совет, в который вошли Сеит Абдулькадыр (председатель совета), сын Убейдуллы-эфенди из Шемдинана; Эмин Али-бей Бедирхани (первый заместитель совета), из высших чинов Ботана; Ферик Фуат-паша (второй заместитель председателя совета), сын бывшего министра иностранных дел из Сулеймании; Ферик Хамди-паша (генеральный секретарь), штабной генерал в отставке; Сеит Абдулла (счетовод), сын Сеита Абдулькадыра, а

также в качестве членов полковник Халиль-бей из Дерсима, полковник в отставке М. Али-бей Бедирхамани, религиозный деятель Ходжа Али-эфенди, проф. Шефик-эфенди из Арваса, главный редактор газеты «Терджуман» Бабанзаде Шюкрю-бей, Бабанзаде Фуат-бей, торговец Фетхулла-эфенди, проф., д-р Шюкрю Мемет-бей Секбан [145, с. 52].

Руководство Общества придерживалось умеренных позиций в вопросе о предоставлении национальных прав курдов и не прекращало связей с официальными османскими кругами. По мнению турецкого автора Метина Токеча, оно заключило с партией «Свобода и согласие» (Хюрриет ве итиляф) соглашение о предоставлении Курдистану автономии в пределах Османской империи [147, с. 115].

Согласно статьи 4 внутреннего устава, Общество имело целью осуществлять деятельность во имя материального и духовного развития и возрождения Курдистана (148, с. 439).

Общество возрождения Курдистана, по словам руководителя антиимпериалистического движения в Турции Мустафы Кемалья, имело свои отделения в Диярбакыре, Битлисе, Элязиге [113, т. 3, с. 904]. Однако курдские источники не подтверждают этого. Очевидно Мустафа Кемаль спутал это Общество с Обществом возрождения курдов, действовавшим в Диярбакыре. После оккупации Стамбула союзниками (март 1920 г.) Общество возрождения Курдистана усилило свою деятельность среди курдов города. Каждый член Общества, по данным турецкой печати, должен был вносить ежедневно по одному пиастру. Эти и другие взносы, составлявшие ежемесячно примерно 1000 лир, передавались руководителю Общества Сенту Абдулькадыру [230, 18. IV, 1925]. Из этих денег, значительную часть которых составляли сборы курдских рабочих, Сеит Абдулькадыр оказывал помощь курдскому студенческому обществу «Хеви» [145, с. 98].

Общество добивалось возвращения курдов из различных районов Анатолии в свои родные края, назначения их на административные посты в Турецком Курдистане, установления контактов с представителями Антанты в Стамбуле.

Оно посылало изданные в Стамбуле на курдском языке газеты и журналы в Диярбакыр Обществу воз-

рождения курдов. Необходимые выдержки из этих изданий размножались в типографии Общества возрождения курдов и распространялись среди населения.

Общество вело борьбу против пантюркистской идеологии Сюлеймана Назиф-бея, Агаева, (Ахмед Агаоглу), Зия Гёкальпа. Оно отклонило союз с Обществом защиты национальных прав восточных вилайетов [148, с. 430], которое, хотя и включало многих влиятельных курдских шейхов и вождей племен, выступало против предоставления национальных прав курдам.

Члены руководящего совета Общества возрождения Курдистана посещали американского, английского и французского комиссаров в Стамбуле, требовали от них предоставления национальных прав курдам. На одной из встреч с американским комиссаром, в которой приняли участие Сент Абдулькадыр-эфенди, Эмин Али-бей Бедирхани, Бедиуззаман Молла Саит, доктор Шюкрю Мемет-бей, курдские деятели представили комиссару обширный меморандум, в котором, определив на карте границы Курдистана, заявили о необходимости выхода его к морю и просили оказать содействие в этом. На это американский комиссар ответил: «Aide foi—Dieu t'aidra», что означало: «ты помоги себе, тогда и бог тебе поможет» и покинул встречу. Больше всего курды встречались с английским комиссаром. Он обещал признать национальные права курдов. При этом он говорил, что их интересы требуют соблюдения спокойствия и воздержанности. Как справедливо отмечает видный курдский деятель Зиннар Силспи, на самом деле он водил курдов за нос [145, с. 54].

Очевидно, касаясь этих переговоров, британский верховный комиссар в Стамбуле в телеграмме британскому дипломатическому представителю в Багдаде от 18 апреля 1919 г. писал, что Абдулькадыр, хотя являлся председателем государственного сената, «сделал мне предложение от имени здешнего курдского комитета, требуя независимости для курдов и освобождения их от ненавистного турецкого ига». В другой телеграмме от 3 мая 1919 г. в адрес министра иностранных дел Великобритании верховный комиссар сообщал: «Они хотят иметь свое свободное государство... Они хотят навсегда избавиться от турок, которые, как выразился Абдулькадыр, никогда и ничего для них не

сделали, он говорит о турках с большой горечью» [см. 162, с. 21].

В вопросах достижения национальных прав курдов не было единства взглядов в Обществе возрождения Курдистана.

Так, на одном из его заседаний в начале 1919 г. в Стамбуле молодые члены общества (младокурды) потребовали принять решение об объявлении независимости Курдистана и изгнания из курдских провинций всех иностранных (в том числе и турецких) сил. Председатель Общества Сеит Абдулькадыр выступил против этого предложения младокурдов. При этом он ссылаясь на то, что турки согласились на создание автономного Курдистана, зависимого от султана (имелось в виду соглашение, подписанное Обществом с партией «Свобода и согласие»). Далее Сеит Абдулькадыр советовал молодым членам общества выехать в курдские районы и вести там пропаганду в рамках программы общества, а также всеми силами противиться созданию независимого национального армянского государства в соответствии с принципами президента США Вильсона¹.

Следует отметить, что Сеит Абдулькадыр решительно выступал против объединения и действий армян и курдов с целью решения армянского и курдского вопросов, против создания независимого от султана и халифата курдского государства (126, с. 120—121).

Впоследствии он несколько изменил свои взгляды по вопросу о курдской государственности. Так, по его заявлению на суде по делу участников восстания 1925 г. в Диярбакыре, он стоял за создание курдской исламской республики, которая политически отделилась бы от Османской империи, но сохраняла бы религиозные связи с халифатом. По его мнению, власть президента не должна была переходить от отца к сыну, но это не означало, что при каждой смене парламента дол-

¹ Речь идет о 14 пунктах президента США Вильсона, провозглашенных 8 ноября 1918 г. Особое значение имел пункт 12, гласивший: «Турецким частям нынешней Оттоманской империи должен быть обеспечен прочный суверенитет, но прочим народностям, которые в настоящее время находятся под турецким владычеством, необходимо обеспечить недвусмысленную безопасность жизни и абсолютно нерушимые условия для автономного развития» [106, с. 156].

жен быть заменен и глава государства. Власть главы государства должна прекратиться в результате его отставки, болезни или смерти. Следовательно, она по времени не должна быть ограничена (147, с. 115). По существу Сент Абдулькадыр стоял за конституционную монархию. В целом вся работа Общества, оторванная от Курдистана в результате возникновения правительства в Анкаре, ограничилась по существу лишь некоторой политической деятельностью в Стамбуле. Часть членов Общества возрождения Курдистана, будучи недовольна умеренной позицией Сеита Абдулькадыра, вышла из Общества и основала организацию под названием «Курдское общество социальной ассоциации». В это Общество вошли Эмин Али-бей Бедирхани, Ферит-бей Бедирхани, Шюкрю-бей Бабан, Фуат-бей Бабан, Хикмет-бей Бабан, доктор Абдулла Джевдет-бей, доктор Шюкрю Мемет-бей, Кемаль Февзи-бей из Битлиса, Экрем-бей Джемиль-паша, Неджметтин Хюсейн-бей из Киркука, Моланзаде Рифат-бей и Мемдух Селим-бей. О создании нового курдского общества было сообщено комиссарам держав Антанты в Стамбуле. Журнал «Жин», издававшийся обществом «Хеви», стал выходить в качестве ежедневной газеты, отражающей взгляды Курдского общества социальной ассоциации.

В 1921 г. это Общество направило делегацию в составе Халиля Рахми-бея Бедирхани, Мустафа-паши Емлики-бея, Кемалья Февзи-бея, Рифат-бея Моланзаде в Ирак, чтобы они через Южный Курдистан перешли в Северный Курдистан. Однако английские оккупационные власти помешали членам этой делегации проехать через Ирак. Только Мустафа-паше разрешили поехать в Сулейманию (он был родом оттуда), где он стал министром просвещения в правительстве «королевства», созданного в тот период шейхом Махмудом. В 1922 г. в Стамбуле в здании Османского гражданского уложения состоялось последнее собрание членов Курдского общества социальной ассоциации, которое предложило руководящим членам этого общества покинуть Стамбул, поскольку больше не оставалось возможности для деятельности в этом городе (145, с. 106).

О деятельности Курдского общества социальной ассоциации напоминает созданный им трехцветный курдский флаг, который наверху имеет полосу красного цвета, в середине полосу белого цвета с изображе-

внем солнца, а снизу—полосу зеленого цвета. Обществу объявило его национальным флагом курдов.

В деятельности Курдского общества социальной активности активную роль играла Курдская национальная партия, созданная Неджметтином Хюсейн-беем, Мемдух-беем, Кемалем Февзи-беем, Азиз-беем Бабанзаде с целью осуществления национальной цели (145, с. 60).

Общество возрождения курдов, которое среди населения стало называться «курдским клубом», было создано по инициативе молодых членов общества «Хевин» в Диярбакыре. Для руководства обществом вначале под председательством Экрема Джемиль-паши было избрано правление, в которое вошли Джерджисзаде Керим-бей, Черхизаде Фикри-бей, Ганизаде Решат-бей, Джемиль-паша Омер-бей. В общество входили также такие видные курдские деятели, как Ганизаде Джевдет-бей и доктор Фуат-бей. Наряду с обсуждением политических вопросов Общество придавало важное значение обучению курдского населения родному языку, развитию его культуры. За короткое время Общество возрождения курдов открыло свои отделения во многих курдских городах. Только в Диярбакыре число членов общества превышало тысячу. С целью привлечь к руководству обществом видных курдских деятелей вскоре его правление подало в отставку. Состоялся съезд, который избрал председателем правления Джемиль-пашазаде Касым-бей, вторым председателем—доктора Ганизаде Джевдет-бей, казначеем—Джерджисзаде Керим-бей, советником председателя—Хамди-эфенди Ходжу и членами правления—Джемиль-пашу Омер-бей, Черхизаде Фикри-бей и Джемиль-пашу Экрем-бей. Общество имело комиссию по пропаганде, в которую входили адвокат Мухаммед-эфенди (Баве Тужо), Фейзи-эфендишаде Мухаммед-эфенди, Джемиль-бей, Алн-эфенди из Лидже.

В это время, за исключением Лютфю Хаджи Ибрагима-эфенди и его родственников—членов семейства Пиринчизаде, известных своей оппозицией к идее создания Курдистана, все жители Диярбакыра поддерживали Общество возрождения курдов (145, с. 47).

В этот период в восточных вилайетах Турции стал действовать и Комитет независимости Курдистана. Необходимо отметить, что в антитурецкое движение пришли не только массы курдского крестьянства, но и та-

кой элемент, как еще недавно верные султанскому режиму части нерегулярной курдской кошицы «хамидие».

Как известно, войска «хамидие» были созданы еще в конце XIX в. Абдул-Хамидом и представляли собой сводные войсковые аширетные (племенные) дружины курдских феодалов. Создавая «хамидие» и беря его под свой контроль, турецкое правительство рассчитывало использовать его в борьбе против армянского национального движения, в войне против России, а также лишить нарождавшееся курдское движение этой готовой военной силы. Первой своей цели оно по существу достигло—банды курдских феодалов особенно проявили себя в период организованных младотурками армянских погромов 1915 г. Что же касается двух других целей, то еще в ходе первой мировой войны ряд частей и соединений «хамидие», видя развал Османской империи, переходили на сторону русских войск, и часто поворачивали оружие против османского правительства, став, таким образом, активным фактором курдского движения.

Несмотря на заведомо феодально-реакционную сущность института «хамидие», кемалисты не ликвидировали его, надеясь использовать курдов в своих захватнических устремлениях. Основная масса войск «хамидие» была сосредоточена на «восточном фронте», командуемый которым Кязым Карабекир-паша намеревался использовать их в захватнической войне против дашнакской Армении, агрессии против народов Закавказья, а также в деле «усмирения» курдов. Однако в новых условиях он не мог достичь своих целей. Обманутые турецкими властями полки «хамидие» отказывались выполнять приказы и часто поднимали мятежи. Особенно активную роль в этот период сыграл полк, которым командовал Халит-бей Джибранлы.

Выходец из крупной курдской феодальной фамилии Джибранлы Халит-бей, окончив Аширетскую школу в Стамбуле, выделялся среди командного состава «хамидие» образованностью и военными способностями. Будучи еще молодым человеком он достиг звания полковника и командовал сперва полком, а затем дивизией войск «хамидие». Развал Османской империи и пробуждение курдского движения вместе с разговорами о его «поддержке» западными державами все бо-

лее убеждали Халит-бея в необходимости примкнуть к этому движению.

В 1920 г. Халит-бей Джибранлы и другие офицеры его полка начали усиленную пропаганду идей независимого Курдистана. В уездах (ильче) Варто, Карлюова, Малазгирт, Буланьк, Хыныс они вели переговоры с шейхами и вождями курдских племен с целью борьбы против решений Эрзрумского и Сивасского конгрессов, а также той статьи «Национального обета», которая предусматривала включение Турецкого Курдистана в состав Турции [128, с. 117—118]. Они считали, что настало время избавиться от турецкого господства, которое веками держало курдский народ в темноте и невежестве, лишая его самых элементарных прав. Вместе с тем они полагали, что в создавшихся условиях эти права можно завоевать путем повышения уровня национального самосознания, пропаганды идей освободительной борьбы, а также вооруженного восстания курдов. Поэтому курдские руководители начали вооружать приверженные им племена, советовали курдам ходить в своей национальной одежде, читать и писать по-курдски, а также распространяли произведения курдских политических деятелей и писателей, самого Халит-бея Джибранлы, Моллы Ахмеда Джезира, Ахмеда Хани и др.

В октябре 1920 г. в Эрзруме была создана тайная организация «Джемиети истикляли Курдистан» («Комитет независимости Курдистана»). Эта организация, как видно из ее названия, считала основной своей задачей завоевание независимости Курдистана. В Комитет независимости Курдистана вначале входили полковник Джибранлы Халит-бей, Али Риза-бей, Кемаль Февзи-бей¹ и некоторые другие деятели курдского движения. Председателем Комитета был избран Джибранлы Халит-бей [108, с. 242].

Подпольные организации этого комитета быстро распространились во всех курдских провинциях Тур-

¹ Кемаль Февзи (сын Рашида) родился в Битлисе, был одним из самых энергичных курдских патриотов. Он окончил военное училище, стал офицером, принимал участие в Балканской войне, был ранен и ушел в отставку. Кемаль Февзи в период правления султанского правительства печатал острые статьи в издававшихся обществом «Хеви» журналах «Жин» и «Рожа курд», в которых рассказывал о положении и устремлениях курдов [145, с. 99].

ции. Его руководители предпринимали большие усилия с целью установления тесной связи со всеми националистически настроенными главами и шейхами племен. Однако Комитет независимости Курдистана установил связи не только с представителями курдской феодальной верхушки, но и с курдскими студентами турецких учебных заведений, с офицерами, с государственными чиновниками курдской национальности. Он стал издавать публикации на курдском языке, в частности, брошюры и национальные песни [108, с. 244].

К тому времени благодаря пропаганде Комитету удалось привлечь на свою сторону свыше 80% всех курдов. [12, 10, VI. 1925].

По заявлению видного курдского деятеля, участника событий Хаккы-бея, в результате хорошо организованной службы связи Комитет независимости Курдистана был в курсе всех планов кемалистов в отношении курдов. В этом большая заслуга принадлежала курдским патриотам-студентам, офицерам и чиновникам турецких государственных учреждений [108, с. 244]. Вся деятельность Комитета была направлена на то, чтобы укрепить национальное самосознание курдов, разъяснить шовинистическую политику кемалистов в национальном вопросе, создать условия для завоевания прав курдам. Летом 1920 г. Халит-бей Джибранлы установил связи с членами Общества возрождения Курдистана в Стамбуле Абдулькадыром и Абдуррахманом Хаккярли. Через них он договорился с депутатами ВНСТ Юсуфом Зией и его сторонниками о том, что они будут добиваться независимости Курдистана посредством Лиги Наций. В то же время Халит-бей начал собирать письменные обращения курдских владельцев, шейхов и сельских старост районов Варто, Буланьк, Малазгирт, Хыныс, Карлыова, Солхан, Чапакчур с ходатайством перед Лигой Наций о предоставлении Курдистану независимости. Через Общество возрождения Курдистана эти обращения направлялись Мустафе Немруди и Шериф-паше в Лигу Наций.

Деятельность Халит-бея Джибранлы не осталась незамеченной. Чтобы оторвать его от курдского движения 19 августа 1920 г. Халит-бей был вызван в Эрзрум и назначен председателем комиссии Высшего совета (трибунала) армейского корпуса. Однако эта официальная должность в Эрзруме была хорошим прикрытием для тайной деятельности. Он укрепил сотрудниче-

ство с Обществом возрождения Курдистана и Юсуфом Зией, который за свою оппозиционную деятельность впоследствии был выведен из состава Великого национального собрания Турции (ВНСТ) и вместе с Халит-беем продолжал вести пропаганду за независимость.

Изучение различных материалов показывает, что после первой мировой войны в целом в курдском движении наметились пять основных течений, выражавших политические устремления различных курдских группировок.

Первое течение стояло за достижение полной независимости и самостоятельности Курдистана: руководители главным образом Комитета независимости Курдистана.

Второе—за внутреннюю автономию Курдистана в рамках турецкой государственности (часть Общества возрождения Курдистана).

Третье—за «независимость» Курдистана под протекторатом Ирана. В эту группу входили несколько влиятельных курдов, игравших известную роль в дипломатическом мире, во главе ее стоял Шериф-паша¹.

Четвертое—стояло за образование «независимого» Курдистана под покровительством англичан со своим флагом и курдским государственным языком (движение в Иракском Курдистане).

Пятое течение, проявившее себя особенно в период кемалистской революции, выступало за полное подчинение курдов Турции. К этому течению примыкали курды, состоявшие на дипломатической, военной и государственной службе, а также депутаты, отгуречившиеся политические деятели, игравшие важную роль в жизни Османской империи и новой Турции. Они прак-

¹ Шериф-паша — сын известного Саит-паши из яода в Сулеймани, который неоднократно занимал пост министра в правительстве Османской империи. Шериф-паша в период правления султана Абдул Хамида II работал в турецких посольствах в Берлине и Стокгольме. После прихода к власти комитета «Единение и прогресс» он стал издавать в Париже газету «Мешрутнет», направленную против младотурок [145, с. 166]. Шериф-паша был делегатом Турции на Версальском конгрессе; во время конференции он сложил с себя полномочия турецкого делегата и по предложению Общества возрождения Курдистана объявил себя представителем Курдистана. От имени курдов он представил мирной конференции два меморандума о требованиях курдов (22 марта 1919 г. и 1 марта 1920 г.) с картой «интегрального Курдистана». [96, с. 65].

тически оторвались от своего народа, потеряли с ним связь и, естественно, не могли отражать национальные устремления курдов.

Не останавливаясь подробно на различных течениях курдского движения этого периода, их лозунгах и требованиях, отметим, что идея освобождения от турецкого ига пустила глубокие корни, охватив почти все части Курдистана, представителей всех слоев курдского общества.

Все это свидетельствовало об обострении курдского вопроса в Турции, когда вслед за отпадением от Османской империи всех ее европейских и азиатских владений встал вопрос о судьбе курдских районов империи. К этому следует добавить и обострение проблемы о Западной (Турецкой) Армении. В этих условиях перед руководством новой Турции встала задача удержать то, что осталось от Османской империи. Речь шла не только об отпоре иностранной интервенции в собственно турецкие территории, но и удержать в рамках Турции Западную Армению и Северный Курдистан. Поэтому, едва только прибыв в Восточную Анатолию, Мустафа Кемаль-паша начал собирать силы для того, чтобы укрепить позицию турок в этом районе.

3. Антикемалистское выступление в Малатье (1919 г.)

Выражая интересы анатолийской буржуазии, а также руководствуясь идеологией турецкого национализма, Мустафа Кемаль и его окружение с первых дней пребывания в Анатолии повели непримиримую борьбу с деятельностью, которая не отвечала интересам турецкого национального движения. Поэтому борьба курдов за свои национальные права с самого начала встретила решительное противодействие со стороны кемалистов.

Так, 1 июня 1919 г., т. е. спустя примерно 10 дней после прибытия в Восточную Анатолию, Мустафа Кемаль направил губернаторам (вали) Диярбакыра, Эрзурума, Вана, Битлиса, Харпута¹, Сиваса и автономных уездов Эрзинджана и Кайсери шифрованную теле-

¹ Вилайет Харпут впоследствии назывался: Мамуретульазизом, Элязизом, а с 1930-х годов—Элязигом.

грамму (№ 44), в которой спрашивал, какие общества и организации функционируют в этих городах и кто их руководители.

В ответе губернатора Харпуга говорилось, что наряду с другими организациями в этом вилайете функционировало Общество возрождения курдов. А временно исполняющий обязанности губернатора писал: «...Курдское общество, созданное в Диярбакыре несколькими молодыми (в документе пропущено несколько слов), стало вести пропаганду за создание автономного Курдистана под английским протекторатом... и было распущено. Со стороны вали было возбуждено судебное преследование против виновников этих попыток, несовместимых с законом об обществах...».

Меры, предпринятые властями Диярбакыра, вызвали одобрение Мустафы Кемалья, и 15 июня 1919 г. из Амасьи он послал заместителю вали Диярбакыра шифрованную телеграмму следующего содержания:

«Всякое общество, которое пытается сеять в стране раскол, должно быть немедленно распущено. Следует немедленно также начать преследование всех агентов, которые в эти исторические дни... предпочитают вести жалкую жизнь рабов, отдаваясь под покровительство иностранных держав. Принятие таких мер настоятельно требует патриотический долг. Поэтому я вполне одобрил ваши меры в отношении курдского клуба» [113, т. III, с. 903—904].

Желая привлечь к участию в турецком национальном движении все больше сторонников, Мустафа Кемаль в шифрованной телеграмме от 18 июня 1919 г. на имя командующего 1-м корпусом в Эдирне писал, что якобы все население Анатолии «объединилось для спасения национальной независимости... Почти все вали и мютесарифы присоединились к этому решению... Пропаганда в пользу автономного Курдистана под английским протекторатом была прекращена. Сторонники этой идеи были устранены. Курды присоединились к туркам» [113, т. III, с. 910].

Справедливости ради следует заметить, что М. Кемаль имел определенное основание заявить о том, что «курды присоединились к туркам». Несмотря на то, что не все курдские лидеры поддерживали зарождавшееся турецкое освободительное движение, часть из них надеялась завоевать право на автономное разви-

тие с помощью турецких националистов. Вот почему некоторые из них приняли участие в Эрзурумском конгрессе, который проходил 10—23 июля 1919 г.

Наряду с другими обществами «защиты прав» в Эрзурумском конгрессе приняло участие Общество защиты национальных прав восточных вилайетов, в которое входили и курды.

Представители этого общества внесли на рассмотрение конгресса повестку дня, которая включала такие пункты, как 1) цели пропаганды в восточных вилайетах; 2) проблема тюркизма и курдизма; 3) различие в религии и др. [118, с. 73].

Содержание этих пунктов свидетельствует о том, что курдская проблема была предметом обсуждения на Эрзурумском конгрессе. Однако его решение и манифест показывают, что турецким националистам удалось избежать принятия конкретного предложения, касающегося прав курдов. Более того, они сумели принять такое решение, которое обязывало всех мусульман, в том числе и курдов, бороться против отторжения Западной Армении и Северного Курдистана от турецкой государственности.

Так, в манифесте, принятом на конгрессе, говорилось, что вилайеты Эрзурум, Сивас, Диярбакыр, Харпут, Битлис составляют единое целое, которое ни под каким предлогом не может быть отторгнуто от Османской империи или разделено.

Мусульмане, проживающие на этих территориях, принимают во внимание различные этнические и социальные особенности каждой из групп, из которых состоит нация; но в общем все эти мусульманские элементы рассматривают себя как братьев, рожденных от одних родителей [98, с. 381].

Такой панисламизм, подкрашенный пантюркизмом, нужен был турецким националистам в тот период для того, чтобы, играя на религиозных чувствах, сплотить вокруг себя мусульманские меньшинства (курды, черкесы, лазы и др.) и направить их против иностранной интервенции, а также против христианского населения страны, усилить религиозную вражду между национальными меньшинствами с тем, чтобы последовательно расправиться с отдельными антитурецкими выступлениями национальных меньшинств, в том числе и курдов.

В Представительный комитет (9 человек), избранный на Эрзурумском конгрессе, вошли три курда: шейх Февзи-эфенди, Садулла-эфенди, Хаджи Муса-бей.

Однако Представительный комитет ни разу не собрался. Дело в том, что М. Кемаль не доверял его составу и, в частности, его курдским представителям, которые, зная о позиции М. Кемалья в курдском вопросе, выражали сомнение относительно полезности его в работе Эрзурумского конгресса в качестве члена Общества защиты национальных прав восточных вилайетов, а также целесообразности избрания его председателем Представительного комитета.

Против участия М. Кемалья в работе Представительного комитета, в частности, выступили курдский лидер Омер Февзи-бей и его сторонники. Так, за два дня до закрытия Эрзурумского конгресса они заявили, что деятельность М. Кемалья в качестве члена Представительного комитета вызывает многие неудобства. Они говорили: «Нужно показать, что активность нации, о которой говорится на конгрессе, действительно исходит от народных масс и что эти массы действительно представляют единую нацию (подчеркнуто нами.—М. Г.) в полном смысле этого слова.

...Представительный комитет должен быть составлен из делегатов, избранных на местах от вилайетов и автономных санджаков. Только таким образом он сможет выявить единую национальную волю» [113, т. I, с. 68—69].

В свою очередь М. Кемаль не доверял членам Представительного комитета и пытался сосредоточить всю власть в своих руках. Вот что он говорил по этому поводу: «...разве можно было поручить работу, возложив ответственность за ее успешное выполнение какому-либо представительному органу, который состоял бы из случайных людей, таких, например, как шейх Накшбенди из Эрзинджана или вождь племени мотки, которые не имели никакого политического и военного опыта. Разве не было бы непоправимой ошибкой поручить им руководящую роль?...» [113, т. I, с. 70—71].

Тем не менее после Эрзурумского конгресса М. Кемаль, выступая против империалистических захватчиков и маневрируя в отношении султана и халифата, продолжал опираться на курдских вождей, ага и шейхов. При этом он широко использовал религиозную

идеологию панисламизма, стремясь привлечь на свою сторону курдские племена. И это в значительной мере ему удалось.

Идеологию панисламизма использовал не только М. Кемаль, но и другие руководители кемалистского движения, в частности, командующий 15-м корпусом, а позднее «восточным фронтом» Кязым Карабекир-паша.

По словам турецких авторов, в то время М. Кемаль уделял много времени изучению ислама. В связи с оккупацией Стамбула войсками держав Антанты он отправлял послания «исламскому миру», призывал созвать панисламистский конгресс в феврале 1921 г. [200, 1969, № 13, с. 3].

Выступая 1 мая 1920 г. в ВНСТ М. Кемаль просил депутатов не пользоваться термином «тюркизм». Далее он подчеркнул: «Прошу вас говорить не турки, а мусульмане и даже османы... Мы все связаны с халифатом» [144, с. 163].

Следовательно, чтобы привлечь на сторону кемалистской революции племена Курдистана или по крайней мере нейтрализовать их, была широко использована идеология панисламизма.

Еще в августе 1919 г. М. Кемаль направил некоторым видным курдским шейхам и вождям решение Эрзурумского конгресса, а также послание, в котором сообщал о «пронсках» армян и других «врагов», которые якобы хотят создать на территории Турции армянское государство, и призывал во имя ислама объединиться с целью защиты матери-родины.

Так, в послании одному из вождей курдского племени Абдуррахман-аге (из Ширнака) он писал: «Всеми миру известна ваша преданность халифату и султанату. Не менее очевидно также, что вы никогда не согласитесь с тем, чтобы священная земля вашей родины была попорана армянами. Посылаю вам некоторое количество экземпляров манифеста и решений, принятых Эрзурумским конгрессом.

Прошу немедленно приступить к организации национальных сил и энергичным образом положить конец предательским действиям наших противников. Веря в ваш патриотизм и в вашу преданность, остаюсь в ожидании результатов предпринятых вами мер» [113, т. III, с. 940].

10 августа 1919 г. М. Кемаль направил послание вождю племени мутки Хаджи Муса-бею. В нем говори-

лось: «Милостивый государь, я постоянно вспоминаю о тех узах сердечной дружбы, которые при весьма тяжелых обстоятельствах завязались между нами во время моего командования второй армией. Все патриоты признают и высоко ценят вашу преданность, равно как и выдающиеся услуги, оказанные вами родине, нации и правительству.

С похвалой и признательностью мы постоянно вспоминаем о той ценной помощи, которую вы неоднократно оказывали армии при обратном взятии нами Битлиса, так же как и вашу энергию в деле защиты района Мутки от неприятеля... Наши враги стремятся сейчас расчленить нашу страну и поработить нашу нацию, которая в течение веков пролила столько крови за ислам, лишит ее суверенных прав и независимости. Они стремятся к тому, чтобы на территории нашей матери-отчизны, наследии наших предков, создать Армению...

В Эрзуруме некоторое время тому назад был созван конгресс с целью объединения национальных деятелей и слияния отдельных обществ, о которых я выше упомянул, а также с целью выработки мер по борьбе с неприятелем, который стремится напасть на нас. Поскольку наш брат Джелал-бей ознакомит вас с прениями, бывшими на этом конгрессе, и решениями, им принятыми, я считаю излишним здесь на этом останавливаться. Отмечу лишь то, что конгресс избрал Представительный комитет, с целью доказать как вне, так и внутри страны, существующее среди всех нас единство в деле борьбы за нашу независимость и неприкосновенность нашей родины. Вы также единогласно избраны членом этого Представительного комитета, в который вхожу я и наш брат Реуф-бей, бывший министр, герой крейсера «Хамидиэ». Вы, конечно, понимаете, что я испытываю огромное удовлетворение в том, что мне представляется возможность работать рука об руку для счастья и спасения родины с такими сотрудниками. Наш брат Джелал-бей привезет вам резолюции конгресса. Прошу вас действовать в соответствии с ними и шире развернуть работу наших организаций, не допуская чьего бы то ни было вмешательства или противодействия в этом районе. Надеюсь, что гражданские и военные власти последуют вашему примеру в нашем деле спасения священной нашей нации. Тем не менее, в случае, если бы они заняли враждебную позицию, то

благОВОЛИТЕ указать им на решение нации и ее суверенные права.

По примеру Эрзурумского конгресса в Сивасе скоро соберется новый всеобщий конгресс, который будет составлен из делегатов всей страны. Через несколько дней я аведу в Сивас специально для участия в этом конгрессе. По окончании я вернусь в Эрзурум, где, надеюсь, буду иметь честь повидаться с вами. Я знаю, что ваши дела препятствуют нашему приезду сюда на более продолжительное время, но я твердо убежден, что частично пожертвуете ими для оказания важной услуги нации. Во всяком случае этот вопрос мы еще обсудим и примем по поводу него решение, как только увидимся. Искренне желая спасения страны и нации, шлю вам мои сердечные приветы». [98, с. 231—238].

Аналогичные телеграммы были посланы шейху Абдульбаки-эфенди Кюфревизаде (из Битлиса), Омер-аге (из Дершева), Ресул-аге (из Мушаса), Саддуле-эфенди (бывшему депутату), шейху Махмуду-эфенди, шейху Зияэттин-эфенди (из Нуршина), Джемилю Четобю (вождю племени в Гарзане).

Некоторые курдские руководители откликнулись на призыв М. Кемалю. Из разных районов Курдистана стали поступать телеграммы и письма, в которых говорилось о верности халифату и султанату, дружбе турецкого и курдского народов. Так, депутат Бекир Сыткы-бей сообщал, что население Диярбакыра, состоящее в большинстве своем из турок и курдов, ни в коем случае не желает отделиться от исламского общества [129, с. 81].

Телеграммы подобного содержания последовали и из некоторых других мест Курдистана.

В результате успешной пропаганды идеологии панисламизма вожди некоторых курдских племен стали на сторону М. Кемалю, который в их глазах боролся за освобождение султана, халифа и ислама. Отлично большинство указанных выше курдских вождей одобряло политику, которая игнорировала национальные интересы курдов. В период зарождения и развития освободительной борьбы народов развалившейся Османской империи доктрина панисламизма изживала себя, она не могла успешно играть роль объединяющей силы мусульманских народов. Нетурецкие народы, бывшие подданные империи, как

и турецкий народ, поднимались на борьбу за свое национальное освобождение. Об этом свидетельствовали события в курдских вилайетах во время Сивасского конгресса и после него.

Конгресс Общества защиты прав Анатолии и Румелии в Сивасе состоялся 4—12 сентября 1919 г.

Манифест, принятый кемалистами на Сивасском конгрессе 11 сентября 1919 г., имел в основном антиимпериалистическую направленность. Однако он был пронизан националистическим духом, игнорирующим права национальных меньшинств, в том числе курдов. В этом документе говорилось: «Территория Османской империи, населенная в подавляющем большинстве мусульманами, которая с 30 октября 1918 г., то есть со дня подписания акта о перемирии, заключенного между Османской империей и державами Антанты¹, осталась в пределах наших границ, составляет единое целое, ни одна часть которого не может быть отчуждена ни под каким предлогом и ни каким-либо образом от Османского государства» (ст. 1) [118, с. 127].

Решения Эрзурумского и Сивасского конгрессов легли в основу Национального обета, принятого в январе 1920 г. Стамбульским парламентом, большинство депутатов которого выражали интересы кемалистов.

В первой статье Национального обета говорилось, что части Османской империи, расположенные по обе стороны линии, установленной мудросским перемирием, обитаемые в большинстве турецким и мусульманским населением, соединенным религиозными и культурными узами и стремящимся к единой цели, составляют одно целое, которое не терпит под каким бы то ни было предлогом ни фактического, ни юридического разъединения (ст. 1) [134, с. 52].

Принципы, изложенные в Национальном обете, легли в основу деятельности турецких националистов, о чем заявил М. Кемаль в одной из своих программных речей 1 марта 1922 г.

«Как в нашей внутренней, так и во внешней политике,—говорил он,—наша основная линия поведения—параграфы Национального обета» [114, с. 229].

Решения Эрзурумского и Сивасского конгрессов, а

¹ Имеется в виду Мудросское перемирие, которое было заключено 30 октября 1918 г. на борту английского корабля «Агамемнон» в порту Мудрос (остров Лемнос).

также принятие Национального обета означали, что кемалисты не обещают предоставить курдам автономии в рамках новой Турции, не признают за ними национальных прав, пытаются использовать их освободительные устремления в интересах турецкого национального движения, используя при этом лозунги «единства» религии, культуры, цели. Подобная политика кемалистов не только не содействовала решению курдской проблемы, но и явилась одной из главных причин начала курдских выступлений в новейшее время.

Первым серьезным выступлением курдов в рассматриваемый период следует считать восстание в Малатье¹ летом 1919 г.

В подготовке восстания приняли участие некоторые члены Общества возрождения Курдистана, а также английский майор Ноэль², который Мирной конференцией в Париже был официально направлен в Турцию для установления численности курдского и армянского населения Восточной Анатолии [126, с 124].

Представляют интерес в этой связи следующие донесения, посланные в 1919 г. английским агентом на Ближнем Востоке в министерство иностранных дел Великобритании.

«...Беседовал с Абдулькадыром и с некоторыми ему подобными,—говорилось в одном из донесений,—предложил им поехать в Курдистан и использовать там свое влияние. Чтобы повлиять на них, я был вынужден, может быть пять раз повторить, что и мы пытаемся обмануть турок. Вместе с тем нельзя особенно доверять курдам. Цель правительства его величества—как можно больше ослабить турок, поднять курдов на эти действия—не плохой план».

В другом донесении отмечалось «...Курды пока еще не поднялись против Мустафы Кемалю, но Ноэль на-

¹ Санджак Малатья г с ил в состав вилайета Мамуретуль-аиз (Харут). В нем проявляло несколько курдских племен, например, племя атма, состоявшее из 12 родов. В противоположность курдам Дерсима, курды района Малатья являлись по своей религии главным образом суннитами. Они, как и курды Дерсима, в значительной мере сохраняли свою независимость, и турецкому правительству не удавалось полностью подчинить их своей власти.

² Майор Ноэль—английский политический агент в Курдистане. Родился в 1886 г. Окончил королевскую военную академию в Вулвиче. После Мудросского перемирия занимался активной антитурецкой пропагандой среди курдских племен Малатьи и Диярбакыра. [98, с. 448—449].

деется, что ему удастся сделать это...» (1919) [149, с. 202].

Эти документы, а также встречи майора Ноэля с курдскими руководителями в Малатье свидетельствуют о том, что английские колонизаторы пытались использовать освободительные устремления курдов в своих империалистических целях.

Летом 1919 г. в Малатью прибыли майор Ноэль, представители курдского рода Бедирхани Кямуран Али¹, Джелядет-бей², а также Джемиль-пашазаде Экрем-бей (из Диярбакыра), которых сопровождали 15 курдских всадников. Ноэль был принят в Малатье самим мютесаррифом Халиль Рахми-беем Бедирханом³. Одновременно с Ноэлем в Малатью, под предлогом преследования бандитов, совершавших налеты на почтовые перевозки, прибыл и вали Элязиза (Харпута) Али Галиб-бей.

В то же время мютесарриф Халиль Рахми-бей вызвал в Малатью некоторых представителей курдских племен. Все указывало на то, что готовится антитурецкое восстание. Очевидно в то время и состоялся конгресс курдских руководителей в местечке Широ (примерно 20 км от Малатьи) в 1919 г., на котором Халиль Рахми-бей от имени Комитета защиты прав курдов провозгласил основные принципы независимого Курдистана, которые в форме послания были направ-

¹ Кямуран Али Бедирхани — выходец из известной курдской семьи Бедирхани. Абдул Хамид II, стремясь парализовать влияние представителей этой семьи на население Курдистана, держал их всех в Стамбуле и не разрешал им возвращаться на родину. После Мудросского перемирия Кямуран Али принимал активное участие в курдском движении (его статьи помещались в курдской газете «Сербести»). В ноябре 1918 г. газета «Сербести» поместила открытое письмо Кямурана Али, адресованное всем турецким газетам, в котором он выражал надежду, что турецкая пресса в благодарность за те услуги, которые курды оказывали Османской империи, будет защищать интересы курдского народа. В этом письме он высказался за создание курдского государства. Он — один из основателей курдского комитета «Хойбун», был директором Национальной школы живых восточных языков в Париже [98, с. 444; 126, с. 255].

² Джелядет-бей Бедирхани (брат Кямурана Али) — впоследствии видный курдский ученый, член комитета «Хойбун».

³ Халиль Рахми-бей Бедирхани дядя Кямурана Али, в 1924 г. был выслан за пределы Турции. На конгрессе, состоявшемся в Широ, он был провозглашен курдскими шейхами правителем Курдистана.

лены некоторым курдским вождям. «Курды,—говорилось в послании,—приговоренные на убогую жизнь в результате притеснений со стороны чиновников турецкого правительства в Курдистане, сейчас с живейшей радостью приветствуют пробивший для них час национального освобождения. С сегодняшнего дня население Курдистана не знает больше цепей рабства.

Турецкие законы, служившие до сих пор орудием преступлений и притеснений, не будут больше соблюдаться в пределах национальной территории, имеющей целью обеспечить благополучие курдского народа путем его экономического, социального и духовного развития, займется главным образом мерами, которые позволяют реализовать эту цель. Вскоре будет созвано конституционное собрание в соответствии с новой эрой, которая открывается в истории Курдистана. А пока предлагается руководствоваться нижеследующим решением: а) суды в их нынешней форме могут функционировать еще некоторое время; б) полиция, жандармерия и войска остаются под моим командованием; в) в моих руках—все оружие, военные материалы, обмундирование, которые были посланы правительством для войск, призванных подавлять борьбу в Курдистане; г) будет провозглашена общая амнистия; д) немедленно уберите портреты Талаата, Энвера и Джемала, а также «тугра» (монограммы султана), вывешанные в общественных зданиях и школах; е) пока не будут преподавать курдские учителя, школы должны закрыть свои двери» [202, 3. III. 1925].

О готовившемся восстании М. Кемаль узнал еще в начале июля 1919 г. Он предписал командующему 13-м корпусом в Диярбакыре, а также мютесаррифу Джаника (Самсун) организовать слежку за курдскими деятелями, которые выехали из Стамбула в Малатью и арестовать их по приезде, избегая при этом всякого шума. Однако курдские лидеры не были арестованы ни в дороге, ни в Малатье: на это не решились местные командиры регулярных войск.

Узнав об антитурецкой деятельности в Малатье, а также стремясь воспрепятствовать присоединению дерсимских курдов к повстанцам Малатьи, М. Кемаль передал губернатору Сиваса Решит-паше распоряжение—привести к нему курдских лидеров, которые вели пропаганду в пользу создания курдской государственности. На встречу с М. Кемалем прибыл лишь Али-

шан-бей (представитель курдского племени кочкири, начальник уезда Умрание). Встреча эта состоялась в Сивасе в сентябре 1919 г. М. Кемаль заявил тогда Алишан-бею, что, хотя и знает о деятельности членов Общества возрождения Курдистана, но желает об этом еще раз услышать лично.

Тогда представитель курдов заметил, что в соответствии с принципами президента США Вильсона восточные вилайеты предоставляются Армении и тем самым не принимаются во внимание права курдов. Поэтому курды имеют одну цель — в вилайетах с курдским большинством создать автономный Курдистан под покровительством османского султаната.

В ответ на это М. Кемаль заявил, что принципы Вильсона не имеют никакой силы и предложил курдским лидерам сотрудничать с ним в качестве представителей Дерсима. Далее он добавил, что ему стало известно о том, что в соответствии с директивами члена султанского сената Сента Абдулькадира, они осуществляют деятельность по созданию курдских организаций. При этом он добавил, что получил от Кязима Карабекира-паши телеграмму, в которой сообщается, что английский шпион майор Ноэль вместе с представителями курдских семейств Бедирхани и Джемиль-пашазаде прибыл в Малатю и совместно с губернатором Элязиза готовит наступление курдских племен на Сивас, где проходит конгресс националистов.

В заключении М. Кемаль выразил уверенность, что курдские вожди Дерсима не поддержат эти планы султанского правительства Ферит-паши, так как на Эрзурумском конгрессе якобы все курдские представители заверили его в своей поддержке и потому лично он представляет восточные вилайеты [126, с. 122—129].

На этом беседа закончилась.

Вступая в переговоры с отдельными курдскими лидерами, М. Кемаль имел целью не допустить их присоединения к курдам Малаты.

Наряду с этим кемалисты стали предпринимать военные меры. На подавление курдского движения были направлены турецкие части. По приказу М. Кемалья 9 сентября 1919 г. командир 15-го полка (гарнизон Элязиг) Ильяс-бей выехал с 52 солдатами на мулах и двумя пулеметами в Малатю. В тот же день в Малатю направились два кавалерийских эскадрона из Элязига, один эскадрон из Сиверека, а также

несколько офицеров в автомобиле из Сиваса. Узнав о приближении турецких войск, курдские руководители бежали в Кяхту, где стали готовиться к выступлению.

Надо полагать, что М. Кемаль был хорошо осведомлен об этом, и не случайно, что если в начале июля 1919 г. он требовал, задерживая курдских лидеров, «избегать шума», то 10 сентября приказал догнать и схватить их. Одновременно с этим он предписал «предпринять меры к тому, чтобы лишить сепаратистское движение какой бы то ни было помощи; мугасарифом Малатьи назначить начальника жандармерии Тевфик-бея, а на пост вали Элязига—турецкого патриота; в целях предотвращения каких бы то ни было акций, направленных против родины и нации, полностью взять под свое командование все правительственные войска в Малатье и Элязиге; повсеместно довести до сведения, что всякий, кто присоединится к бежавшим, будет строго наказан...; учитывая, что нам вероятно придется вести операции против иностранных войск, угрожающих нашему национальному существованию, доложить мне о существенных в этом направлении приготовлениях и принятых мерах» (113, т. 1, с. 122. 125—126).

Не рискуя действовать активно, командиры частей, однако, внимательно следили за курдскими лидерами. Так, тот же Ильяс-бей в ночь с 11 на 12 сентября послал от своего имени, а также от имени командиров других войсковых частей в Малатье телеграмму, в которой докладывал, что в Рака (в пяти часах пути от Малатьи) собираются курды и что мугесарриф Халиль Рахми-бей и его сторонники также находятся здесь, а соседние курдские племена (вплоть до Сиве-река) и даже племена Дерсима намереваются прибыть туда во имя курдского дела [113, т. 1, с. 133—134].

Не получив поддержки соседних племен, курды Малатьи рассеялись. Английский майор Ноэль покинул Анатолию через Эльбистан. Остальные участники курдского выступления скрылись в разных районах.

Участие Ноэля в событиях в Малатье, как мы уже отмечали выше, показывает, что английские колонизаторы пытались использовать недовольство курдов в своих империалистических целях. Однако не следует думать, что это выступление курдов является делом рук англичан. Представляет в этой связи интерес соображение, которое, ссылаясь на курдские источники,

приводят зарубежные авторы в своих работах. Они пишут, что, когда курды собрались в Кяхте, чтобы организовать выступление против кемалистов, руководитель «Интеллидженс сервис» в Халебе, полковник Бэлл, действуя от имени своего правительства, хотел отговорить курдов от выступления, заверяя их от имени союзников, что национальные стремления курдов будут приняты во внимание. Имелся уже в виду Севрский договор [100, с. 292].

Трудно проверить, в какой мере этот факт соответствует действительности. Однако одно ясно, что в новой исторической обстановке, когда под влиянием идей Великого Октября угнетаемые народы поднимались на борьбу за свое национальное освобождение, колониальные державы наряду с репрессиями предпринимали показательные меры с целью подчинить эту борьбу своим империалистическим целям.

Неудача первого антикемалистского выступления курдов не означала, что кемалисты покончили с курдским движением. В свете рассмотренных выше фактов игнорирования ими национальных чаяний курдов нетрудно понять, что курдское движение должно было нарастать по мере того, как будет обнажаться суть национальной политики кемалистов. Во всяком случае курдское движение этого периода представляло собой столь серьезный фактор, что нашло международное признание. Речь идет о признании национальных прав курдов Севрским договором, заключенным 10 августа 1920 г. Он был навязан союзниками султанскому правительству в Стамбуле. Хотя этот договор никогда не вступал в силу, однако его положения чрезвычайно показательны не только в определении политики западных держав на Ближнем Востоке, но и в определении места и уровня освободительного движения курдов, которое уже нельзя было игнорировать.

Рассмотрим статьи этого договора, касающегося Курдистана. Так, ст. 62 предусматривала установление в пределах Турции автономных областей, населенных преимущественно курдами, согласно плану, который должны были выработать представители Англии, Франции и Италии; статья 63 обязывала Турцию в трехмесячный срок провести в жизнь автономию по плану, предложенному ей комиссией; статья 64 предусматривала возможность обращения курдов в Совет Лиги Наций с требованием предоставления им независимости

от Турции. Совет мог согласиться на это требование, которое должно было быть затем признано Турцией, причем это должно быть облачено в форму особого соглашения между Турцией и главными союзными державами. Последний абзац статьи касался Мосуля. В нем говорилось, что когда Турция откажется от курдских областей, главные союзные державы не будут возражать против добровольного присоединения к созданному независимому курдскому государству также курдов, населяющих часть Курдистана, которая до сих пор включалась в Мосульский вилайет [26, с. 24—25].

Как видно, Севрский договор предусматривал создание вначале в пределах Турции автономного Курдистана с правом превращения его через год в независимый Курдистан с добровольным присоединением к нему курдов Мосульского района.

Говоря о значении Севрского договора для курдов, В. Никитин пишет: «Хотя Севрский договор остался только на бумаге, тем не менее он ознаменовал собой важный поворот в развитии курдской проблемы. Впервые в истории в дипломатическом документе подвергся рассмотрению... вопрос «местной» автономии района сплошного расселения курдов. С этого времени международное значение курдской проблемы не вызвало более сомнений» [100, т. 292].

Представляет интерес постановление Севрского договора о возможности присоединения к Курдистану Мосульского района. Оно показывало, что западные державы, стремившиеся использовать курдское движение в Турции в своих целях, охотно соглашались на включение Мосульского вилайета в курдское государство, которое должно было выделиться из пределов Турции.

Более того, они считали возможным и необходимым, чтобы это присоединение имело добровольный характер, т. е. базировалось на волеизъявлении самого населения Мосульского вилайета, иначе говоря на принципе плебисцита. Однако впоследствии Англия отказалась от идеи плебисцита, поскольку ее исход мог повредить ее интересам.

В лагере империалистов не было единодушного мнения о курдской проблеме. Дело в том, что курдская проблема для них была тесно связана с мосульской нефтью, к которой тянулись англичане, французы и американцы.

Как известно, по соглашению Сайкс-Пико, заключенному во время первой мировой войны (1916), Мосул должен был отойти к Франции [23, с. 40—42]. Но затем англичане сами захватили Мосул и согласились уступить Франции лишь 25% мосульской нефти. Французские колонизаторы чувствовали себя обиженными и не прочь были перерешить вопрос с помощью курдов в свою пользу. Поэтому они пытались вести собственную «курдскую политику». Американцы тоже не стояли в стороне от мосульской нефти и связанного с ней курдского вопроса. Вся спекуляция курдским вопросом в тот период была прекращена победами кемалистов над греческими интервенционистскими войсками.

Все это не меняет империалистического характера как Севрского договора в целом, так и «курдской политики» империалистических держав. Дело было не в том, что они хотели предоставить курдам независимость, а в их стремлении использовать национальные чаяния курдов в своих захватнических целях. Это видно из того, в частности, что, захватив Южный (Иракский) Курдистан, англичане давили там курдское движение и не признавали прав иракских курдов на независимость. Но одновременно они «поддерживали» курдское движение в Турции, стремясь таким путем оказывать давление на кемалистов для очередных уступок. Отсюда неудивительно, что чем дальше кемалисты двигались вправо, заигрывая с империалистами, тем быстрее они «забывали» о национальных интересах курдов и Севрокий договор. Именно поэтому, когда на Лозаннской конференции турки согласились уступить Англии Мосульский вилайет и когда таким образом были удовлетворены аппетиты английских и других нефтяных монополий, Севрский договор был предан забвению, хотя империалистические разведки и после этого не прекращали своих провокаций вокруг курдского вопроса и национального движения курдов.

Нельзя в связи с этим не отметить две стороны курдского вопроса: объективную и субъективную. Объективным в нем является национальный характер курдского движения, а субъективным—стремление империалистических разведок использовать это движение в своих целях [81, с. 18]. Несмотря на переплетение этих двух тенденций, первичным, следовательно, ос-

новным в курдском вопросе в Турции является борьба угнетенной нации за независимость. Начавшись еще в младотурецкое время, эта борьба продолжалась и в кемалистской Турции; она была вызвана главным образом националистической политикой турецких правящих кругов, игнорировавших национальные интересы курдского народа. Отсюда неудивительно, что антитурецкие выступления курдов продолжались в различных частях Турецкого Курдистана и в последующие годы.

4. Движение курдов в районе Кочкири—Дерсим (1920—1921 гг.)

В то время как Комитет независимости Курдистана разрабатывал планы вооруженного восстания, бывшие члены Общества возрождения Курдистана, а также другие курдские лидеры готовили антитурецкое выступление в районе Кочкири—Дерсим¹. Следует отметить, что выбор этого района был неслучайным. Дело в том, что,—как отмечал М. В. Фрунзе,—дерсимские курды исповедуют али-илляхизм и в отличие от других курдов, «правоверных», именуются кызылбашами—и «настоящие правоверные мусульмане относятся к ним с презрением, тем более, что имеют относительно их верований самые смутные и легендарные сведения. Вообще до последнего времени их держат в загоне...» Далее он подчеркивал: «Что касается аширатных курдов кызылбашей, то они никакой службы не несли и являлись всегда наименее надежными с государственно-турецкой точки зрения элементом Анато-

¹ Дерсим—малодоступная горная область, расположенная на высоте 2000 м над уровнем моря в западной части Турецкого Курдистана, между двумя верхними рукавами Евфрата. Курды Дерсима отличаются от остального курдского населения не только своим наречием «заза», но и религией. В то время как большинство курдов являются суннитами шафиитского толка, курды этого района исповедуют религию «али илляхи», которая представляет собой смешение и наложение различных религий: мусульманства, древнеиранской религии и даже христианства. Последователей «али илляхи» называют также кызылбашами. Различие религии, языка и главное малодоступность дерсимских гор способствовали резкой обособленности этого района от остальных областей Османской империи, что привело почти к полной независимости курдов Дерсима от власти султанского правительства [98, с. 394].

лии. Это же положение продолжают они занимать и теперь. Они не только не служат в войсках, но и причиняют правительству большие хлопоты рядом повстанческих вспышек...» [105, с. 300].

В начале 1920 г. в текке Хюсейн Аптала в волости Йеллидже (уезд Кангал) состоялось важное собрание курдских представителей, в котором приняли участие главы племен джанбеган, курмешан и другие. Участники собрания единодушно дали клятву начать вооруженную борьбу во имя курдского дела.

В соответствии с решением собрания курды стали собирать оружие в близлежащих районах. В центр движения приходили сообщения о том, что хорошо организованные курдские силы Западного Дерсима численностью в 45 тыс. человек готовы выступить и поддержать движение курдов Восточного Дерсима, что в Элязиге создан филиал Общества возрождения Курдистана и что во всех уголках Курдистана успешно развивается национальное движение [126, с. 126].

В июле 1920 г. курдские отряды во главе с Мисто атаковали военные посты в уезде Зара (вилайет Сивас) и захватили в плен турецких солдат и офицеров. В конце июля того же года отставной жандармский офицер и глава племени Мадан Пашо со значительными силами захватили Рефахие (уездный центр вилайета Эрзинджан) и официально провозгласил себя командующим местными курдскими отрядами [126, с. 127].

В обстановке непрерывных выступлений против властей Анкары Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) стало принимать законодательные акты, которые должны были карать всякие выступления против кемалистов.

Так, 29 апреля 1920 г. ВНСТ приняло «закон о преступлениях и измене родине» (Закон № 2). В нем говорилось:

Те, кто совершает мятеж и побуждает к нему других действиями, словами, или враждебными выступлениями в печати и подстрекательскими действиями в отношении законной власти Великого национального собрания, созданного для освобождения халифата, султаната и территории от иностранцев и отражения неприятельских нападений, считаются изменниками (ст. 1); лица, совершившие против родины преступления, приговариваются к смертной казни через повешение (ст. 2) [35, т. I, с. 4—5]. Этот закон широко при-

менялся в отношении курдских повстанцев. Однако правители в Анкаре считали его недостаточным, поэтому 11 сентября 1920 г. ВНСТ приняло закон № 21 о дезертирах. Согласно этому закону, учреждались суды независимости, состоявшие из членов ВНСТ, которые должны были судить в соответствии с положениями гражданских и военных законов и в случае надобности выполнять незамедлительно всякие иные карательные функции по отношению к военнослужащим, дезертирам, а также к тем, кто содействовал их дезертирству (ст. 1); приговоры судов независимости были окончательны и все военные и гражданские власти обязывались выполнять их [35, т. I, с. 61]. В дальнейшем компетенции судов независимости были значительно расширены. Наряду с карательными мерами кемалисты использовали различные «мирные» методы с целью ослабления курдского движения. Так, анкарские власти назначили вождя влиятельного племени кочкири¹ Алишана заместителем каймакама Рефахие, а его брата Хайдара—каймаком Умрание (вилайет Сивас). Тем не менее Алишан с некоторыми курдскими вождями выехал в Хозат (Дерсим). Здесь в ноябре 1920 г. с участием курдских лидеров Хозата и Чемишкезека состоялось общее собрание, которое приняло решение объединить усилия с целью завоевания национальных прав. В соответствии с этим решением 15 ноября анкарскому правительству было направлено следующее послание:

срочно ответить дерсимцам, каковы взгляды правительства Анкары об автономии управления Курдистана; немедленно освободить всех курдов, заключенных в тюрьмы Элязига, Малатья, Сиваса и Эрзинджана; отозвать из районов с курдским большинством всех турецких чиновников; срочно отозвать турецкие войска из района Кочкири [126, с. 127—129]. В ответ на это послание анкарское правительство направило из Элязига в Дерсим делегацию, которая, признав справедливыми требования курдов, советовала им воздержаться от выступления. Однако курдские руководители прогнали этих советчиков и через губернатора Элязи-

¹ Курдское племя кочкири исповедовало кызылбашество. Ему принадлежало 135 деревень в уездах Зара, Кангал, Куручай. Оно насчитывало около 10 тыс. человек и имело примерно 2 тыс. винтовок и ружей. [см. 136, с. 151—152].

га 25 ноября 1920 г. направили в ВНСТ за подписью вождей племен Западного Дерсима телеграмму, в которой они требовали создания независимого Курдистана, в соответствии с Севрским договором и заявили, что «в противном случае мы будем вынуждены завоевать это право силой оружия» [126, с. 127—129].

На эту телеграмму дерсимцы не получили письменного ответа. Однако для того, чтобы обмануть курдов и выиграть время, анкарские власти через губернатора Элязига передали курдским лидерам свое согласие удовлетворить их требования и в то же время начали военные действия против курдского движения в районе Сиваса.

Одновременно с этим они развернули работу, имевшую целью привлечь на свою сторону видных курдских вождей. Так, губернатор Элязига от имени Мустафы Кемалю объявил заявление, в котором сообщал, что курдские вожди Мечо-ага и Дияп-ага назначены депутатами ВНСТ от Дерсима, что со всех районов Курдистана в Анкару прибывают курдские представители, что в целом требования курдов будут удовлетворены [126, с. 130].

Кроме того, кемалисты назначили еще несколько депутатов в ВНСТ от Дерсима; в том числе Мустафу Зекки-бея, Ремиз-бея, Абдульхака Тевфик-бея [148, с. 538—539], Хасана Хайри-бея¹.

Поверив обещаниям кемалистов, эти так называемые депутаты Дерсима выехали в Анкару и стали орудием в руках М. Кемалю в деле подавления курдского движения в Дерсиме.

Несмотря на соглашательскую политику некоторых курдских лидеров, движение в Дерсиме не прекращалось, и Дерсим фактически не подчинялся турецким властям. Здесь власть по существу находилась в руках видного курдского деятеля Сеита Ризы, который, не возражая в принципе против сотрудничества с кемалистами, требовал удовлетворения национальных прав курдов в рамках единого федерального государства.

¹ Характерная деталь, когда М. Кемаль во время первой мировой войны находился в Диярбакыре, он, чтобы привлечь на свою сторону курдов, создал при своем штабе курдскую роту в национальной одежде под командованием Хасана Хайри-бея. В этой роте приказы отдавались на курдском языке. Это было впервые в истории турецкой армии. Впоследствии по приказу М. Кемалю Хасан Хайри-бей был казнен турецкими властями [120, с. 5].

Эти требования, конечно, не соответствовали интересам кемалистов, и к весне 1921 г. сбросив маску «друзей» курдов, они потребовали от курдских национальных отрядов прекратить сопротивление и сдаться, пригрозив при этом, что в противном случае будет дан приказ об уничтожении всех курдских поселений. Чтобы припугнуть курдов, 4 марта 1921 г. командир полка в этом районе полковник Халис-бей арестовал нескольких курдских деятелей в Умрание и под конвоем усиленной роты отправил по дороге в Зара. Однако, узнав об этом, курдский отряд местечка Языхаджи встретил турецкий конвой, разгромил его и освободил арестованных [136, с. 156]. Этот небольшой эпизод практически означал начало военных действий между кемалистами и курдскими национальными силами.

Разгромив турецкий конвой, курды потребовали от полковника Халиса немедленно, без всяких условий сдать полк [126, с. 165], в противном случае вся ответственность за последствия возлагалась на него. Турецкий офицер отклонил это требование, но заявил, что просит разрешить полку вернуться в Сивас. Получив отказ, курды отрядов Махмуда-бея, Азамат-бея и Ашки-бея 6 марта 1921 г. окружили Умрание. Все население этого района помогало повстанцам. После боя, который продолжался сутки, турецкий полк был вынужден сдаться. Специально созданный курдский военный трибунал приговорил полковника Халиса к смерти, и он был расстрелян в центре Умрание, где был вывешен флаг Курдистана.

В результате разгрома турецкого полка курды захватили большое количество оружия, военного снаряжения, а также больше тысячи лошадей и значительное количество мулов. Специально созданная комиссия выдала пленным турецким офицерам и солдатам соответствующие документы и освободила их. Вместе с тем курдам и черкесам, служившим в турецком полку, было разрешено вступать в отряды курдских вооруженных сил. Эти события вызвали широкий отклик во всех уголках Курдистана. Вслед за Умрание восстали курды Кочкири, которые вместе с прибывшим к ним на помощь отрядом дерсимских курдов из племен Оваджика 8 марта 1921 г. освободили свой район от турок. Курдские вооруженные формирования подавили сопротивление турок в Кемахе и взяли в плен каймакама и командира жандармских войск. После этого они

отремонтировали Чертов мост через реку Евфрат, вступили в уезд Куручай, арестовали представителей турецких властей и привели их в Умрание для предания суду. В результате этих действий курды заняли уезды Кангал, Кочхисар, Дивриги, Зара, Рефахие, Куручай и Кемах.

По данным турецкого автора Али Кемали, восстание охватило район площадью около 15 тыс. кв. км. Против турок сражались 15 курдских отрядов, каждый из которых насчитывал от 100 до 1500 воинов. Всего курдские вооруженные формирования насчитывали более 6000 человек [136, с. 163].

Имея такую силу и добившись немалых успехов, лидеры курдских повстанцев 11 марта 1921 г. направили председателю ВНСТ телеграмму, в которой требовали создать отдельный вилайет из уездов Кочкири, Дивриги, Рефахие, Куручай и Кемах, большинство населения которых составляют курды, назначить его губернатором местного курда. Несмотря, однако, на более чем умеренный характер этих требований, анкарское правительство отказалось рассмотреть их и удовлетворить.

Вместо этого, оказавшись в трудном положении, оно стало маневрировать, пытаясь политикой «киута и пряника» расправиться с повстанцами. Чтобы расколоть курдское движение, оно направило в восточные вилайеты делегацию во главе с председателем кассационного суда, курдом из Битлиса, Шефкомом, который в сопровождении некоторых курдских беев района Сивас прибыл 15 марта 1921 г. в курдскую деревню Богазвират. Он заявил, что является курдом, сторонником курдского движения, наделен правительством всеми полномочиями и прибыл для ведения переговоров с курдскими руководителями. Этот «курд, сторонник курдского движения», просил лишь, чтобы до окончания переговоров курды прекратили свои действия против турок. И нужно отметить, что среди руководителей восстания нашлось немало таких же «сторонников курдского движения», например Хейдар-бей, который примкнул к Шефику и внес тем самым раскол в борьбу курдов в этом районе.

Между тем, пока шли переговоры, командующий центральной группой войск Нуреддин-паша готовился к действиям против курдов. Так, 12 марта 1921 г. 53-й кавалерийский полк выступил из Йозгата по направле-

нию к Сивасу. Сюда же 14 марта прибыли оперативные батальоны 5-й дивизии в Амасье, а также два батальона 10-го полка 5-й дивизии, находившейся в Мерзифоне. В тот же день командование центральной группой войск приняло решение начать частичную мобилизацию граждан в близлежащих районах. В распоряжение командующего войсками центральной группы были переданы жандармские войска, а также части, расквартированные в Сивасе, Позгате, Амасье, Мерзифоне, Токате, Эрзинджане, Байбурте, Гиресуне, Шабин-Карахисаре, Чемишкезекке, Арабкире и других районах. Собрав эти силы, турецкое командование 15 марта 1921 г. объявило в вилайетах Сивас, Элязиг и Эрзинджан осадное положение.

Вместе с тем правительство, желая выяснить намерения лидеров Дерсима, направило им телеграмму, в которой требовало сообщить, будут ли они продолжать борьбу. В ответ на эту телеграмму руководители дерсимских курдов заявили, что «поскольку они знают, что турецкое правительство преследует цель уничтожения курдов, как оно уничтожало армян, они будут продолжать борьбу во имя удовлетворения национальных прав и законной защиты» [126, с. 146].

Нужно сказать, что озабоченность анкарского правительства положением в Дерсиме была столь серьезной, что оно нашло необходимым снять часть турецких войск с греческого фронта и направить ее против курдов. Так, в частности, в Сивас вскоре были перебросены 14-я кавалерийская дивизия и 13-я кавалерийская бригада. Кроме того, чтобы воспрепятствовать распространению курдского движения на восток и север, правительство перебросило значительные силы в Элязиг и Эрзинджан. Турецкие войска взяли под свой контроль дорогу Сивас—Кангал—Малатья—Элязиг и Сивас—Зара и заняли мосты через реки Евфрат и Мурат, которые соединяли Дерсим с Элязигом, Арабкиром, Малатьей, Эгином и Кемахом, а также все другие важные дороги.

Невзирая на холодную весну, войскам был дан приказ начать активные действия. Особенно ожесточенные бои происходили в районе между Дерсимом и Эрзинджаном. Карательные меры Нуреддин-паша убедили колеблющихся курдских лидеров, что кемалисты не собираются ни выполнять своих обещаний, ни удовлетворять элементарные требования курдов; даже

Хейдар-бей перестал верить обещаниям турок и включился в борьбу против них. Сражения происходили на линии Сивас — Кочхисар — Зара и Сивас — Кангал. Все курды от мала до велика, все, кто мог держать в руках оружие — мужчины, женщины, старики и дети в меру своих возможностей участвовали в боях против турок, отражая одну атаку за другой.

Но силы были неравны. Под давлением превосходящих сил кемалистов повстанцы были вынуждены отступить. Многие курдские руководители пали смертью храбрых. В такой обстановке лидеры повстанцев приняли решение переправить женщин и детей в Дерсим. 24 апреля 1921 г. Хейдар-бей с 2000 человек двинулся в направлении Эрзинджана и Пюлюмюра (т. е. северо-восток) с целью объединения с дерсимцами. Преследуемый турецкими войсками, он вошел у Эрзинджана во владения племен курейшан и балабан; отсюда Хейдар-бей намеревался через горные проходы Пюлюмюр — Мамахатун войти в Дерсим. Однако вместо помощи вождь племени курейшан Кёр Пашо в угоду турецким властям с отрядом в несколько тысяч человек вышел навстречу Хейдар-бею и заявил, что начнет войну против повстанцев, если они вступят на «его» территорию. Получив этот удар в спину, отряд Хейдар-бея с боями вернулся в горы Кочкири, где продолжались ожесточенные сражения повстанцев против турецких войск, опустошавших все на своем пути.

Особыми бесчинствами над курдским населением отличались банды Осман Топал-аги. В захваченных курдских деревнях они уничтожили почти все население. Касаясь зверств этого реакционного феодала, выступившего на стороне правительственных войск, М. В. Фрунзе писал: «Совсем недавно один из наиболее влиятельных лазистанских вождей Осман-ага с набравшим им отрядом добровольцев-лазов прошел с огнем и мечом взбунтовавшиеся против турок курдские районы Восточной Анатолии» [105, с. 278].

Имея целью нанести повстанцам решительный удар, Нуреддин-паша решил обезглавить их. Он предложил протурецки настроенным курдским беям Сиваса установить контакты на линии фронта с Хейдар-беем и уговорить его прибыть в Сивас на переговоры. Не отличаясь твердостью, Хейдар-бей и на этот раз дал себя обмануть. С отрядом в 1000 человек он прибыл в штаб командования турецкой армией в Сивасе

и вместе с 400 сподвижниками был арестован, остальные 600 воинов его отряда были отправлены в западные вилайеты и перебиты.

Этот новый просчет Хейдар-бей имел роковые последствия для движения курдов. Помимо того, что он ослабил повстанцев, он нанес им и моральный ущерб. Что же касается турецких властей, то их жестокая расправа над курдами имела далеко идущие цели. Одна из них заключалась в том, чтобы предупредить колеблющихся, и, действительно, многие начали отходить от движения. Тающим на глазах силам повстанцев, которыми командовали Алишер, Нури, Сабри, Мемет Али, Джыгыз, Мемо Тарбазалы, Камыл Азиз, Дило, Пашо Аббас и др., не оставалось ничего другого, как отступить с боями в горные районы Дерсима, где их ждали новые испытания.

Это практически означало, что восстание курдов Кочкири потерпело поражение. Командование турецких войск в Сивасе опубликовало сообщение, в котором говорилось, что в результате боев 113 курдов убито и 159—захвачено в плен. В плен попали и такие предводители курдов Кочкири, как Азамет Бахри-бей, Сабит-бей, Филик Али, Хамо, Азиз, Таки, Пехливан, Хюсейн Ашур и др. В то же время было захвачено 2000 винтовок и другого снаряжения [126, с. 159].

После подавления восстания чрезвычайный военный трибунал в Сивасе привлек к суду 400 обвиняемых и приговорил к смертной казни Хейдар-бей, Сеит Азиза и 15 их товарищей, а также заочно—Алишера, М. Нури, Махмуда Мустафа-пашаоглу, Мемо Тарбазалы, Дило, Сабри и 95 других повстанцев. Остальные обвиняемые были по степени «виновности» приговорены к различным срокам заключения от 5 лет до пожизненного. Из 400 человек лишь 110 были оправданы, но и они были высланы в различные районы страны.

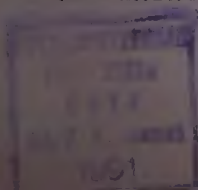
Подавление этого восстания не привело, однако, к спокойствию в Дерсиме. Одной из форм сопротивления турецким властям было непрекращающееся движение за освобождение заключенных. Оно имело ту особенность, что, отправляя телеграммы в Анкару, дерсимцы свои требования «подкрепляли» военными действиями на линии Эрзинджан—Кемах—Эгин, вплоть до районов Зара и Дивриги. В трудной для кемалистов обстановке, когда нужно было все силы сосредоточить на

западном фронте против греческих войск, ВНСТ по предложению М. Кемаля отменило решение чрезвычайного трибунала в Сивасе относительно курдских заключенных, кроме Алишера и М. Нури. Почти все курды, приговоренные к смертной казни, были отпущены на свободу. Однако амнистия не распространялась на тех курдов, которые не сдались турецким войскам и скрылись в горах. Оставаясь в положении, как их называли в Турции, «бандитов», курды не прекращали своей деятельности в Дерсиме, где по существу турецкие власти не имели влияния. В Агде, например, находившемся в полной власти Сеита Ризы, развивалось знамя Курдистана, и турецкие власти ничего не могли поделать.

Но одно дело, что турецкое правительство, подавив восстание в Дерсиме, не имело здесь влияния, и другое—что и курды не достигли своих целей—завоевания в какой-либо форме национальных прав. В основе поражения курдских выступлений лежал ряд факторов, заключенных в самом характере курдского движения.

Во-первых, следует отметить феодально-племенной характер курдского общества и обусловленный этим уровень национальной консолидации, препятствовавший их объединению в освободительной борьбе. Социальные противоречия в курдском обществе, отличие интересов беднейших широких слоев курдов и их верхушки толкали многих вождей племен в лагерь турецких националистов—противников курдского освободительного движения.

Во-вторых, отсутствие религиозного единства вызывало недоверие между отдельными группами курдского населения; в то же время еще слаба была зарождавшаяся прослойка буржуазной интеллигенции, которая могла бы успешно бороться за единство всех национальных сил. Восстание в Кочкири во многом было подготовлено членами Общества возрождения Курдистана, однако к тому времени само общество по существу уже распалось. Поэтому у курдов не было политической организации, способной руководить восстанием из единого руководящего центра, и дерсимское восстание, при всем своем размахе и значительности, было не национальным, а локальным местным движением.

В-третьих, особо нужно выделить то обстоятельство, что руководители курдского движения, оторванные от своего народа, нередко не понимали его дум и чаяний. Не имея поддержки народных масс, они не только часто предавали движение, но и, не веря в народ, рассчитывали не на него, а на «поддержку» империалистических держав, а подчас и... кемалистов. В результате судьбы курдского движения часто решались не в борьбе за независимость, а в дипломатических салонах, открывая, таким образом, возможность для всякого рода провокаций вокруг курдского вопроса. Именно этим объясняется, что судьба курдского движения этого периода решалась, в конечном счете, за спиной курдского народа и вопреки его интересам сговором между империалистическими державами с кемалистами на Лозаннской конференции.

Все эти и некоторые другие причины, несмотря на героизм и мужество курдов, предопределили поражение восстания в Кочкири—Дерсиме.

5. Лозаннская конференция и проблема курдов

Как уже отмечалось, согласно Севрскому договору, комиссия из представителей союзных держав должна была подготовить автономный административный режим для района, находящегося к востоку от Евфрата, между Арменией, Ираком и Сирией. Если по истечении года после заключения договора курдское население этого района обратится в Лигу Наций с заявлением о том, что большинство курдов желает отделиться от Турции, и если Совет Лиги Наций удовлетворит это требование, то Турция должна отказаться от своих прав на указанные районы. Однако в марте 1921 г., примерно через полгода после подписания Севрского договора, союзные державы заявили о своей готовности внести в него соответствующие изменения по вопросу о Курдистане при условии, что Турция, со своей стороны, изъявит готовность отнестись благожелательно к местной автономии курдов и в должной мере обеспечить курдские интересы. Спустя год, т. е. в марте 1922 г., союзные державы в своих предложениях уже не настаивали на курдском вопросе. В результате кемалисты отказались включить этот вопрос в повестку дня Лозаннской конференции [113, т. II, с. 755]. Это

свидетельствовало о том, что прикрываясь мнимым «курдофильством», выдвигая проекты создания «курдского государства», западные империалисты стремились подчинить курдское движение своим интересам, вытравить из него антиимпериалистические устремления и превратить курдов в оружие своей колонизаторской политики на Ближнем Востоке.

В свою очередь, с 1921 г. во многих областях Южного (Иракского) Курдистана кемалисты стали проводить широкую пропаганду, надеясь использовать религиозные и национальные чувства курдов в целях включения вилайета Мосул в состав новой Турции. Правительство в марте 1922 г. назначило каймакамом Ревандуза одного из своих агентов—Рамзи-бея. По прибытии в Ревандуз Рамзи-бей начал широкую пропаганду среди курдов, утверждая, что «скоро придет большое турецкое подкрепление, с помощью которого Сулеймания, Киркук и Эрбиль будут освобождены от англичан» [75, с. 33]. В июне того же года в Южный Курдистан прибыл видный турецкий генерал Оздемир-паша [161, с. 246], который должен был осуществить планы анкарских властей в этом районе.

В то время, как в Анатолии кемалисты жестоко подавляли выступление курдов—своих единоверцев, в Южном Курдистане они пытались использовать религию в своих целях и постоянно распространяли листовки о «священной войне». В одной из таких листовок, в частности, говорилось: «Все сыновья одной религии должны стремиться к единству, предписанному Османским государством... Пусть ниспошлет Аллах победу тем, кто подобно вам сражается и проливает свою кровь за веру, и да пусть падет проклятие на головы тех язычников, кто продал свою религию англичанам... Аминь» [161, с. 246].

Однако турки не ограничились только пропагандой. Они стали посылать в некоторые районы свои войска и оружие. Турецкие солдаты и офицеры иногда выступали вместе с курдскими повстанцами против англичан. Так, в августе 1922 г. турецкие силы вместе с племенами района Пишдар участвовали в наступлении на Ранию, откуда в начале сентября были выбиты англичане [161, с. 246].

Под давлением курдского движения верховный комиссар Ирака Перси Кокс вынужден был отдать распоряжение об эвакуации оккупационных войск из Су-

леймании. Одновременно для успокоения курдов англичане порывались привлечь на свою сторону шейха Махмуда¹, обещав курдам независимость под его главенством.

В сентябре 1922 г. верховный комиссар Ирака освободил находившегося в тюрьме шейха Махмуда и направил его в Сулейманию, где он в ноябре объявил себя королем Курдистана. Создавая «курдское королевство», английский империализм рассчитывал перетянуть курдов на свою сторону и, тем самым, облегчить разрешение мосульского вопроса в свою пользу. Однако шейх Махмуд изменил своим «покровителям» и установил контакт с турками для подготовки курдского восстания против англичан.

Он разослал письма Великому национальному собранию Турции, персидскому и другим правительствам, в которых излагал цели освободительной борьбы курдов и просил помощи. Шейх Махмуд был убежден, что для осуществления своих планов он должен иметь поддержку со стороны. В этих условиях он решил опереться на кемалистов, которые в то время занимали антиимпериалистическую позицию.

В свою очередь турецкие правящие круги, формально поддерживая шейха Махмуда, делали все, чтобы ослабить, скомпроментировать курдское освободительное движение, представить некоторых его руководителей в качестве агентов империализма. В этой связи представляет интерес секретная инструкция, которая в середине июня 1922 г. была послана начальником управления генерального штаба Басри-беем в Ревандуз Оздемир-паше. Эта инструкция касалась видного вождя иранских курдов Симко, который под натиском иранских войск был вынужден отступить в Южный Курдистан. В инструкции говорилось, что Симко «думает о независимости и не хочет враждовать с нами, пока не усилится в Иране его влияние и не осуществятся таким образом его цели...

Победа Симко и расширение в такой степени его влияния среди курдских племен не отвечает нацио-

¹ Шейх Махмуд (1882—1956 гг.)—глава курдского рода барзинджа из Сулеймании. С 1919 г. играл видную роль в курдском движении в Ираке, вел вооруженную борьбу против англичан в 1922—1923 гг., образовал в районе Сулеймании «королевство независимого Курдистана».

пальным интересам нашей страны, но и враждовать с ним сейчас тоже не в наших интересах, поэтому Вы окажете большую услугу отечеству, если сможете обмануть племена и настроить их против Симко, распустив, например, среди них слухи, что Симко поднял эту революцию на деньги англичан и проливает кровь курдов в своих интересах и, служа англичанам» [Цит. по 93, с. 112].

В то же время анкарские власти боялись сближения шейха Махмуда с Симко, который находился в это время у него в качестве гостя курдского государства. Несмотря на вероломство турецких войск, которые перед этими событиями учинили внезапное нападение на его отряд, Симко подписал совместно с главами племен специальное заявление, которое давало шейху Махмуду право вести переговоры с кемалистами о платформе и условиях турецко-курдского сотрудничества [93, с. 112].

В целях привлечения на свою сторону иракских курдов кемалисты заключили договор с шейхом Махмудом, согласно которому «турецкое правительство обещало независимость Южному Курдистану и гарантировало свое невмешательство во внутренние дела» (ст. 1); шейх Махмуд признавался правителем Курдистана в Сулеймании, где создавался меджлис (ст. 2); вооруженные силы Южного Курдистана в случае войны могли быть использованы турецким правительством (ст. 3) [95, с. 115].

Конечно, у нас нет оснований преувеличивать значение «туркофильских» настроений шейха Махмуда, но факт остается фактом, что в борьбе против англичан он пытался использовать поддержку со стороны кемалистов.

Таким образом, в сложной обстановке, в которой проходила Лозаннская конференция, кемалисты были вынуждены согласиться на создание «независимого Курдистана», правда за счет Ирака.

Вместе с тем они продолжали подавлять курдское движение в Северном Курдистане. Так, когда в феврале 1922 г. начались волнения среди курдов района Диярбакыра, туда был направлен Джевдет-паша, облаченный чрезвычайными полномочиями.

Наряду с этим кемалисты принимали законодательные акты, направленные на подавление любых антитурецких выступлений. Так, 31 июля 1922 г. ВНСТ

приняло закон № 249 о реорганизации всей системы судов независимости. По этому закону меджлис учреждал в соответствующих районах суды независимости (ст. 1). Суды должны были состоять из одного председателя, двух членов и генерального прокурора, избравшихся меджлисом закрытым голосованием из числа его членов (ст. 2) [35, т. 3, с. 108].

В соответствии с новым законом и с целью борьбы против курдского освободительного движения 21 января 1923 г. был учрежден суд для восточных вилайетов с центром в Диярбакыре.

18 октября 1923 г. ВНСТ принял закон о подавлении бандитизма (№ 356), подготовленный министром внутренних дел Фетхи-беем. Во время обсуждения проекта закона многие депутаты упрекали Фетхи-бея в допущении беззакония в борьбе с «бандитизмом». Принятый закон усиливал наказание как за «бандитизм», так и за пособничество и укрывательство бандитов [35, т. 5—6, с. 384—385].

Упомянутые выше законы широко применялись турецкими властями в отношении участников курдского освободительного движения, курдских повстанцев, которых официальная турецкая пресса называла «бандитами».

В этих условиях шейх Махмуд изменил свое отношение к кемалистам. Зная природу империалистов, пытавшихся использовать в своих корыстных интересах курдское движение, шейх начал понимать и намерения турецких правителей, стремившихся превратить курдскую проблему в трамплин для захвата вилайета Мосул. В этот период М. Кемаль в беседе с советским послом С. И. Араловым, касаясь курдской проблемы, говорил:

«Курды, живущие вокруг Урмийского озера, изъявили желание действовать совместно с Турцией. У них были оружие и деньги, и они готовы были выступить против английского империализма.

— Курдский вопрос,—говорил Кемаль,—запутанный, трудный... Англия пользуется тем, что курды принадлежат двум государствам—Турции и Персии, и играет на этом. Англия хочет создать Курдское государство под своим владычеством и тем самым командовать над нами, Персией и Закавказьем... Теперь курдские вожди разделились: одни тянут к Ирану, другие—к Англии, третьи—к нам... В Сулеймании англича-

не заставили выступить против Турции шейха Махмуда...

— Мы, турки,—сказал, усмехаясь, Кемаль,—не останемся в долгу. Помогли на юге Курдистана восстать против англичан курду Феттику и др.» [83, с. 107—108].

Позиция руководителей новой Турции, а также империалистов Антанты на Лозаннской конференции еще раз подтвердили, что обе стороны серьезно не желали решения курдской проблемы в Турции.

Так, в вопросе о национальных меньшинствах специальная комиссия настаивала на определении понятия «национальное меньшинство» по расовым, религиозным и языковым признакам. Нет необходимости доказывать всю ненаучность подобного определения понятия «национальное меньшинство». Тем не менее, даже при этом определении в национальные меньшинства включались не только христиане, но и мусульмане—арабы и курды, проживающие в Турции. Однако кемалисты согласились трактовать как национальные меньшинства только немусульман.

Когда на Лозаннской конференции зашла речь о Севрском договоре, возник вопрос, настаивают ли курды на отделении Курдистана от Турции. Телеграфом был направлен запрос в ВНСТ. Состоялось чрезвычайное заседание меджлиса, на котором М. Кемаль предложил обратиться к «курдским» депутатам высказаться по этому вопросу. Депутат от Эрзурума Хусейн Авни-бей в ВНСТ заявил: «Эта страна принадлежит курдам и туркам. С этой трибуны только две нации имеют право говорить: курдская и турецкая нации» [156, с. 9]. Затем выступил Хасан Хайри, который сказал, что курды никогда не отделятся от турок. М. Кемаль был очень доволен этой речью «курдского» депутата и потому встретил ее аплодисментами. Более того, он предложил Хасан Хайри и другим «курдским» депутатам приходить на заседания меджлиса в национальной одежде, что они и сделали. В подтверждение своей позиции они направили на Лозаннскую конференцию телеграммы, в которых отмечалось, что курды никогда не отделятся от турок [126, с. 189].

Глава турецкой делегации Исмет-паша, принявший участие в двух конференциях в Лозанне, в первый раз взял с собой в качестве представителя курдов депутата от Диярбакыра Пиринчизаде Февзи-бея, а во вто-

рой раз — депутаты Зюльфизде Зюльфи-бей, где они заявили: «мы с турками братья, между нами не существует различия и мы не хотим отделиться от них» [146, с. 61]. Тем самым, как отмечает видный курдский патриот Зиннар-Сидони (Кадри Джемиль-паша) они изменили своему народу, который навеки проклял их [146, с. 61].

Очевидно, после этого во время дискуссии по мосульской проблеме Немет-паша заявил, что Турция принадлежит двум народам: туркам и курдам, которые равны перед правительством и пользуются одинаковыми национальными правами [121, с. 288].

Как мы отмечали выше, М. Кемаль получал поддержку многих курдских руководителей. Большую помощь курды оказали в борьбе против стран Антанты и греческих оккупантов. Об этой помощи говорил И. Ишено на Лозаннской конференции [121, с. 289]. При освобождении Нимира курдская конница одной из первых ворвалась в город. Когда греческие оккупанты подошли к Сакарье и стали непосредственно угрожать Анкаре, «курдские» депутаты ВНСТ поддержали М. Кемали против реакционных депутатов, предлагавших распустить меджлис и перевести его работу из Анкары в Кайсери или Сивас.

С точки зрения интересов антиимпериалистического движения турецкого народа это единодушие курдских «депутатов» имело положительное значение, поскольку исключало возможность вмешательства западных держав во внутренние дела Турции. Что же касается национальных интересов курдов, это их «единодушие» нельзя оценить иначе, как по меньшей мере политическая близорукость. Впрочем, курдские «депутаты», «поддерживая кемалистов», не могли знать, что вскоре будут ликвидированы.

Оказавшись перед тем фактом, что курдские «депутаты» не хотят отделения курдских провинций от Турции, а ее правительство обещает удовлетворить национальные права курдов, участники Лозаннской конференции «согласились» предать забвению идею независимости Курдистана.

В результате сознательной уступки английской дипломатии, которая стремилась добиться уступок у кемалистов в других вопросах (например, в мосульском вопросе), упоминание о курдах было исключено из Ло-

заннского договора. Это означало победу политики турецких реакционных кругов в национальном вопросе.

Лозаннский договор был подписан 23 июля 1923 г. В соответствии с договором кемалисты вынуждены были взять лишь следующие обязательства:

«Ст. 38. Турецкое правительство обязуется предоставить всем жителям полную и совершенную защиту их жизни и свободы без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии...

Ст. 39... Не будет вводиться никаких ограничений в отношении свободного пользования всяким турецким гражданином каким бы то ни было языком, будь то в частных или торговых отношениях, будь то в области религии, прессы или печатных произведений всякого рода, будь то в публичных собраниях...» [26, с. 152].

Хотя Лозаннский договор игнорировал законные стремления курдского народа Турции к независимости, что стало возможно в результате сговора империалистов Антанты с кемалистами, точное выполнение турецкими властями приведенных выше обязательств исключило бы возможность повторения массовых репрессий, которые осуществлялись ими против курдского народа.

Оценивая Севрский и Лозанский договоры с точки зрения интересов курдов, В. Никитин писал: «Пусть Севрский договор был политически плохо задуман, а потому, возможно, он не применим. В наши намерения не входит переделка послевоенной истории дипломатии в Передней Азии. Но, признавая среди других принцип автономии Курдистана, этот договор подтвердил международное право, тогда как... Лозаннский договор не сделал этого и с точки зрения развития международного права является, конечно, шагом назад...» [100, с. 407—408].

Правда, Лозаннский договор поднял Мосульский вопрос и обязал Лигу Наций произвести обследование в этом районе (см. ст. 3 договора, п. 2) [26, с. 145], но это диктовалось не заботами о курдах, а стремлением империалистов удержать нефтеносный район под своим господством.

Оценка Лозаннского договора, данная В. Никитиным, тем более верна, что, предав забвению идею независимости курдского народа, империалистические державы как бы поставили вне закона его национальное движение и дали турецкой реакции юридиче-

ское «право» игнорировать национальные интересы курдов Турции. Подлостью политики империалистических держав состояла в том, что одновременно со всем этим они не прекращали провокаций вокруг курдского вопроса, пытаясь на тех или иных этапах использовать его в достижении своих колонизаторских целей.

Укрепив после Лозаннской конференции свое международное положение, кемалисты провозгласили лозунг «Турция для турок» и стали вытеснять из социально-экономической жизни страны курдов, нетурецкие народы, а также принимать меры с целью ликвидации курдской проблемы.

Характеризуя политику турецких правящих кругов в тот период, Кямуран Бедирхани писал: «Едва Лозаннский договор был подписан, как Мустафа Кемаль сделал резкий поворот от политики сотрудничества к нарушению своих обещаний и даже договорных обязательств турецкого правительства в отношении прав национальных меньшинств... Когда же курды напомнили ему о данных в свое время обещаниях, он приказал закрыть школы и арестовать патриотов и влиятельных лиц. Снова начали твориться беззакония... Как по волшебству, в новую палату (имеется в виду ВНСТ второго созыва.—М. Г.) были избраны турецкие депутаты от курдских территорий. Несколько прежних депутатов было арестовано и передано военно-полевому суду. Во всем Курдистане стали проводиться репрессивные меры» [156, с. 10].

В этих условиях прогрессивные курдские деятели стали убеждаться в вероломной политике не только империалистов, но и руководителей новой Турции. Среди них усилилась тяга к России, правительство которой после Великой Октябрьской социалистической революции приступило к решению национального вопроса в духе равноправия и братской взаимопомощи в своей стране и начало оказывать поддержку народам Востока в их борьбе за свое освобождение, против гнета колонизаторов западных держав.

Ориентация на Советскую Россию находила широкий отклик среди прогрессивных деятелей курдского освободительного движения. После окончательной победы Советского государства над внутренней и внешней реакцией курдские политические деятели стали обращаться в советские консульские организации на

Ближнем Востоке, в котором писали о своем разочаровании политикой английского империализма, приведшей к тому, что курдское освободительное движение оказалось в тупике. Одновременно курдские деятели заявляли о своих симпатиях к Советской России, политика которой в национальном вопросе дает гарантию справедливого разрешения курдского вопроса.

В 1922 г. Комитет независимости Курдистана (Эрзурум) принял решение добиться национальных прав при содействии и под протекторатом Советской России. Председатель комитета полковник Джибранлы Халит-бей еще накануне Лозаннской конференции обратился к советским представителям с письмом, в котором заявлял, что он, «не надеясь на искреннюю помощь Англии в установлении независимости Курдистана, решил обратиться за осуществлением своей цели при содействии Советской России и настаивать на создании независимого Курдистана под русским протекторатом» [Цит. по 94, с. 118—119]. К тому времени курдское освободительное движение стало принимать более организованный характер. Этому во многом способствовала деятельность Комитета независимости Курдистана в Эрзуруме. Этот комитет, который заложил основы для создания политической партии, стремился создать свои организации по всему Курдистану. Такие организации были, в частности, созданы в Битлисе, Дарахины, Элязизе, Диярбакыре, Урфе, Сиирте и во многих других местах [126, с. 173].

Обращение о протекторате Советской России поддержали и другие курдские вожди и видные деятели. Так, курдские представители Эрзурума и Битлиса писали:

«Советская Россия как защитница интересов всех угнетенных народов и классов несомненно заинтересована в разрешении судеб народов.

Ранее мы надеялись, что в составе с Турцией мы сохраним свою целостность, отразив натиск империалистов, и вместе с тем разрешим курдский вопрос. Но наши надежды не оправдались, так как Турция согласилась передать Мосул Англии... Турция, руководствуясь своими шовинистическими взглядами, не согласилась признать Курдистан автономным. Однако в то же время передала Мосул англичанам. Это является достаточно веской причиной для решения курдского на-

рода поднять восстание и самим определить свою судьбу».

Курдские деятели справедливо опасались, что после передачи Мосула Англии весь Курдистан может стать ее колонией. «Все мы очень хорошо знаем,—писали они далее,—что это значит. По нашему мнению, такое новое государство, как Курдистан, где скрещиваются интересы сильных держав, не может обойтись без помощи одной из сильных наций. Поддержка Англии начинается колонизацией. Поэтому мы и считали более целесообразным обратиться за помощью к Советской России, декларировавшей свою солидарность с восточными угнетенными народами».

Советская Россия тогда в силу различных внутренних и внешних причин не могла оказать действительную помощь курдскому освободительному движению.

Правда, представители Советской России в беседах с представителями турецкого правительства в приемлемых формах старались повлиять на устройство жизни курдов, хотя бы в духе предоставления им на том этапе национальной культурной автономии. Но эти пожелания не имели успеха.

Желая отказаться от опеки англичан, которая вызвала недовольство курдских деятелей, шейх Махмуд стал тоже искать поддержку у Советской России. Этому содействовало посланное ему Комитетом независимости Курдистана предложение отказаться от англичан и ориентироваться на Советскую Россию. 20 января 1923 г. шейх Махмуд через своего чрезвычайного и полномочного представителя направил письмо советскому консулу в Тебризе с просьбой о помощи и покровительстве России. Приводим содержание этого письма с некоторыми сокращениями:

«Когда в 1917 году весь мир услышал истинный голос свободы и освобождения народа от когтей известного преступника и тирана, все угнетенные народы и нации земного шара горячо приветствовали этот голос и поднялись на борьбу за свободу, мечтая об осуществлении своих чаяний и требований и надеясь на благожелательство и благожелательство русского народа.

Что же до наших прав, то из большинства газет известно, как англичане... обрушили на курдский народ... оружие и бомбы, не щадили ни женщин, ни детей, ни мужчин... Но когда поработанный курдский народ в Сулеймании хотел претворить в жизнь свои законные

права и требования, то, к несчастью курдов, внутреннее положение славного Советского государства было таково, что не позволило ему следить за положением зарубежных поработанных и угнетенных народов...

Весь народ Южного Курдистана очень склонен к дружбе со славным Советским государством, он готов на любые жертвы ради этой дружбы, готов поддерживать ее морально и материально. Вместе с тем мы со своей стороны ставим главным условием официальное признание наших законных прав. И чтобы... увеличить мощь и авторитет, ослабив мощь противника, наша сторона нуждается в пушках, пулеметах, самолетах, оружии и боеприпасах... Весь курдский народ считает русских освободителями Востока и поэтому готов связать свою судьбу с их судьбой. Сейчас единственное, что занимает наши мысли—это проблема оказания нам поддержки...» [Цит. по кн. 93, с. 117—118].

Однако сложившаяся международная обстановка, а также отсутствие общей границы между Советской Россией и Южным Курдистаном не позволили оказать военную помощь шейху Махмуду в его борьбе против английских колонизаторов. В тех условиях любые попытки радикально вмешаться в решение курдского вопроса могли привести к серьезным политическим и военным осложнениям на Ближнем Востоке, к чему настойчиво стремилась агентура английского империализма. Поэтому вмешательство Советской России для разрешения курдской проблемы практически не представлялось возможным.

6. Первая конституция Турецкой Республики и игнорирование прав курдов

Ассимиляторская политика турецких реакционных кругов в национальном вопросе окончательно оформилась после Лозаннской конференции. Она была направлена на подавление всех освободительных устремлений национальных меньшинств и их насильственную ассимиляцию. Турецкие реакционеры стали усиливать пропаганду пантюркизма.

В то время как центральная печать не смела публично писать о курдах, издававшаяся в Эрзуруме штаб-квартиры турецкой армии газета «Варлык» в сентябре 1923 г. помещала передовицу под заголовком

«Тюркизм и курдизм». В ней настойчиво утверждалось, что нет вообще народности «курды», а есть только турки (проживающие в горах на востоке страны), которые по своему историческому неведению теперь носят позорное прозвище «курды». Эта пантюркистская газета писала: «Каждый человек, проживающий в пределах Турции, независимо от его вероисповедания и убеждений, считается турком... Вопреки историческим данным есть лица, которые приписывают нашим братьям туркам название «курды». Исторически установлено, что турки, проживающие в горах наших восточных вилаетов и именуемые некоторыми курдами, на самом деле являются нашими братьями турками. Что же касается отличия этих братьев, то оно объясняется тем, что много веков тому назад в силу переселения народов, турки были вынуждены поселиться в горной местности и потому оказались оторванными и обособленными в наречии... только общие интересы, стоящие над интересами племени, языка и религии, порождают национальность. Различие в языке не может ослабить нашу историческую национальную общность. Теперь благодаря республиканскому правлению народ будет умственно развиваться и эта «частная» разница уничтожится, и существующие национальные связи еще больше окрепнут...

Если обратиться к различным... авторам, написавшим всеобщую историю, то в этих исторических произведениях нигде не упоминается о народе, именуемом «курды».

Наши братья, так называемые курды, являются турками» [236, 5. X. 1923].

Подобного рода статьи были призваны обрабатывать курдов в духе туркизации, игнорировать их чаяния, отвлечь курдское население от освободительной борьбы в интересах целостности националистической Турции.

Политика игнорирования национальных прав курдов, политика турецкого национализма в полной мере отразилась в первой конституции Турецкой Республики, принятой ВНСТ в 1924 г.

Об этом свидетельствовали следующие ее статьи:

«Каждый турок рождается свободным и живет свободным...» (ст. 68).

«Все турки равны перед законом...» (ст. 69).

«Неприкосновенность личности, права и свободы совести, мысли, слова, печати, передвижения, сделок, труда, собственности, собраний, объединений и компаний являются единственными правами турок» (ст. 70), [22, с. 276].

А как же быть с нетурецкими народами, с национальными меньшинствами, курдами? На этот вопрос должна была ответить, очевидно, 88 статья конституции.

Окончательный вариант 88 ст. конституции, данной в справочнике «Современная Турция», гласит: «Все жители Турции, независимо от религиозной и расовой принадлежности, с точки зрения гражданства являются турками...».

Здесь допущена неточность в переводе. Следовало бы эту часть 88 статьи перевести следующим образом: «Все граждане Турции независимо от религиозной и расовой принадлежности являются турками...».

Далее в этой статье говорилось: «... Турками считаются лица, родившиеся в Турции или за границей от отца—турка; лица, родившиеся в Турции от поселившихся в Турции иностранцев, проживавшие в Турции до совершеннолетия и по достижении совершеннолетия пожелавшие официально принять турецкое гражданство; лица, получившие турецкое гражданство в соответствии с законом о гражданстве...» [22, с. 278].

Однако все это ничего не меняло, поскольку различные народы, проживающие в Турции, не хотели, да и не могли быть турками. Не хотели быть турками и курды, которые продолжали борьбу за национальную самобытность, за самоопределение, против национального гнета турецких господствующих классов.

О подавлении и непризнании национальных меньшинств свидетельствовали другие статьи конституции. Так, 2 статья конституции 1924 г. гласила: «...Государственным языком является турецкий» [35, т. 26, с. 170]. Это означало, что вся официальная переписка в стране должна была вестись только на турецком языке, что он насильственно навязывался национальным меньшинствам, игнорируя их элементарные права. Нельзя в этом не видеть также попытку правящих кругов обострить межнациональную рознь в стране.

В. И. Ленин, разоблачая русских либералов, которые, прикрываясь фразами в интересах «культуры», «единства» и «неделимой» России, требовали, чтобы

русский язык был обязательным государственным языком, писал: «...сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием... А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное—обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.» [9, с. 295].

Провозглашая турецкий язык обязательным для всех, правящие круги стремились затормозить духовное развитие трудящихся масс национальных меньшинств, особенно курдов, держать их в темноте и невежестве.

Националистическим духом были пронизаны и многие другие статьи конституции Турецкой Республики, которые не признавали национальных прав за нетурецкими народами. В результате, первая конституция Турецкой Республики законодательно закрепила реакционную политику турецких правящих кругов в национальном вопросе.

Изучение состояния курдского движения, политики правящих кругов новой Турции в курдском вопросе в этот период позволяет сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что в результате поражения в первой мировой войне от Османской империи отпали многие нетурецкие страны, Турция не перестала быть «многонациональным государством». Правда, ограбленная более сильными империалистическими хищниками послевоенная Турция не была такой колониальной державой, как Османская империя, но тем не менее она сумела сохранить за собой власть над Западной Арменией и Северным Курдистаном. Особо нужно отметить тот факт, что потерю обширных колониальных владений турецкая реакция пыталась компенсировать окончательным «освоением» оставшихся колоний. Именно с этой целью она довершила начатую младотурками политику «очищения» Армении от ее исконного населения, а вслед за тем приступила к такому же «освоению» доставшейся ей части Курдистана. и рассматриваемый нами период—это первый этап политики турецкой буржуазии в курдском вопросе, направленный на то чтобы сохранить за собой курдские провинции для их последующего «освоения».

2. В этой политике турецкая буржуазия натолкнулась на противодействие курдского национального движения, имевшего к моменту распада Османской империи свои общественно-культурные и политические организации, которые осуществляли деятельность по укреплению национального самосознания курдов и их организацию в борьбе за независимость. В них входили главным образом представители зарождавшейся курдской буржуазии, интеллигенции (депутаты, чиновники, офицеры, юристы, писатели) и торговцы, а также патриотически настроенные шейхи и вожди племен.

Слабостью движения этого периода были отсутствие четкой программы, единства как между различными курдскими обществами и комитетами, так и между племенами и племенными группами, слабая связь этих организаций с трудящимися массами, их иллюзии в отношении истинных целей империалистических держав, в частности, Англии, что давало возможность этим державам вмешаться в дела курдов и использовать их борьбу в своих империалистических целях. Именно поэтому империалистические державы включили в Севрский договор пункты о независимом Курдистане и одновременно делали все, чтобы эта идея не стала реальностью.

3. Антиимпериалистическая борьба турецкого народа, так называемая кемалистская революция, вселила известные надежды в некоторых курдских деятелей завоевать право на самостоятельное и автономное развитие с помощью турецких националистов. Поэтому они участвовали во многих мероприятиях кемалистов, активно поддерживали их в борьбе против империалистических захватчиков. Пытаясь использовать курдов в этой борьбе и в своих внешнеполитических акциях, турецкая буржуазия не отказывалась от заигрывания с курдскими феодалами и даже «поддерживала» курдское движение в... Ираке; что же касается «своих» курдов, то уже первые шаги турецких националистов, а именно решения и манифесты Эрзурумского и Сивасского конгрессов и «Национальный обет» показали, что вся их политика направлена на сохранение за собой курдских провинций и колониального господства над курдами.

4. Серьезный удар по курдскому освободительному движению нанесла Лозаннская конференция, в результате которой с точки зрения международно-правового

статуса национального движения курдов были шагом назад по сравнению с Севрским договором. Лозаннская конференция показала, что империалистические державы Запада рассматривали курдский вопрос в качестве разменной монеты в соперничестве с Турцией из-за Мосульского вилайета. Добившись своих целей, они легко отказались от идеи независимого Курдистана и дали таким путем турецкой реакции «право» на игнорирование национальных чаяний курдов и подавление их национального движения.

5. Шовинистическая политика турецких реакционных кругов в курдском вопросе была законодательно закреплена в первой конституции Турецкой Республики, принятой в 1924 г., что давало турецким властям возможность на «законном» основании игнорировать национальные чаяния нетурецких народов, жестоко подавлять национально-освободительное движение курдов в стране.

ГЛАВА II.

КУРДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1925 ГОДА (ВОССТАНИЕ ШЕЙХА САИДА)

Укрепив свою власть в стране, кемалисты стремились превратить Турцию в однородное в национальном отношении государство, сделать всех его подданных турками. Ассимиляторская политика правящих кругов страны в отношении национальных меньшинств в 20-е годы была наглядно видна на примере курдского населения. Прежде чем перейти к изложению этого вопроса, следует вкратце рассмотреть положение многомиллионного курдского крестьянства, которое, помимо национального, испытывало гнет собственных феодалов.

Власть курдских шейхов и вождей была очень велика: они зачастую сами взимали подати, чинили суд и расправу и т. д. Турецкая печать в связи с восстанием шейха Саида в тот период много писала о социально-экономическом положении восточных вилайетов, о господстве курдских шейхов и вождей племен, против которых якобы турецкие власти вели борьбу в интересах широких масс курдов. Несмотря на тенденциозность и политическую направленность многих публиковавшихся статей, они в известной мере дают представление о социальных отношениях среди курдов Турции. Так, газета «Акшам» 19 сентября 1925 г. писала: «Крестьяне деревня не обладают никакими правами— таково их правовое положение. Что же касается их обязанностей, они формулируются в короткой фразе: «работать до смерти». И бедственное положение доводит их до степени подлинного рабства... Постоянная пища крестьянина—хлеб из проса и немного сухого сыра. Крестьянин без усталости работает на деревня, наполняя его закрома. Кехайя, эмиссар деревня, оставляет крестьянину из этого урожая ровно столько, чтобы работник не умер с голоду...».

Крестьяне за использование земель должны были

отдавать феодалу значительную часть урожая или определенное время гнуть спину на его полях. Преобладающими формами ренты были отработочная и натуральная.

В то же время крестьяне-курды должны были платить принудительную подать, называвшуюся «умой». От ее внесения не освобождались даже курды, которые уезжали на заработки в Стамбул, Зонгулдак, Измир и другие города. «Уму» выплачивали представители племен один раз в год или в два года. Размер ее устанавливался в зависимости от их заработка и степени влияния аги, который в случае необходимости мог взять подать силой (136, с. 197). В случае если кто-нибудь отказывался платить подать, его семья подвергалась насилию [213, 1932, с. 18].

Газета «Акшам» 19 сентября 1925 г. писала, что чем дальше от крупных центров, тем интенсивнее деятельность дербеев. В некоторых районах их влияние бывает настолько велико, что приобретает форму особой местной власти, которая существует наряду с органами центрального правительства. «В восточных вилайетах имеются такие дербейлики (вотчина феодала.—М. А.), что, когда переходишь из одного села в другое, испытываешь ощущение, будто пересекаешь границу двух государств. Когда спрашиваешь встречных вооруженных крестьян: «Кто вы?», они отвечают: «Люди такого-то аги».

Ликвидация султаната (1922) и халифата (1924) нанесла чувствительный удар по привилегиям курдских шейхов и вождей. Уничтожение шариатских судов лишило шейхов не только значительных доходов, но и ограничило их влияние среди курдских масс. Анкарское правительство усилило меры по укреплению влияния центральных властей на востоке страны. На административные должности в Турецком Курдистане стали назначать наиболее реакционных турецких чиновников. Постоянные задержки в выплате им жалования порождали безудержное взяточничество, приводили к незаконным поборам, ставшим обычными в практике государственной администрации в Курдистане.

Политика централизации и распространение на восточные вилайеты государственного законодательства вызывали резкое недовольство среди курдского населения. В этих условиях курдские патриоты стали готовить новое восстание.

1. Подготовка и начало восстания

Подготовка восстания, получившего позже название «Восстания шейха Самла», восходит к началу двадцатых годов. В результате усилий курдских патриотов к 1923 г. удалось активизировать деятельность Комитета независимости Курдистана («Азады»). Эта организация носила конспиративный характер и состояла из подпольных групп (по пяти человек в каждой). Каждый член ее имел свое звание и свое вымышленное имя, должен знать участников только своей пятерки, и поддерживал связь с одним из членов другой пятерки (147, с. 35).

Название Комитета также должно было держаться в тайне, а за выдачу организации предусматривалось суровое наказание. Во главе Комитета стоял полковник Джибранлы Халит-бей. В сравнительно короткое время Джибранлы Халит-бейу удалось заручиться сотрудничеством вождя племени мутки Хаджи Мусы, вождя племени хасананлы Хасананлы Халит-бей¹ и многих других вождей курдских племен. Комитет создал свои организации и в армии, где ему удалось привлечь на свою сторону некоторое число офицеров. Среди этих офицеров были выходцы из Ирака, и это обстоятельство помогло установлению связей с Багдадом и Халебом. Видными членами этой организации были офицер Ихсан Нури из Битлиса, лейтенант Исмаил Хаккы Шовеис из Сулеймании, Хуршит из Херту. Центр организации находился в Эрзуруме. По указанию этого центра Исмаил Хаккы Шовеис взял на себя обязанность создавать в различных районах Курдистана отделения этой организации. С этой целью он приехал в Диярбакыр. Здесь с участием Казри-бей Джемиль-паша, Джемиль-пашазаде Касым-бей, доктора Фуата, адвоката Мехмета-эфенди (Баве Тужо, или Хаджи Ахта), Экрем-бей Джемиль-паша и некоторых других курдских деятелей было основано отделение этой организации (145, с. 82). Связь между центром и

¹ Хасананлы Халит-бей был вождем одного из наиболее могущественных племен хасананлы. В одно время он командовал четырьмя полками «хамидие». Хасананлы Халит-бей собирал шхар со всех сел округа Малазгирт, что давало ему возможность содержать при себе отборную кавалерию в 100 человек. Кроме того, его поддерживало племя хасананлы, насчитывавшее сотню воинов ирегулярной кавалерии.

отделением в Диярбакыре осуществлялась через представителя отделения в Дарахини Тейиба Али.

Руководство Комитета независимости Курдистана стремилось заручиться в своей деятельности поддержкой местных властей, а также влиятельных шейхов востока страны. Это было важным фактором, необходимым для успешной вооруженной борьбы за осуществление целей Комитета (85, с. 45). Внимание Комитета особенно привлек шейх Саид, влияние которого распространялось на Хыныс, Гендж, Палу и простиралось до Диярбакыра¹.

Шейх Саид обладал огромным богатством. Богатство и влияние шейха Саида сыграли большую роль при решении членов Комитета независимости Курдистана о привлечении его на свою сторону. К концу лета 1923 г. Юсуф Зия, один из руководителей Комитета, депутат от Битлиса в ВНСТ первого созыва, отправился в Хыныс к шейху Саиду. Во время встречи он говорил о необходимости создания курдских организаций, которые будут бороться за предоставление независимости Курдистану. При этом он обещал шейху высокий пост в будущем правительстве Курдистана. В результате шейх Саид был введен в состав Комитета. С ним было договорено о взаимной информации мер по организации курдского восстания. После этого Юсуф Зия сообщил шейху Саиду пароль комитета.

Зимой 1923—1924 гг. в Палу состоялось совещание курдских руководителей, на котором присутствовали и деревен уезда Хани (вилайет Диярбакыр). Совещание приняло решение активизировать курдское подпольное движение.

Постепенно число сторонников курдского движения возрастало: почти все племена с помощью Комитета независимости Курдистана приобрели значительное количество оружия и боеприпасов.

Одновременно с вооружением племен и подготов-

¹ Шейх Саид родился в уезде Палу (вилайет Элязиг) в 1865 г. Дед его шейх Али Септи в конце XVIII в. переехал из деревни Септи (вблизи Диярбакыра) в Палу, где продолжал свои обязанности шейха. Шейх ордена «Накшбенди» Али Септи имел пятерых сыновей. Одного из них звали Махмудом—отец шейха Саида. После смерти Али Септи шейх Махмуд переехал на местоожительство в Хыныс, где Саид получил религиозное образование. Некоторые из потомков шейха Саида и ныне проживают в Пиране [147, с. 31].

кой восстания руководители курдского движения стремились добиться признания независимости Курдистана через Лигу Наций. Чтобы не привлечь внимание властей, руководители движения принимали те или иные решения тайно, на малочисленных по составу участников совещаниях. Так, весной 1924 г. Юсуф Зия прибыл в «гости» к Джибранлы Халит-бею в Эрзурум. На этой встрече было решено полностью вооружить племена с помощью шейха Махмуда и Исмаил-аги Симко, находившихся за пределами Турции, а также послать через Сирию в Лигу Наций требование о признании независимости Курдистана. С этим решением и личным письмом Джибранлы Халит-бея Юсуф Зия направился к шейху Саиду в село Колхисар (уезд Хыныс). Затем он посетил различные районы (Гёксу, Хаджи-Омер, Текман, Гёкоглан, Карлыова, Варто), где познакомил с этим решением курдских вождей [128, с. 126].

В это время в районе Хизана находилась турецкая дивизия, которая занималась подавлением движения ассирийцев. Начальником штаба этой дивизии был курд Ихсан Нури (впоследствии один из руководителей курдского восстания у Арарата). Кроме того, в ней служили курдские офицеры—Ванлы Расим, Хуршит, Тевфик Джемиль, Риза и др. Эти офицеры в соответствии с указаниями Комитета стали создавать на местах среди курдских племен повстанческие отряды.

Члены Комитета пытались наладить связи с оппозиционными Мустафе Кемалю кругами. С этой целью осенью 1924 г. Юсуф Зия в Стамбуле встретился с членами Прогрессивно-республиканской партии (ПРП) и другими оппозиционными правительству деятелями. После этого он выехал в Эрзурум и направил оттуда зашифрованную телеграмму своему брату лейтенанту Ризе, который служил в войсках, действующих по подавлению восстания ассирийцев в районе Хизана. Эта телеграмма была ошибочно принята за сигнал к всеобщему выступлению и курдские офицеры дивизии во главе своих подразделений под общим командованием Ихсана Нури восстали и ушли в горы [126, с. 173—174]. Однако это смелое выступление так и осталось локальной вспышкой, не получив поддержки со стороны курдских племен. В результате Ихсан Нури и другие курдские офицеры распустили своих солдат, а сами эмигрировали в Сирию, а оттуда в Южный (Иракский) Курдистан [145, с. 83].

Естественно, что эта деятельность курдских лидеров не могла не привлечь внимания турецких властей. Впервые о готовившемся восстании в Анкару сообщили секретным письмом руководители племени хормек. Мустафа Кемаль в связи с землетрясением в восточных вилайетах осенью 1924 г. посетил Эрзурум. Здесь он имел возможность убедиться в правильности сведений, сообщенных в письме. Вернувшись в Анкару, он отдал приказ об аресте Юсуфа Зии, Джибранлы Халит-бея и других видных курдских деятелей. В октябре 1924 г. турецким властям удалось арестовать Юсуфа Зию, и его отправили под сильной охраной в Битлис для предания суду военного трибунала. Помимо его были арестованы бывший член Представительного комитета Хаджи Муса и около 20 других видных курдских патриотов. Оставшийся еще на свободе Джибранлы Халит-бей не сумел разобраться в сложившейся обстановке. Он рассчитывал, что правительство не посмеет арестовать его. В крайнем случае, думал он, местное население и части армейского корпуса в Эрзуруме, а также связанные с ним племена поднимут восстание и освободят его. Но события приняли иной характер. Ночью 20 декабря 1924 г. верный правительству отряд арестовал Джибранлы Халит-бея в его резиденции и в ту же ночь отправил в Битлис [128, с. 127]. В 1924 г. были арестованы, а затем высланы из страны другие курдские политические деятели [170, с. 26].

После ареста Халит-бея председателем Комитета независимости Курдистана был избран шейх Саид. Комитет принял решение начать всеобщее восстание, освободить арестованных курдских руководителей [108, с. 246].

Шейх Саид получил распоряжение ускорить восстание, возглавить его и через Диярбакыр установить связи с курдами Сирии. Получив это сообщение, шейх Саид отправил Хасананлы Халит-бею письмо, в котором требовал при первой возможности атаковать Битлис и освободить Джибранлы Халит-бея, а сам 27 декабря 1924 г. прибыл в село Кырыкхан (уезд Палу). Здесь 4 января 1924 г. собрались вожди курдских племен близлежащих районов для обсуждения плана восстания. Туда же прибыл из Стамбула сын шейха Саида Али Риза [128, с. 123].

Еще до этих событий Али Риза в ноябре 1924 г. выехал через Диярбакыр в Халеб, чтобы окончательно согласовать организацию восстания с другими курдскими лидерами. Туда съехалось довольно много курдских деятелей из Турции, Сирии и Ирака. На этом собрании подробно было обсуждено положение в Турецком Курдистане. Почти все его участники пришли к выводу, что лишь восстанием можно обеспечить права курдского народа. Собрание приняло решение начать всеобщее восстание в Турецком Курдистане 21 марта 1925 г. (день национального праздника «ноуруз»), а также избрало руководящий орган восстания [126, с. 174]. Обсудив мероприятия по подготовке восстания, Али Риза 15 ноября выехал из Халеба и через неделю прибыл в Стамбул, где встретился с Сеитом Абдулькадыром. Во время этой встречи Али Риза рассказал о положении дел в восточных вилайетах, изложив соображения Комитета независимости Курдистана относительно восстания, а также свою точку зрения на планы курдских руководителей, находившихся в Халебе и Ираке. Сеит Абдулькадыр пригласил Али Ризу на 2 декабря к себе в Суадье для более свободной беседы. Во время этой беседы присутствовал и сын Сеита Абдулькадыра Сеит Мехмет. 4 декабря 1924 г. Али Риза вновь посетил Сеита Абдулькадыра, который сообщил ему, что уже с сентября 1924 г. его представитель Кёр Саади ведет переговоры с сотрудником английского посольства о поддержке англичанами курдского движения. Далее он подчеркнул, что после успешного окончания этих переговоров он сам выедет в восточные вилайеты с целью обеспечения единства в курдском движении [212, 17, 18, 21, VIII. 1925].

Обо всем этом Али Риза рассказал участникам собрания. Кроме того Али Риза сообщил собранию, что в Анкаре и Стамбуле он встречался с оппозиционными правительству деятелями. Они заявили, что когда восстание начнется, они сообщат об этом в Лигу Наций. Собрание приняло к сведению это сообщение Али Ризы. В то же время участники собрания напомнили шейху Саиду, что если курды-кызылбаши (алеви), проживающие в районах Варто (вил. Муш) и Хыныса (вил. Эрзурум), не присоединятся к ним, могут возникнуть определенные трудности с проведением восстания.

Было известно, что племя хормек (кызылбаши), кочевавшее в районе Варто и Киги (вил. Бингёль), еще раньше выступило против планов Джибранлы Халит-бея. Поэтому в тот же день три вооруженных представителя этого собрания с письмом шейха Саида направились к вождям племени хормек. В связи с этим вожди племен-кызылбашей устроили собрание, которое приняло решение всеми силами бороться против планов восстания, о чем и сообщили представителям шейха. Более того, они отправили письмо шейха турецкому чиновнику—каймакаму Варто Сырры-бею, который немедленно сообщил об этом в вилайет Муш. В то же время шейх Саид попытался привлечь к восстанию курдов Дерсима и Муша. Однако эти попытки не дали положительного результата [117, с. 225].

Шейх Саид, Али Риза и некоторые другие вожди и шейхи племен выехали из села Кырыкхан и 6 января 1925 г. прибыли к Джибранлы Кямиль-бею в село Каниреш (уезд Варто). Здесь состоялось второе собрание, на котором шейх Саид поручил вождям, в случае восстания, в первую очередь расправиться с племенем хормек. 8 января 1925 г. он прибыл в деревню Меликан (уезд Солхан, вил. Бингёль), где курдские руководители приняли решение: начать восстание и наступать на Диярбакыр, Битлис, Эрзинджан, и, двигаясь к границам Ирака, попытаться объединиться с шейхом Махмудом [128, с. 131].

В то время как во многих курдских районах востока страны велась усиленная подготовка к восстанию, вожди племен Дерсима (кызылбаши) продолжали споры о путях борьбы против турецкого гнета. При этом многие из них вели соглашательскую политику, заботились главным образом о личном благополучии, все еще питая иллюзии относительно политики кемалистов в курдском вопросе. К числу их относился и «дерсимский» депутат ВНСТ первого созыва Хасан Хайри. На радикальных позициях стояли Сеит Риза, Байтар Нури Дерсими и некоторые другие курдские лидеры, которые не верили обещаниям турецких властей и считали, что курды смогут добиться своих национальных прав только путем вооруженной борьбы.

В один из вечеров конца 1924 г. в доме вождя племени Ферхадан Джемшида в г. Хозате (вил. Тунджели) состоялось собрание руководителей курдских племен Дерсима, в котором приняли участие Хасан Хайри

и Нури Дерсими. На этом собрании Хасан Хайри выступил против антитурецкой борьбы дерсимцев, за сотрудничество с кемалистами, как это имело место в период Лозаннской конференции, когда курдские депутаты меджлиса, по предложению М. Кемаля, отправили на конференцию несколько телеграмм, в которых утверждали, что курды не хотят отделяться от турок. Затем Хасан Хайри, обращаясь к Нури Дерсими, сказал: «Мой товарищ доктор Нури много лет направляет борьбу за независимость Курдистана. Эта борьба приведет к гибели Дерсима. Доктора Нури я очень люблю, однако его взглядов не разделяю. Мы, сотрудничая с турками, просветим нашу нацию, и тогда свобода придет сама собой...».

На это Нури Дерсими ответил: «Уважаемый Хайри-бей, ты сейчас являешься курдским депутатом, отделившимся от турок. Вступив в ряды ПРП, ты стал противником Мустафы Кемаля; надеешься благодаря ПРП вновь стать депутатом, но ошибаешься. Придет время, когда ты не сможешь произнести даже слово «курд»...».

Далее Нури Дерсими продолжал: «Мы должны воспользоваться представившейся возможностью и порвать связь с турками. Посылая телеграмму Лозаннской конференции, может быть, вы вырыли себе могилу» [126, с. 189]. Последующие события показали, насколько пророческими были эти слова.

Следовательно, в то время как к востоку от Дерсима курды готовились к всеобщему выступлению, некоторые дерсимские лидеры, вопреки национальным интересам, вели междоусобную борьбу за теплые местечки в ВНСТ второго созыва. Все это, естественно, было на руку правительству, которое, играя на межплеменных противоречиях, проводило свою антикурдскую политику.

9 января 1925 г. шейх Саид выехал из Мелекана и в течение января посетил города Дарахини (Гендж), Лидже и Хани, где встречался с местными курдскими вождями [128, с. 131—132]. 5 февраля со ста вооруженными всадниками и многочисленными вождями прибыл в деревню Пиран¹ и остановился у своего бра-

¹ Пиран находится в уезде Эргани вилайет Бингёль (бывший вилайет Гендж)

та Абдурахмана. Именно здесь произошло событие, ускорившее начало восстания.

Вечером того же дня в деревню Пираи прибыл отряд из 15 жандармов под командованием двух офицеров и потребовал от шейха Саида выдать 10 курдов, которые обвинялись в убийстве.

Переговоры в таких условиях, когда с каждой стороны противостояли вооруженные отряды, не могли привести успеха, и в результате 8 февраля в столкновении было убито несколько жандармов, а остальные во главе с офицером были взяты в плен. Это преждевременное столкновение сорвало план восстания.

Правда, после этой схватки шейх Саид, считая, что курды еще не готовы к всеобщему выступлению, выехал оттуда в сторону Генджа с намерением локализовать события в Пирае. Однако, узнав о событиях в Пирае, брат шейха Тахир 10 февраля захватил почту из Лидже в дер. Серди и с отрядом в 200 человек 11 февраля прибыл в Гендж к шейху Саиду и передал ему захваченные документы и деньги. Эти два события означали по существу начало восстания. В этих условиях шейх Саид мог только заявить: «Очевидно это судьба» [126, с. 176].

Встав во главе восстания, шейх Саид и его соратники силами примерно в 10 тыс. человек заняли 14 февраля Гендж [128, с. 132].

После пленения курдами губернатора и других турецких чиновников вождь племени модан Факи Хасан был назначен губернатором Генджа. За подписью шейха Саида был издан чрезвычайный закон, согласно которому Гендж объявлялся временной столицей Курдистана, каждый курд становился борцом за веру, вся власть, как светская, так и духовная переходила к шейху Саиду.

Повстанцы опубликовали также воззвание, в котором объявлялось об уничтожении тяжелого и ненавистного налога «ашара». Взамен этого население призывалось снабжать повстанцев продовольствием. Это важное мероприятие нашло горячий отклик среди широких крестьянских масс, большая часть которых с оружием в руках выступила против гнета турецких властей [80, с. 54].

План организации восстания выглядел следующим образом: главнокомандующим всеми повстанческими силами стал шейх Саид, заместителем его — Факи Ха-

сан, который находился в Гендже. Шейх Саид должен был сосредоточить все свои отряды в Теляду и подготовить наступление на Диярбакыр. Стремление занять Диярбакыр имело две основные причины: во-первых, Диярбакыр рассматривался как предполагаемая столица независимого курдского государства. Поэтому со взятием Диярбакыра руководители восстания должны были провозгласить создание независимого Курдистана. Во-вторых, этот успех мог содействовать установлению контактов с границей, откуда курдские вожди надеялись получить военную и материальную помощь. Руководство пропагандистской работой и мобилизацией материальных и людских ресурсов возлагалось на шейха Ибрагима из Чана [147, с. 40—41].

Все это свидетельствует о том, что восстание готовилось долгое время и не было результатом случайной стычки между жандармами и курдами. Представляет интерес тот факт, что шейх Ибрагим, ведя пропагандистскую деятельность, распространял среди населения воззвания, которые были отпечатаны типографским способом.

В короткий срок восстание распространилось на 14 восточных и юго-восточных вилайетов страны [116, с. 308].

Успеху первого периода восстания способствовал ряд факторов:

Удачный выбор района восстания: пересеченный характер района восстания давал преимущества повстанцам и затруднял в оперативном отношении действия правительственных войск.

Благоприятный этнический состав района восстания: так, в вилайетах, охваченных восстанием, проживало более 600 тыс. курдов.

У нас нет официальных данных об этническом составе восточных районов Анатолии к началу восстания, т. е. к 1925 году. Поэтому мы обратимся к переписи населения 1927 года.

Перепись 1927 г. показала следующее соотношение между курдами и турками в вилайетах, в той или иной степени, охваченных восстанием (см. табл.) [41, с. 70—71].

Следует отметить, что к началу восстания в перечисленных выше вилайетах курдов было гораздо больше. В результате жестокого подавления восстания, насильственного переселения курдов, а также размещения турецких иммигрантов в этом районе процент курдов за-

метно сократился, а процент турок увеличился. Тем не менее, даже по приведенным данным, курдов в этих вилайетах было около 640 тыс. — в 2,5 раза больше, чем турок. Кроме того, в районе восстания жило более 100 тыс. черкесов, арабов, ассирийцев и других национальных меньшинств.

Вилайеты ¹	Общая численность населения	В том числе		
		турок	курдов	% курдского населения
Баязит	104.586	43.570	60.928	58
Битлис (Муш)	90.631	20.689	67.678	75
Диярбакыр	194.316	56.151	132.209	69
Элязиз	213.777	97.657	112.493	53
Хаккяри	24.980	1.044	17.005	69
Мардин	183.471	11.864	109.841	61
Сиирт	102.433	5.479	75.962	75
Ван	75.329	17.399	57.723	77
Итого:	989.523	253.853	633.837	

Все это несомненно благоприятствовало развитию восстания.

«Весь Курдистан был охвачен огнем восстания и угрожал восточным провинциям, молодая Турция дрогнула...», — писал Армстронг [154, с. 264].

2. Ход восстания

16 февраля шейх Саид прибыл из Дарахини в Гендж и, вступив в командование отрядами Хаджи Хасана, Омера Фаро, а также племенами мистан и ботан, и, позднее, отрядами Салих-бея (из Хани), двинулся через ущелье Хани на Диярбакыр. 28 февраля в окрестностях Диярбакыра к нему присоединился крупный

¹ Вилайеты даны по административному делению того периода.

отряд шейха Шемсеттина. Брат Саида вместе с присоединившимся к нему шейхом Эюбом, отряд которого насчитывал 500 воинов, двинулся на Эргани. 28 февраля шейх Саид достиг местечка Тала (севернее Диярбакыра) и разместил там свой штаб. Его армия к тому времени насчитывала около 20 тыс. человек [128, с. 133]. Здесь он ждал сведений от курдских сил, которые действовали в районах Мардин, Эргани, Сиверек, Маден.

Следует отметить, что успешное продвижение курдов не походило на строго организованное наступление регулярных войск. Шейх Саид располагал не регулярными войсками, а лишь отрядами курдских племен, во главе которых стояли главным образом шейхи, вожди, отставные офицеры турецкой армии. По мере продвижения курдов к ним присоединялось местное население. После взятия каждого населенного пункта в нем устанавливалась новая администрация, которая не всегда управляла лучшим образом. Тем не менее необходимо отметить, что со времени начала восстания до прихода к власти кабинета Исмет-паши (3 марта 1925 г.) военное преимущество было на стороне курдов. Это объяснялось в значительной мере тем, что районы военных действий были населены преимущественно курдами, находившихся под значительным влиянием шейха Саида и его сподвижников. При этом шейх Саид на первый план выдвигал лозунг защиты религии от «неверных» правителей Анкары, скрывая от широких масс истинные цели восстания—создание независимого Курдистана со столицей в Диярбакыре. Такая политика имела отрицательную сторону: многие курдские руководители не придавали серьезного значения религиозной кампании шейха Саида, не желали сражаться лишь во имя «уважения религии». В частности, курдские племена Дерсима и Муша к этому восстанию не присоединились, но готовы были бороться за создание курдского государства [147, с. 83].

Курдские руководители намеревались провозгласить независимое государство после захвата Диярбакыра. Однако Диярбакыр изменил ход борьбы в пользу турецких властей.

Шейх Саид понимал, что его силы недостаточны, чтобы с ходу занять Диярбакыр. Поэтому он начал переговоры с представителями турецких властей, чтобы выиграть время и дать возможность курдским патриотам поднять восстание в самом Диярбакыре. В

свою очередь армейский инспектор Кязым-паша (Орбай), губернатор Али Джемаль (Бардакчы), командующий корпусом Мурсель-паша, заняв все стратегические пункты в городе, ждали прибытия подкреплений. Власти отказались выдать местному населению оружие. Город оборонялся только регулярными войсками. Поскольку турецкое командование отказалось сдать город, в начале марта шейх Саид принял решение начать наступление на Диярбакыр. Слабо вооруженные курдские отряды с разных сторон с боями пытались проникнуть в город. Атака началась 11 марта. Ночью отборный отряд курдских воинов через Мардинские ворота ворвался в город и присоединился к сторонникам шейха, которые под лозунгами «Да здравствует независимость!», «Да здравствует Курдистан!» сражались с превосходящими силами турок [108, с. 247]. В результате ожесточенных, но неравных боев курды потеряли 150 человек убитыми, остальные под покровом ночи покинули город или разбежались по домам.

После неудачной попытки занять Диярбакыр шейх Саид отдал приказ об отступлении. Касаясь последнего периода восстания, шейх Саид позже на судебном процессе в Диярбакыре говорил: «После того, как наше наступление потерпело неудачу, мы приняли решение об отходе. Я отпустил своих воинов на шесть дней домой, а сам прибыл в район Карзар. Там пробыл пять-шесть дней. Побывавшие дома воины вернулись спустя восемь дней. В то время я находился в селе Тылхам. Ночью мы двинулись по направлению к Сивереку. Оставалась открытой лишь дорога на Мардин. Оттуда правительственные войска двигались к Диярбакыру. И мы, чтобы перерезать дорогу, заняли села Дегеджюк, Джабар, Хаджи-Лейлек, Гавзедан и Каракилисе. Здесь мы узнали, что из Сиверека идут милицеские силы (отряды курдов заза), а также турецкий кавалерийский дивизион. Навстречу им я послал 300 воинов. Они разгромили правительственные войска и захватили в плен 80 человек из племени «заза» [147, с. 87].

Несмотря на отдельные успехи, положение повстанцев с каждым днем ухудшалось. Повстанцев с севера теснили 40 тыс., с юга—30 тыс. правительственных войск [109, с. 313]. В этой обстановке шейх Саид предпринимал отчаянные усилия по координации действий курдских руководителей, мобилизации материальных и

людских ресурсов, улучшению положения повстанческого движения.

Шейх Саид писал своему брату Абдуррахману и шейху Исмаилу: «В пятницу в 4 часа я получил ваше письмо от 19 шабана (15 марта 1925 г.). Там же я нашел письмо шейха Мехмета Решида. Вы говорите, что Позан-ага и шейх Эюб прибыли в Карабахче, и хотите, чтобы я тоже прибыл туда. Я хотел бы и сам посетить вас, но я только что послал Решид-агу со 100 всадниками на восточный фронт и, если на то будет воля божья, ожидаю сегодня прибытия племени тергиан; его я тоже пошлю на фронт. Я послал (в районы) также шейха Тахира и шейха Сараджа для вербовки воинов. Они еще не вернулись... Как только они... вернутся, я приму здесь меры и отправлюсь в ваши районы для беседы с Позан-агой и шейхом Эюбом. Советую нашим воинам проявлять терпение и рекомендую держать себя в соответствии с предписаниями шариата. Пусть они остерегаются грабить имущество и скот мусульман. Однако, я писал в предыдущем письме, в случае необходимости можно собирать продовольствие в амбары, выдавая при этом документ в получении такового. Позже... мы оплатим их либо натурой, либо деньгами...

Слуга воинов Мехмед Саид эль-Накшбенди» [185, 27. IV. 1925].

Однако никакие усилия повстанческого командования уже не могли преостановить наступление превосходящих сил турок. К тому времени к Диярбакыру подошли правительственные войска, которые стали теснить отряды шейха Саида к ущелью Хани. Здесь к шейху присоединились потрепанные в Эргани отряды Абдуррахмана. После непродолжительного сопротивления повстанцы были вынуждены отступить к Дарахини, а оттуда, разбившись на многочисленные группы, укрылись в лесах районов Гендж, Палу, Чапакчур (Бингёль). Шейх Саид с шейхами различных племен покинул Дарахини и прибыл 27 марта в Чапакчур, где из Элязиза, Киги, Варто ждал прибытия Абдуллаха, Шефи и других шейхов [128, с. 134].

Еще 26 марта регулярные турецкие войска начали широкое наступление в районах Диярбакыр, Варто и Элязиз. В результате IX корпус занял Варто. Турецкое командование намеревалось окружить повстанцев и

воспрепятствовать уходу их в Ирак, Сирию и Иран [117, с. 226].

Вторым районом, охватывавшим Элязиз и примыкающие к нему территории, командовал шейх Шериф (из Гёкдере). В его распоряжении находились племена районов Шаки-Варто, Чапакчура, племена зава из Гёкдере и Палу, а также роды мусьян, окчийи и азаи. 21 февраля шейх Шериф занял уезд Палу и 5 марта подошел к Элязизу. Часть именитых граждан Элязиза выступила на стороне повстанцев и впустила их в город. Курды взяли в плен представителей власти, освободили заключенных, захватили склады оружия и боеприпасов [126, с. 135].

Шейх Шериф встретился в местечке Хюсейник и беседовал с бывшим депутатом ВНСТ Хасаном Хайри. 6 марта он назначил губернатором Элязиза мюфту Мехмета-эфенди и за подписью своей и Хасана Хайри дал вождям дерсимских племен следующую телеграмму: «Сохраняйте спокойствие, в ближайшее время с делегацией прибудем в Дерсим, успехов вам» [126, с. 180].

Туркофильская позиция Хасана Хайри и его успокоительные телеграммы повредили повстанческому движению курдов. 16 марта часть дербеев Западного Дерсима прибыла в Диярбакыр и заявила о своей покорности правительству, а некоторые племена Восточного Дерсима увеличили численность своих отрядов, направленных в распоряжение турецкого командования [147, с. 87].

Касаясь позиции вождей дерсимских племен депутат ВНСТ первого созыва Диан-ага во время беседы с корреспондентом газеты «Вақыт» заявил, что они с самого начала восстания решительно встали на сторону правительства против шейха Саида [235, 27. V. 1925]. Это был несомненный успех кемалистов.

В то время, как почти весь Курдистан поднялся против турецких властей, дерсимцы оставались, как правило, в стороне.

Подобное положение отвечало планам турецкого правительства, которое намеревалось расколоть курдов, подавить освободительное движение в Курдистане по частям. Когда в последствии этот план был осуществлен по всему Курдистану (кроме Дерсима), по личному приказу Мустафы Кемали, Хасан Хайри и его

племянник Джеляль Мехмет были арестованы и повешены в Элязизе [126, с. 187].

Однако следует отметить, что не все курдские лидеры Дерсима изъявили покорность правительству. Более того, некоторые из них намеревались присоединиться к повстанцам. В частности, Сеит Риза надеялся, что после взятия Элязиза шейх Шериф двинется на Малатю, а он выступит во главе племен Эрзинджана и Кочкири по направлению к Сивасу. Однако в это время части командующего 5-й дивизией Кязым-паша начали наступление на Элязиз. Наступлению правительственных войск способствовали анархия, грабежи, начавшиеся в Элязизе разногласия среди курдских руководителей, а также переход на сторону турок части вождей племен Элязиза.

Вождь племени шадан Неджип-ага (из Охи), курдские беи Элязиза, такие племена восточного Дерсима, как хверан, лолан, изолан, суран во главе с духовной главой Догандедеоглу Хюсейном, поддавшись на обещания турецкого командования, ударили в тыл повстанческим силам шейха Шерифа. В итоге 1 апреля 1925 г. повстанцы были вынуждены отступить к Палу [126, с. 187], куда подходили регулярные части Кязым-паши. Значительная часть курдов (примерно 5 тыс. человек) отступила к ущелью Мендо и устроила там засаду, в которую попала 5-я дивизия Кязым-паши. 3 апреля в ущелье началось ожесточенное сражение, которое продолжалось сутки. Несмотря на упорное сопротивление, курдские отряды были вынуждены оставить ущелье и скрыться в окрестных лесах, а шейх Шериф с несколькими своими сподвижниками направился к Чапакчур, чтобы присоединиться к шейху Саиду. 6 апреля правительственные войска вступили в Чапакчур, и шейх Саид, сопровождаемый 300 всадниками, был вынужден отступить по направлению к Солхану. Кязым-паша, подавив восстание в районе Чапакчур, передал этот регион командиру полка 8-го корпуса каймакаму Сами-бею, прибывшему из Эрзурума, а сам вернулся в Палу [128, с. 135—136].

Третьим районом восстания руководили шейхи Мустафа и Ибрагим (оба из Чана). 17 февраля они заняли уезд Чапакчур и назначили каймакамом города шейха Хасана (из Чана). 20 февраля с двумя тысячами повстанцев они вступили в уезд Киги. Против курдов турецкое командование двинуло 8-й армейский кор-

пус, части которого, действуя в условиях сильно пересеченной местности, терпели поражение [126, с. 178].

На помощь турецким властям выступило племя хормек. Вождь этого племени Кючюк Агаоглу Мехмет Хулюси-эфенди выставил против повстанцев вооруженный отряд в 300 человек, его брат Али Кемаль с отрядом в 100 человек ударил в тыл повстанцам. В результате повстанцы были вынуждены отступить к Санджаку, но здесь им преградили путь отряды племен хормек, на помощь которым двигались правительственные войска. Каймакам Салим-бей, перевалив со своим полком через горы Хыркал и Чевреш, 5 апреля вступил в долину Карлыова и присоединил к своим подразделениям отряды племени хормек. Правительственные войска вместе с верными им племенами в долине Карлыова нанесли поражение курдам племени джибран, вожди которого Баба и Хатто с 50 всадниками отступили к району Солхан и в местечке Эшек-Мейдан присоединились к шейху Саиду.

Турецкие руководители телеграфно поблагодарили население Киги, вождей племени хормек за помощь, оказанную правительственным войскам. Телеграммы были посланы от президента Турецкой Республики Мустафы Кемалья, командующего 11-й дивизией Османа Нури [128, с. 137—138].

Четвертым районом восстания руководили шейх Абдуллах (из Мелекана), полковник Хасананлы Халит-бей, Али Риза и аги племени джибран. За короткое время повстанцы заняли Солхан, Гейнюк, Варто, Малазгирт, Муш. Шейх Абдуллах намеревался захватить Эрзурум, затем совместно с Хасананлы Халит-беем и Али Ризой взять Битлис и освободить Джибранлы Халита. Освободительные устремления Джибранлы Халит-бея наибольшее влияние оказали на курдов этого района, которые хотели освободить Джибранлы Халит-бея и присоединиться к курдам у иракской границы.

11 марта 1925 г. повстанцы во главе с шейхом Абдуллахом с тяжелыми боями вторглись в Варто. На следующий день шейх Абдуллах направил к вождям племени хормек своих представителей и предложил им присоединиться к нему. В этом случае он обещал им передать управление Варто и Мушем. Однако вожди племени хормек отказались принять это предложение и в тот же день обратились к командиру турецкого отряда в Хынысе с просьбой дать им оружие и

боеприпасы. Турецкое командование немедленно удовлетворило их просьбу.

Прошло пять дней после взятия повстанцами уезда Варто. Оставив часть людей в городе, шейх Абдуллах во главе отряда из 100 человек выступил по направлению к ущелью Арпадереси, но был остановлен верными правительству племенами хормек, черек, лолан, а также турецкими жандармами Хыныса.

После этого повстанцы поняли, что им через ущелье Арпадереси не пройти. Поэтому 19 марта 1925 г. 200 повстанцев во главе с братьями Джибранлы Халита—Селимом и Ахмедом покинули Варто и присоединились к Хасананлы Халиту в уезде Малазгирт.

В результате мер, которые были приняты турецким командованием, повстанцы не смогли взять район Битлиса и Муша. После сражения у моста р. Мурад руководители Комитета независимости Курдистана Джибранлы Халит-бей, Хаджи Муса-бей, Юсуф Зия-бей были военным трибуналом приговорены к смертной казни [145, с. 83].

Узнав о казни видных курдских политических деятелей, шейх Абдуллах и руководители племени джибран собрали значительные повстанческие силы и 20 марта 1925 г. устроили засаду у села Сёйлемез (уезд Хыныс) и разгромили подразделения 34 полка 12-й турецкой дивизии. Однако силы были неравны; повстанцы были вынуждены отступить.

22 марта 1925 г. вновь произошло ожесточенное сражение у Арпадереси, но опять курды были вынуждены отступить. Подавив восстание в районе Варто, командующий 12-й дивизией Осман-паша стал готовиться к новому преследованию повстанцев.

27 марта 1925 г. Хасананлы Халит, Али Риза, братья Джибранлы Халита и некоторые другие курдские вожди с отрядом в 1000 всадников, после безуспешной атаки Хыныса [128, с. 143—145], вынуждены были отступить в восточном направлении. В это время турецкие силы, находившиеся в Каракёсе, с помощью вождя племен хайдеран навязали повстанцам новое сражение, после которого Хасананлы Халит-бей вместе со своими соратниками перешел границу Ирана и двинулся к Маку. Иранское правительство встретило курдских повстанцев огнем. В боях погибли сын Хасананлы Халит-бея Шемсеттин, сын шейха Саида Абасеттин, вождь племени зерган Керем и многие другие

[126, с. 179]. После этого боя Хасананлы Халит-бей и Али Риза вместе с оставшимися воинами присоединились к курдскому вождю Симко¹.

Неудачи восставших курдов во всех районах во многом были результатом той напряженной военно-административной и политической деятельности, которую осуществляли турецкие правящие круги по подавлению восстания.

3. Законодательные и военно-административные меры по подавлению восстания

Как было отмечено выше, вопреки ожиданиям турецких властей восстание вначале быстро распространилось по восточным и юго-восточным вилайетам страны. Хотя турецкое правительство знало о курдском движении на востоке страны, размах восстания оказался неожиданным для него. Этим можно в известной мере объяснить оптимистические сообщения прессы, а также хвастливые заявления официальных представителей властей о быстром подавлении «движения реакционного шейха».

Так, 18 февраля 1925 г. на заседании ВНСТ на запрос одного из депутатов министр внутренних дел заявил: «В Гендже появился бандит по имени шейх Саид. Вместе со своими сторонниками он начал грабежи в округе. Однако в результате серьезных мер, принятых правительством, он будет в самое ближайшее время ликвидирован» [124, с. 39].

В этой связи представляет интерес также заявление поверенного в делах Турции в Москве Энис-бея сотруднику РОСТА. Энис-бей сказал: «...никакой опасности для правительства и спокойствия страны это движение не представляет. Шейх Саид выступает под прикрытием религиозных лозунгов. Поэтому весьма возможно, что в Турции найдутся отдельные реакцио-

¹ Курдский патриот Хасананлы Халит-бей весной 1926 г. вместе с 25 всадниками вернулся в Турцию (Малазгирт) с целью поднять новое восстание. Однако товарищи его сдались каймак-аму, Хасананлы Халит-бей со своими двумя сподвижниками был ночью схвачен в селе Ширваншейх и повешен 31 июля в Диярба-кыре. Что касается Али Ризы, то он из Ирана уехал в Ирак, а затем в Сирию, где вступил в курдскую военно-политическую организацию «Хойбун» [128, с. 146].

неры, которые будут сочувствовать движению шейха Саида. Но широкие массы, безусловно, чужды движению... Я не сомневаюсь, что как прошлогоднее восстание племени айсоров было ликвидировано правительством, так и нынешнее восстание окончится полным крахом шейха Саида» [178, I. III. 1925].

Таковы были первые, полные оптимизма официальные заявления турецких руководителей о событиях на востоке страны. В то же время, понимая всю серьезность положения, они стали принимать меры по подавлению восстания.

21 февраля 1925 г., по приглашению Мустафы Кемала, из Стамбула срочно прибыл в Анкару Исмет-паша. Его на вокзале встретил М. Кемаль вместе с другими руководителями Турции [147, с. 12]. Отсутствовал лишь премьер-министр Фетхи-бей (Окьяр).

Приезд в Анкару Исмет-паши вызвал различные толки в стране. Хотя Исмет-паша в ноябре 1924 г. ушел в отставку с поста премьер-министра, он продолжал оставаться заместителем генерального председателя Народно-республиканской партии. Официальная печать стала объяснять приезд Исмет-паши его желанием «погулять» в Анкаре, встретиться с товарищами из правительства, меджлиса и НРП; после чего он вернется в Стамбул, где продолжит лечение [147, с. 14].

Однако весть о том, что Исмет-пашу встречал сам президент республики, не оставляла у общественности страны сомнения в том, что готовятся изменения в правительстве.

Хотя пресса продолжала печатать бодрые сообщения о событиях в Гендже, повстанцы, заняв к тому времени значительную территорию, успешно сражались с правительственными регулярными войсками. Об этом М. Кемаль рассказал Исмет-паше сразу же по его приезде в Анкару. Во время беседы он отметил, что премьер-министр Фетхи-бей не разделяет этих взглядов, считает восстание курдов событием локальным и недооценивает серьезности положения. После продолжительной беседы два турецких лидера пришли к выводу о необходимости принять срочные меры по подавлению курдского восстания и любых антиправительственных выступлений, любой оппозиционной деятельности в стране. В тот же день, вечером, президент Турецкой Республики пригласил на ужин Исмет-пашу, а также председателя ВНСТ Кязым-пашу. Три военных деятеля рас-

сма тривали меры, которые, по их мнению, следовало принять.

На следующий день, в воскресенье, 22 февраля 1925 г. (тогда еще выходным днем оставалась пятница), состоялось заседание парламентской фракции НРП. Это заседание рассматривало вопрос о табачной монополии «режи» и формально не касалось событий на востоке страны. Но оно было использовано М. Кемалем для обмена мнениями по этому вопросу с некоторыми министрами и депутатами. В тот же день М. Кемаль вновь пригласил к себе Исмет-пашу, Кязым-пашу, а также премьер-министра Фетхи-бея. На этот раз разговор пошел о восстании шейха Саида, о мерах, которые следует принять для его подавления. Во время беседы выявились два мнения. М. Кемаль, Исмет-паша (их в правительстве поддерживали Махмут Эсат-бей, Исхан-бей и некоторые другие) стояли за принятие чрезвычайных мер по подавлению восстания. Но Фетхи-бей был против преувеличения размеров восстания, особенно печатно, а также стремлением отдельных лиц усидить политическую напряженность в стране.

Поздно ночью с 22 на 23 февраля под председательством президента состоялось заседание Совета министров. В нем принял участие и начальник генерального штаба Февзи-паша (Чакмак). На этом заседании правительство приняло решение объявить район восстания на чрезвычайном (осадном) положении сроком на один месяц. Однако это решение в соответствии со 86 статьей конституции Турецкой Республики подлежало утверждению ВНСТ. Поэтому за подписью Фетхи-бея это решение было в ту же ночь направлено на утверждение меджлиса. В решении говорилось, что «восстание против вооруженных сил правительства в одной из частей вилайета Эргани охватило вилайеты Диярбакыр, Элязиз, Гендж. Поскольку оно имеет тенденцию расширяться в вилайетах Муш, Эргани, Дерсим, Диярбакыр, Мардин, Урфа, Сиверек, Сирут, Битлис, Ван, Хаккяри, а также на уезды Киги и Хыныс Эрзурумского вилайета объявлено осадное положение сроком на один месяц» [206, 24. II. 1925]. ВНСТ одобрило это решение правительства. В соответствии с этим решением в вилайетах, объявленных на осадном положении, были созданы военные суды, которые должны были рассматривать все преступления, связанные с повстанческим движением.

24 февраля состоялось заседание парламентской группы депутатов Народно-республиканской партии, на котором с объяснением генджских событий выступил глава правительства Фетхи-бей и министр внутренних дел Джемил-бей. Премьер-министр уже не говорил, как ранее, о «бандитизме», а подчеркивал «реакционный характер восстания». Затем на заседании было зачитано воззвание шейха Саида, который якобы призывал к созданию независимого Курдистана, к восстановлению халифата, установлению норм «шариата», а также к борьбе за свержение правящей «атеистической» власти [147, с. 22]. Все выступавшие в целом охарактеризовали восстание как реакционное, вызванное главным образом «религиозным фанатизмом курдов», и подстрекательством иностранной державы. В этом же духе писала большая часть турецкой прессы, которая призывала принять самые жестокие меры по отношению к курдам.

«Патриотическое чувство чуждо первобытному существованию племен,—писала «Акшам».—Их не связывает более и действительная религиозная солидарность... Как только они встречаются лицом к лицу с регулярной силой, имеющей пушки, аэропланы и определенную организацию, все эти отряды быстро рассеиваются. Первое, что нужно сделать, это подавить восстание военными средствами. Никакого сожаления не может быть допущено в этом отношении. Второе—это ликвидировать старые ошибки и создать административный организм, применительно к нуждам каждой местности» [185, 26. II. 1925].

Газеты «Хикимети миллие», призывала покончить с «попустительством» и «великодушием», которые якобы проявляли турецкие власти. Она выражала уверенность, что «грабительское и разрушительное движение... встретит перед собой силы великой турецкой революции, ни в одном пункте земного шара не поступившейся своими священными законами» [206, 24. II. 1925].

Более цинично высказывалась «Танин». «Единственное, что нам остается в этой обстановке—подавить восстание в зародыше. Совсем не важны причины, вызвавшие это движение: реакция, иностранное подстрекательство или результаты нашей плохой администрации... В то время когда огонь охватил крышу, было бы глупостью заниматься отыскиванием причин пожара...

Когда проявляется гангрена, первое, что нужно сделать, это остановить ход зла быстрым и радикальным вмешательством... Малейшая нерешительность может поставить под угрозу не только спокойствие и благосостояние страны, но и само ее существование и ее спасение. Ясно, что военные операции будут вестись против наших братьев по религии, против детей одного и того же отечества; да, именно в этот момент турецкие аэропланы начали бомбить очаги таких же «турок»; но увы, нет другого средства, чтобы спасти турецкое отечество в целом» [230, 26. II. 1925].

Но не все газеты предлагали лишь расправиться с повстанческим движением. Некоторые из них пытались объяснить причины его, а также предлагали административные и социальные меры, которые устранили бы причины недовольства курдского населения страны. Например, газета «Стамбул» писала: «Наша молодая республика должна усилить свою реформаторскую пропаганду везде и в особенности в отдаленных провинциях страны. Лучшее средство для достижения этой цели — ввести хорошую администрацию и справедливость, сохранить порядок и безопасность и, наконец, улучшить экономическое положение. Не нужно забывать, что ненависть — плохой советчик» [212, 24. II. 1925].

Не поддерживали официальную версию о причинах восстания и некоторые депутаты меджлиса, которые на его заседании подчеркивали политический характер курдского движения. Так, на заседании ВНСТ депутат Эюб Сабри-ходжа (вилайет Конья) заявил, что мусульмане вовсе не фанатичны и что религия и политика разные вещи. А депутат дервиш Ильяс Самиэфенди (вилайет Мосул) подчеркнул, что восстание вызвано чисто политическими соображениями, что оно религиозно по форме. Примерно в этом же духе, выступил депутат Хаджи Ильяс-эфенди (вилайет Муш). По его мнению, хотя это движение возникло во имя религии, оно в то же время имеет политический характер и потому следует ему придавать такое значение, которое оно заслуживает» [185, 24. II. 1925].

После обсуждения положения на востоке страны министр юстиции Махмуд Эсат-бей прочел проект закона, разработанного кабинетом Фетхи-бея. В нем говорилось:

1. Считается преступлением против отечества любое действие, которое стремится письменно или устно

эксплуатировать в политических целях религиозные чувства народа.

2. Все те, кто использует религию в качестве орудия (письменно или устно), создает религиозные общества, а также публикует статьи или каким-либо другим способом использует религию в политических целях, рассматриваются как совершившие государственную измену.

Подавляющее большинство депутатов НРП высказалось за одобрение этого законопроекта. Против этого выступил депутат Али Шурури (Кареси), который предложил дать слово депутатам от восточных вилайетов. Однако большинство депутатов не поддержало это предложение. В итоге проект закона был одобрен голосами депутатов НРП [212, 25. II. 1925]. НРП официально сообщила, что она в целом одобряет меры правительства по подавлению повстанческого движения в Гендже и решила поддерживать их всеми способами [124, с. 47].

25 февраля ВНСТ приняло новую формулировку ст. 1-й закона об измене родине от 15 апреля 1923 г. (закон № 556). Отныне эта статья запрещала создание политических организаций на религиозной основе, а также использование религии для осуществления политических целей. Лица, создающие подобные организации, или вступившие в них, считались изменниками [35, т. 6, с. 107].

Касаясь обстановки в ВНСТ во время обсуждения проекта закона № 556, журналист Наджмеддин Садык писал, что после объяснения Фетхи-бея меджлис являл зрелище единения и согласия. Собрание, единодушно проголосовавшее за новую редакцию статей об измене родине, доказало, что перед лицом наступления реакции все конфликты исчезают сами собой. Декларации Кязыма Карабекир-паши (лидера «прогрессистов», которых называют оппозиционерами), — продолжал журналист, — хотя и были встречены аплодисментами, но вряд ли могут дать надежду внутренним и внешним врагам Турции. В этом случае благородство и патриотизм, высказанные новой партией, достойны всяческой похвалы [185, 27. II. 1925].

Другой журналист, Субхи Нури, касаясь позиции двух партий (НРП и ПРП) по вопросу об оценке курдского восстания, писал, что выступления Фетхи-бея в меджлисе с отчетом о событиях в Гендже и не менее

решительная отповедь повстанцам со стороны Кязыма Карабекира очевидно показали, что нет разницы в программах прогрессивной и народной партий. Соперничество выражается лишь в тактике, а также в борьбе между сильными личностями [212, 2. III. 1925].

Тем не менее следует отметить, что турецкие правящие круги не придерживались единой политики в вопросе подавления курдского восстания. Наблюдалось отличие взглядов как между НРП и ПРП, так и в самой Народно-республиканской партии. В этой партии было три течения: умеренное, крайне националистическое и «левое». Умеренное возглавлял Фетхи-бей, крайне националистическое — Исмет-паша, которого поддерживал М. Кемаль, «левое» (радикальное) — Махмуд Эсат. Крайние националисты, которых было большинство в руководстве НРП, ждали случая, чтобы устранить от управления страной умеренную группу, а также расправиться с «прогрессистами».

В этом отношении восстание шейха Саида явилось достаточно удобным моментом. Фетхи-бей был прежде всего обвинен в том, что он его прозевал. Ему инкриминировали недооценку размеров движения и опасности, которую оно сулило, нерешительности в выборе мер по его подавлению. Уже в самом начале событий наблюдалось характерное явление: часть членов НРП не только не прибегло к замалчиванию, преуменьшению размеров восстания, но, наоборот, как будто явно их раздувала. Несколько неожиданной казалась и позиция, занятая с самого начала Прогрессивно-республиканской партией. Если раньше она использовала любое затруднение правительства для его критики, то теперь «прогрессисты» сразу взяли тон безоговорочной поддержки правительства и не только не проявляли сочувствия к восстанию, но и продемонстрировали свою готовность активно содействовать его подавлению. Лидеры ПРП одобрили меры, предложенные кабинетом Фетхи-бея, и выступили в ВНСТ и в печати с декларацией, осуждающей восстание и обещающей правительству полную поддержку.

Говоря от имени ПРП, Кязым Карабекир-паша заявил, что он вполне согласен с правительством, считающим изменниками тех, кто использует религию в политических целях. Он заверил, что перед лицом любой опасности, угрожающей изнутри или извне, все

турки будут готовы выступить как один человек на защиту страны [230, 27. II. 1925].

Центральный комитет ПРП разослал своим провинциальным отделениям телеграммы, в которых требовал рассматривать восстание как реакционное, поскольку партия порицает принципы, которые стремятся осуществить это восстание [124, с. 47].

Кязым Карабекир обратился к генеральному секретарю своей партии с телеграммой, в которой писал: «Больше нет никакого сомнения: повстанческое движение в Гендже было организовано немногочисленной группой реакционеров с целью покушения на национальное единство и республиканские принципы. Мы отвергаем их усилия, которые могут лишь повредить целостности государства. Мы уже дали инструкции нашим филиалам» [230, 1. III. 1925]. Такая тактика ПРП объяснялась не только желанием отмежеваться от курдского движения, но и соображениями оборонительного характера. Руководство ее, конечно, знало о намерении сторонников Исмет-паши использовать события на востоке страны, чтобы раз и навсегда покончить с подымавшей голову оппозицией.

Проявленная оппозицией в один из острейших моментов пережитых правительством лояльность укрепила у известной части умеренного крыла НРП впечатление преувеличенности и необоснованности подозрений по ее адресу. Однако большинство НРП стало на иную точку зрения. Оно усмотрело в поведении оппозиции лишь маневр, направленный на то, чтобы завоевать себе симпатии в стране.

Поэтому по указанию М. Кемалю после принятия закона № 556 Фетхи-бей начал переговоры с лидерами ПРП, советуя им ликвидировать свою партию. Между тем эта партия даже не имела своих организаций в районах, охваченных восстанием. Партия не имела никакой политической и организационной связи с организаторами восстания. Однако сторонники ликвидации ПРП аргументировали статью ее программы, в которой говорилось, что партия «уважает религию—(ст. 6)» [148, с. 617]. Между тем согласно второй статье конституции 1924 г., государственной религией Турции был ислам, т. е. Турция мусульманское государство. Следовательно, включение статьи об уважении религии в программу ПРП не противоречило конституции 1924 г. Несмотря на это, не прошло и двух недель по-

сле начала восстания, 25 февраля премьер-министр Фетхи-бей пригласил к себе председателя ПРП Кязыма Карабекир-пашу, генерального секретаря Али Фуад-пашу и Рауф-бея и заявил им следующее: «Мне поручено заявить вам, чтобы вы распустили вашу партию. В противном случае будущее мне представляется очень мрачным. Будет пролита кровь». Затем он добавил: «Очень сожалею, что мне приходится говорить с вами по этому поводу. Как вы знаете, я—против всяких чрезвычайных мер». Говоря об этом Фетхи-бей подчеркнул непрочность своего положения: «Боюсь, что останусь в меньшинстве» [117, с. 220].

Таким образом вопрос о запрещении ПРП практически был решен, хотя программа ее не только не противоречила конституции, но и в некоторых отношениях была либеральнее, чем программные положения НРП. Но дело было в том, что М. Кемаль и его крайне националистическое окружение стояли за однопартийную диктатуру турецкой буржуазии.

Переговоры ни к чему не привели, так как «прогрессисты» отказались ликвидировать свою партию. Председатель Кязым Карабекир-паша заявил Фетхи-бею, что хотя партию создали они, ее может распустить лишь съезд партии. Далее Кязым Карабекир заявил, что Прогрессивно-республиканская партия поддерживает все усилия правительства по подавлению восстания [147, с. 45]. Однако эти доводы, как мы увидим ниже, не имели успеха. В свете курдского восстания группировки в НРП проверяли свою тактику и свои позиции и по другим пунктам расхождения. Сторонники Фетхи-бея, считая, что восстание возглавляют главным образом феодалы, считали, что все случившееся предостерегает от чрезмерного увлечения социальным радикализмом. «Левые» считали, что события развернулись лишь в результате отказа от проведения реформы в восточных вилайетах. Они указывали, что если бы эта реформа была своевременно проведена, то феодалы были бы лишены силы, а курдское население освободилось бы от власти своих старейшин и шейхов.

В свою очередь Фетхи-бей и его сторонники не только отвергали путь чрезмерных репрессий, но и по видимому, были даже склонны, если судить по отдельным фактам, проскользнувшем в прессу, поставить вопрос о соглашении и дележе власти с «прогрессиста-

ми». Они считали, что нельзя вести борьбу одновременно и в Курдистане, и в остальной части страны и что чрезмерные репрессии приведут к консолидации оппозиции, к неизбежным потрясениям в экономической области, угрожающим сорвать все бюджетные предположения правительства и т. д. Не менее серьезными казались доводы внешнеполитического характера. Умеренное крыло указывало, что излишние репрессии создадут за границей преувеличенные впечатления о размерах восстания, посеют недоверие к прочности правящего режима и усилят давление со стороны враждебных Турции государств. Однако большинство партии с этими доводами не согласилось. Оно поставило вопрос так: режим в опасности, дальнейшая политика компромиссов неизбежно приведет к падению режима. Более благоприятного момента, чтобы покончить раз и навсегда с тайными и явными врагами режима, не представится.

Эта точка зрения и победила.

С критикой внутренней политики Фетхи-бея 2 марта на заседании фракции Народно-республиканской партии выступил Реджеп-бей. Его речь длилась около трех часов и имела целью доказать необходимость принятия более жестких мер. Защищаясь от критики своего бывшего министра внутренних дел, Фетхи-бей тогда заявил: «Очень жаль, что человек, по вине которого возникла курдская проблема, здесь меня критикует. Принятые нами меры достаточны. Я не стану пачкать кровью мои руки ненужными суровыми мерами» [117, с. 221].

В свою очередь, депутаты от восточных вилайетов заявили на заседании партии, что они удовлетворены мерами, принятыми кабинетом Фетхи-бея. Тогда депутат Кылыч Али предложил заслушать Мустафу Кемаль-пашу, который в своей речи указал на необходимость принятия более решительных мер. В результате было принято предложение принять более решительные меры по подавлению восстания и создать суды независимости [147, с. 66]. В конце заседания НРП Фетхи-бей поставил вопрос о доверии. Резолюция о доверии кабинету Фетхи-бея была отклонена большинством голосов и правительство его подало в отставку.

Новый кабинет был сформирован Исмет-пашой 3 марта 1925 г.¹

За доверие правительству голосовало 155 депутатов, против, — 23 (оппозиция), двое воздержались.

Несмотря на то, что восстание было вызвано главным образом социально-экономическими и политическими причинами, правительство Исмет-паши намеревалось «решить» курдскую проблему лишь военными и полицейско-административными мерами.

Выступая с программной речью в ВНСТ, Исмет-паша заявил: «Прежде всего во внутренней политике мы попытаемся ликвидировать последние события, предохранить страну от интриг, обеспечить общественное спокойствие и укрепить во всех отношениях авторитет государства благодаря тем специальным действенным мерам, которые мы считаем полезными принять» [147, с. 69]. Касаясь программы нового кабинета, газета «Хакимнети миллие» отмечала, что разногласия, повлекшие отставку правительства, носят не принципиальный, а тактический характер. Это видно из того, что, как заявил Исмет-паша, он будет продолжать внешнюю и внутреннюю политику своего предшественника с некоторыми лишь тактическими изменениями. [206, 6. III. 1925].

В соответствии с этой программой новое правительство разработало мероприятия по подавлению восстания шейха Саида. Оно срочно подготовило законопроект об охране порядка и внесло его на рассмотрение ВНСТ. Этот законопроект вызвал возражение оппозиции, указывавшей, что предлагаемые меры противоречат конституции, и что существующих законов вполне достаточно, чтобы обеспечить порядок в стране [212, 5. III. 1925]. Однако большинство депутатов высказалось за принятие закона. Так, министр национальной обороны Реджеп-бей отметил, что одна из главнейших причин предложенного закона—это стремление восстановить авторитет власти, поэтому правительство считает необходимым «уничтожить все гнезда ядовитых гадюк, где бы и в каком бы углу страны они не находились» [230, 5. III. 1925].

После продолжительной и острой дискуссии между крайними националистами и либеральной оппозицией

¹ В него не был введен по существу ни один представитель из восточных вилайетов. Все министры были главным образом из центральных и западных районов Турции.

4 марта ВНСТ приняло закон № 578 об охране порядка, который предоставлял властям исключительные полномочия в борьбе с народными выступлениями, с любой оппозиционной деятельностью.

В законе говорилось: «Ст. 1. Правительство по собственному побуждению уполномочено по получению санкции президента республики бороться со всякими организациями, выступлениями, действиями и печатными изданиями, имеющими реакционный характер или побуждающими к мятежу или наносящими ущерб общественному порядку, спокойствию и безопасности страны.

Правительство вправе передавать Суду независимости лиц, совершающих указанные действия» [35, т. 6, с. 144].

Закон действовал в течение двух лет с момента его опубликования. Он предоставлял правительству фактически диктаторские права, которые оно должно было делить лишь с президентом. Добившись принятия этого драконовского закона, Исмет-паша внес на рассмотрение ВНСТ предложение о создании судов независимости, смертные приговоры которых не нуждались бы в санкции меджлиса [124, с. 59—60].

Против создания судов независимости выступил депутат Феридун Фикри (Дерсим). Повторив свои прежние доводы против чрезвычайных мер, он указывал, в частности, что это предложение противоречит статье 6-й конституции, а потому его нужно отвергнуть.

Несмотря на оппозицию депутатов—«прогрессистов», ВНСТ приняло решение создать два суда независимости: один—для всей Турции с постоянным местом пребывания в Анкаре с ограниченными правами (вынесенные им смертные приговоры нуждались в санкции ВНСТ), другой—в восточных вилайетах с неограниченными правами.

На заседании ВНСТ 7 марта состоялись выборы судов независимости.

Характеризуя новые законы, некоторые турецкие газеты были вынуждены признать, что они давали Исмет-паше такие права, которые анкарское правительство не имело даже во времена борьбы за независимость. «Если изучать отдельно положения закона об охране порядка,—писала «Вақыт»,—то можно увидеть, что эти права почти не ограничены» [235, 6. III. 1925].

Принятие этих законов по существу привело к ликвидации всякой оппозиционной деятельности, ограниченных буржуазных свобод, провозглашенных конституцией, а также к длительной однопартийной диктатуре кемалистов.

Министр внутренних дел Джемиль-бей сообщил о содержании закона об охране порядка губернаторам всех вилайетов страны. В то же время в одном из своих выступлений он сказал: «Мы не намереваемся установить цензуру на газеты. Однако мы призовем к ответственности лиц, действия которых вызывают недовольство в стране» [147, с. 81]. Однако министр не сдержал своего слова: турецкое правительство сразу же постановило закрыть все оппозиционные органы печати. В Стамбуле были запрещены клерикальные «Тевхиди эфкяр» (газета), «Себиюррешат» (журнал), итихадистские газеты «Истикляль» и «Сон телеграф», в Трабзоне—прогрессивная газета «Истикбаль», в Адане—газета «Сейхан».

Вместе с тем были закрыты и левые органы печати: «Айдынлык» и «Орак ве чекич» [147, с. 82].

7 марта в стране было объявлено решение правительства о частичной мобилизации. На следующий день Мустафа Кемаль обратился с воззванием к населению, армии и чиновникам, в котором он подчеркивал, что повстанцы, под видом защиты религии, преследуют контрреволюционные цели. В воззвании указывалось, что меджлис и правительство принимают соответствующие меры. Население, армия, административные органы, полиция и жандармерия должны проникнуться сознанием долга и прийти на помощь правительству, выполняя его приказы и распоряжения, направленные на ликвидацию восстания [147, с. 82].

Комментируя это воззвание М. Кемалья, газета «Вахыт» подчеркивала, что главной его целью было укрепление престижа власти, против которой задолго до восстания во многих районах страны отмечались выпады. Умаление престижа полиции и жандармерии наблюдалось не в одном только Стамбуле. Курдское восстание было каплей, переполнившей чашу терпения [235, 9. III. 1925].

12 марта 1925 г. Суд независимости Анкары опубликовал обращение к населению, в котором угрожал, что «будет жестоко карать всех тех, кто натравливает

общественное мнение против существующего строя и воодушевляет повстанцев, кто уклоняется от выполнения воинской службы и побуждает других дезертировать, помогая таким образом повстанцам» [86, с. 108].

Воззвания президента и Суда независимости Анкары во многих районах, и в особенности в восточных вилайетах, были встречены населением враждебно. Более того, когда в районе Артвина была объявлена частичная мобилизация запасных для отправки на курдский фронт, местные руководители начали энергичную агитацию против нее среди населения, призывая не являться на призывные пункты и вообще не подчиняться приказам «незаконной власти». Вначале эта агитация имела некоторый успех: многие из запасных в первые дни мобилизации не явились на назначенные призывные пункты, но в результате принятых правительством административных мер мобилизация была все же проведена. Власти арестовали около 40 местных курдских вождей — активных участников антиправительственной агитации [178, 13. V. 1925].

Спустя несколько дней Народно-республиканская партия одобрила предложение правительства, чтобы смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами в районе восстания, были одобрены лишь командующим соединения данного района [202, 31. III. 1925]. Рассмотрение этого вопроса в ВНСТ вызвало сильное возражение со стороны оппозиции. Так, депутат Абиддин-бей (от Сарухана, т. е. Манисы) выразил удивление, что через месяц после введения осадного положения правительство снова вносит в меджлис предложение о чрезвычайных мерах, противоречащее конституции. В этом же духе выступил депутат Феридун Фикри-бей (Дерсим): «По конституции,—говорил он,—меджлис обладает неотчуждаемыми суверенными правами, в число которых входит объявление войны, ратификация договоров и утверждение смертных приговоров. Эти права никак нельзя передавать другой власти, не нарушая Основного закона». Эту точку зрения поддерживал и Кязым Карабекир-паша [251, 1. IV. 1925].

Однако проект закона № 695, предложенный правительством, 31 марта был принят ВНСТ без изменений.

К концу марта правительственные войска были готовы начать одновременное наступление на район

восстания с севера, юга и юго-востока. Командовав войсками турецкий генерал Кемалетдин Сами-паша¹.

По его заявлению, перед правительством в курдском вопросе стояли три основные задачи:

1) кровавое и беспощадное подавление восстания. С этой целью было намечено начать общее наступление в первых числах апреля 1925 г., в котором должны были принять участие части 7, 8, 9, армейских корпусов, а также по одной дивизии из 3 и 5 корпусов;

2) разоружение всех курдов, независимо от их участия в восстании;

3) расселение курдов по разным районам страны, чтобы они не составляли нигде большинства населения, и переселение в курдские районы турок [94, с. 221—222].

В целом турецкое правительство в своей политике по отношению к курдам придерживалось этих трех пунктов.

Особые услуги турецким властям при подавлении курдского восстания оказали французские империалисты, пропустившие турецкие войска численностью в 105 тыс. человек через Сирию для удара в тыл повстанцам [108, с. 248]. Этот шаг французских колонизаторов по существу означал удар в спину курдским повстанцам.

Во второй половине марта 1925 г. турецкое командование обратилось к населению вилайетов Эрзурума, Эрзинджана, Дерсима, Элязиза, Малатья, Урфы, Вана, Сиирта, Муша и Генджа с воззванием, в котором говорилось: «Наша карательная армия закончила приготовления... Мощные удары будут нанесены тем, кто восстал против республиканского правительства. Необходимо, чтобы невинное население, которое докажет

¹ Кемалетдин Сами-паша родился в 1885 г. в Синопе в семье инженера-строителя Абдурахмана Самы. Получил высшее военное образование в Стамбульской военной академии. В первую мировую войну участвовал в защите Дарданелл и в боях на Кавказском фронте. При заключении перемирия был комендантом Стамбула, затем командовал дивизией. После оккупации союзниками Стамбула бежал в Анатолию, где принимал участие в войне против греков. В августе 1924 г. был назначен турецким послом в Германию.

В марте 1925 г. и в августе 1930 г. временно отзывался в Турцию и назначался командующим турецкими войсками по подавлению курдских восстаний. Был близок к Кемаль-паше. [98, т. II, с. 393—394].

верность своими действиями республике... не подвергалось этим ударам... чтобы те, кто действительно враждебно относится к повстанцам, немедленно обратились к гражданским и военным властям республики с заявлением, что они готовы вступить на добровольную службу» [251, 24. III. 1925].

В начале апреля командование карательной армии опубликовало заявление, в котором обещало за поимку шейха Саида вознаграждение в размере 1000 золотых лир (8000 бумажных лир), а за доставку его мертвым 700 золотых лир (109, с. 319). Если лица, доставившие Саида живым или мертвым, будут принадлежать к его сподвижникам, то они не только не будут наказаны, а, напротив, получают вознаграждение [185, 5. IV. 1925].

Таким образом, турецкие власти пытались использовать все меры от жестоких репрессий до подкупа, чтобы обезглавить восстание и тем самым облегчить свою задачу—подавить курдское освободительное движение.

Несмотря на численное и техническое превосходство правительственных войск, курды продолжали сражаться. В этих условиях турецкое командование обратилось к курдам с новым воззванием, призывая сдать оружие и искупить вину выдачей вождей. В противном случае оно грозило строгими карами [185, 13. IV. 1925].

С угрозой выступил и Суд независимости в Диярбакыре. К середине апреля 1925 г. он опубликовал воззвание к населению, в котором сообщал, что его полномочия распространяются на вилайеты Эргани, Элязиз, Диярбакыр, Урфа, Битлис, Хаккяри, Дерсим, Сиверек, Сирт, Мардин, Малатья, Муш, Гендж, Ван и уезд Хыныс и Киги Эрзурумского вилайета и что он наделен правом применять суровые законы республики. Любые действия против безопасности республики и спокойствия турецкой нации,—говорилось в воззвании,—будут рассматриваться как величайшие преступления—измена родине [212, 14. IV. 1925].

В середине апреля главные силы повстанцев были окружены и разбиты в Генджской котловине. Шейх Саид и другие руководители восстания из-за предательства Джибранлы Касыма были схвачены на мосту через Мурадчай. Среди арестованных были шейх Саид, шейх Абдуллах, шейх Али, шейх Галиб, Решит-ага, Мехмет-ага, Тимур-ага и еще 26 курдских повстанцев [117, с. 227].

15 апреля правительственные войска заняли Гендж. Оставшиеся без руководства отдельные группы повстанцев отошли за хребет Шарафутдиндаг (45 км к северо-западу от Муша). Здесь они были окружены и разгромлены.

Хотя восстание по существу было подавлено, турецкие правящие круги продолжали принимать суровые законодательные и административные акты, которые должны были жестоко карать участников восстания, мирное население, а также всякую оппозиционную деятельность. Так, 20 апреля 1925 г. ВНСТ решило продлить еще на семь месяцев осадное положение, объявленное в районах восстания и в соседних вилайетах. Одновременно оно предоставило также правительству право внести изменения в административное устройство этих провинций. ВНСТ продлило еще на шесть месяцев деятельность Анкарского и Диярбакырского судов независимости и предоставило Суду независимости Анкары право приводить в исполнение вынесенные им смертные приговоры без санкции меджлиса [35, т. 6, с. 566—569].

22 апреля 1925 г. ВНСТ приняло закон № 635 об изменениях, вносимых в уголовный кодекс страны. В соответствии с этим законом к смертной казни приговаривались лица, пытавшиеся изменить или целиком упразднить республиканскую конституцию, стремившиеся распустить меджлис или мешать ему выполнять свой долг, а также толкать народ к антиправительственному вооруженному восстанию или направлять друг против друга население Турции.

К 10 мая 1925 г. и все другие руководители восстания были схвачены и отправлены из Варто в Чапакчур, а оттуда в Диярбакыр. Тем самым курдское восстание во всех четырех районах было подавлено.

31 мая 1925 г. М. Кемаль обратился к населению с воззванием, в котором указывал, что правительство приступило к демобилизации войск, посланных для подавления курдского восстания. Однако Суды независимости будут продолжать свою деятельность. В заключение он подчеркнул, что последовавшие за восстанием репрессии должны напомнить, какое суровое наказание ожидает тех, кто думает свалить республику и «помешать национальному прогрессу» [126, с. 73—75].

Поражение восстания шейха Саида можно объяснить некоторыми внутренними и внешними причинами. Одной из главных причин его было военное и численное превосходство правительственных войск. В ходе восстания турецкие правящие круги провели частичную мобилизацию пяти армейских корпусов, а в армию были призваны пять младших возрастов запаса. Военские части были стянуты со всей Восточной и Центральной Турции, с тем, чтобы окружить районы восстания и покончить с ним одновременным ударом. В подавлении восстания участвовали 2, 3, 8, 12 и 17-я пехотные и 1 и 14-я кавалерийские дивизии; 3—4 пограничных батальона жандармерии; части 7-го армейского корпуса, и части 7 и 41-й пехотных дивизий из Аданы, Малатья и Нигдэ. Части 9-го армейского корпуса действовали со стороны Диярбакыра. Кроме того, в операциях участвовала и авиация—12 самолетов (80, с. 55). По данным участника курдского движения Исмаила Хаккы, против 40 тыс. курдских воинов действовало около 200 тыс. турок. Армянские зарубежные источники считают, что турецкая карательная армия насчитывала 120 тыс. человек [108, с. 249].

По официальному признанию М. Кемаля, турецкое правительство для подавления восстания было вынуждено держать в боевой готовности 8—9 дивизий регулярных войск [103, т. II, с. 893]. По сведениям турецкой печати, восстание шейха Саида обошлось турецкой казне около 50 млн. лир [206, 14. V. 1925], что составило более 25% расходной части годового бюджета страны.

Другой причиной поражения восстания было отсутствие единства среди вождей курдских племен, многие из них не поддерживали шейха Саида. Во время восстания руководители некоторых племен Муша, Сиирта, Сиверека и других провинций посылали депутатам ВНСТ телеграммы, в которых они осуждали действия шейха Саида и заявляли о верности правительству [185, 26. II. 1925]. Не поддерживали шейха Саида и племена Дерсима. Такую позицию дерсимских курдов можно объяснить во многом тем, что они не верили в победу восстания и боялись лишиться своего полунезависимого положения, в котором они по существу находились.

Касаясь позиции дерсимцев в восстании 1925 г. губернатор Элязиза в своем интервью корреспонденту газет заявил: «Если бы население Дерсима приняло участие в движении, то зона восстания была бы более обширной. Дерсим примкнул бы к восстанию, если бы Саид сделал главным его лозунгом не «восстановления халифата», а завоевание курдской независимости» [230, II. IV. 1925].

Однако губернатор несколько извратил факты: шейх Саид выдвигал лозунг не «восстановления халифата», а лишь «уважения к религии». Попытку приписать ему требование «восстановление халифата» предприняли турецкие правящие круги. Мы не обнаружили ни одного документа, подтверждающего эту официальную версию.

Таким образом, разногласие и отсутствие единства среди вождей племен не дали им возможности подняться до уровня общенациональных задач и одержать решающую победу.

Третьей причиной поражения восстания было отсутствие единой и сильной политической организации, имевшей четкую программу действий. Хотя Комитет независимости Курдистана сыграл большую роль в подготовке восстания, все же он не смог стать подлинным руководителем его. Это было вызвано не только условиями полуфеодального Курдистана, но и арестом полковника Джибранлы Халит-бея и других видных деятелей из числа курдской интеллигенции, лишившим курдское движение политически зрелого руководства. Практически курдское движение осталось без политических организаторов. Это привело к преждевременному выступлению курдов, во главе которых волей обстоятельств встал шейх Саид. Ни его патриотизм, ни большое влияние на курдское население, ни героизм повстанцев оказались недостаточными для успеха восстания. Не менее важной причиной было и то, что восстание не получило никакой внешней поддержки. В результате этих и некоторых других причин курдское восстание было подавлено турецким правительством. Более того, ему удалось убедить общественное мнение в том, что движение курдов—не что иное, как восстание реакционного шейха, стремящегося восстановить халифат и султанат под покровительством Англии, и тем самым лишить его поддержки со стороны мировой общественности и особенно поддержки соседних стран.

4. Суд над курдскими руководителями

Еще до начала восстания, зная о существовании тайных курдских организаций, кемалисты приняли меры с целью обезглавить их. Так, в частности, они спровоцировали так называемые переговоры об организации курдского восстания между руководителями Общества возрождения Курдистана Сеитом Абдулькадыром и агентом турецкой полиции, выдававшим себя за сотрудника английского министерства иностранных дел. Как сообщала в своем докладе анкарским властям стамбульская полиция, когда Ходжа Аскери, приговоренный к смерти в результате восстания в Силифке (вилайет Ичель), находился в Анкарской тюрьме, министр внутренних дел 11 сентября 1924 г. предложил полиции тщательно следить за неким Кёр Абдулой Саади из Палу (Кёр Абдулла Саади с 1912 г. участвовал в организации курдских обществ и принимал активное участие в их работе), проживавшим в Стамбуле: было установлено, что он переписывался с Ходжей Аскери. Руководство полиции дало одному своему агенту задание вступить в контакт с Саади, выдав себя за оппозиционера.

В результате Саади якобы сам проговорился, что его поддерживают шейх Саид, Сеит Абдулькадыр и другие курдские вожди, что цель их состоит в организации широкого повстанческого движения в районах Дерсима, Битлиса и Палу. Выяснилось также, что, готовя этот план, курдские руководители в Стамбуле якобы мечтали заручиться моральной и материальной поддержкой Англии. Поэтому Саади, вполне доверяя полицейскому агенту-провокатору, попросил его стать посредником между английским посольством в Стамбуле и курдскими руководителями. 30 сентября 1924 г. стамбульская полиция сообщила обо всем этом министру внутренних дел. Тот предложил не терять Саади из виду и постараться захватить его на месте преступления [212, 26. VIII. 1925]. Провокатор познакомил Саади с другим агентом Низаметтином, представив его как сотрудника Восточного управления британского министерства иностранных дел Тэмпли. Саади подробно рассказал этому агенту о том, что делается на востоке страны по организации всеобщего курдского

восстания и сообщил ему, что оно намечено на весну 1926 г. [147, с. 53].

В соответствии с инструкциями министра внутренних дел состоялась вторая беседа агента («Тэмпли») с Саади, в которой последний заявил, что Курдский комитет имеет 135 отделений, готовых начать действовать по первому знаку. Чиновники полиции, укrywшись в том же помещении, где велись переговоры, записали эту беседу и 11 декабря 1924 г. отослали ее министру внутренних дел. В своем «ответе» от 2 февраля 1925 г. министр указывал, что момент еще не настал для окончательного «решения» курдского вопроса.

Когда началось восстание, Саади обратился к «Тэмпли», требуя вмешательства англичан для предотвращения провала восстания. 7 апреля состоялась новая встреча с Саади, которому «Тэмпли» пообещал, что окончательное решение вопроса о договоре Англии с курдами состоится через неделю [212, 26. VIII. 1925], и что Сеиту Абдулькадыру при ближайшем свидании будет передан чек на 80 млн. лир. Агент предложил подготовить проект соглашения между независимым Курдистаном и Великобританией, который должны будут подписать от имени Великобритании—«Тэмпли», а от независимого Курдистана—Сеит Абдулькадыр.

Проект из 9 статей был подготовлен в доме сотрудника стамбульской полиции Нихат-бея на двух языках (английском и турецком) на официальном бланке, выкраденном турецкими агентами из английского генерального консульства в Стамбуле.

Согласно этому проекту, предлагалось по мере развития восстания на востоке страны начать антиправительственные выступления в Стамбуле, вооруженным курдам занять правительственные учреждения, штаб армейского корпуса, полицейское управление и оказать помощь другим повстанческим группам. Антиправительственные выступления должны были охватить Бурсу, Измир, и Конью. Для этого англичане согласны были выделить Сеиту Абдулькадыру значительное количество военного снаряжения и золота [147, с. 56—58].

13 апреля, в день подписания соглашения Кёр Саади заявил тайным агентам полиции, выдававшим себя за англичан, что Сеит Абдулькадыр желает удостовериться в личности Тэмпли и потому решил через сво-

его соседа по даче англичанина Тюккера запросить английское посольство, чтобы оно подтвердило полномочия Тэмпли. И действительно, 12 апреля сын Сеита Абдулькадыра Сеит Мехмет направился к Тюккеру и пробыл у него полчаса. После этого он вернулся к отцу и поспешно направился в город, где посетил Саади. Поскольку в дело вмешался настоящий англичанин, полиции грозил провал. Поэтому министр внутренних дел приказал 13 апреля арестовать всех курдских руководителей [212, 26. VIII. 1925].

При встрече с мнимыми представителями Восточного управления министерства иностранных дел Великобритании Сеит Абдулькадыр отказался принять чек на сумму 80 млн. лир, а также подписать так называемое соглашение, подготовленное агентами турецкой полиции. Однако это уже ничего не меняло—судьба курдских руководителей в Стамбуле была решена кемалистами: в тот же день были арестованы Сеит Абдулькадыр, его сын Сеит Мехмет, Нафиз (из Сулеймании), Кёр Саади, а также вожди племени хошенан, проживавшие у Сеита Абдулькадыра в Суадые.

Кроме того, начальник стамбульской полиции Экрем-бей принял меры против возможного выступления курдов, численность которых в Стамбуле достигала в то время 10 тыс. [212, 26. VIII. 1925].

14 мая в Диярбакыре начался судебный процесс над бывшим сенатором Сеитом Абдулькадыром и другими лицами, арестованными по обвинению в деятельности по созданию независимого Курдистана. Прокурор Суда независимости Сюррейя-бей заявил журналистам: «Бывший сенатор Сеит Абдулькадыр и его приспешники активно работали во имя торжества восстания и независимости Курдистана до самой середины апреля. Активными сообщниками Сеита Абдулькадыра являются его сын Сеит Мехмет, Нафиз (из Сулеймании)... и особенно курд Абдулла Саади» [212, 7. V. 1925].

На скамье подсудимых оказались Сеит Абдулькадыр, его сын Сеит Мехмет, Хаджи Ахта¹, Кёр Абдулла

¹ Хаджи Ахта (Мехмет-эфенди, Баве Тужо) был видным курдским патриотом. Обучаясь самостоятельно, он получил специальность юриста. Некоторое время Хаджи Ахта работал чиновником, затем избрал себе свободную профессию адвоката. Пользовался большим влиянием и уважением среди курдского населения [145, с. 99].

Саади, Кемаль Февзи (из Битлиса)¹, Ходжа Аскери, Ильяс-эфенди, Нафиз-бей и др. [147, с. 113].

На суде Сеит Абдулькадыр отрицал свою причастность к восстанию шейха Саида. Он даже заявил, что немедленно сообщил бы властям о подготовке восстания, если бы узнал о ней. Правдой в этом заявлении было то, что Сеит Абдулькадыр действительно не принимал активного участия в восстании шейха Саида, но о его подготовке, несомненно, знал, особенно после встречи в Стамбуле с Али Ризою (сыном шейха Саида).

В то же время не совсем достойно вел себя на суде Кёр Саади, который своей недалёковидной и авантюристической деятельностью объективно содействовал аресту курдских видных руководителей. Он не только не защищался, но и охотно рассказывал о деятельности курдских руководителей. «Да,—заявил он,—они много лет работают над созданием независимого Курдистана». Что касается его, то он выступал еще до начала мировой войны, за что был сослан в Таиф, принимал участие в создании различных курдских обществ, а в период освободительной войны выступал против национальных сил. Более того, он нарочито подчеркивал, что всеми курдскими делами руководил Сеит Абдулькадыр. Он говорил: «Без ведома Сеита Абдулькадыра в Курдистане не шелохнется даже лист». [147, с. 117]. Кроме Кёр Саади, никто виновным себя не признал.

По окончании судебного процесса Суд независимости в Диярбакыре приговорил Сеита Абдулькадыра, его сына Сеита Мехмета, Хаджи Ахту, Кёр Саади, Кемаль Февзи и Ходжу Аскери к смертной казни [147, с. 118].

27 мая 1925 г., в Диярбакыре были повешены Кемаль Февзи, Хаджи Ахта, Сеит Абдулькадыр, сын его Сеит Мехмет, Кёр Абдулла Саади и Ходжа Аскери. Перед казнью адвокат Хаджи Ахта воскликнул: «Да здравствует курдская идея! Да здравствует Курдистан!» [251, 29. V. 1925], Сеит Абдулькадыр выразил надежду, что казнь его послужит

¹ Журналист и общественный деятель Кемаль Февзи был членом Общества возрождения Курдистана, издавал курдскую газету «Жин», печатал различные прокламации и распространял их среди курдского населения [185, 12. V. 1925].

усилению деятельности курдов за свое национальное освобождение.

Еще раньше в апреле состоялся суд над видным курдским патриотом доктором Фуад-беем¹.

Во время судебного процесса Фуад-бею был задан вопрос: «Почему ты требовал предоставления независимости Курдистану, в то время как получил образование в Турции и говоришь по-турецки?».

«Потому что я курд,—ответил Фуад-бей,—я хочу видеть родину свободной. Пока в Курдистане будут турецкие штыки, курдский вопрос нельзя решить».

На это председатель суда Али Саиб сказал: «Вот за то, что ты жертвуешь собой во имя независимости Курдистана и отдаешь на это дело свои знания и идеалы, ты и будешь казнен» [84, с. 125].

В апреле 1925 г. суд независимости приговорил доктора Фуада к смертной казни за деятельность, направленную на создание независимого Курдистана. Перед казнью доктор Фуад-бей воскликнул: «Я всегда мечтал принести себя в жертву родине; нет сомнения в том, что знамя независимости будет развиваться над землей, где нас повесили» [108, с. 252].

В конце мая 1925 г. начался судебный процесс над шейхом Саидом и другими руководителями восстания.

На скамье подсудимых в числе других были шейх Саид, шейх Абдуллах (из Меликана), шейх Исмаил (из Джизре), шейх Абдуллятиф (из Джизре), отставной майор Касым (из Варто), Хаджи Халит, Абдульхамит, Кямиль, черкес Решит, отставной майор Исмаил, имам Молла Эмин, шейх Али, Баба-бей, Решит, Тимур, Мехмет, Сюлейман, отставной майор Бахри, Эмин, Шевкет, Максут, Хамит, прокурор Малазгирта Абдульмеджит, шейх Шериф, Сюлейман (из Чапакчура), Али, Юсуф, Хюсейн, учитель начальной школы Молла Джемиль, Никмет, Ахмет, лейтенант жандармерии Мехмет Михри, чиновник здравоохранения Генджа Ниязи, Хаджы Садык и др. [124, с. 97].

¹ Доктор Фуад-бей—сын Хаджи Ибрагима, который происходил из племени заза (Чермик). Фуад-бей родился в 1887 г. в Диярбакыре. Он учился в военно-медицинском училище в Стамбуле. Затем эмигрировал в Париж, где, продолжая учебу, стал врачом. Оттуда он тайно вернулся в Турцию. В 1921 г. был назначен на работу в госпиталь в Урфе и стал заниматься частной практикой в Диярбакыре. Фуад-бей был одним из организаторов Общества возрождения курдов («Курдский клуб») в Диярбакыре [185, 7. V. 1925; 145, с. 96].

Суд над руководителями восстания продолжался около месяца. 29 июня был вынесен приговор по делу 47 главных участников восстания во главе с шейхом Саидом. Все они были приговорены к повешению. На следующий день приговор суда был приведен в исполнение.

Перед казнь шейх Саид сказал: «Естественная жизнь приходит к концу. Я нисколько не сожалею, что приношу себя в жертву своему народу. Мы довольствуемся тем, что нашим внукам не будет стыдно за нас перед врагами» [108, с. 252].

Казнь шейха Саида и его ближайших сподвижников не завершилась расправа над участниками восстания. На протяжении многих месяцев турецкие власти охотились за нежелательными лицами, вылавливали их и передавали Суду независимости, который выносил жестокие приговоры.

Мы уже писали о том, что член ПРП депутат от Дерсима Хасан Хайри в 1924 г. перешел к Сеиту Ризе в Дерсим. Впоследствии по совету командующего турецкими войсками в Элязизе Нуреддин-паши переехал жить в деревню Хюсейник (вилайет Элязиз). В 1925 г., когда повстанцы заняли Элязиз, сотрудничал с ними. Однако, стремясь избежать волнений в Дерсима, турецкие власти не арестовали его. Тем не менее после подавления восстания Хасан Хайри был арестован по личному приказу М. Кемалю. Вместе с ним был взят под стражу и его племянник Джелюл Мехмет. Во время следствия председатель Суда независимости Али Саиб обвинил Хасана Хайри в том, что тот приходил на заседания меджлиса в Анкаре в курдской национальной одежде и тем самым проповедовал курдизм. В свою защиту Хасан Хайри заявил, что носил национальную одежду по личному указанию Мустафы Кемалю. Тем не менее суд все же приговорил к смерти бывшего депутата ВНСТ Хасана Хайри и его племянника Джелюла Мехмета по существу лишь за то, что они родились курдами.

Только перед казнь Хасан Хайри может быть понята антикурдскую политику кемалистов и воздал дань уважения курдам, отдавшим свою жизнь за освобождение своего народа. Так, перед виселицей он воскликнул: «Да здравствует курдский народ! Эй, жертвы Курдистана, теперь к вам присоединяется Хасан Хайри!».

В связи с восстанием шейха Саида были арестованы также представители семьи Джемиль-паши (из Диярбакыра), Кадри, Экрем, Мемдух, Мухиттин, Ахмет и многие другие курдские деятели. Суд не располагал никакими материалами, которые могли бы компроментировать членов семьи Джемиль-паши. Дело в том, что еще задолго до восстания были выкрадены из архива полиции материалы о курдской деятельности членов семьи Джемиль-паши. Тем не менее все знали Экрема как одного из лидеров курдского движения. Однако тысячи золотых монет, которые в качестве взятки были даны председателю суда Али Саибу и члену суда Лютфю Мюфиту, спасли жизнь Экрема Джемиль-паши. Он был осужден лишь на десять лет тюремного заключения. Сыграла роль также покупка Зия-беем Джемиль-пашой самолета в подарок турецкой армии от семьи. И арестованные члены семьи были освобождены из-за отсутствия состава преступлений [145, с. 103].

26 сентября 1925 г. Суд независимости в Диярбакыре приговорил к смертной казни кузнеца-армянина Погоса (сына Макара), уроженца Чемишкезека «за активное участие в курдском восстании, за шпионаж в пользу повстанцев в Харпуте» [212, 28. IX. 1925].

По данным турецкой печати, к концу сентября 1925 г. суд восточных провинций принял к рассмотрению 379 дел, по которым проходили 1855 человек. Из них 1320 было арестовано, а остальные все еще оставались на свободе. К этому времени суд рассмотрел 138 дел, по которым проходило 690 человек. Из них 120 были приговорены к смертной казни, (в том числе 21 заочно), 116—переданы в другие суды, а остальные оправданы [202, 25. IX. 1925].

Однако по данным М. Н. Дерсими, только в Харпуте Суд независимости приговорил к смертной казни 400 курдских юношей из Палу и Чапакчура [126, с. 181].

Анализ социального состава лиц, которые были привлечены к суду и казнены, показывает, что в подготовке восстания приняли участие курдские офицеры, состоявшие на службе у турок, шейхи, землевладельцы, бывшие члены султанского парламента и ВНСТ, торговцы, журналисты, юристы, учителя, ветеринары, врачи и другие представители зарождавшейся курдской интеллигенции. Участие в восстании представителей различных слоев курдского общества свидетельствует

о том, что их объединяла идея борьбы за освобождение от многовекового турецкого гнета. Этим можно объяснить, что в восстании 1925 г. кроме курдов участвовали ассирийцы, черкесы, армяне и представители других национальностей, что свидетельствовало о их недовольстве ассимиляторской и шовинистической политикой реакционных кругов Турции.

Об участии национальных меньшинств в курдском восстании писала и турецкая пресса. Так, «Хакимнети миллие» отмечала, что добровольцы, ассирийцы и армяне присоединяются к повстанцам с целью создания независимой Армении, объединенной с Курдистаном [206, 2. III. 1925].

Стремясь разжечь национальную рознь между турками, курдами, армянами и ассирийцами, командующий турецким армейским корпусом разослал местным губернаторам нижеследующий циркуляр: «Шейх Саид..., ставший во главе восстания в районе Генджа, принимал также участие в ассирийском движении и битлисским военным трибуналом был осужден за измену отечеству. Среди пленных имеются добровольцы—ассирийцы и армяне. У них найдены документы, подтверждающие сотрудничество Саида с армянами и ассирийцами с целью создания независимого Курдистана... Воодушевленные чувством неукротимой мести против нас, армяне без сомнения ожидают лишь случая, чтобы уничтожить все неармянские элементы и прежде всего курдов, которым они сейчас помогают. На нашей территории и на костях нашей мусульманской расы они хотят восстановить новую Армению. Подавление этих мятежников... идет повсюду с успехом». Далее командующий просил «пользоваться каждым случаем чтобы разъяснять населению эту истину» [202, 15. VIII. 1925].

Таким образом, кемалисты, подавляя курдское восстание использовали и политику разжигания национальной розни, натравливания мусульман на христианские меньшинства страны. Иной позиции придерживалось руководство восстанием. Например, когда сообщили шейху Саиду, что некоторые его сподвижники притесняют армян, он обнародовал приказ, в котором говорилось: «Кто хоть чуть заденет армянина, тот подвергнется самому суровому наказанию» [109, с. 308]. По данным армянской зарубежной литературы, после этого приказа никто из курдских воинов не притеснял

армян. К этому времени относится и начало сближения между курдскими и армянскими зарубежными националистическими организациями, направленное против политики национального угнетения в Турции.

После подавления восстания и физического уничтожения его руководителей началась жестокая расправа над беззащитным курдским населением. Турецкие войска грабили и сжигали деревни, убивали стариков, женщин и детей.

Весьма характерную картину расправы над курдским населением дал Армстронг: «Курдистан,—писал он,—был опустошен огнем и мечом: пытали и казнили мужчин, уводили и убивали женщин и детей, сжигали деревни и опустошали поля. Турки устроили резню курдов, не уступавшую по жестокости и расправам над армянами во время султаната. Они избивали не только курдов, но и греков, армян и болгар... По решению судов курдов вешали, ссылали и сажали в тюрьмы с чисто военной быстротой» [154, с. 26].

О зверствах и насилиях турецких войск сообщали письма, которые были посланы Ассирийским обществом в Лигу Наций в августе 1925 г. В письме от 6 августа 1925 г. говорилось: «... Они (курды и ассирийцы.—М. Г.) не могут больше выходить из своих сел, их имущество ограблено, стада угнаны, женщины изнасилованы на их глазах» [244, 1926, № 238, с. 86]. Далее отмечалось, что власти совершенно не считаются с решением Лиги Наций о гарантии неприкосновенности национальных меньшинств в Турции.

В письме от 10 августа 1925 г. Ассирийское общество, указав, что оно уже посылало в Лигу Наций и великим державам жалобы на разрушение жилищ и насилие, производимое турецкой администрацией над мирным населением в Курдистане, сообщало: «Турция грабит, уводит стада, сжигает города и села, вешает руководителей, насилует мирных жителей, выселяет курдов, уцелевших от пожаров и резни». В письме отмечалось, что жителей Дерсима и других районов турецкие власти стали направлять на юг—в Киликию и на север—Самсун и Синоп. По приказу из Анкары они преднамеренно разъединяли мужчин и женщин и посылали их в различные районы. Большинство мужчин было расстреляно в пути, а женщины были изнасилованы и проданы на рынках городов и сел Анато-

244, если они не успевают умереть от зверств и насилий [244, 1926, № 238, с. 86]

После подавления восстания в течение 1925—1926 гг. были разрушены сотни деревень, сожжены тысячи домов, убиты и угнаны сотни тысяч мирных жителей—женщин, детей, стариков [170, с. 28]. Осталась безучастной к судьбе курдского народа в Турции такая международная организация, как Лига Наций, которая не ответила на многочисленные обращения и протесты против бесчинств турецких властей. Вот одно из таких обращений, подписанное курдскими деятелями Ахметом Али и Ходжей Сабри и переданное 25 июля 1925 г. в Лигу Наций.

«Вот уже два месяца в нашей стране потоками льется кровь. Курдский народ находится под гнетом варваров. Не будучи больше в состоянии переносить несправедливость и гнет, курдский народ прибег к оружию, чтобы свободно располагать своей судьбой. Борьба, которую мы предприняли, позволит обеспечить наше будущее существование. Мы будем продолжать ее до тех пор, пока не освободимся полностью от кровавого ига анкарского правительства. Курдский народ не имеет ничего общего с турками ни с точки зрения происхождения, ни традиций, ни языка. Поощряемое безразличием западных держав, анкарское правительство пытается проводить по отношению к нашему народу политику геноцида, которую оно успешно применило к армянам. Наше движение имеет ясный национальный характер. Курдский народ требует от Лиги Наций и цивилизованных народов срочной и действенной помощи. Вмешательство западных держав является не только гуманным долгом, но и политической необходимостью, курдский народ является гарантом мира на Ближнем Востоке» [202, 29. VI. 1925].

Жестокое подавление восстания 1925 г., казнь многих его руководителей вызвали возмущение в соседних странах. 26 июня 1925 г. в Багдаде состоялся большой митинг протеста против жестокости турецких властей по отношению к курдам. Участники митинга послали телеграммы в Лигу Наций и правительствам великих держав с просьбой оказать помощь турецким курдам [255, 27. VII. 1925]. С протестом выступили также курды Сулеймании, Киркука, Эрбиля и других городов Иракского Курдистана.

Однако Лига Наций не ответила ни на одно из таких многочисленных обращений. Более того, в июле 1925 г. Лига Наций постановила не рассматривать протесты курдов против мероприятий турецкого правительства в отношении курдских повстанцев в Турции.

Восстание шейха Саида оставило глубокий след в истории курдского народа, что получило яркое отражение в курдской литературе. Появилось значительное число произведений национальных поэтов, созданных после восстания в знак протеста против шовинистической политики правящих кругов Турции. Наиболее выдающейся была поэма видного курдского поэта Пирамерда. В этой поэме автор сравнивал «турецкое государство с машиной, которая не может работать в Курдистане, если ее не смазать кровью курдского народа» [93, с. 135].

5. Характер восстания

Восстание шейха Саида по своим масштабам и организованности не имело себе равных во всей истории курдского народа. Оно готовилось под лозунгом создания независимого Курдистана.

Вопрос о причинах и характере этого восстания вызвал много противоречивых суждений в турецкой и западноевропейской прессе. Эти суждения были сделаны не в результате научных исследований, а отражали лишь взгляды пристрастных политиков, которые расценивали курдское восстание главным образом с точки зрения интересов своих стран, своих классовых групп и прослоек.

В целом турецкая печать того времени высказала несколько точек зрения на причины и характер восстания. Одна из них стремилась выдать его как «простой разбой диких племен». «Восстание должно вдохновляться идеей, иметь смысл, опираться на принципы,— писала газета «Танин».—Но какие идеи, какие принципы можно представить у этих полудиких орд... Если бы идея могла проникнуть в их мозг, разве они пошли бы на подобные действия... В этих простых и примитивных мозгах, которых мрак невежества и фанатизма лишил всякой логики, царствует единственная концепция—грабеж, разбой» [230, 28. II. 1925].

Вторая точка зрения сводилась к тому, что основная причина восстания состояла в религиозном фана-

тизме курдов. «Несколько политических изменников,— говорится в турецкой энциклопедии,— агенты иностранцев... разжигая фанатизм, с одной стороны, и обещая грабеж городов населению, живущему в горах... с другой—подняли восстание» [37, с. 4359]. Приверженцы этой точки зрения утверждали, что отсталое крестьянство, возглавляемое шейхом, борется против республиканского правительства за восстановление халифата и султаната. В подтверждение этой мысли приводился довод, что восстание возглавляют шейх и его сторонники. Более того, распространялись слухи, что в восстании принимают участие представители свергнутой династии турецких султанов. Эта точка зрения также не выдерживала критики. Прежде всего, как мы увидели выше, восстание было подготовлено не шейхами, а главным образом Комитетом независимости Курдистана, во главе которого стояли такие видные деятели курдской интеллигенции, как полковник турецкой армии Джибранлы Халит-бей, журналист Кемаль Февзи, доктор Фуад и др. Кроме того, лозунг борьбы во имя «восстановления шариата», очевидно, служил тактическим целям курдских лидеров, поскольку главная их цель была независимость Курдистана. В самом деле, почему курды должны восстать в пользу идеи халифата да еще в лице сына бывшего султана Абдул Хамида II. Вообще курдам не был свойственен религиозный фанатизм. Многие курдские племена лишь формально исповедовали религию ислама, именно среди курдов существовали многочисленные мусульманские секты; в повстанческом движении принимали участие и некоторые курдские племена, принадлежавшие к ряду сект: кызылбашам, езидам, алевим и другим. Эти секты, в мировоззрении которых переплетались различные элементы христианства и язычества, часто враждовали между собой. Восстановление теократического султаната означало реставрацию центрального бюрократического государства, не признающего прав других национальностей. Это означало для курдов политический гнет и национальное бесправие. В то же время выдвигая лозунги «уважения к исламу», курдские деятели стремились использовать влияние шейхов, а также заручиться поддержкой мусульманского населения страны, в том числе турок. Здесь следует также иметь в виду, что в отсталой Турции, особенно в восточных и юго-восточных вилайетах, где не было резкого классов-

вого расслоения курдского общества, курдское национальное движение могло принять религиозную оболочку. В этой связи представляет интерес высказывание Ф. Энгельса, который анализируя социальный характер религиозных войн в средневековой Европе, писал: «Если эта классовая борьба протекала тогда под знаменем религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени» [4, с. 360]. Вместе с тем заслуживает внимания и положение из тезисов по восточному вопросу, сформулированное на IV конгрессе Коминтерна. Так, в нем говорилось: «В мусульманских странах национальное движение, на первых порах, находит свою идеологию в религиозно-политических лозунгах панисламизма, и это дает возможность великодержавным чиновникам и дипломатам эксплуатировать предрассудки и невежество широких масс для борьбы с этим движением. Однако по мере расширения внутреннего роста национально-освободительных движений религиозно-политические лозунги панисламизма вытесняются конкретными политическими требованиями» [181, 1926, № 2, с. 174].

Все это свидетельствует о том, что лозунг «освобождение религии» от кемалистов повстанцы могли выдвинуть как тактический шаг в борьбе за свои национальные права.

Еще менее убедительными были крикливые утверждения турецкой официальной прессы о реакционности восстания шейха Саида, которая всеми силами стремилась дискредитировать курдское национальное движение. С помощью таких приемов кемалисты всячески старались очернить курдское восстание перед общественным мнением своей страны и вне ее, придавая ему реакционный или религиозный характер.

И, наконец, третья точка зрения сводилась к тому, что якобы восстание вызвано интригами иностранцев и, в частности, англичан. Подобное утверждение в целом неверно. В этой связи представляет интерес интервью депутата ВНСТ от Эрзурума, члена ПРП Рюштю-паши, опубликованное турецкой печатью 26 февраля 1925 г. В этом интервью он заявил:

«... Что касается версии об иностранном вмешательстве, то я ее считаю совершенно не обоснованной, потому что Гендж и Муш находятся слишком далеко

от границы. Если бы повстанцы рассчитывали на поддержку извне, они должны были бы действовать в приграничных районах и соединиться с племенами этих районов, где отсутствует турецкая администрация [124, с. 52].

Следовательно, восстание было вызвано не подстрекательством извне, а постоянно действующими внутренними факторами. Об одном из таких факторов свидетельствуют материалы, которые приводил корреспондент газеты «Вакиф» Нашид Хакки в Диярбакире, где проходили заседания Суда независимости. В обвинительной речи прокурора, приведенной корреспондентом, говорилось: «Причины и истоки последней революции, происходившей в восточных вилайетах нашей родины — вечной Турции, ничем не отличаются от причин, вызвавших в недалеком прошлом восстание в Боснии и Герцеговине. Идеалы и цели, породившие курдскую революцию, это те же идеалы и цели, которые привели к разложению в Сирии и Палестине».

В свою очередь в заключении председатель Суда независимости, обращаясь к подсудимым, приговоренным к смерти и каторжным работам, сказал: «Одни из вас ссылались на административные злоупотребления правительства как на предлог для восстания, другие говорили о защите халифата, но все вы были едины в одном вопросе: вы хотели создать независимый Курдистан» [Цит. по кн. 170, с. 27].

Таким образом, сами представители административных органов были вынуждены сказать все-таки полуправду об истинных причинах курдского восстания.

Несмотря на отсутствие четкого плана действий, зрелого политического руководства и некоторые другие известные недостатки, восстание шейха Саида можно и нужно считать народным, потому что в нем принимало участие подавляющее большинство курдов восточных и юго-восточных вилайетов, все социальные слои курдского общества: крестьянство, кочевники-скотоводы, представители торговой буржуазии, шейхи и ага, военная и гражданская интеллигенция. Разумеется, участвуя в курдском движении, каждая из этих социальных слоев наряду с общенациональной задачей — освобождение от турецкого гнета — имела и свои собственные цели. Это не мешало курдам объединяться в отряды, героически сражаться против регулярных турецких войск и, если было нужно, героически уме-

реть во имя независимости Курдистана. Поэтому, несмотря на узкоклассовые цели курдской феодальной верхушки, восстание шейха Саида, как и последующие курдские восстания в Турции, имело освободительный, прогрессивный характер.

6. Подавление либеральной оппозиции

Подавив восстание шейха Саида, руководство Народно-республиканской партии стало искать повод для запрещения деятельности Прогрессивно-республиканской партии. Вначале имелись основания полагать, что ПРП связана с лидерами восстания и руководство НРП делало все возможное, чтобы обнаружить связь Кязыма Карабекир-паши с шейхами. Однако стало ясно, что «прогрессисты» не принимали участия ни в подготовке, ни в проведении восстания. Более того, требование независимости Курдистана, провозглашенное курдскими руководителями, привело к тому, что ПРП официально отмежевалось от восстания и даже, как было отмечено выше, встала на сторону правительства. Этим можно объяснить, например, что Харпут был отнят у повстанцев именно с помощью членов ПРП.

С целью оградить ПРП от нападков, один из ее лидеров Али Фуад-паша еще в начале апреля 1925 г. заявил журналистам: «Как внутренняя, так и внешняя деятельность нашей партии... вдохновляется весьма ясными и твердыми принципами конституционного права. Наша оппозиция осуществляется в рамках закона. Кроме того, наша партия не может иметь ни малейшего отношения к подозрительным движениям. Мы будем всегда находиться в стороне от тех сомнительных вождедений, которые нам пытаются приписать» [202, 9. III. 1925].

Тем не менее сторонники правительственного большинства не отказывались от мысли расправиться с «прогрессистами», разгромить их организации, число членов которых с каждым днем возрастало¹. В начале мая 1925 г. Суд независимости в Анкаре осудил

¹ По данным турецкой печати, к середине февраля 1925 г. ПРП насчитывала около 10 тыс. членов. В партию не принимались государственные чиновники и кадровые офицеры [212, 16. II. 1925].

группу стамбульских «прогрессистов» и в специальном письме обратил внимание правительства на факт использования ими религии в политических целях. В середине мая были произведены аресты среди членов ПРП в Трабзоне, Урфе и других городах. В связи с этим Суд независимости в Диярбакыре постановил запретить деятельность всех отделений ПРП в восточных вилайетах и в специальном письме также обратил внимание правительства на то, что «прогрессисты» используют религию в политических целях. Правительственное большинство придралось к одному из параграфов программы ПРП, в котором говорилось, что «партия относится с уважением к религиозным мыслям и учениям». Оно обвинило руководство ПРП в том, что оно якобы стремится разжечь религиозный фанатизм и возбудить народ против республики, прогресса и реформ.

«Если разобраться в причинах восстания на востоке,—говорил М. Кемаль,—восстания запланированного заранее и носившего реакционный характер, то одна из наиболее серьезных и важных причин его состояла в том, что Прогрессивно-республиканская партия выдвинула религиозные лозунги, а также послала в восточные вилайеты «делегированных секретарей», деятельность которых также способствовала восстанию» [113, т. II, с. 89].

При этом сторонники запрета ПРП ссылались на письма и заявления некоторых руководителей курдского восстания, которые они сделали во время процесса над шейхом Саидом и его сподвижниками. Например, один из руководителей восстания Кадри, впоследствии казненный турецкими властями, писал шейху Саиду, что партия Кязыма Карабекир-паши в ВНСТ утверждает предписание религии. «Я не сомневаюсь,—писал он,—она не откажет нам в своей поддержке. Кстати «делегированные секретари», которые находятся у шейха Эюба..., привезли с собой устав партии».

На процессе шейх Эюб заявил: «Единственная партия, которая смогла бы спасти религию—это партия, основанная Кязымом Карабекир-пашой. В ее программе говорится, что к религиозным предписаниям следует относиться с уважением» [113, с. II, с. 892].

Ссылаясь на такие заявления, официозная печать открыла резкую кампанию против «прогрессистов». Та-

кие авторы, как Фалих Рыфкы-бей (Аталай), Якуб Кадри-бей (Караосманоглу), Махмуд Эсад-бей ежедневно помещали статьи в «Хикимети миллие», в которых в резких выражениях обвиняли оппозицию во всех грехах, требуя ее запрещения.

Ни верноподданнические заявления ПРП, ни клятвы верности конституции не могли уберечь эту партию от запрещения. Необходимо отметить, что противников ПРП пугал не столько параграф ее программы, говоривший об «уважении к религии», сколько требование «децентрализации», что в известных условиях означало бы предоставление местного самоуправления национальным меньшинствам, в частности, курдам. Нельзя при этом не считаться с тем, что лидеры ПРП были нетурецкой национальности: Кязым Карабекирпаша имел курдское происхождение, Хюсейн Рауф-бей—черкесское, а Али Фуад-паша—полуславянское. Не последнюю роль в этом вопросе играли и личные моменты, ревнивое отношение Мустафы Кемаля к своим ближним сподвижникам по национально-освободительной борьбе. К тому времени его влияние настолько укрепилось, что он решил ликвидировать всякую оппозицию в стране, рассматривая ее как угрозу личной диктатуре. Вот почему 3 июня 1925 г. Совет министров постановил запретить деятельность ПРП.

В то же время власти запретили издание газеты «Танин» и арестовали ее главного редактора Хюсейна Джахида (Ялчин) и его коллег. Одновременно были арестованы владелец ранее запрещенного левого журнала «Айдынлык», а также его сотрудники. Среди арестованных были д-р Шефик Хюсю, проф. Садреттин Деляль, преподаватель Шевкет Сюррейя (Айдемир). 12 человек из них были приговорены к тюремному заключению от 7 до 10 лет [117, с. 229].

После запрещения ПРП в стране на долгие годы установилась однопартийная диктатура господствующих классов, в результате которой единственной партией в стране вплоть до 1945 г. была буржуазно-помещичья Народно-республиканская партия¹.

¹ Правда, в 1930 г. были созданы Либерально-республиканская партия, Народно-республиканская партия (Ахали Джумхурьет фиркасы), Турецкая республиканская рабочая и крестьянская партия, но они просуществовали весьма недолго.

Своими бесконечными военными экспедициями против курдов, на которые тратились огромные материальные ресурсы, кемалисты опустошили финансы страны. На последней стадии решения мосульского вопроса у них не осталось ни военных, ни политических, ни финансовых ресурсов, которые позволили бы им успешно продолжить борьбу с англичанами за Мосульский вилайет. Турецкое правительство искало соглашения по этому вопросу с Англией. Однако, чтобы сохранить престиж перед страной и мировой общественностью, турецкие представители на официальных международных конференциях «упорно» и «настойчиво» отстаивали свое право на Мосул. Но эти упорство и настойчивость означали уже обдуманное отступление, поскольку многолетняя борьба за Мосул показала свою бесперспективность для кемалистов.

Восстание шейха Саида в известной мере ускорило решение мосульского вопроса и способствовало установлению окончательной границы между Турцией и подмандатным Ираком.

Однако следует отметить, что ни Турция, ни Англия не имели никаких юридических прав на Мосульский район, который в подавляющем большинстве был населен курдами. Население этого района не желало присоединиться ни к Турции, ни к подмандатному Ираку. Об этом свидетельствовала многолетняя борьба курдов за свои национальные права под руководством шейха Махмуда и других курдских руководителей Мосульского района. Тем не менее при определении судьбы Мосула английских империалистов и турецких националистов мало интересовали национальные чаяния курдов.

На заседании Совета Лиги Наций 29 октября 1924 г. была установлена временная граница между Турцией и Ираком, известная под названием «Брюссельской линии». Комиссия по обследованию (в нее входил граф П. Телеки, М. Вирсен и полковник Таулис), созданная 30 октября 1924 г. по решению Совета Лиги Наций, прибыла в Мосул в конце января 1925 г. Она стала собирать информацию, изучать положение в вилайете, знакомиться с местным населением. 20 апреля 1925 г. Комиссия собралась в Женеве, а 3 сентября того же года она представила в Лигу

Наций доклад, в котором высказалась в пользу мандата Лиги Наций на 25 лет. В соответствии с этим курды должны были иметь свою администрацию, суды, органы просвещения, а курдский язык признавался официальным языком [181, 1926, № 2, с. 137]. Здесь следует иметь в виду, что это решение комиссии было принято после восстания шейха Саида; которое англичане использовали как аргумент в пользу своих требований присоединения Мосульского района к Ираку. В то же время восстание позволило опровергнуть заявление турецкой делегации в Лозанне, утверждавшей, будто национальные меньшинства «вполне довольны своей судьбой при турецком режиме» [100, с. 293].

В выводах комиссии было отмечено, что следует считаться с мнением, высказанным курдами Мосульского вилайета. «Если учитывать только этнический аспект,—говорилось в выводах,—необходимо сделать вывод, что следует создать независимое курдское государство, ибо курды здесь составляют пять восьмых населения» [см. 94, с. 235].

В течение сентября 1925 г. на заседании Совета Лиги Наций представитель Англии заверял, что курды в Ираке пользуются значительными свободами, тогда как в Турции они бесправны. Он обвинял Турцию в том, что «она никогда не обещала обеспечить национальные права курдов, как это сделала Англия». Однако представитель Англии в то время явно пытался исказить факты, ввести общественное мнение в заблуждение. Положение иракских курдов немногим отличалось от положения курдов, проживавших в Турции.

В своем ответе турецкий представитель ограничился лишь повторением старого аргумента о якобы полном равноправии турок и курдов в его стране. Курды в Турции, по его словам, обладали теми же правами, что и турки. И это заявление было сделано после жестокого подавления восстания шейха Саида.

Касаясь позиции турецкого правительства в вопросе об иракско-турецкой границе, корреспондент «Таймс» отмечал, что один из основных, если не самых главных источников спора о границе составляла курдская проблема в Турции. В личных беседах,—писал английокий журналист,—часто соглашались с этой точкой зрения, но в турецкой прессе она почти не находила отражения. Хотя последняя главным образом писала о необходимости включения в состав Турции

Мосула, однако многие турки высказывали мнение, что не столь важен Мосул, сколько включение в состав страны всего или почти всего курдского населения. В беседе с корреспондентом один видный турецкий офицер заявил, что требование Турции возвратить ей Мосул вызывается главным образом необходимостью объединить курдское население под властью турок. Он отмечал также важное значение присоединения всех курдов к Турции. Вполне возможно,—указывал он,— что курды будут чувствовать себя под английским владычеством лучше, чем под турецким и возможно также, что турецкие курды будут завидовать своим зарубежным соплеменникам. Это принудит Турцию постоянно содержать в восточных вилайетах значительные военные силы, что очень тяжело отразится на финансовом положении страны [261, 12. II. 1926].

Последующие события показали, что эти рассуждения не были лишены основания. В действительности, турецкие власти всегда держали значительную часть своих войск на востоке страны.

В середине сентября Совет Лиги Наций в связи с докладом комиссии признал необходимым запросить мнение Международного трибунала в Гааге.

Англия настаивала, чтобы трибунал предоставил Совету Лиги Наций право арбитража, но Турция, зная мнение Совета, соглашалась только на его посредничество.

В ноябре 1925 г. Международный трибунал вынес следующее заключение по этому вопросу:

1) решение Совета Лиги Наций по мосульскому вопросу является обязательным для обеих сторон, и оно должно окончательно установить границу между Турцией и Ираком;

2) это решение должно быть принято единогласно. Представители заинтересованных стран имеют право участвовать в голосовании Совета Лиги Наций. Однако при решении вопроса о том, принято ли постановление Совета единогласно, голоса заинтересованных сторон не принимаются во внимание [88, с. 42].

15 декабря 1925 г. состоялось заключительное заседание Совета Лиги Наций. Совет принял за основу «Брюссельскую линию» как линию границы между Турцией и Ираком и предоставил Великобритании мандат на Ирак сроком на 25 лет. Британскому правительству было предложено разработать меры по

предоставлению курдскому населению статуса, рекомендованного докладом. В феврале 1926 г. премьер-министр Ирака заявил в парламенте в Багдаде: «Мы должны предоставить курдам их права. Должностные лица должны быть из их среды. Родной язык курдов должен стать официальным языком, а их дети должны обучаться в школах на курдском языке» [100, с. 293].

Однако это была сплошная демагогия, рассчитанная на успокоение курдов и на обман общественного мнения заинтересованных стран.

Решение Лиги Наций по мосульскому вопросу вызвало резко отрицательные отклики в Турции. Так, офицноз «Хакимети миллие» от 15 марта 1926 г. с беспокойством писала: «Все предложения Англии по мосульскому вопросу получили одобрение Лиги Наций. Наибольшее внимание привлекает предоставление широчайшей автономии курдским элементам в районах Мосульского вилайета... Как мы уже указывали, стремления Англии направлены против интересов Турции... Мосул—неотторжимая часть турецкого отечества, никакие меры... не могут изъять от нас Мосул, никакие политические комбинации не будут иметь значения для нас».

Тем не менее турецкое правительство уже было готово идти на сближение с Англией. Практически интересы этих двух государств в курдском вопросе совпадали, поскольку оба они стремились подавить курдское освободительное движение.

После принятия решения Совета Лиги Наций британский министр иностранных дел Чемберлен и министр колоний Эмери выступили с заявлениями, в которых подтвердили согласие Англии принять условия, выдвинутые Лигой Наций. Вместе с тем Чемберлен выразил пожелание добиться соглашения с Турцией «для того, чтобы убедиться, не найдется ли способа укрепить отношения между обеими сторонами, принимая, однако, во внимание решение Совета Лиги Наций». Такое соглашение после длительных дипломатических актов было достигнуто за счет курдского освободительного движения.

Так, 5 июня 1926 г. был подписан договор между Великобританией, Ираком и Турцией [24, с. 310—311], один из пунктов которого предоставлял Турции в течение 25 лет 10% доли, получаемых Ираком от английской нефтяной компании [77, с. 9]. Однако Турция

отказалась от этой доли взамен 500 тыс. ф. ст. наличными.

Так закончилась борьба между Турцией и Англией из-за Мосульского вилайета, которая велась с 1919 года. Проведение новой границы закрепило разделение Курдистана и курдского народа, и курдская проблема не была решена не только в Турции, но и в Ираке и Иране.

ПОЛИТИКА УСМИРЕНИЯ КУРДОВ И АРАРАТСКОЕ ВОССТАНИЕ

1. Курдские выступления и полицейско-административные меры по их подавлению (1925—1927 гг.)

Жестокое подавление восстания шейха Саида не сломило освободительное движение курдов. Разрозненные выступления происходили и в последующие годы. В этих условиях наряду с военными действиями турецкое правительство усилило административные меры, рассчитанные на окончательное подавление курдского движения. В конце мая 1925 г. Комиссариат внутренних дел выработал положение о цензуре корреспонденции в восточных вилайетах. В соответствии с этим положением почтовые ящики могли открываться лишь в присутствии агентов цензуры. Чиновники, виновные в распространении непроверенной корреспонденции, предавались суду. Телеграммы в этом районе можно было посылать только на турецком языке. Предварительной цензуре подвергались газеты и периодические издания [202, 24. V. 1925].

Однако определенные круги в Турции понимали, что одними военными и административными мерами курдскую проблему в Турции не решить. В дополнение к этим мерам они предлагали провести некоторые социально-экономические реформы в Курдистане, что, по их мнению, должно было нейтрализовать курдское освободительное движение.

Как сообщала турецкая печать, в начале июня 1925 г. правительство создало 15 комиссий, которые должны были выехать в восточные вилайеты для изучения проблемы, связанной с разработкой реформ [212, 5. VI. 1925]. В том же месяце оно приняло постановление о проведении описи движимого и недвижимого имущества населения сел и городов, эвакуированного в результате продвижения карательных войск, а также о принятии необходимых мер для его сохранения. Собственность лиц, участвовавших в повстанческом движении, после выполнения необходимых формальностей

подлежала конфискации и распродаже с торгов [202, 21, VI. 1925].

Турецкая печать обращала внимание правительства на необходимость рассмотрения земельного вопроса в восточных вилайетах. Отдавая должное отмене ашара, она отмечала, что одно лишь его уничтожение не принесет никакой пользы крестьянам этого района. Необходимо дать им землю [235, 24. V. 1925]. Однако в тот период власти основной упор делали на военную силу для достижения своих целей—усмирения курдского населения страны.

21 ноября 1925 г. ВНСТ одобрило предложение правительства о продлении еще на один год осадного положения, объявленного в районе восстания шейха Саида [78, т. 4, с. 5]. Спустя 4 дня оно утвердило новое предложение правительства о введении на один месяц осадного положения в вилайете Эрзурум. Это предложение было одобрено после выступления Иismet-паша, который заявил: «Для того, чтобы усилить преследования... объявлено осадное положение во всех районах Эрзурума. Мы хотим действовать решительно, чтобы найти и наказать несколько инициаторов движения» [185, 26. XI. 1925].

В Эрзуруме был создан военно-полевой суд, а Суд независимости в Анкаре снова получил право выносить смертные приговоры без утверждения меджлисом.

Ни казнь руководителей восстания шейха Саида, ни карательные меры не смогли ликвидировать освободительное движение курдских племен.

В июне-июле 1925 г. в уезде Шемдинли (вилайет Хаккяри), почти на стыке границ Ирана и Ирака, поднял восстание Сеит Абдуллах—сын повешенного Сеита Абдулькадыра. Восстанию предшествовали следующие события. Узнав о казни отца и брата Сеита Мехмета, Сеит Абдуллах из Нехри (вилайет Хаккяри), где он проживал с семьей с 1924 г., выехал в Иран к руководителям племени гочар Джихангир-аге и Медхат-хану, которые выделили в его распоряжение 500 воинов. Затем Сеит Абдуллах сообщил о своих планах двоюродному брату, каймакаму Ревандуза Сеиту Тахе [см. 93, с. 109], который предоставил в его распоряжение еще 200 вооруженных курдских воинов. Кроме того к нему присоединилось много курдов из других племен. С этими силами Сеит Абдуллах вернулся в Шемдинли и поднял восстание [240, 1966, № 174, с. 13].

Против повстанцев турецкие власти направили регулярные войска. В июле 1925 г. командование 3-й армией опубликовало коммюнике, в котором сообщало, что восстание в уезде Шемдинли подавлено, а его руководитель Сеит Абдуллах бежал в поисках убежища за границу [261, 23. VII. 1925]. И действительно, после поражения восстания Сеит Абдуллах жил в Иране.

Весной 1926 г. активизировали свои действия курдские повстанческие группы, укrywшиеся после подавления восстания шейха Саида в малодоступных районах. В марте 1926 г. отряды Хаджо, Эмин-аги пересекли турецко-сирийскую границу и дошли до Мидьята [235, 19. III. 1926]. На подавление новых очагов восстания турецкое командование направило части 2, 12 и 48-й дивизий. В результате повстанцы были рассеяны, а руководители их Джемиль Чето, Абдулькерим и некоторые другие схвачены и отправлены в Диярбакыр для предания Суду независимости. Эмин-аге, Хаджо, Нух-бею¹ и некоторым другим удалось скрыться или бежать в Ирак и Сирию. Таким образом и эта вспышка курдского восстания была подавлена.

В июне-июле 1926 г. из Багдада стали поступать сообщения о том, что в различных районах Восточной Турции вспыхнули новые курдские восстания. Так, у берегов озера Ван отряд в 600 курдов вступил в бой с турецкими войсками, продолжавшийся 7 часов. Одновременно такое же сражение происходило примерно в 20 км от Битлиса. Повстанцы заняли много городов и сел. В Челемерике они взяли в плен губернатора, захватили пушку, много военного снаряжения. Курды разбили местные турецкие войска, которыми командовал Сулейман Сабри-бей [247, 3. VI. 1926]. В районе Лидже действовала повстанческая группа видного шей-

¹ Нух-бей бежал в Мосул к шейху Махмуду, здесь он пробыл два года. Весной 1928 г. брат его Хаджи Муса и Хайдаранлы Хюсейн-паша бежали из ссылки (Кайсери) в Мосул к шейху Махмуду. Последний, оставив у себя Нух-бея, отправил Хаджи Мусу и Хюсейн-пашу с сыновьями в район Арарата для их участия в новом курдском восстании. Однако Хаджи Муса в дороге заболел и умер. Несколько позже, уже на территории Турции сын Хаджи Мусы—Медени предательски убил спавших Хюсейна-пашу и его сыновей, а отрубленные головы принес генеральному инспектору восточных вилайетов Ибрагиму Тали-бею и тем самым добился для себя помилования. Узнав об этом, шейх Махмуд, чтобы отомстить за Хюсейна-пашу, в мае 1928 г. повесил Нух-бея (дядя Медени).

ха Тахира, которая три года заставила дрожать от страха местные турецкие власти [185, 26. V. 1928].

Осенью 1926 г. племена джеляли, хасанан, джибран и хайдаран, отступив в районы Арарата, подняли новое восстание, которым руководил Берхо из племени джеляли [126, с. 247]. В течение 1926—1927 гг. курдские повстанческие отряды действовали в уездах Хыныс, Варто, Муш, Солхан, Чапакчур, Киги, Терджан, Гендж, Лидже и других [128, с. 149], то есть на территории нынешних вилайетов Бингёль, Муш, Битлис, Диярбакыр и Мардин.

Касаясь восстаний в восточных вилайетах страны, «Миллиет» отмечала 9 октября 1926 г., что хотя «бандитизм» уменьшается, но случаи нападения «банд» очень часты. «Эта опасность,—писала газета,—уменьшается в результате деятельности трибунала независимости, который... делает все возможное для полного искоренения бандитизма» [28, д. 61, л. 24].

И действительно, руководствуясь указанием из Анкары, Суд независимости проявлял особую жестокость по отношению к участникам курдского движения. Так, в 1926—1927 гг. они продолжали выносить смертные приговоры курдам—участникам восстания шейха Саида и других антиправительственных выступлений. За этот период они приговорили к смертной казни Хамидоглу Шерефа (из Челемерика), Абдулькадыроглу Мехмеда из Чапакчура (будучи турецким жандармом, примкнул к восстанию и участвовал в атаке на Диярбакыр), одного из руководителей восстания Хаджи Омероглу Фермо, близкого помощника шейха Саида—Омероглу Омера (из Хани) [259, 6. X. 1926], жандарма Раманоглу Эмина (из Вираншехира) [251, 8. XI. 1926], Мустафаоглу Хюсейна и Кёрооглу Хюсейна, отряды которых вместе с группой шейха Хюсейна разгромили 7-й батальон жандармерии в районе Казиге [28, д. 161, л. 540—541], адвоката Мелека Парсо (из Мидьята)¹.

Под давлением правительства суды независимости выносили только суровые приговоры, что вызывало недовольство даже среди членов суда. Так, в Харпуте

¹ Адвокат Мелек Парсо еще раньше был приговорен к трем годам тюремного заключения в Йозгаде по обвинению в антиправительственной деятельности, бежал из под конвоя, перебрался в Сирию. Вернувшись в Турцию для участия в курдском движении, был схвачен, судим и казнен.

члены суда пытались уклониться от участия в заседаниях и неоднократно ставили вопрос о замене их другими судьями. В результате были случаи чуть ли не бегства со своих постов членов судов независимости. Например, председатель Суда независимости в Харпуте Хаджим Мухиэддин-бей (депутат от Гиресуна), уехав официально в отпуск, категорически отказался вернуться в Харпут и подал в ВНСТ заявление об отставке, ссылаясь на плохое состояние здоровья. Меджлис вынужден был принять эту отставку. Понадобилось более двух недель, чтобы найти ему замену. 6 декабря 1926 г. ВНСТ назначил председателем Суда независимости в Харпуте депутата от Козана Али Саиба. Жестокая расправа над курдскими патриотами встречала одобрение правительства, по предложению которого 28 февраля и 18 мая 1926 г. ВНСТ приняло решение продлить еще на один год деятельность Суда независимости в Харпуте. В декабре 1926 г. этот суд рассмотрел дело 96 дерсимских курдов, обвиненных в участии в восстании шейха Саида, и приговорил 8 человек к казни через повешение, 5—к пожизненным каторжным работам и 83—к выселению в западные районы страны [251, 29. XII. 1926].

Против шовинистической политики турецких реакционных кругов продолжал выступать один из видных курдских вождей Дерсима Сеит Риза. Он неоднократно посылал телеграммы в Анкару, в которых требовал прекратить вынесение смертных приговоров курдам. Однако все они оставались без внимания. Впрочем, для свидания с Сеитом Ризой в Дерсим прибыл губернатор Диярбакыра Али Джемаль. Встреча состоялась в дер. Караджа. Али Джемаль уверял своего собеседника, что он, как алеви (кызылбаш) питает большое расположение к дерсимцам и будет добиваться наделения жителей Дерсима земельными участками, «покинутыми» армянами в районе Эрзинджана—Элязиз. Он подчеркнул, что в Дерсиме будут открыты школы, преподавание которых будет вестись в соответствии с шиитскими догмами, будет амнистировано племя кочкири

¹ Али Саиб был активным участником национально-освободительного движения в южных вилайетах страны, депутатом меджлиса первого созыва от Урфы. В период меджлиса второго созыва Али Саиб в качестве члена Суда независимости был послан в Диярбакыр для участия в подавлении курдского восстания [206. 7. XII. 1926].

[126, с. 190], значительная часть которого после восстания 1920—1921 гг. переселилась в Дерсим. После этих обещаний Али Джемаль уговорил Сеита Ризу продолжить переговоры в Хозате (административный центр Дерсима), куда прибыли из Диярбакыра армейский инспектор Изеттин-паша и губернатор Элязиза Али Риза. Во время продолжительной беседы Изеттин-паша заверил представителей курдов (вместе с Сеитом Ризой в Хозат прибыл и Мехмет Нури Дерсими), что национальные права населения Дерсима будут обеспечены [126, с. 191].

Спустя некоторое время Али Джемаль был назначен губернатором Элязиза, а Али Риза губернатором Диярбакыра, т. е. они по существу поменялись должностями. Очевидно, турецкие власти намеревались использовать влияние Али Джемалья на часть племен Дерсима. Продолжая протурецкую политику, некоторые руководители этих племен, в том числе Ибиш Зеки, стали часто посещать нового губернатора и уверять его в своей дружбе к туркам. В свою очередь, Али Джемаль назначил нескольких влиятельных курдских вождей Восточного Дерсима, в том числе Ибиша Зеки членами постоянного совета вилайета Элязиз. Кроме того, около 2000 дерсимских семей получили земельные участки в долине Элязиза. Специальным законом Мехмету Нури Дерсими был передан монастырь Хольвенк. Вместе с тем Али Джемаль начал подкупать курдских вождей. Обо всем этом, конечно, знали курдские патриоты Дерсима во главе с Сеитом Ризой, которые требовали не поправок, а удовлетворения минимума требований. К их числу относились: 1) открытие бесплатных школ в Дерсиме; 2) подготовка преподавателей из курдов; 3) отправка части курдской молодежи за счет государства на учебу в Стамбул, Анкару и Европу; 4) строительство мостов и дорог; 5) развитие сельского хозяйства и промышленности [126, с. 192—193].

Однако выполнение этих требований не входило в планы турецких властей, которые, стремясь с целью установления «спокойствия» в Курдистане, стали готовить планы, предусматривавшие выселение наиболее видных курдских вождей, ага, шейхов и вообще влиятельных курдских патриотов из родных мест в западные районы страны.

31 мая 1926 г. ВНСТ принял Закон о поселении (№ 885), [45, с. 25—28]. Этот закон предоставлял Совету министров право переселять в малонаселенные районы кочевые племена, жителей тех деревень, необходимость переселения которых вызывается санитарными условиями или отсутствием средств существования, выселять из пограничных районов лиц, подозреваемых в шпионаже. Проведение этих карательных мер возлагалось на Министерство внутренних дел (ст. 3). Однако этот закон по существу лишь узаконил полицейско-административные меры турецких властей. Еще в марте 1926 г. семья Фейзи-паши, бывшего министра, депутата от Диярбакыра была переселена в Анкару, а семья Хаджи Бадра-аги, депутата от Малатьи—в Мерсину [261, 30. III. 1926].

В начале мая в Измир прибыло несколько курдских семей из района Вана. Всего в Измир турецкие власти намеревались переселить около 400 курдов [185, 3. V. 1926]. Характерно, что на «всякий случай» турецкие власти стали переселять в административном порядке и таких вождей курдских племен, которые давно были известны своей туркофильской деятельностью. Некоторые из них стали протестовать против такого обращения. Комментируя эти протесты, турецкая печать заявляла, что курдские руководители, относящиеся лояльно к турецким властям, должны примириться, если по высшим государственным соображениям (курсив наш.—М. Г.) правительство найдет нужным переселить их [248, 3. V. 1926].

С 1926 г. по 1930 год только из Дерсима в вилайет Элязиз было переселено примерно 10 тыс. человек. Сюда же были высланы из районов Палу, Киги и Битлис тысячи курдов-кочевников [126, с. 44]. Однако больше всего курдов было выслано на запад, в Стамбул, Измир, Одемиш, Маниса, Айдын, Испарта, Бурдур, Нигдэ, Кастамону, Эдирне и др.

В 1926 г. губернатору Элязиза Али Джемалю удалось организовать делегацию, состоявшую главным образом из вождей племен Восточного Дерсима, и направить ее в Анкару, чтобы выразить «глубокое уважение Мустафе Кемалю».

В Анкаре в здании меджлиса курдскую делегацию принял председатель ВНСТ Кязым-паша. Во время беседы он подчеркнул, что М. Кемаль весьма удовлетворен приездом курдской делегации, однако очень сожа-

леет, что в составе ее нет Сента Ризы и некоторых других вождей племен Дерсима. Затем Кязым-паша обещал курдским вождям, что в ближайшем будущем в населенных курдами районах будут построены шоссе, школы и другие культурные учреждения; все высланные из восточных вилайетов курды по представлению губернатора Али Джемаля будут возвращены в свои родные места; для этого ВНСТ якобы примет закон об амнистии и дерсимцы получают земельные участки в долинах и яйлах вилайетов Элязиз, Эрзинджан и Малатья.

Примерно в таком же духе выступил перед курдами Исмет-паша. Спустя некоторое время турецкие правящие круги стали принимать меры, которые могли бы свидетельствовать о том, что они в какой-то мере выполняют свои обещания. Так, в январе 1927 г. Министерство внутренних дел подготовило проект закона об амнистии и внесло его на рассмотрение ВНСТ [259, 9. II. 19]. Однако этот проект остался лишь на бумаге.

28 февраля 1927 г. на заседании парламентской группы НРП Исмет-паша выступил с заявлением о решении правительства ликвидировать суды независимости, срок полномочия которых истекал 7 марта 1927 г. 2 марта это решение было утверждено в ВНСТ [98, т. III, с. 275]. Исмет-паша, выступая в ВНСТ, заявил, что ликвидация судов независимости позволит, в частности, гражданам «в более спокойной обстановке» выполнять свой долг во время выборов в меджлис третьего созыва¹, но если изменники и предатели попытаются снова действовать, то меджлис не остановится перед восстановлением действия судов независимости» [185, 3. II. 1927].

В соответствии с принятым законом 7 марта 1927 г. прекратили свою деятельность Анкарский и Харпутский суды независимости, а все находившиеся в их производстве дела были переданы в обычные суды.

Одобрив это решение турецких властей, «Миллиет» 28 февраля 1927 г. писала: «Наше правительство приняло во внимание, что в стране восстановились спокойствие и порядок, и пришло к заключению, что трибуналы независимости, работа которых достойна самой вы-

¹ Выборы в ВНСТ третьего созыва состоялись в сентябре 1927 г.

сокой похвалы..., не имеют теперь оснований продолжать свою деятельность» [28, ед. хр. 161, л. 522].

Наряду с политическими соображениями, о которых говорил Исмет-паша, были и другие факторы, вынудившие отменить суды независимости. В этой связи представляет интерес передовая статья газеты «Икдам» в номере от 28 февраля 1927 г. «Решение нашего правительства,—говорилось в ней,—открывает новую эру в жизни страны. Оно доказывает, что отныне ничто не грозит общественной безопасности. Упразднение чрезвычайных мер повысит доверие как внутри, так и вне нашей страны и откроет путь к более широкой работе на экономическом поприще... Очень часто слухи, даже самые невероятные и ложные, сильно вредят торговле. В такой же степени благоприятные известия являются сильным двигателем. С этой точки зрения упразднение анкарского трибунала имеет огромное значение» [28, ед. хр. 161, л. 523].

Эти высказывания турецкой прессы свидетельствовали о том, что обстановка военного и административно-полицейского террора вызывала недовольство не только курдских масс, но и определенных слоев турецкого общества, заинтересованных в установлении нормальных условий для хозяйственной деятельности внутри страны, а также деловых связей с иностранными фирмами. Вместе с тем, чувствуя непрочность положения в Курдистане, правительство решило сохранить чрезвычайное положение в этом районе страны. При этом оно руководствовалось речью Мустафы Кемаля на открытии меджлиса 1 ноября 1926 г.

«... Меры, направленные на подавление реакционного движения,—говорил он,—которые намечались в восточных вилайетах, были проведены в жизнь и дали весьма удовлетворительные результаты. Эти меры... окажут благоприятное влияние на социальную и экономическую жизнь наших соотечественников...

Ваше собрание было вынуждено принять Закон об охране порядка, чтобы помешать деятельности тех, кто под разными предлогами хотел бы отвести нацию от мероприятий, намеченных ВНСТ за последние годы. Сейчас имеются доказательства пользы, которую принесет этот правильно воспринятый закон, а также для укрепления престижа правительства... Если это нужно, ВНСТ могло бы рассмотреть вопрос о его продлении

еще на некоторый период» (курсив наш.—М. Г. [185, 2. XI. 1926]).

Таким образом, еще за четыре месяца до истечения срока Закона об охране порядка по существу было решено продлить его действие.

2 марта 1927 г. (в день принятия решения об отмене судов независимости) ВНСТ приняло поправку к статье этого закона, которая гласила: «Закон об охране порядка, действующий по 4 марта 1927 г., остается в силе до 4 марта 1929 г.» [78, т. V. с. 89].

Таким образом, фактически осадное положение в восточных и юго-восточных вилайетах было продлено еще на два года.

Чувствуя всю непрочность своего положения в Курдистане, правительство наряду с карательными экспедициями продолжало принимать административные меры, которые, по его мнению, должны были сломить освободительный дух курдского народа. 10 июня 1927 г. ВНСТ приняло закон № 1097 о переселении курдов из восточных вилайетов в западные [45, с. 28—30].

«По административным, военным и общественным соображениям,—указывалось в законе,—правительству даны полномочия переселить из восточных вилайетов, объявленных на осадном положении, и вилайета Баязит в западные районы около 1400 человек с их семьями и 80 непокорных (мятежных) семей, а также лиц, осужденных за тяжкие преступления в упомянутых вилайетах» (ст. 1). Если принять во внимание, что курдская семья, как правило, состоит из двух и более поколений, то общее число подлежащих переселению курдов было довольно велико.

Статья 2-я закона предлагала закончить переселение к концу августа 1927 г. Семьи, имевшие земельные участки, могли оставаться на местах до конца ноября 1927 г. Это свидетельствовало о том, что в первую очередь переселялись кочевники, как наиболее беспокойная и воинствующая часть курдов, и батраки.

Согласно статье 3-й «нуждавшиеся» обеспечивались бесплатно транспортом и продовольствием на все время следования. Однако, как правило, курдов отправляли в западные вилайеты за свой счет.

В соответствии со ст. 5 курды должны были поселиться в западных вилайетах, в местах, отведенных им правительством. Осужденные после отбытия ими наказания также направлялись туда. Но Совет мини-

стров мог не разрешить им селиться вместе со своими семьями. Впоследствии курды могли свободно разъезжать по стране, но не имели право возвращаться в восточные вилайеты.

Таковы основные положения закона № 1097, в результате осуществления которого тысячи курдских семей, потерявших значительную часть имущества, были высланы в западные вилайеты.

Турецкая пресса восторженно встретила этот закон. Газета «Хакимieti миллие» писала 19 июня 1927 г., что правительство, приняв этот закон, выполняет гуманный долг освобождения большинства населения восточных вилайетов от власти «шейхов и узурпаторов».

В результате такого «освобождения», по данным В. Никитина, в 1926—1927 гг. турецкие власти переселили около 1 млн. курдов (мужчин, женщин и детей) в Западную Анатолию, применив грубое насилие, как во времена депортации армян в первую мировую войну [100, с. 90].

Однако переселением не закончилось преследование курдских племен. Местные турецкие власти, продолжая разжигать межплеменную рознь, старались натравить некоторые курдские племена на Сеита Ризу и активно поддерживавшее его небольшое племя кочан (из Западного Дерсима). Так, губернатор Элязиза Али Джемаль встретился с представителями племен Оваджика (арслан, бейтан, пезгевран и максудан) и, обещав всяческие льготы и облегчения, призывал их племена участвовать в усмирении племени кочан. Он еще раз подчеркнул, что после усмирения племени кочан все вопросы в Дерсиме будут решены: правительство, довольное положением в районе, выполнит все требования дерсимцев [126, с. 199].

Выслушав заявление Али Джемалья, представители племен пообещали ему ответить на следующий день. Но на следующую встречу никто из курдских вождей не пришел. Поняв, что после уничтожения кочанцев турецкие власти доберутся и до других племен, курдские руководители позднее направили Али Джемалю ответ, в котором они согласились выступить на следующих условиях:

1) турецкие войска не будут направлены на линию боевых позиций, которую займет население Оваджика,

что устранил возможность столкновения курдов с турецкими войсками;

2) командование «фронтом» в Оваджике возлагается на Мехмета Нури (Дерсими);

3) турецкие власти обязуются обеспечить курдов необходимым вооружением [126, с. 200].

«Согласие» вождей племен ввело в заблуждение Али Джемала, который принял эти условия и выехал в Элязиз.

Все племена Калана, подчиненные тестю Мехмета Нури Али-аге, объявили о своем нежелании участвовать в усмирении племени кочан. Тем не менее турецкие власти направили из Элязиза дивизию регулярных войск под командованием Хайдар-паши в район Чемишкезека, которая при содействии некоторых окрестных курдских вождей окружила племя кочан. На стороне этого племени решили сражаться соседние племена ресикан и шемкан. Хайдар-паша обратился к этим трем племенам с предложением сдаться, обещая поселить их в долинах вилайета Элязиз. В противном случае, заявил он, все курды, в том числе и дети, будут уничтожены [126, с. 200].

В такой обстановке племена соседнего Оваджика сочли своим долгом оказать братскую помощь своим соплеменникам. В соответствии с заключенным соглашением они получили от губернатора Али Джемала вооружение и боеприпасы, большую часть которых направили кочанцам. Опираясь на поддержку соседних племен, кочанцы стали усиливать натиск на позиции турецких войск на северном и западном направлениях. Особенно успешными были их ночные рейды.

Наблюдая за действиями курдов, которые вели неравную борьбу с превосходящими силами турок, Хайдар-паша был вынужден заявить: «Будь у меня регулярная дивизия из представителей этих племен, я завоевал бы весь мир» [126, с. 201].

В результате ожесточенных боев турецкие войска понесли значительные потери в живой силе и технике. Курды сбили даже один самолет. Все это привело к серьезным разногласиям между командующим турецкой дивизией Хайдар-пашой и губернатором Али Джемалем. Хайдар-паша не верил в то, что курдские племена Оваджика будут вести борьбу против кочанцев. По его приказу из Эрзинджана в Оваджик были присланы три пехотные полка, а курдские племена выве-

дены из районов боевых действий. Эта мера в конечном счете обернулась против самих турок: вернувшись в свои районы поселения, курды стали совершать налеты на турецкие войска. Уставшие после перехода по пересеченной местности, турецкие войска в результате этих ночных набегов курдов были почти полностью деморализованы. Испытывая холод и голод, не желая умирать за чуждые им интересы, они думали лишь о своем спасении. Турецкие солдаты стали обменивать оружие и боеприпасы на овец, коз, хлеб, а также другие продукты питания у курдов. Осенью 1927 г., с наступлением холодов деморализованные турецкие солдаты были вынуждены возвратиться в Элязиз.

Разногласия между Али Джемалем и Хайдар-пашой усиливались, участились жалобы в министерства внутренних дел и национальной обороны. Спустя некоторое время Хайдар-паша был переведен в Эрзинджан [126, с. 202].

Таким образом в результате успешного сопротивления кочанцев и поддержки их другими курдскими племенами планы покорения турецкими войсками Дерсима в тот период потерпели полный провал. Этому во многом содействовала антитурецкая позиция Сента Ризы, вокруг которого объединились все истинные патриоты Дерсима. Тем не менее уже тогда турецкое правительство подготовило новый план, имевший целью усмирение всего Турецкого Курдистана, подавление курдского освободительного движения в Турции. Об этом плане речь будет идти ниже.

2. Генеральная инспекция и политика «умиротворения» курдов в Восточной Анатолии

Политика террора, осадное положение в восточных вилайетах, продолжавшиеся по существу все годы правления кемалистов, привели к крайнему обострению политической обстановки в стране, усилению недовольства в различных слоях турецкого общества. Поэтому летом 1927 г. правительство Народно-республиканской партии приняло решение перейти к новому методу управления восточными вилайетами.

30 ноября 1927 г. в Анкаре состоялось заседание парламентской группы НРП. Выступивший на этом заседании премьер-министр Исмет-паша заявил о необходимости положить конец исключительному характеру

власти в восточных вилайетах и открыть эру мирных реформ. Глава правительства предложил не продлевать осадного положения, срок которого истекал в ноябре 1927 г., и создать для восточных вилайетов генеральную инспекцию. Кроме того, он предложил внести в ВНСТ законопроект об освобождении от переселения в западные районы лиц, имевших «заслуги» перед страной, и о возвращении в родные места лиц, зарекомендовавших себя лояльным поведением в тех районах, куда они были высланы из восточных областей. Вместе с тем Исмет-паша просил утвердить проект закона, который предусматривал усиление жандармерии в Курдистане. Эти предложения были одобрены парламентской группой НРП [216, 1. XII. 1927].

Отстаивая точку зрения правительства во время обсуждения законопроектов в ВНСТ, 5 декабря 1927 г. министр внутренних дел Шюкрю Кая заявил, что в восточных вилайетах наступило относительное спокойствие, движение превратилось в обычный «бандитизм». Для борьбы с ним достаточно обычных гражданских мер при условии удвоения численности жандармерии и значительного увеличения количества пограничных войск. Правительство убеждено,—продолжал он,—что сможет справиться с положением при любых неожиданностях, а потому решило установить в восточных вилайетах нормальное гражданское управление. На время перехода к этой нормализации будет учреждена гражданская инспекция во главе с генеральным инспектором [216, 6. XII. 1927].

25 июня 1927 г. ВНСТ принял закон № 1164, предоставлявший Совету министров право создавать по мере необходимости гражданские инспекции, подчиняя каждой из них группу вилайетов, сведенную в одну зону управления [36, с. 68].

27 ноября того же года турецкое правительство приняло инструкцию, определившую функции гражданской инспекции [36, с. 69]. Согласно этой инструкции вилайеты Элязиз, Урфа, Битлис, Хакяри, Диярбакыр, Сиирт, Мардин и Ван выделялись в специальную административную зону, которая впоследствии получила название первой генеральной инспекции [35, т. 9, с. 44].

Закон № 1164 был направлен непосредственно против курдов, которые составляли подавляющее большинство в этих вилайетах. Устанавливаемые в законе меры должны были не только обеспечить спокойствие в

курдских районах, но и содействовать насильственной ассимиляции курдского населения страны.

Комментируя решение ВНСТ о создании специальной административной зоны в курдских вилайетах, журналист Фелих Фикри в газете «Миллиет» от 2 декабря 1927 г. писал, что Турецкая Республика вовсе не собиралась жить постоянно в атмосфере террора. Чрезвычайные меры были приняты временно и только для того, чтобы справиться с исключительными событиями. Коль скоро в восточных вилайетах наступило спокойствие, правительство решило восстановить нормальный порядок, чтобы осуществлять дальнейшую ассимиляцию населения мирными путями (подчеркнуто нами.—М. Г.).

Следовательно речь шла о продолжении той же антикурдской политики в новых условиях и новыми методами. Об этом открыто писала турецкая пресса.

Так, газета «Вақыт» от 5 декабря 1927 г. отмечала: «... Они (эти мероприятия) не знаменуют собой принципиального изменения общей линии поведения, принятой правительством после подавления восстания шейха Саида...». Отмечая далее, что не следует бесконечно и без нужды сохранять исключительные меры в восточных вилайетах, «Вақыт» продолжала: «... Но в то же время ошибочно полагать, что если теперь правительство не видит нужды в сохранении осадного положения в восточных вилайетах, эти последние возвращаются к совершенно нормальному положению... Закон, создающий в этих районах генеральный инспекторат, должен будет привести восточные вилайеты от того периода успокоения, которого они сейчас уже достигли, к вполне нормальной жизни».

Рассмотрим важнейшие положения инструкции к Закону о «генеральной инспекции», применение которой, по мнению турецких правящих кругов, должно было привести к «вполне нормальной жизни» в Курдистане. Наибольшее значение в этой инструкции имели параграфы 7—13, определявшие полномочия генерального инспектора¹. Ниже эти параграфы инструкции приводятся полностью.

¹ Власть генерального инспектора распространялась на зону, охватывавшую более 107 тыс. кв. км. где, согласно переписи населения 1927 г., проживало около 900 тыс. человек [36, с. 450].

7. Генеральный инспектор является в районе своей юрисдикции доверенным представителем правительства в целом и отдельных министерств. Ему подчинены все государственные служащие, включая губернаторов; последние отчитываются в своей служебной деятельности перед генеральным инспектором.

8. Оставаясь по-прежнему обязанным применять законы и поддерживать связь со своими министерствами, губернаторы и другие чиновники... в случае необходимости обязаны представлять объяснения и сведения о своей деятельности генеральному инспектору, а также передавать ему необходимые документы. Генеральный инспектор создает компетентные органы, к которым должны обращаться губернаторы и другие высшие чиновники по поводу... дел, являющихся объектом их ведения. Генеральный инспектор указывает этим органам способ разрешения возникших вопросов.

9. При выполнении своих обязанностей генеральный инспектор имеет право использовать армию, жандармерию и полицию.

10. В случае необходимости генеральный инспектор может обратиться в Министерство внутренних дел и потребовать подкрепления из вилайетов, находящихся вне пределах района его юрисдикции. Свое требование о выделении в его распоряжение вооруженных сил генеральный инспектор направляет самому старшему армейскому командиру, находящемуся в подчиненном ему районе: это требование он сопровождает изложением своих взглядов на решение поставленной задачи.

11. В отпращивании своих функций генеральный инспектор ответственен лишь перед центральным правительством. В соответствии со статьей 3 Закона о генеральной инспекции генеральный инспектор уполномочен:

а) наблюдать за общественным порядком и спокойствием;

б) контролировать строгое применение законов и распоряжений;

в) обращаться непосредственно к министру юстиции, чтобы добиваться применения закона во всей его строгости... а также сообщать министру юстиции о всякой задержке какого-либо процесса после затребования объяснений у генерального прокурора;

— г) принимать необходимые меры по обеспечению экономического, санитарного, социального и культурного прогресса во вверенном ему районе путем изучения всех нужд местного населения, следить за строгим и рациональным проведением в жизнь этих мер и постоянно его контролировать;

д) обеспечивать личные права и право собственности населения района, переданного под его управление;

е) принимать меры по улучшению жизни населения, переводу на оседлый образ жизни кочевых племен, превращению крестьян в земельных собственников;

ж) в качестве инспектора и высшего административного лица, а также начальника всех управлений увольнять губернаторов и других правительственных чиновников, которых он считает негодными с точки зрения установления порядка и спокойствия в районе своей юрисдикции;

з) организовать работу всех инспекторов и организаций просвещения:

Делами, которые требуют контакта и связей с заграницей и которыми занимаются соответствующие чиновники и органы, генеральный инспектор не занимается.

12. Если генеральный инспектор установит, что создавшееся положение вызывает беспокойство или может привести к нарушению порядка и безопасности в зоне его полномочий, он может с разрешения Министерства внутренних дел объявить военное положение в этой зоне.

13. Генеральный инспектор, обладающий высшей властью и правом проводить генеральную инспекцию, уполномочен контролировать работу органов местной власти. Поэтому губернаторы и генеральные муниципальные советы все свои решения выполняют после одобрения их генеральным инспектором. Генеральный инспектор возвращает вилайетским властям проекты их бюджетов, если, по его мнению, эти проекты имеют какие-либо недостатки или противоречия закону.

14. Генеральный инспектор может в случае необходимости создавать межвилайетские учреждения, на содержание которых обязывает через губернаторов ви-

лайетские генеральные советы выделять по бюджетам последних—как обычным, так и чрезвычайным—необходимые суммы.

15. Генеральный инспектор каждые три месяца представляет Министерству внутренних дел доклад о мерах по обеспечению порядка и безопасности, проводимых в подведомственных ему районах, а также свои соображения об общем положении дел.

Разделы этих докладов, касающиеся соответствующих министров, генеральный инспектор направляет копии в эти министерства.

16. Контроль над деятельностью генерального инспектора производит Министерство внутренних дел.

17. Первый генеральный советник является помощником генерального инспектора и действует по его указанию, в том числе подписывает исходящую переписку [35, т. 9, с. 20—23].

Анализ положений этой инструкции показывает, что она предоставляла генеральному инспектору по существу неограниченные права в вверенном ему районе страны.

Смысл всей системы генеральной инспекции, как писал видный общественный деятель, журналист Юнус Нади в своей статье «В восточных провинциях» («Джумхуриет», 12 декабря 1927 г.), заключается в сосредоточении административной власти в руках генерального инспектора, который непосредственно подчинен Министерству внутренних дел. «Эта мера,—отмечал автор,—позволяет сосредоточить всю власть в руках инспектора, который... может быстро принять необходимые решения...». Говоря о том, что плохое управление происходит не только от плохой администрации, но и от недостаточного знания экономических, культурных, духовных и других особенностей этих областей, Юнус Нади пишет: «Чтобы можно было разрешить эти огромные социальные вопросы абсолютно необходима известная подготовка. Не было ли бы более выгодным установить комиссию из экспертов-специалистов, возложив на нее длительное и внимательное изучение всех этих вопросов, выезжая даже на места для собирания всех необходимых данных...». Юнус Нади понимал важность изучения социально-экономических проблем этого района страны, население которого по своему «культурному и духовному развитию» отличалось от жителей других вилайетов.

В первое время казалось, что этим проблемам придаст известное значение и генеральный инспектор восточных вилайетов Ибрагим Тали бей¹.

Однако, как показали последующие события, его деятельность была направлена на решение курдской проблемы главным образом военно-административными мерами.

Приветствуя начало работы Ибрагима Тали-бея в Диарбакыре, журналист Ахмет Джевет 8 февраля 1928 г. в газете «Икдам» рекомендовал ему обратить особое внимание на улучшение благосостояния населения «Турки», писал он, вообще бедны и лозунг «обогащайтесь» можно поэтому адресовать всему населению страны. Но особое значение он имеет для восточных вилайетов, где существует вопиющая нищета, которой сопутствуют ряд отрицательных явлений. Необходимо сделать все для улучшения положения населения тем более..., что при умелой администрации население Турции быстро в течение каких-либо 10—12 лет приобретет известное благосостояние». Таких рекомендаций в турецкой прессе в тот период было много.

Во второй половине января 1928 г. Ибрагим Тали-бей прибыл в Диарбакыр. На банкете, устроенном по случаю его приезда, он произнес речь, в которой, с одной стороны, обещал от имени правительства начать строительство шоссе и железных дорог, а также школ в восточных вилайетах, а с другой—угрожал населению всяческими карами, если оно не будет сохранять спокойствие. «Злые и вредные замыслы будут безжалостно уничтожаться»,—заявил он [216, 21. I. 1928].

Для подавления антиправительственных движений турецкое правительство 22 января 1928 г. приняло решение о создании мобильных жандармских частей. Эти части передавались непосредственно в распоряжение Министерства внутренних дел, а практически—гене-

¹ Ибрагим Тали бей (Онгёрен) родился в 1874 г. в Стамбуле. Врач по образованию, активно работал в партии «Единение и прогресс». В начале 1919 г. назначен санитарным инспектором в восточные вилайеты и вместе с Мустафой Кемаль-пашой выехал 16 мая 1919 г. в Анатолию. В мае 1920 г. присутствовал на Бакинском конгрессе народов Востока. Осенью 1921 г. назначен генеральным консулом в Батуми. С 17 декабря 1923 г. занимал пост советника Министерства иностранных дел. Летом 1924 г. посланник в Варшаве. Трижды избирался в ВНСТ [см. 98, т. I, с. 440].

ральному инспектору, который должен был использовать их по своему усмотрению [35, т. 9, с. 118—190].

В начале марта 1928 г. Ибрагим Тали-бей пригласил в Диярбакыр всех губернаторов подчиненных ему вилайетов, чтобы разработать систему мероприятий, обеспечивающих развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли в зоне первой генеральной инспекции. Совещание продолжалось примерно три недели, до конца марта. Оно приняло несколько декларативных документов по экономическому и социальному развитию восточных вилайетов. В частности было решено соорудить артезианские колодцы и построить в каждом вилайетском центре больницу [251, 28. III. 1928]. Вместе с тем Ибрагим Тали-бей проявлял видимость заботы о населении восточных вилайетов. В середине апреля 1928 г. в одном из своих воззваний он критиковал полное безразличие местных властей к нуждам населения. Крестьяне, писал он,—жаловались на притеснения, испытываемые ими от феодалов, поэтому надо обратить серьезное внимание на их жалобы. Ибрагим Тали-бей отмечал, как разные лица получали от местных властей документы о владении земельными участками, находившимися в законной собственности других владельцев. Поэтому он требовал срочно возвратить эти участки их законным владельцам. Ибрагим Тали-бей предлагал также властям взимать налоги у населения в подходящее для него время [251, 14. IV. 1928]. Однако все это были лишь благие пожелания, которые никто не собирался выполнять. В то же время турецкие правящие круги, стремясь привлечь на свою сторону курдскую знать, стали принимать меры по возвращению некоторых курдских феодалов в Курдистан. В беседе с одним из журналистов Исмет-паша в марте 1928 г. заявил, что поскольку порядок в восточных вилайетах восстановлен, появилась возможность вернуть в эти районы многих лиц, которые были выселены оттуда во время восстания шейха Саида и после него. Правительство постоянно получает просьбы от разных лиц о разрешении вернуться в эти вилайеты. «Те, кто обращается с такими просьбами, согласны подчиниться всем поставленным им условиям. Отечественная политика республиканского правительства сводит на нет интриги всех тех, кто, находясь за границей, пытается препятствовать возвращению этих граждан домой. Деятельность генеральной инспекции бесспорно принесет

результаты, желательные правительству». «Если интересы отечества этого потребуют,—подчеркнул он,—мы не поколеблемся принять меры, которые продиктует положение» [216, 27. III. 1928].

7 мая 1928 г. ВНСТ приняло закон об амнистии (№ 1239), в соответствии с которым освобождались от наказания лица, осужденные по обвинению в причастности к восстанию шейха Саида. В законе говорилось, что действия, совершенные во время повстанческого движения вплоть до отмены осадного положения в зоне восстания (23 ноября 1927 г.), не считаются больше преступлениями (ст. 1). Лицам, замешанным в восстании шейха Саида и не разысканным властями, предлагалось в течение трех месяцев после принятия этого закона явиться с повинной, чтобы попасть под действие этого закона [35, т. 9, с. 804—805].

Комментируя принятие этого закона, министр внутренних дел заявил, что в восточных вилайетах установлен порядок, жизнь стала безопасней, а население убедилось в силе правительства республики [28, ед. хр. 277, л. 247].

Вместе с тем печать, в частности, газета «Миллиет» от 13 мая 1928 г., подчеркивала, что принятие закона № 1239 свидетельствует, с одной стороны, о достижении опокорения в восточных провинциях, и с другой—об уверенности правительства в своих силах. Однако, как утверждал автор одной из статей Махмуд-бей, у населения восточных вилайетов нет никаких оснований считать себя нетурками, а тот, кто утверждает противное, стремится к расколу нации [28, ед. хр. 277, л. 230].

Первые списки курдов, которых правительство намеревалось вернуть в родные места, были составлены еще в январе-феврале 1928 г. после принятия закона 1178. Они охватывали курдских феодалов из вилайетов Малатья, Сирт и Мардин, отчасти Ван и Битлис. Меньше всего возвращались в Диярбакыр, Харпут, Баязит, Антеп и Урфу [28, ед. хр. 276, л. 156].

В начале мая 1928 г. получили разрешение вернуться в восточные вилайеты еще 203 человека [216, 2. V. 1928]. В то же время турецкие власти делали все, чтобы не допустить возвращения наиболее активных руководителей курдского движения. Так, 9 курдских вождей, участвовавших в восстании шейха Саида и содержащихся в тюрьмах Стамбула, обратились к вла-

стям с просьбой распространить и на них закон об амнистии. Однако министр юстиции отклонил эту просьбу [259, 8. VIII. 1928].

В связи с принятием закона об амнистии некоторые курдские вожди явились с повинной к турецким властям и просили о помиловании. В начале мая 1928 г. явился глава повстанцев в районе Мардина Реманлы Эмин вместе со своими сподвижниками, а также руководители повстанческих отрядов Степьялы Хюсю, его брат Осман, два их родственника Кимино и Сулейман Абдулькадыр, а также 12 их сторонников [251, 9. V. 1928]. Следует отметить, что позднее все они были казнены или отправлены в тюрьмы.

Касаясь политики турецких властей по отношению к курдам в тот период, корреспондент «Таймс» писал, что, хотя прошло уже три года после подавления восстания шейха Саида в Курдистане, турецкое правительство не сумело добиться спокойствия. Турки в настоящее время,—писал корреспондент газеты,—по-видимому склонны изменить свою политику по отношению к курдам, точнее, смягчить эту политику. В частности, некоторые из высланных из Курдистана лиц с разрешения правительства вернулись на свое прежнее местожительство. Кое-кто из курдов были назначены на руководящие посты в Ване и Битлисе. Далее корреспондент подчеркивал, что хотя турецкое правительство не разрешает открыть курдские школы, оно не пытается проводить в Курдистане меры по обязательной «европеизации одежды» [261, 7. IV. 1928].

12 мая 1928 г. ВНСТ решило, в дополнение к закону от 9 мая того же года, прекратить преследование лиц за «предосудительные действия», совершенные до 30 мая 1928 г., если только виновные в таких действиях лица явятся с повинной к властям. Позднее трехмесячный срок был продлен еще на шесть месяцев [35, т. 9, с. 834], то есть до середины октября 1928 г.

Однако эти меры не принесли желаемого результата турецким властям. Отдельные повстанческие отряды продолжали действовать в малодоступных горных районах. В связи с этим Ибрагим Тали-бей и его советники вынуждены были лично посещать курдские районы, пытаясь умиротворить население. Они предупреждали всех, кто когда-либо участвовал в повстанческом движении, что при малейшем нарушении с их

стороны закона, к новому наказанию будет добавлено старое.

Следует отметить, что параллельно с судебно-административными мерами по подавлению курдского национального движения, турецкие власти развернули широкую пантюркистскую кампанию среди местного населения. С этой целью в июне 1928 г. в курдских районах побывали министр просвещения Неджати, министр юстиции Махмуд Эсат и ряд депутатов ВНСТ. Они разъезжали по городам восточных вилайетов, проносили речи перед населением, пропагандируя пантюркистскую идеологию [259, 8. VII. 1928].

Эта кампания встречала активную поддержку турецкой буржуазной прессы. Так, газета «Миллиет» от 28 марта 1928 г., считая проводимые правительством политические и административные меры недостаточными, писала: «Мы ждем существенных и окончательных результатов от деятельности, которую мы будем развивать в области культурной, моральной и воспитательной. В тот день, когда мы установим среди граждан единство языка и идеала в полном смысле этого слова, мы приобретем большую силу».

Наряду с усиленной пропагандой идеалов тюркизма, турецкое правительство создавало видимость ослаблений в восточных вилайетах страны. Например, в связи с истечением в марте 1929 г. срока действия закона об охране порядка, Исмет-паша выступил с пространной речью, в которой, в частности, заявил следующее: «Правительство не нуждается в продлении этого закона... Это решение принято по совету главы государства... Можно сказать, что за последние два года правительству не пришлось применять закон об охране порядка. Этот факт свидетельствует о всеобщем стремлении наших соотечественников добиться нормальной обстановки в стране... За четыре года действия этого закона были достигнуты успехи, которых нельзя было бы добиться за сто лет...». Далее премьер-министр подчеркнул: «Наш долг предупредить граждан об интригах, исходящих из-за границы. Законы республики обладают достаточной силой, чтобы защитить честь и достоинство страны и ее сыновей от всякого рода козней и интриг, как бы искусно они не замыслились» [212, 4. III. 1929].

Однако правители Анкары этим заявлением пытались выдать желаемое за действительное, поскольку

уже назревало новое антитурецкое движение курдов в районе Арарата. В этих условиях правящие круги наряду с военными мерами стали предпринимать шаги, которые могли бы ослабить напряжение в Восточной Анатолии. Так, еще весной 1927 г. турецкое правительство подготовило проект закона о распределении среди безземельных и малоземельных крестьян земель курдских феодалов, высланных в западные районы. Законопроект ограничивал общий размер участка крестьянина максимально в 200 дёнюмов (около 20 га), включая полученную от помещиков землю. Стоимость участка крестьяне должны были выплачивать помещику 20 лет [28, ед. хр. 161, л. 441—442]. Однако этот проект закона не был принят. Лишь спустя два года, 2 июня 1929 г. ВНСТ приняло закон № 1505 о землях, подлежащих распределению среди крестьян восточных районов. В законе отмечалось:

Ст. 1. Земли, которые в силу ст. 9 закона № 1097 от 19 июня 1927 г. должны быть переданы казне и розданы сельскому населению из кочующих племен, остаются в их владении.

Ст. 2. Правительство уполномочено распределить эти земли лицам, поименованным в ст. 1 настоящего закона, в количестве, которое оно посчитает нужным, в районах, расположенных в зоне, которая определена ст. 1 закона 1097 (вилайеты Урфа и Баязит).

Ст. 3. Цены на розданные или подлежащие распределению земли устанавливаются в соответствии с существующими на местах ценами советом каза и утверждаются советом вилайета. Генеральные прокуроры принимают участие в работе этих советов по рассматриваемому вопросу. Цены не могут быть выше восьмикратного и ниже двукратного размера их стоимости. Земли «метруке» (покинутые земли), определяются через кадастр от имени правительства [35, т. 10, с. 1793].

В соответствии с этим законом, по официальным данным, было распределено 70 тыс. дёнюмов земли, то есть 7 тыс. га. В действительности, турецкое правительство распределило за перешедшими на оседлость племенами земли, уже находившиеся в их владении, да еще обязало эти племена внести за них выкуп. А, самое главное, правящие круги стермились расколоть движение курдского народа, перевести на оседлость более беспокойные племена, обложить курдов налогами.

Вместе с тем, в результате проведения в жизнь указанного закона, выигрывало зажиточное крестьянство и растовщики, так как бедные крестьяне, получив землю за выкуп и не имея возможности обработать ее, как правило, попадали в экономическую кабалу зажиточным слоям деревни.

В результате подобные вершущечные «реформы», не затрагивающие радикально социально-экономических основ курдского общества, не только не ослабляли недовольство масс, но, наоборот, усиливали его.

Предметом особого внимания генерального инспектора Ибрагима Тали-бея был Дерсим. В июле 1928 г. он побывал в Хозате, где встретился с вождями племен этого района. Во время этих встреч Ибрагим Тали-бей советовал им прекратить антитурецкие выступления, сохранять спокойствие в Дерсимае, обещая взамен благорасположение правительства. Однако, вернувшись в Диярбакыр, генеральный инспектор продолжал предпринимать карательные экспедиции против курдов, что вызывало резкое недовольство среди населения.

Спустя два месяца, в сентябре 1928 г., по настоянию губернатора Али Джемалея, Сеит Риза в сопровождении Мехмета Нури (Дерсими) прибыл в Диярбакыр для решения вопросов, касающихся Дерсима. Но и эта встреча не привела к положительным результатам, поскольку ни одно из требований курдов не было удовлетворено.

Провал политики усмирения Дерсима привел к разногласию между Али Джемалем и Ибрагимом Тали-беем, которые стали писать друг на друга жалобы в Анкару. Центральные власти встали на сторону Ибрагима Тали-бея, обвинили Али Джемалея в том, что он скрывал правду о положении дел в Дерсимае и перевели его губернатором в Чорум.

В начале июля 1929 г. Ибрагим Тали-бей вызвал в Диярбакыр Мехмеда Нури для новой беседы. В начале беседы он пытался всю ответственность за действия, направленные против племен кочан, свалить на Али Джемалея, затем, вручил Мехмеду Нури документ, адресованный генеральной инспекции, в котором содержались сведения об антиправительственных действиях дерсимских курдов.

Вручая этот документ, Ибрагим Тали-бей заявил: «Хотя эти известия заслуживают внимания, прави-

тельство не верит им... в противном случае оно уничтожило бы дерсимцев. Вы—видный представитель интеллигенции Дерсима. Я посылаю вас туда с тем, чтобы вы сообщили мне о планах и целях населения. Это необходимо ради благополучия вашей страны» [126, с. 207—210].

Мехмед Нури с удовлетворением принял это предложение, поскольку оно позволило ему вновь встретиться с Сеитом Ризой. По прибытии в Дерсим в окрестностях Хозата состоялось собрание, в котором приняли участие Сеит Риза, Мехмед Нури, вождь племени ферхадан Джемшит-ага, глава племени карабалакан Кангооглу Мехмет Али и другие курдские руководители. Собрание обсудило создавшуюся обстановку и, принимая во внимание антикурдскую политику турецких властей, решило:

1) послать к генеральному инспектору авторитетную делегацию, которая опровергла бы ложь, содержащуюся в указанном выше документе;

2) принять необходимые меры против возможного вторжения правительственных войск в Дерсим;

3) временно прекратить антитурецкие выступления, чтобы не давать анкарскому правительству повода посылать войска в Дерсим;

4) продолжать работу по объединению дерсимских племен;

5) возложить на Баба Ибрагима (сын Сеита Ризы) контроль за проведение в жизнь изложенного выше, сообщить Сеиту Ризе о разногласиях, которые могут возникнуть среди племен в ходе выполнения намеченных планов, принять меры по обеспечению курдов вооружением и боеприпасами из районов Эрзинджана и Элязиза.

После принятия этого решения, а также других шагов, направленных на укрепление безопасности племен, курдские руководители направили в Диярбакыр делегацию во главе с шейхом Хасаном для переговоров с Ибрагимом Тали-беом¹.

Шейх Хасан, встретившись с генеральным инспектором, заявил от имени делегации: «Известия относи-

¹ В состав делегации, кроме шейха Хасана (старший сын Сеита Ризы), входили глава племени Карабалакан Кангооглу Мехмет Али, глава племени фархадан Джемшит-ага, вождь племени аббасан Зейноглу Ахмет. Вместе с делегацией в Диярбакыр прибыл и Мехмед Нури [126, с. 211].

тельно дерсимцев, которые вы получили—сплошные выдумки. Мы не знаем никакого сына Абдул Хамида; как известно, он турок, а не курд, поэтому, разумеется, нам не к чему вмешиваться в проблемы турецкого султаната. Если, выдвигая подобные предлоги, турецкое правительство собирается напасть на дерсимцев и истребить нас, то в этом случае нам нечего сказать» [126, с. 212].

Переговоры с курдскими руководителями генеральный инспектор использовал, чтобы скрыть истинные цели турецких властей разжечь вражду среди курдских вождей, оправдать готовившиеся провокации против населения Дерсима. Во время прощальной встречи Ибрагим Тали-бей вручил каждому члену курдской делегации по 1000 лир, а для Сеита Ризы передал 2000 лир и сундук с подарками: сладостями, шелковыми тканями и т. п. После этого, с целью настроить курдских вождей против Сеита Ризы турецкие власти распространили слухи о том, что Сеит Риза получил от них много золота. Они с провокационной целью организовали убийство одного из руководителей племени аббасан Ибрагима-аги—зятя Сеита Ризы. Его за 1000 лир убил Хюсейн, сын Мечо-аги, депутат ВНСТ первого созыва. В отместку Сеит Риза напал на село убийцы и полностью уничтожил его. Вместе с тем курды начали набеги и на турецкие посты. В этой обстановке из Хаккяри в Элязиз был переведен на пост губернатора Дели Фахри. Он получил приказ «усмирить» любым способом Дерсим.

1 января 1930 г. турецкое правительство приняло постановление о принудительном переселении курдов района Дерсим в долины вилайета Элязиз. Вся недвижимость в оставленных районах переселившихся курдов подлежала конфискации. Кроме того, курды должны были уплатить за выделенные им земельные участки. Недовольные жители Дерсима отказались покинуть свои дома. Тогда Совет министров принял решение засчитать стоимость недвижимой собственности, принадлежавшей переселяемым курдам в уплату за предоставленные им земельные участки. [45, с. 165].

¹ Согласно постановлению Совета министров от 18 марта 1931 г., это положение распространялось на весь район Первой генеральной инспекции [45, с. 166], т. е. на вилайеты Агры, Ван, Муш, Битлис, Хаккяри, Сирт, Мардин, Диярбакыр; Урфа, Элязиз (включая район Дерсима) [116, с. 321].

Однако и это решение не успокоило курдов, поскольку они не желали покинуть свои родные места. Однако, благодаря овоей разведке, депсимские курды знали о всех антикурдских мероприятиях правительства. Разведку вели патриотически настроенные молодые курды, работавшие в турецких учреждениях. Благодаря этим патриотам курдским лидерам было известно содержание переписки между генеральным инспектором и Министерством внутренних дел, касавшейся курдской проблемы, что давало им возможность принимать контрмеры [126, с. 213].

Министерство юстиции разработало проект чрезвычайного закона, имевшего целью ускорение судебной процедуры. Согласно этому закону приговоры судов по делам о «бандитизме», о заговорах против государства не подлежали обжалованию и приводились в исполнение немедленно. Действие этого закона распространялось главным образом на зону первой генеральной инспекции. «Нет никакого сомнения,—писала газета «Акшам»,—что в местностях, где примитивная психология ненависти и кровной мести продолжает господствовать, невозможно установить безопасность, применяя судебную процедуру, основанную на германском образце. Цель этого закона—быстро обеспечить правопорядок, помешать обвиняемым использовать длительную процедуру, существующую в настоящее время» [185, 29. III. 1930].

9 мая 1930 г. в здании муниципалитета Элязиза состоялось собрание, на котором присутствовали командующий дивизией Хусейн Хюсю-паша, а также ответственные чиновники вилайета. Собрание обсуждало курдский вопрос. В своем выступлении заместитель губернатора Митхат-бей, в частности, сказал, что дерсимцы—это турки, которыми при султанском правлении пренебрегали. Их можно приобщить к общественной жизни Турецкой Республики, используя для этого разрешенные законом меры. Этот тезис поддержали командир дивизии, председатель торговой палаты вилайета Ахмет-бей, председатель муниципалитета Халиль-бей. Однако другого мнения был губернатор Дели Фахри. Он заявил, что дерсимцы вовсе не турки и с пурками не имеют ничего общего. Население Дерсима, которое служит иностранцам и комитету «Хойбун», следует уничтожить. Затем, обращаясь к Митхат-бею,

он с пеной у рта выпалил: «Закон, закон! Плевать на ваш закон... турецкая нация не ждет от дерсимцев никаких материальных и духовных услуг, в этом убедили турок события последних лет» [126, с. 214]. После этой речи Дели Фахри собрание прервало свою работу.

Спустя некоторое время Дели Фахри вызвал к себе Мехмета Нури и предложил ему немедленно поехать к Сеиту Ризе и передать ему требование немедленно изъявить покорность и сдать оружие турецким властям. Однако Мехмет Нури выполнить этот приказ отказался и обратился к вилайетскому прокурору с жалобой на притеснения дерсимского населения, чинимые Дели Фахри. При этом он ссылаясь на конституцию Турецкой Республики, которая считает всех родившихся в Турции граждан турками. На это прокурор заметил, что по конституции и армяне, проживающие в Турции, тоже турки, однако политика по отношению к ним осуществляется согласно секретному постановлению. «Формально по конституции ты—тоже турок,—продолжал он,—но в действительности ничем не отличаешься от иностранца... Ты должен знать, что при назначении на самую маленькую должность Управление государственной безопасности проверяет кандидата: турок он, или курд» [126, с. 223].

Отказ Мехмета Нури выехать ничего не менял. Турецкие власти обязали всех курдов сдать оружие, но поскольку не все его имели, то они были вынуждены покупать оружие на стороне и сдавать его властям, чтобы не подвергаться репрессиям.

В результате в зоне Первой генеральной инспекции было собрано 30 тыс. маузеров и 160 тыс. единиц другого оружия [116, с. 321]. При этом турецкие жандармы не останавливались ни перед какими жестокостями. В этой связи заслуживает внимания следующий факт.

В 1932 г. в Дамаске, в гостинице «Континенталь» видный курдский деятель Джеладет Бедирхани встретился с венгерским корреспондентом, который во время изъятия турками оружия у курдов побывал в Курдистане. Корреспондент рассказал: в одной из курдских деревень он познакомился со стариком 102-х летним. Когда он однажды приехал к старику, тот не смог встретить своего гостя как обычно. На вопрос: «Что случилось?»—старик ответил: «Две недели назад жандармы пришли в нашу деревню, чтобы изъять ору-

жие. Мы все оружие сдали... Жандармы связали всех наших молодых односельчан, увели с собой. Меня повалили и жестоко избили, дали сорок ударов плетьюми. Я потерял сознание, с тех пор я не могу встать с постели». Почему же тебя избили?—спросил гость. Старик ответил: «Потому, что я—курд, а Кемаль-паша не желает, чтобы в стране жили курды» [120, с. 82—83].

В то же время правящие круги, несмотря на свои неоднократные обещания, не провели ни одного серьезного мероприятия, которое способствовало бы ослаблению экономического и социального гнета в Курдистане, развитию этого района, который по существу был на положении колонии. Восточные вилайеты были местом ссылки «провинившихся» турок. В 20-е годы тяжелые нищенские условия жизни вынуждали многих, особенно зимой, совершать мелкие преступления, чтобы попасть в тюрьму «на казенный хлеб». Чтобы помешать этому власти постановили в январе 1928 г. отправлять таких «преступников» не в тюрьму, а в восточные вилайеты для использования их на принудительных работах [216, 30. I. 1928].

Курдские районы для турецкой администрации были одними из основных районов, где собирались налоги. Зона Первой генеральной инспекции, включавшая в те годы 10 вилайетов, ежегодно вносила в общий бюджет примерно 6,5 млн. лир [116, с. 399], а сама эта зона не получила от правительства почти никаких ассигнований на свои нужды. В этой зоне с населением в 900 тыс. человек было всего три работника здравоохранения и 17 врачей, а также 6 аптек. В столь же жалком положении находилось и просвещение. В 1927/28 учебном году в зоне Первой генеральной инспекции насчитывалось 104 начальных и 5 средних школ, в которых обучалось 7690 школьников [36, с. 453].

В начале 1930 г. в вилайетах с турецким населением обучалось 33% всех детей, а в вилайетах с курдским населением—2,5% [120, с. 26]. Из 720 деревень вилайета Диярбакыр лишь в 30 были школы (и то турецкие). В 428 деревнях вилайета Муш не было ни одной школы. Зато в 58 уездах зоны Первой генеральной инспекции было 336 жандармских постов [116, с. 399—400].

О том, как правящие круги стремились решить социально-экономические проблемы восточных вилайетов, свидетельствует следующий факт. «Как мне стало

известно от одного лица, имевшего отношение к этим вопросам,—пишет Ш. С. Айдемир,—тогда наблюдалась тенденция улучшения наших отношений с Италией Муссолини. Правительство надеялось получить от Италии заем в 30 млн. лир. Говорили, что премьер министр Исмет-паша обещал Ибрагим Тали-бею направить все эти средства на развитие восточных вилайетов. Однако Муссолини отказал в займе, и восточные вилайеты ничего не получили»,—заключает Ш. С. Айдемир [116, с. 317].

Этот факт свидетельствует о том, насколько несерьезны были планы турецкого правительства, касавшиеся развития курдских районов страны.

Деятельность Первой генеральной инспекции не решала ни одного из аспектов курдской проблемы. Она не удовлетворила по существу интересов ни одной из социальных групп курдского общества: ни оседлых крестьян, ни кочевников, ни курдской интеллигенции, ни торговой буржуазии, ни феодалов-помещиков и тем самым не устранила их недовольства политикой анкарских властей. В конце 20-х годов это недовольство привело к новому антитурецкому восстанию в районе Арарата.

3. Восстание в районе Арарата (1927—1931 гг.)

Подавление восстаний племен, разоружение их, судебно-административные меры, подкупы отдельных курдских вождей, насильственная ассимиляторская политика, туркизация всех сторон экономической, социально-политической жизни страны не могли решить курдскую проблему.

Основные причины восстания курдского населения—бесправие курдов, национальный гнет, обнищание крестьян, находившихся в тяжелой зависимости от своих феодалов—шейхов, ага и вождей, резкое падение жизненного уровня курдов в результате бесчисленных карательных экспедиций не были устранены. Усилился административный произвол, тяжелее стал налоговый пресс. Все это усугублялось экономическим кризисом, который обострил все противоречия и ухудшил и без того тяжелое положение трудящихся масс курдов. Так, в 1929 г. урожай, полученный с обрабатываемых площадей, не превышал 80% урожая 1913 г.

В том же году количество скота составило лишь 85% числа скота накануне первой мировой войны. В результате этого и других причин с каждым днем росла догровизна на продукты питания. Так, если в 1913 г. одна окка мяса стоила 5 куруш, одна окка хлеба—1 куруш, а оливковое масло 3 куруша, то в 1928 г. соответственно 150 куруш, 18 и 70 курушей [131, с. 41—42]. Таким образом, к концу 20-х годов стоимость указанных выше продуктов выросла в 18—50 раз.

Такая же картина наблюдалась и в отношении других товаров первой необходимости. Все это усиливало классовые противоречия в стране, которые усугублялись национальным гнетом в Курдистане.

Нежелание и неспособность властей устранить причины курдских восстаний повлекли новые взрывы, усилили национально-освободительные устремления курдов. Во второй половине 20-х годов вся Восточная Анатолия была охвачена партизанским движением. Мелкие отряды курдских партизан нападали на жандармские посты и другие правительственные учреждения, убивали турецких чиновников.

В 1927 г. северо-восточные районы Турции были охвачены новым восстанием. К концу весны этого года правительственные войска (численностью до 10 тыс. человек) начали наступление против повстанцев Арарата, Игдыра и Баязита (Догубаязита). В результате ожесточенных боев турки потеряли убитыми около 2000 солдат и офицеров. Курды захватили 400 пленных, 12 орудий, 36 племетов и много другого вооружения [108, с. 270]. Осенью курды разгромили гарнизон Баязита и захватили в плен 10 офицеров и 45 солдат. Восстание стало распространяться на районы Вана, Малазгирта, Муша, Битлиса, Сиирта. Турецкое командование было вынуждено послать своим частям подкрепления. Во многих названных районах турецким властям с большим трудом удалось подавить повстанческое движение.

Однако в течении 1928—1929 гг. курды, преследуемые правительственными войсками, начали концентрировать свои силы в труднодоступных районах востока страны. Главным убежищем курдов стала гора Арарат. Здесь в ущельях находили убежище активные бойцы за национальное освобождение курдов, потерпевшие поражение в открытой неравной борьбе с правительственными войсками. К концу 20-х годов седло-

вина между Большим и Малым Араратом, именуемая турками Кире, стала главным очагом и базой курдского повстанческого движения [86, с. 109].

Восстание в районе Арарата было подготовлено военно-политическим комитетом «Хойбун» («Независимость»), сыгравшим заметную роль в становлении национального самосознания курдов.

Комитет «Хойбун» был создан в августе 1927 г. на съезде курдских организаций¹. В него вошли бывшие члены таких курдских организаций, как Общество возрождения Курдистана, Общество курдской социальной ассоциации, Курдской национальной партии, Комитет независимости Курдистана. На съезде кроме видных деятелей этих организаций присутствовали также некоторые главы племен и другие курдские патриоты². Съезд проходил тайно в течении 45 дней. За это время он обсудил все основные вопросы, связанные с дальнейшей борьбой курдского народа в Турции. По словам видного курдского патриота Зиннара Силопи, комитет «Хойбун» стремился объединить вокруг единой программы разрозненные курдские отряды, сражавшиеся после восстания 1925 г. в горах Чапакчур, Сасуна и Арарата против турецких властей, сделать эти подвижные курдские силы более полезными в деле осуществления национальных задач [145, с. 110].

Несмотря на идеологические и организационные недостатки, комитет «Хойбун» по существу был политической партией, имевшей свою программу и устав. Каждый член этой партии принимал «Клятву братства», давая обещание бороться за единство всех курдов во имя создания независимого Курдистана [108, с. 270]. Программа, разработанная на съезде, ставила задачу «борьбы против турок до эвакуации последнего турецкого солдата с курдской священной земли» (ст. 2). Она уделяла особое внимание вопросу создания специальных курдских вооруженных формиро-

¹ По данным М. Нури Дерсими, первый съезд организации «Хойбун» состоялся в августе 1927 г. в гор. Бихамдуне (Ливан) [126, с. 255]. По другим данным он состоялся в октябре 1927 г. [145, с. 110].

² В марте 1929 г. на специальном собрании братья Экрем и Кадри Джемил-паша (Зиннар Силопи) были избраны членами ЦК партии «Хойбун». До этого они по приговору Суда независимости после восстания шейха Саида находились в ссылке в центральных районах Анатолии [145, с. 119].

ний, обучению и вооружению их «самым современным оружием». Все курдские формирования должны были подчиняться «единому военному командованию», центр которого находился бы в одном из горных районов Курдистана (ст. 3).

Программа «Хойбун» предусматривала установление дружественных отношений с некоторыми соседними странами. Так, партия «Хойбун» должна была «установить постоянные братские дружественные связи с иранским правительством и братским иранским народом» (ст. 4) [85, с. 48—49]. Особое внимание она уделяла пропаганде курдского вопроса за пределами Турции. С этой целью партия создала несколько филиалов за границей, а именно: в Сирии, Ливане, ряде стран Европы и в США. Вместе с тем в программе «Хойбун» ни слова не говорилось об установлении сотрудничества с турецкими прогрессивными силами. В этом проявлялась ограниченность курдского национализма, которая сыграла отрицательную роль в подборе курдскими руководителями своих союзников. С одной стороны, партия «Хойбун» требовала независимости для курдских провинций в Турции, с другой—она, казалось, была довольна положением курдов в Ираке¹ и Сирии и потому не выдвигала для них никаких других политических прав, кроме тех, что были записаны в документах Лиги Наций.

Националистическая ограниченность программы в известной мере сужала круг союзников «Хойбун». Практически эту организацию поддерживала лишь зарубежная армянская буржуазно-националистическая партия дашнаков, известная своей недалёковидной деятельностью.

Излагая свой взгляд на причины курдского восстания, турецкие официальные круги и пресса пытались представить дело так, будто в восточных вилайетах царил мир и благополучие, если бы не антитурецкая деятельность агентов империализма, в список которых попала и партия «Хойбун». В ответ на эти обвинения турецких правящих кругов, эта партия опубликовала в апреле 1928 г. заявление, в котором говорилось: «Хойбун» не является политическим орудием какой-либо иностранной державы... Единственная цель «Хой-

¹ В это время курды Ирака вели вооружённую борьбу против английских колонизаторов за свои национальные права.

бун»—освобождение курдского народа от турецкого ига, превращение Курдистана... в независимое государство. Осуществляя эту главную задачу, «Хойбун» полагается на собственные силы» [108, с. 278].

Тем не менее в связи с событиями в районе Арарата в Анкаре вышла официальная «Зеленая книга» («Хойбун—Дашнак») по курдской проблеме. В предисловии к этой книге говорилось, что она имеет целью сообщить мировому общественному мнению документальные данные по этому вопросу. В книге приводилась мысль о том, что после подавления восстания 1925 г. курдское движение восстановилось в следствии сотрудничества между двумя подпольными организациями: «Хойбун» и дашнаков.

И действительно, подготовку восстания партия «Хойбун» вела с участием дашнаков.

Следует иметь в виду, что партия дашнаков еще с 1925 г. мобилизовала армянскую общественность за рубежом вокруг курдского движения. Более того, в том же году по инициативе бюро партии «дашнакцютюн» был представлен меморандум международному конгрессу по курдскому вопросу в Марселе.

В свою очередь «Хойбун» пропагандировал в курдских массах необходимость армяно-курдской дружбы. Так, в 1927 г. первый съезд «Хойбун» в политической декларации о своих задачах заявил следующее: «Съезд объявил, что Армения и Курдистан, веками населенные этими двумя народами, отказываются подчиняться какому бы то ни было государству и стремятся к своей независимости. Съезд объявляет, что эти две страны принадлежат только армянскому и курдскому народам» [82, № 2, с. 38].

Касаясь этой декларации один из лидеров курдского движения Суррейя Бедирхани в 1928 г. писал:

«В октябре 1927 г. «Хойбун»... от имени курдского народа и представителей армянского народа, объединенных солидарностью против общего врага—Турции, осуществил всеобщее примирение. От имени моей нации я выражаю отважному армянскому народу глубокую симпатию и заверяю его в уважении его законного национального стремления, каковым является независимая объединенная Армения» [Цит. по 100. с. 282—283].

Касаясь причин установления связей между двумя националистическими партиями, а также развития дру-

жественных отношений между ними Зиннар Силопи писал: «Не было ни одной организации, ни одной страны, которая оказывала бы помощь «Хойбуну», проявляла бы дружественное расположение к нему... Учитывая все эти обстоятельства сочли целесообразным установить дружбу с армянами...

Стороны согласились, что вопрос о границах между Курдистаном и Арменией, который может возникнуть между курдами и армянами, будут решать будущие курдское и армянское правительства. Кроме того, они договорились, что вопрос о материальной помощи, которую армяне окажут курдской организации, впоследствии опять будет решаться правительствами двух народов. И действительно в начале было широко использовано посредничество армян. Большую часть связей между курдскими общинами в различных странах обеспечивали армяне. Связь между повстанцами Арарата и центром «Хойбун» также обеспечивали они. Доброжелательная армянская печать, издававшаяся в Америке и Европе, оказала большую услугу в устранении предубеждения в отношении курдов. Армяне своими публикациями оказывали поддержку нам, расстраивали антикурдскую пропаганду» [145, с. 114, 116].

В условиях подготовки и начала курдского восстания в районе Арарата это примирение между руководителями курдских и армянских буржуазно-националистических организаций было знаменательным. Однако это свидетельствовало не столько об их дальновидности, сколько об их ненависти к турецким ассимиляторам.

В то же время, говоря об «армянском народе», руководители «Хойбуна» могли разуть лишь дашнаков, ибо с лозунгами «великой» или «объединенной Армении» выступали дашнаки, а не армянский народ, который в тот период под знаменем советской власти уже строил свою социалистическую Армению.

Тем не менее, в тот период партия «дашнакцунтун» усиливала пропаганду вокруг курдского движения. В апреле 1929 г. на XI съезде своей партии дашнаки приняли обращение, в котором говорилось: «Съезд особенно приветствует восстание курдов против турок. Съезд считает, что это движение необходимо для разрешения армянского и курдского вопросов, и привлекает внимание и сочувствие сознательного ар-

мянства к этой несравненной и героической борьбе» [Цит. по 82, № 2, с. 37].

При этом дашнаки подводили «теоретическую» базу под отношение к курдскому движению. Они увязывали свою задачу с лозунгом «независимой Армении». Это «обоснование» шло следующими путями: 1) курдское движение развивается на территории Турецкой Армении, поэтому всякий армянин, интересующийся судьбой своей родины, должен сочувствовать курдскому движению; 2) антитурецкая борьба курдов препятствует размещению в Турецкой Армении турок-мухаджиров, которые представляют «большую опасность» для армянского народа; 3) создание независимого Курдистана мешает осуществлению пантюркистских устремлений Турции; 4) курдское движение ослабляет Турцию и тем самым создает предпосылки для борьбы за «независимую объединенную Армению» [82, № 2, с. 38]. Таковы соображения, которыми руководствовались дашнаки, оказывая содействие курдскому освободительному движению в районе Арарата.

Араратское движение возглавил видный курдский патриот Ихсан Нури, который был послан в район восстания партией «Хойбун» в качестве чрезвычайного военного представителя. Будучи умелым военным организатором, он сумел мобилизовать силы вождя племени джеляли Ибрагима Хаски (Хасике) из Телло, известного под именем Ибрагим-паши, (чин паши-генерала ему присвоила партия «Хойбун»), а также создать в 1927 г. основы курдского государства [126, с. 247]. Была сформирована гражданская администрация провинции Арарат (Агры), которую возглавил Ибрагим-паша. Были осуществлены и другие назначения. Так, начальником жандармерии провинции был назначен Темир-ага, каймакамом уезда Корхан—Молла Хюсейин-эфенди, управляющим волости Боти—Ибрагим-ага, управляющим волости Орти—Хасан-эфенди, управляющий волости Корн—Муса Беркили-ага, каймакамом уезда Коахан—Омерин-ага [145, с. 121].

Ихсан Нури переформировал вооруженные группы людей к потребностям ведения партизанской войны. Вместе с тем он установил контакты с Исманл-ханом Симко, который в это время вел вооруженную борьбу против шахского режима в Иране. В соответствии с условиями восстания он принял ряд мер. Так, например,

1) виновные за воровство, грабеж, изнасилование приговаривались к смерти;

2) никто не должен заниматься грабежом и разбоем также и вне зоны восстания;

3) те, кто совершит подобные преступления внутри района восстания, будут судимы «повстанческим судом» и приговариваться к наказанию большинством голосов;

4) жены погибших воинов выдавались за другого повстанца;

5) разногласия между участниками движения будут устраняться решением руководства (восстания), которое будет обязательно для всех и т. д.

Партия «Хойбун» стала издавать бюллетень под названием «Агры», который знакомил читателей с событиями у Арарата, с целями курдского движения [192а, 1985, № 17, с. 14]. Повстанцы имели свое знамя.

Касаясь движения курдов у Арарата, прогрессивный автор С. Гаван пишет: «Это восстание представляет собой интерес ввиду его высокой организованности, достигнутой объединением небольших курдских групп в конгрессе Агры-дага. В то же время эта организация ближе всего подошла к единой массовой организации» [162, с. 21].

Постепенно повстанцы стали расширять зону восстания. В этих условиях турецкие власти, как раньше, стали на путь лавирования и предложили Ихсану Нури начать мирные переговоры.

В середине мая 1928 г. ВНСТ создало «примирительную» комиссию, в которую вошли 12 депутатов и несколько должностных лиц из восточных вилайетов. Эта комиссия встретила с курдской делегацией во главе с Ихсаном Нури в местечке Шейхли-Кёпрю (на нейтральной зоне, отделявшей повстанцев от турецких войск). Члены комиссии заверили Ихсана Нури, что правительство объявит всеобщую амнистию курдам, а ему предложит высокий пост в государстве. В замен этого курды должны были сдать турецким войскам.

Курдская делегация отвергла предложения «примирительной» комиссии. При этом она подчеркнула, что единственным условием прекращения борьбы может быть признание Турцией национальных прав Курдистана. В итоге переговоры в местечке Шейхли-Кёпрю закончились безрезультатно [108, с. 281].

Спустя некоторое время генеральный инспектор восточных вилайетов Ибрагим Тали-бей направил личное письмо Ихсану Нури, в котором обещал ему высокий чин в турецкой армии, большое денежное вознаграждение, если он прекратит антитурецкую борьбу. В ответном письме Ихсан Нури еще раз подчеркнул, что организацией «Хойбун» он назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами курдов и будет вести борьбу до полного освобождения Курдистана от турецкого гнета [108, с. 281].

Вместе с тем Араратская администрация, партия «Хойбун» начали усиленную кампанию против так называемой амнистии курдов, разоблачая цели турецкого правительства. В 1928 г. Араратская администрация направила племенам восточных вилайетов письма, в которых разъяснялась политика Анкары в отношении курдов, а также суть правительственной амнистии. В заключение она объявляла членов организации «Хойбун», воспользовавшихся амнистией, изменниками родины [108, с. 280].

Пытаясь вовлечь в восстание другие курдские племена, Араратская администрация в 1928—1929 гг. создавала вооруженные формирования в 15—20 человек и направляла их в Зияян, Ван, Буланг, Малазгирт, Муш, Кагызман, Хыныс, Карс и др. Эти боевые отряды совершали партизанские набеги на правительственные войска, учреждения, полицейские посты. В январе 1930 г. Ихсан Нури-паша опубликовал в бюллетене «Агры» статью, в которой призвал всех курдов оказывать помощь повстанцам продовольствием и оружием [108, с. 284—285].

В то же время Араратская администрация распространила среди курдов Турции, Ирана, Ирака и Сирии воззвание с призывом объединиться в борьбе за освобождение от турецкого гнета. Копия его была послана в Лигу Наций. «Братья курды,—говорилось в воззвании,—вы должны быть достойными стать великой нацией. Как вы, благородный народ, можете жить рабами, зависеть от турок, когда все другие нации достигли своей независимости... Соединяйтесь в борьбе. Мы начали освобождать от турецкого ига своих братьев, чтобы освободить земли, принадлежавшие нам многие века» [153, с. 41].

К началу 1930 г. практически все северо-восточные вилайеты находились под влиянием повстанцев. В этих

условиях правительство Анкары мобилизовало значительные военные, технические и материальные силы для подавления восстания. Однако сниженный турецким командованием карательный отряд против повстанцев Кире 6 апреля 1930 г. был разбит курдами. Провалились на первых порах и попытки кемалистов использовать против восставших и другие курдские племена. Напротив, Араратский очаг курдского восстания начал расширяться. Это сильно встревожило руководителей Анкары.

Офицер «Мидлет» 1 июля 1930 г. вынуждена была заметить, что всякое известие о волнении на Востоке создает за границей неблагоприятное впечатление о порядках в Турции и о силе турецкого правительства». В свою очередь, оформившаяся к тому времени оппозиционная Либерально-республиканская партия во главе с Фетхи-беем, пыталась использовать курдские события, чтобы показать несостоятельность и банкротство политики кабинета Исмета-паши. Более того, некоторые депутаты ВНСТ требовали от Исмета-паши прекратить «эту братоубийственную войну». При этом они подчеркивали, что все войны, которые велись в Османской империи против нетурецких элементов, только оттачивали этих последних от империи [156, с. 14].

Тем не менее турецкое правительство пошло по пути мобилизации больших сил и средств для разгрома повстанцев. Оно под командованием Салих-паши сосредоточило армию, включающую 40 тыс. пехотинцев, 10 артиллерийских батарей, 550 пулеметов и 50 военных самолетов [145, с. 121]. Турецкое командование, получив подкрепление, начало новые военные действия против курдов. После ожесточенных боев, длившихся около месяца, правительственные войска потерпели поражение. Они оставили в руках курдов 2 тыс. пленных, 60 пулеметов, 24 орудия. Было сбито 12 самолетов [155, с. 30].

Тем не менее правительственными частям при поддержке авиации удалось в июне 1930 г. оттеснить курдов в горные ущелья на ирано-турецкой границе. В этот критический момент большую услугу Турции оказал Иран. В мае 1930 г. иранское правительство разрешило турецким войскам пройти через иранскую территорию и зайти в тыл восставшим. Воспользовавшись этим, турецкие части, двигаясь по маршруту Базыр-

ган—Ярымкая—Айбек—Донбат—Кире, перерезали коммуникации курдов. Но курды из пограничного района Маку (Иран) во главе с Симко выступили на помощь повстанцев и появились в тылу правительственных войск. Создававшаяся угрожающая обстановка вынудила турецкое командование снять временно осаду Кире и перебросить войска для подавления нового, быстро расширяющегося очага курдского восстания, который уже охватил районы Башкала, Сарай, Багрикала, Арджиш, Патноц, Ван, Зиян и другие, где проживало около 100 тыс. курдов, выставивших до 10 тыс. бойцов. Особенно жестокие сражения произошли с 20 по 27 июня у долины Зиян. Касаясь этих сражений, газета «Таймс» писала 24 июля 1930 г., что численность турецких войск составляла 60 тыс., которые понесли потери: убитыми 2000 и пленными 700 человек.

Для ликвидации этого восстания, во многом напоминавшего события 1925 года, турецкое командование бросило крупные войсковые части. Кроме того, Салих-паша установил контакты с рядом курдских вождей, пообещав материальные выгоды, сумел привлечь многих из них на свою сторону и направить их вооруженные формирования против повстанцев у Арарата [112-а, 1985, № 15, с. 14]. Операции по подавлению восстания продолжались месяц и были завершены лишь к концу июля. В ряде боев турки смогли не столько разгромить, сколько рассеять повстанческие отряды в горах.

Началась ожесточенная расправа над курдским населением. Каратели, как правило, истребляли всех заподозренных в восстании. По сведениям турецких властей, было убито свыше трех тыс. курдов. В одной Зиянской долине было вырезано 1550 человек. В районе Арджиша было сожжено 200 деревень. На территории Патноца не уцелело ни одной деревни. Турецкие войска отняли у курдов скот и угнали его [86, с. 111]. В то время, как турецкие войска проводили операции в ванском районе, курды Кире атаковали турецкие слабые заслоны близ Аралыха. 14 июля повстанцы напали на турецкую роту у Аралыха, которая, спасаясь бегством, вынуждена была перейти границу СССР в районе Камарлу [86, с. 112]. (ныне Арташат).

Сражения между курдами и правительственными войсками еще продолжались, но уже 12 июля Анатolianское телеграфное агенство сообщило: «Военные

операции против банд закончены. Мятежники уничтожены. Повстанческое движение, чисто реакционного характера, возникшее в округе Зилан и поднятое значительными вооруженными бандами, пришедшими 10 июня из Персии, окончательно подавлено. Мятежники направили свое нападение главным образом против окружающих центров: Мурадие, Баязит, Патноц, Арчих и др. Выступление повстанцев в ряде других местностей, где не было военной охраны, разбилось о сопротивление крестьян, которые сами организовали оборону. Мятежники не учли того, что население верно республиканскому режиму.

Попытки руководителей банд, пришедших из Персии, потерпели неудачу. Карательная экспедиция, предпринятая против мятежников 5 июня, закончилась 10 июня полным успехом. Общее количество мятежников превышало полторы тысячи человек, причем большая часть из них пришла из Персии» [117, 1930, № 8—9, с. 36].

Это сообщение совершенно не соответствовало действительности, так как еще 20 июля 1930 г. в районе Вана происходили серьезные бои. Сознательно уменьшена и численность повстанцев. Факт, что для повстанцев, которых по утверждению турецкого командования было не более 1500 человек, ему не понадобилось бы мобилизовать свыше 50 тыс. солдат и офицеров. Казенным оптимизмом было наполнено и утверждение о верности республиканскому режиму крестьян, которые якобы «сами организовали оборону». Это утверждение никак не вяжется с воззванием генерального инспектора восточных вилайетов Ибрагима Талибея, в котором тот грозил «строго наказать жителей пяти деревень, помогавших «бандитам» [117, 1930, № 8—9, с. 36].

Наконец, неправильно и утверждение, что большинство повстанцев перешло из Ирана.

В июле 1930 г., когда турецкое командование начало широкое наступление на район восстания, несколько турецких отрядов из Сирии и Ирака (около 1000 бойцов) перешли границу и проникли в горные районы Мардина и Мидьята, а также в долину Суруч [126, с. 251]. Однако они не смогли сколько-нибудь облегчить положение повстанцев в районе Арарата и под натиском превосходящих сил кемалистов были вынуждены покинуть эту территорию. Расправившись с кур-

дами в этих районах, турецкое командование начало концентрировать свои войска в районе Кире, где еще насчитывалось около трех тыс. курдских бойцов.

Чтобы выйти в тыл повстанцев и обеспечить их окружение, турецкие войска вступили на территории Ирана. Вначале иранцы не соглашались на это. К тому времени ирано-турецкая комиссия по разграничению границ еще не окончила своей работы. Поэтому поводов для взаимных претензий было много. Так, газета «Джумхуриет» 30 июня сообщала; «Из Баязита телеграфируют, что банды, совершавшие периодические набеги на район Агры для кражи скота, 10 июня застигнуты турецкими военными самолетами и вынуждены отступить за границу. Бандиты, совершавшие набеги из Ирана на пограничную деревню Ханик, также изгнаны на иранскую территорию. Отряд в 100 всадников во главе с вождями племени, бежавшего в Иран, проник в ночь на 20 июня из иранской деревни Кемаль на турецкую территорию в гористом районе Зилян, где установил контакт с племенем хайдаранлы. Им не удалось продвинуться дальше этой маленькой зоны, откуда они бежали под натиском жандармских частей».

В то же время в турецкой печати появились заметки и статьи, пытавшиеся обвинить Иран в попустительстве курдским повстанцам, в недружественном отношении к Турции. Так, турецкий официоз «Хикимиети миллие» 8 июля 1930 г. писала: «Нынешнее движение характеризуется тем, что оно вызвано не местными элементами, а вооруженными бандами из-за наших границ. Турецкое общественное мнение не может понять, каким образом на территории соседнего государства могли организоваться многочисленные банды с целью набега на нашу территорию и каким образом эти банды после перехода границы могли сохранить связи со своей центральной организацией».

А газета «Републик» в июле 1930 г. писала в угрожающем тоне: «Если Иран не в состоянии сам дать урок бандитам, вооружающимся на его территории, то он не имеет право возражать, если этот урок дадут другие».

Однако напрасно турецкая печать сетовала на политику Ирана, власти которого в тот период подавляли движение в Иранском Курдистане. 5 сентября турецкие войска начали при активном содействии авиации новое наступление на Кире. В ряде столкновений

курды смогли отразить натиск турецких войск. Однако в результате численного и технического превосходства кемалистов курды начали покидать Кире и укрываться в малодоступных горных районах Арарата. Ихсану Нури и некоторым другим лидерам удалось уйти в Иран; а Ибрагим-паша Хасике со своими сподвижниками, оказавшись во вражеском окружении, продолжал, несмотря на суровую зиму, сражаться. Однако в результате жестоких боев он был убит, а оставшиеся в живых его сподвижники попали в плен [192а, 1985, № 15, с. 14]. Так завершился еще один этап героической борьбы курдов, продолжавшейся более трех лет в районе Арарата.

После подавления этого очага восстания газета «Миллет» поместила иллюстрацию: на горе Арарат—могила, на могильном камне—курдская папаха. На камне надпись: «Здесь похоронен воображаемый Курдистан» [120, с. 76]. Подобная карикатура отражала лишь вкусы турецкого журналиста, но не истинное положение курдов, которые, несмотря на жестокие репрессии, не прекратили борьбу за удовлетворение своих национальных прав. Продолжая политику геноцида, турецкие войска уничтожили несколько сот курдских бойцов. Они беспощадно уничтожали захваченные курдские семьи, не исключая стариков, женщин, детей. В 1930 г. в Каире была издана брошюра доктора Бехлеча Ширко, в которой приводится перечень казненных повстанцев, разрушенных и сожженных турецкими карателями курдских деревень.

Касаясь событий этого периода, а также политики кемалистов в курдском вопросе, Ш. С. Айдемир писал: «Отказ в проведении экономической и социальной реформы после восстания 1925 г. привел к новому бесплодному пролитию крови. На этот раз беспорядки начались в районе Агры. Произошли кровавые события, повлекшие большие жертвы. Кругом господствовали голод и нищета. И тем не менее, все проблемы пытались решить административными и военными мерами» [116, с. 399].

Об этой же политике кемалистов по отношению к курдам С. Гаваи писал позже: «В деревнях заживо сжигали и убивали... детей, стариков и женщин. Мужчины в большинстве случаев погибали в сражениях или бежали в горы. Турецкое правительство все более интенсивно проводило свою политику систематического

уничтожения курдов и их отуречивания. Курдов тысячами выслали в Западную Анатолию. Курдский язык официально был запрещен, а курдские издания конфискованы и сожжены. Даже слово «курд» и «Курдистан» были исключены из всех учебников; отныне курдов должны были называть «горными турками». Курдистан изолировали от остального мира и доступ туда иностранцам был закрыт» [162, с. 26].

Характеризуя политику турецких правящих кругов в отношении курдов Дж. Неру в своем труде «Взгляд на всемирную историю» отмечал: «... Кемаль беспощадно подавил курдское движение и учредил специальные «суды независимости», судившие тысячи курдов. Руководители курдов шейх Саид, доктор Фуат и многие другие были казнены. Умирая они призывали к созданию независимого Курдистана.

Таким образом, турки, совсем недавно боровшиеся за свою свободу, подавили курдов, добивавшихся свободы для себя. Удивительно, как оборонительный национализм перерастает в национализм агрессивный, а борьба за свободу—в борьбу за господство над другими. В 1929 году снова вспыхнуло восстание курдов и снова оно было подавлено, во всяком случае на какое-то время. Но можно ли подавить навсегда народ, жаждущий свободы и готовый заплатить за нее любую цену». [99, с. 93].

Жестокая расправа над курдскими повстанцами дала повод дашнакам усилить мобилизацию общественного мнения Европы и Америки вокруг курдского вопроса. Они передавали буржуазной прессе сведения о событиях в Восточной Анатолии, выступали с докладами и собирали средства для помощи курдским повстанцам. Дашнаки неоднократно обращались в Социалистический интернационал. В одном из докладов его Исполнительного бюро они писали: «Капиталистические государства на кровавые события отвечают молчанием и остаются в роли молчаливых наблюдателей. Они предают забвению Севрский договор, в котором говорится об автономии Курдистана» [82, № 2, с. 39].

Интерес представляет ход обсуждения курдского вопроса на пленуме Исполнительного бюро Социалистического интернационала, состоявшемся 22—25 августа 1930 г. в Цюрихе, и принятое этим бюро решение. Заслуживает внимания полемика, которая происходи-

ла на пленуме между его участниками, а также доводы, приводившиеся ими.

В докладной записке, представленной Исполбюро, говорилось: «Для нашего Интернационала курдский вопрос представляет особую важность с той точки зрения, что оставление его не разрешенным угрожает делу мира на Ближнем Востоке... Агенты Коминтерна стараются подчинить своему влиянию курдское движение... попытки их имеют шансы на успех, так как курды чувствуют себя покинутыми всем миром. Выражение курдам сочувствия нашим Интернационалом было бы большим подспорьем для людей, которые заняли в Курдистане враждебную позицию по отношению к московскому Интернационалу». Отвечая докладчику, председатель Исполкома де Брукер говорил: «Мы заслушали этот интересный доклад и теперь можем перейти к его обсуждению. Однако, прежде чем предоставить слово товарищам, я бы хотел отметить затруднения, которые представляются нам при выяснении нашей позиции в курдском вопросе. Первое затруднение заключается в том, что... мы должны признаться, что мышление, привыкшее к европейским делам, с трудом усваивает вопросы, которые, являясь продуктом неевропейского уклада, принимают необычные для нас формы. Второе затруднение заключается в том, что мы опасаемся, как бы курдское движение не охватило массы Ирака, Персии и Сирии, не подало бы повода к международным осложнениям между заинтересованными державами». «Правда,—продолжал обеспокоенный за интересы империалистов де Брукер,—нам указывают, что сегодня курдское движение направлено исключительно против Турции, но кто может поручиться, что завтра оно не распространится в указанных странах... Третье затруднение имеет для нас принципиальное значение. Интернационал, являясь защитником права самоопределения наций, в то же время каждый раз высказывался в том смысле, что он против того, чтобы это право добывалось при помощи оружия и кровопролития... Не нарушим ли мы,—воскликнул де Брукер,—нашу принципиальную позицию, если будем поощрять кровавую борьбу курдов? Четвертое затруднение—это вопрос о том, каким образом мы можем помочь курдам. Самый целесообразный способ—это воздействовать на Турцию при помощи Лиги Наций. Однако вы все знаете, насколько слаба эта международ-

ная организация для подобного воздействия... Я не могу понять—какое практическое значение может иметь наше вмешательство в курдский вопрос?».

Отвечая де Брукеру, докладчик так аргументировал необходимость вмешательства: «Я уже несколько раз имел случай подчеркнуть ту громадную разницу, которая с этой точки зрения существует между нашим и III-м Интернационалом. В то время, как последний не только внимательно следит за каждым национальным движением, но и создает таковые там, где их нет, даже в самых глухих уголках земного шара, мы даже не берем на себя труда предварительно ознакомиться с каким-либо национальным движением до тех пор, пока оно не представляет угрозу делу мира».

В прениях выступил бывший меньшевик Абрамович. С пафосом произнес несколько «левых» фраз, он заключил: «Естественно, что о независимости Курдистана мы не можем высказаться, так как, с одной стороны, нам неизвестна воля в этом вопросе курдских трудящихся, с другой стороны, мы не знаем как отразится независимость Турецкого Курдистана на взаимоотношения соседних государств, т. е. иначе говоря, Англии и Франции» [117, 1932, № 13—14, с. 18—20].

В итоге из выступлений участников пленума бюро Социтерна вытекало, что в принципе они не против восстания курдов против турецкого правительства, но они, видите ли, боятся того, что будут задеты интересы империалистических держав Запада. Тем не менее геноцид в отношении курдов в Турции был настолько чудовищным, что даже Исполнительное бюро Социтерна «протестовало» против этих зверств. В резолюции, принятой в августе 1930 г., говорилось следующее: «Исполнительное Бюро... обращает внимание мирового общественного мнения на убийства, посредством которых турецкое правительство хочет не только уничтожить курдов, сражающихся за свою независимость, но и истребить мирное курдское население, которое не принимало участия в восстании. Этими мерами турецкое правительство пытается подготовить курдскому народу участь армян» [76, с. 18].

Однако эти «протесты» и заявления социал-демократов, вызванные главным образом тактическими соображениями, естественно, не могли изменить трагическую участь курдов, уготованную реакционными кругами Турции.

В период курдского восстания турецкая буржуазия усилила шовинистическую ассимиляторскую политику в отношении национальных меньшинств страны. Так, 30 августа 1930 г. премьер-министр Исмет-паша, выступая на открытии железной дороги в Сивасе, подчеркнул: «Только турецкая нация может предъявить требования на этнические и расовые права в этой стране. Никакие другие элементы на это не имеют права» [216, 31. VIII. 1930].

Более откровенно выступил министр юстиции Махмут Эсат-бей перед своими избирателями в Одемише: «Мы живем в Турции, самой свободной стране в мире. Ваш депутат, со всей откровенностью говоря о своих убеждениях, не мог бы найти лучшей аудитории. Поэтому я не стану скрывать свои чувства. Турок—единственный господин, единственный хозяин страны. Нечистые турки по происхождению имеют в этой стране только одно право: быть слугами, быть рабами. Пусть эту истину помнит и друг, и враг, пусть ее знают даже горы» [216, 19. IX. 1930]: В том же духе выступала и турецкая пресса. 10 августа 1930 г. газета «Хакимие-ти миллие» писала: «Никто не сомневается, что мы считали подобные требования (о независимости Курдистана.—М. Г.) со стороны этой орды диких зверей... чистейшей шуткой. Для народа, словарь которого ограничивается всего лишь двумястами слов... единственным уголком для административной автономии является центр Африки или одна из ее пустынь, населенных полулюдьми-полуобезьянами. Но Азия, колыбель древнейших цивилизаций, не может допустить подобных претензий. Те, кто позволяет себе желать этого, заслуживают во имя всеобщей безопасности быть раздавленными, и с ними, впрочем, так и поступают» [117, 1932, № 13—14, с. 73].

На открытии ВНСТ 1 ноября 1930 г. Мустафа Кемаль, анализируя внутривосточную обстановку, заявил, что события, происходящие на востоке Турции, «угрожали нашей независимости» [114, с. 349].

Таким образом, борьба курдского народа за признание их национальных прав рассматривалась турецкими правящими кругами как посягательство на независимость Турции.

В свете изложенного не трудно понять, почему курды всеми силами стремились избавиться от турецкого господства.

События у Арарата дали турецким властям повод обрушиться на дерсимцев, значительная часть которых (племена Сеита Ризы и племена кочелан) весной 1930 г., стремясь поддержать восстание у Арарата, начала движение к Эрзинджану. В этих условиях было решено принять меры по подавлению племен Дерсима. В соответствии с решением правительства Министерство национальной обороны направило командованию корпусом в Эрзинджане приказ, в котором говорилось: «Следует наказать население деревень Ашгирик, Дагбей и Харсы волости Данзиг (уезд Пюлюмюр), которое отказывается платить налоги, давать рекрутов, а также проявляет неуважение к другим законным мероприятиям правительства» [136, с. 167]. Такое же распоряжение получил губернатор вилайета Эрзинджан от Министерства внутренних дел. Против курдов было направлено 10 пехотных батальонов при 15 орудиях, 10 самолетов, а также жандармские силы, соседних вилайетов [126, с. 256].

Командовал турецкими войсками генерал-майор Рюштю-бей. Несмотря на численное и техническое превосходство, турецкие войска встретили упорное сопротивление курдов уезда Пюлюмюр. Тогда командующий Рюштю-бей подкупом некоторых курдских вождей добился формирования из курдских племен Эрзинджанского и Эрзурумского вилайетов милицейских сил, знавших хорошо местность, и, расположив их в авангарде турецких войск, начал наступление против курдов Пюлюмюра. 26 октября 1930 г. правительственные войска вошли в волостной центр Данзиг. На следующий день они сожгли деревни Дагбей, Харсы и Ашгирик (уезд Пюлюмюр) [136, с. 170].

В тот же день дерсимцы атаковали позиции турок, в результате которой 11-й батальон турецких войск со своим командиром Сырры-беем сдался в плен. Этот успех был достигнут благодаря помощи, которую оказал курдам этого района Сеит Риза, племена бриман, хайдеран, демнан [126, с. 257].

7 ноября 1930 г. к войскам Рюштю-бея присоединилась третья дивизия под командованием Халис-паши, которая возвращалась из Араратского района восстания. Турецкие каратели начали новое наступление против курдов. Ценой больших потерь им удалось занять и разрушить деревню Гюрк. Однако большего они не смогли добиться. В своем докладе Халис-паша хваст-

ливо отмечал: «Число бандитов, сумевших укрыться в ущельях и снегах, не превышает 40. Во время стычек 11 и 12 ноября бандиты потеряли около 100 человек, что вынудило их рассеяться» [136, с. 171].

Несмотря на это хвастливое заявление, мужественное сопротивление курдов в зимних условиях вынудило турок и на этот раз отступить. После ухода турецких войск курды стали возвращаться в свои деревни.

«Курды, очаги которых были сожжены и уничтожены,—писал губернатор Эрзинджана Али Кемали,—... вернулись на свои места и соорудили свои простенькие жилища, состоявшие из четырех стен и крыш, и стали жить в условиях, которые почти не отличались от прежних» [136, с. 171].

Весной 1931 г. вновь активизировалось курдское движение у Арарата. С целью локализовать его в начале мая 1931 г. турецкое правительство объявило район Арарата запретной зоной [185, 2. V. 1931]. Туда не допускался никто, кроме военнослужащих. Для подавления новой вспышки в Араратском районе турецкому правительству понадобилось ввести в действие значительные войска и израсходовать несколько десятков миллионов лир.

Подводя итог карательным мерам турецкого правительства газета «Заря Востока» от 20 марта 1931 г. писала, что турецкими войсками было уничтожено не менее 200 курдских поселений и кочевков, а также убито несколько тысяч курдских повстанцев. Вместе с семьями число жертв достигало 10—15 тысяч [117, 1931, № 12, с. 14]. По данным партии «Хойбун», турецкими карательными отрядами было разрушено 660 деревень, сожжено 15.206 жилищ [103, с. 73]¹.

Спустя 30 лет видный курдский ученый Исмет Шериф Ванлы отмечал, что восстание 1927—1931 гг., штаб которого находился у Арарата, было самым продолжительным из всех курдских восстаний. Это была война за независимость, «тщательно подготовленная военно-политической организацией «Хойбун» и руково-

¹ 22 мая 1932 г. Аданский суд вынес приговор по делу повстанцев, схваченных в районе Арарата. 30 человек были приговорены к смертной казни, 158 — к различным срокам тюремного заключения.

димая в военном отношении генералом Ихсаном Нури-пашой и кадровыми офицерами» [173, с. 11].

Араратское восстание имело народный характер, его основной движущей силой было кочевое и оседлое крестьянство.

«Никто не может отрицать, что как и прежде в восстании принимают участие широкие крестьянские массы,—писал в период восстания журнал турецких коммунистов «Инкиляп йолу».—В противном случае правительственным войскам не пришлось бы проводить карательные экспедиции, длившиеся много месяцев, и события не приняли бы таких угрожающих размеров. Несмотря на обильные сообщения буржуазных газет о «бандитах» и «разбойничьих отрядах», мы находимся перед фактом широкого выступления населения против политики правительства [211, 1930, № 1—2, с. 10].

Араратское восстание показало сравнительно высокий уровень политической зрелости курдов. Уступая по размаху восстанию шейха Саида, оно по уровню политической зрелости, по четко определенной конечной цели—установление курдской республики—стояло выше предыдущих выступлений. Восстание у Арарата развивалось под знаменем независимой курдской республики, им руководила в военном и политическом отношении организация «Хойбун», в которую входили представители курдской интеллигенции (военной и гражданской), торговой буржуазии, а также представители патриотической части феодальной знати. Все эти слои объединяла ненависть к турецким поработителям.

Вместе с тем имелись ряд важных факторов, которые определили поражение восстания:

1. Араратское восстание началось волей обстоятельств, без тщательной подготовки.

2. Хотя партия «Хойбун» оказывала влияние на это восстание, она не имела четкой организации и хорошо отработанной политической программы действия.

3. Отсутствие единства среди племен позволило кемалистам привлечь на свою сторону часть курдских вождей и направить их против национального движения курдов.

4. Араратское восстание по сути дела осталось локальным и не распространилось заметно на другие районы Восточной Анатолии.

5. Движение у Арарата не получило поддержки

не только внутри страны, но и, по существу, за рубежом.

Касаясь слабых сторон Араратского восстания Зиннар Силопи писал, что отсутствие должного командного штаба, который руководил бы организацией повстанческого движения, отсутствие организации, которая определяла бы подчиненность снизу доверху в повстанческом движении, привели к тому, что каждый сражался самостоятельно или по желанию нескольких своих товарищей, объединившихся в отряд [145, с. 90].

Все эти и некоторые другие факторы, несмотря на героизм повстанцев, определили поражение Араратского восстания.

Подавив вооруженным путем курдское движение, кемалисты стали усиливать националистическую и пантюркистскую пропаганду, отрицавшую не только национальные права, но и существование самих нетурецких меньшинств в стране. Так генеральный секретарь Народно-республиканской партии Реджеп Пекер в речи, произнесенной в октябре 1931 г., разъясняя принципы «национализма», сформулированные в программе НРП, заявил, что в Турции нет курдов, черкесов, лазов и других народов, а есть лишь турки...

Соотечественникам христианам и евреям,—продолжал Реджеп Пекер с той же откровенностью,—необходимо заявить наше мнение. Наша партия и этих граждан рассматривает... в качестве несомненных турок. Он мотивировал свою точку зрения тем, что «современная наука не гарантирует независимого существования народа в 5—10 тысяч, в несколько сот тысяч и даже миллионов человек» [216, 17. X. 1931].

Против шовинистической политики турецких правящих кругов по отношению к курдам выступала Коммунистическая партия Турции, о чем свидетельствовала ее программа, принятая конференцией в 1926 г. и уточненная в 1929 г.

Руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, она вела в условиях жестокой реакции борьбу против угнетения национальных меньшинств, проводимой турецкой буржуазией и помещиками. КПТ выступала за равноправие всех народов в социально-экономической, политической и культурной жизни страны.

«Коммунистическая партия Турции,—говорилось в программе,—добивается для рабочих, крестьян и солдат не моложе 18-летнего возраста, без различия пола,

вероисповедания и национальности, права избирать своих представителей и быть избранными во все законодательные, муниципальные или коммунальные собрания и отзывать этих представителей...» (§ 10) [25, с. 151].

Коммунистическая партия Турции признавала за национальными меньшинствами, в том числе курдами, без всяких оговорок, право располагать своей судьбой (самоопределение) вплоть до полного отделения. Она выступала против политики Народно-республиканской партии, направленной на ассимиляцию курдов и других нетурецких народов. Вместе с тем КПТ ставила своей задачей разъяснение национальным меньшинствам эксплуататорской роли их буржуазии, феодалов, помещиков, значительная часть которых, предав национальные интересы, примкнула к кемалистам, открыто выражала интересы империализма. КПТ считала одной из своих главных задач борьбу против империализма и его местной агентуры.

«Коммунистическая партия Турции,—говорилось в программе,—непримиримый враг империализма и всех его туземных агентов—крупных помещиков, крупной буржуазии всех национальностей, духовенства всех вероисповеданий, контрреволюционных слоев бюрократии—на службе или в отставке и т. д.» [25, с. 151].

Вместе с тем КПТ, защищая равноправие национальных меньшинств, требовала для них права иметь школы с преподаванием на родном языке, применения его в учреждениях, а также высказывалась за освобождение крестьян—оседлых и кочевников—от феодальной кабалы, за распределение без выкупа земли и скота феодалов и помещиков среди оседлых и кочевых крестьян.

Программа КПТ предусматривала воспитание турецкой молодежи в духе пролетарского интернационализма. Одновременно в Программе отмечалось, что турецкая рабоче-крестьянская власть должна стремиться к союзу с трудящимися массами угнетенных национальных меньшинств в форме федерации советских республик для борьбы против феодализма и империализма.

Эти программные положения свидетельствуют о том, что КПТ в тяжелых условиях турецкой действительности наметила в целом правильную линию в национальном вопросе, отвечавшую интересам трудящихся масс—турок, курдов—всех народов Турции.

4. Соглашение Турции с другими странами по подавлению курдского движения

Освободительное движение курдов беспокоило не только правящие круги Турции, но и правителей Ирана, Ирака и Сирии. Несмотря на отдельные нюансы в политике этих стран, в целом их правители выступали против национальной борьбы курдов. Об этом свидетельствуют, в частности, различные договоры и соглашения, заключенные этими странами во второй половине 20-х и в начале 30-х годов, а также их практические шаги, направленные на подавление курдского движения в различных частях Курдистана.

После «решения» вопроса о Мосуле англичане стали искать пути сближения с турками за счет курдов. В этой связи несомненный интерес представляет заявление верховного комиссара Ирака сэра Генри Доббса в марте 1926 г. Корреспондент газеты «Манчестер Гардиан» спросил сэра Генри Доббса об иракских курдах и перспективах их независимости, которая так беспокоит Турцию. Доббс ответил: «Вопроса о курдской независимости нет и не будет. Турция может быть совершенно уверена, что как бы ни выполнялись положения Лиги Наций относительно привилегий (лингвистических и других) иракских курдов, вопрос о курдской независимости никогда не возникнет. Предположение турок о том, что одна из задач английской политики на Среднем Востоке состоит в создании независимого Курдистана, находит себе некоторое обоснование в Севрском договоре, но в настоящее время британские политические деятели совершенно отказались от этой точки зрения. За последние два года я сам, как я полагаю, окончательно убедил иракских курдов, что полная независимость для них—неосуществимый идеал и что их счастье—в будущей совместной жизни с Ираком» [178, 9. IV. 1926].

5 июня 1926 г. между Великобританией, Ираком и Турцией был подписан договор, в котором, в частности, говорилось: «Турецкие и иракские власти откажутся от всяких отношений, имеющих официальный или дипломатический характер, с главарями, шейхами или иными членами племен, гражданами другого государства, находящимися в данное время на территории другого государства. Они не будут терпеть в пределах пограничной зоны каких-либо организаций, пропаганды

или собраний, направленных против одного из обоих государств» (ст. 12) [24, с. 310—311].

Этот договор положил основу сотрудничества в деле координации деятельности обеих стран в курдском вопросе. Вместе с тем в тот период наметилось сближение между турецкими правящими кругами и шахским правительством Ирана. В апреле 1926 г. в Тегеране был заключен договор о дружбе и безопасности между Ираном и Турцией, отдельные статьи которого предусматривали совместные действия по подавлению курдского движения.

В соответствии с этим договором обе стороны обязывались не допускать на своей территории образования или пребывания организаций или группировок, имеющих целью нарушить мир или безопасность другой страны или изменить ее правление, а также пребывание лиц, или группировок, ставящих целью борьбу против пропаганды или «всяким иным способом против другой страны» (ст. 5).

В целях обеспечения спокойствия и безопасности жителей приграничных зон,—говорилось в статье 6 этого договора,—обе договаривающиеся стороны будут принимать все меры, необходимые для того, чтобы положить конец преступным действиям и проискам, которые могут нанести ущерб миру обеих стран и которыми занимаются племена, живущие на прилегающих к границе территориях...» [24, с. 304—305].

Опасаясь объединения курдских племен для совместных действий, оба государства в том же году в соответствии со ст. 7 этого договора, заключили конвенцию «о совместных действиях по улаживанию пограничных инцидентов». По существу это была конвенция о совместных действиях по подавлению национального движения курдов. Небезынтересно, что писали своим властям в связи с этими событиями немецкие эмиссары, находившиеся в Турции в 1926 г.:

«Турция усиливает с согласия персидского правительства охрану своей курдистано-персидской границы. Эта мера принята в связи с оживлением курдского повстанческого движения. Заключенный между Персией и Турцией новый договор о совместных действиях по урегулированию пограничных конфликтов направлен против возможных курдских восстаний. Впрочем, Мосульский договор, заключенный между Англией и Турцией, определенно вменяет в обязанность прави-

тельству в Багдаде удерживать беспокойных курдов от перехода ирако-турецкой границы... К тому же решение курдского вопроса выдвигалось в те дни на первый план еще потому, что крепнившие национальные государства—Турция и Персия были заинтересованы как по внутренним, так и по внешнеполитическим мотивам в ликвидации курдского вопроса возможно скорее. В Турции это уже произошло. Многие курдские племена во главе с вождями выдворены в отдаленные западные области, а земли курдов усиленно заселяются турецким населением» [94, с. 97--99].

Однако турецко-иранское сближение за счет курдов происходило не очень гладко. В сентябре—октябре 1927 г. антитурецкое движение курдов на восточной границе Турции приняло чрезвычайно острый характер. Турецкие карательные силы, преследовавшие курдов, констатировали, что курды находят убежище на иранской территории, где они получают моральную и материальную поддержку. В связи с этим турецкое общественное мнение и пресса начали резко критиковать иранское правительство: Так, газета «Игдам» писала: «По персидско-турецкому договору обе стороны должны прилагать все старания к тому, чтобы взаимно обеспечить безопасность в своих пограничных районах. Если так, то пусть Персия поможет нам, чтобы мы справились с бандитами. Мы должны знать чего она придерживается в этом вопросе и... принять соответствующие меры, потому что у турок нет больше терпения, и они не могут больше выносить такое запутанное положение» [28, ед. хр. 161, л. 280].

В начале октября 1927 г. турецкое правительство направило ноту протеста иранскому правительству, обращая его внимание на несовместимое с дружескими отношениями поведение пограничных властей.

Тем не менее напряженность между Турцией и Ираном практически сохранялась вплоть до Араратского восстания. Более успешно шли дела у кемалистов с правителями Сирии.

30 мая 1926 г. была заключена конвенция о дружбе и добрососедских отношениях между Турцией и Францией (действующей в качестве мандатария над Сирией и Ливаном). К этой конвенции был приложен протокол № 8 о «Пограничном надзоре», который непосредственно касался курдов. Ниже приводим содержание этого протокола с некоторыми сокращениями.

«Ст. 1. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязываются противодействовать всеми имеющимися в их распоряжении средствами приготовления одного или нескольких вооруженных лиц, намеревающихся произвести грабительские или разбойничьи действия в соседней пограничной зоне и удерживать таких лиц от перехода границы...

Ст. 3. Компетентные власти... будут возможно скоро извещать друг друга о всяком грабительском или разбойничьем действии, которое могло быть совершено с их территории. Власти той стороны, которая получила такого рода предостережение, будут стремиться удерживать преступников от перехода границы всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Ст. 4. В случае, если одно или несколько вооруженных лиц, виновных в совершении в соседней пограничной зоне правонарушения или преступления, убегут в другую пограничную зону, то власти этой последней зоны будут обязаны арестовать таких лиц, чтобы выдать вместе с их оружием и добычей властям другой стороны, гражданами которой они являются» [24, с. 309—310].

В соответствии с соглашением от 30 мая 1926 г. 29 июня 1929 г. между Турцией и Сирией в Анкаре был подписан «протокол о пограничном надзоре, о пошлинах и контроле над кочевыми народностями». Согласно протоколу, оба правительства взаимно обязывались не допускать использование пограничной зоны для подготовки «разбойничьих» действий или вредительских актов против соседнего государства. Стороны обязались предупреждать нападения и воспрепятствовать вооруженным шайкам перейти границу (ст. 2).

Если преступления или бандитские действия совершены в пограничной зоне и виновные пытаются скрыться в пограничной зоне, местные власти этой последней должны немедленно принять меры для ареста виновных и привлечения их к ответственности (ст. 3).

Всякое племя или род, восставшее против власти страны, от которой оно имело разрешение на кочевку и проникшее на территорию соседнего государства в поисках убежища, должно быть разоружено и удалено от границы на расстояние, лишаящее его возможности возобновить враждебные действия (ст. 11) [117, 1929, № 3 (1), с. 80—82].

В 1930—1931 г., в связи с усилением повстанческого движения в районе Арарата, турецкая печать начала новую кампанию против иранского правительства, обвиняя его в том, что оно якобы поддерживает выступления курдов на турецко-иранской границе. Так, газета «Ени гюн», от 8 апреля 1931, г. писала: «... Служа некоторое время после агрыдагских событий мы получили сообщение, что курдские и армянские банды снова перешли в наступление против Турции. По полученным нами из Анкары сведениям, это движение на границе не новое, а дело заключается в том, что часть курдов, скрывавшихся на иранской территории, продолжают свою разрушительную деятельность. Больше всего нас огорчают отношения персов к этим выступлениям, совершенно несовместимое с дружбой между обеими сторонами. Турецкое правительство надлежащим образом обратило на это внимание иранского правительства. Мы хотим, чтобы между Турцией и Ираном установилась настоящая прочная дружба, чего требуют интересы обеих великих наций».

Эта кампания после некоторого периода затишья на границе, по-видимому, объяснялась тем, что Иран отказался уступить Турции район Арарата, как этого требовало турецкое правительство. У иранского правительства также имелись военные соображения, так как этот район, на который претендовала Турция, стратегически господствовал над Иранским Азербайджаном, где проживает главным образом тюркоязычное население. В свою очередь, турки утверждали, что район Арарата должен быть уступлен им, потому что, как они заявляли, только в этом случае они могут навсегда покончить с курдским повстанческим движением. Однако Тегеран считал, что для этой цели было бы достаточно небольшое уточнение границы.

В результате продолжительных переговоров оба государства подписали 23 января 1932 г. в Тегеране протокол о границе и договор об арбитраже и примирительной процедуре [35, т. 13, с. 673—699].

В развитие этого протокола 5 ноября 1932 г. был заключен турецко-иранский договор о дружбе, ратифицированный 28 декабря 1933 г. В то же время 9 января 1932 г. в Анкаре была подписана турецко-иракская конвенция о выдаче преступников, утвержденная турецким меджлисом 27 июня 1932 г. [35, т. 13, с. 1027—1042; т. 15, с. 134—135].

Вся эта серия договоров и конвенций свидетельствовала о том, что правивший буржуазно-помещичий блок в Турции в деле «решения» курдской проблемы имел союзников в лице правительства Ирана, а также английских и французских империалистов, которые практически проводили идентичную с кемалистами политику в курдском вопросе.

Империалисты Запада понимали, что успехи курдского движения в Турции будут содействовать освободительной борьбе курдов в других странах, а также ослаблению позиции империализма не только в этих странах, но и в известной мере на всем Ближнем Востоке.

УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПОДАВЛЕНИЯ КУРДОВ В 30-Е ГОДЫ

1. «Решение» курдской проблемы накануне восстания в Дерсиме

Подавив Араратское восстание, турецкое правительство продолжало проводить мероприятия, которые, по его мнению, должны были устранить новые выступления курдов. Для этого, как и после восстания 1925 г., оно стало принимать меры по переселению курдов в Центральную и Западную Анатолию, где они должны были раствориться среди местных турецких жителей. С этой целью в начале мая 1932 г., как пишет Люсьен Рамбу, был принят закон, по которому в Турции создавались четыре зоны¹. Три из них организовывались в Курдистане, причем одна «по причинам санитарного, материального, культурного, политического и стратегического характера, а также в целях поддержания порядка» должна была быть полностью эвакуирована и превращена в запретную.

Первые два параграфа закона давали турецким властям насильственными, административно-полицейскими мероприятиями разрушить племенные объединения и упразднить традиционные права вождей и шейхов племен. Согласно параграфу 3, все недвижимое имущество племен переходило в собственность государства. Параграф 4 предусматривал передачу конфискованных земель иммигрантам-туркам, прибывшим из балканских стран.

Таким образом, турецкие власти, с одной стороны, стремились подорвать экономическую основу существования племен, а с другой—заселить восточные районы

* Содержание закона впервые приводится в книге Люсьена Рамбу «Курды и право» (Париж, 1947). Следует отметить, что в турецком своде законов «Дюстур» этого закона нет, не нашли мы его ни в других сборниках законов, ни в турецкой печати. Очевидно это был проект, который в 1934 г. после утверждения ВНСТ стал законом.

«надежными турецкими элементами», что, по их мнению, должно было предотвратить новое выступление курдов.

Параграф 5 предоставлял турецкой администрации право высылать по подозрению в шпионаже любого жителя вместе с семьей. 6 и 7-й параграфы предусматривали проведение мероприятий, направленных на то, чтобы курды забыли свой родной язык, а также на то, чтобы они в зоне переселения были ограничены в сфере трудовой деятельности.

И, наконец, параграф 8 устанавливал, что в районах поселения число курдов не должно превышать 10% местного турецкого населения.

Опубликование этого проекта вызвало новое волнение в Курдистане, в частности, в Дерсиме. Курды стали писать прошения на имя Мустафы Кемалю с просьбой приостановить принятие этого закона. Однако все эти прошения остались без ответа [128, с. 128].

В середине 1932 г. губернатор Элязиза Дели Фахри, усилив военные приготовления в наиболее важных населенных пунктах, потребовал, чтобы дерсимцы сдали оружие, а партизанские отряды племени кочкири прекратили сопротивление и сдались турецким войскам. В противном случае, заявил он, уничтожит все население Дерсима.

Проводя в жизнь свои планы, Дели Фахри посетил города Чемишкезек, Хозат и Мазгирт, где приглашал к себе глав племен и повторял им свои угрозы. Однако эти угрозы не только не дали желаемых результатов, но и были причиной усиления недовольства в Дерсиме. При этом Сейит Риза направил в Анкару телеграммы, в которых всю ответственность за напряженное положение в этом районе возлагал на действия губернатора Дели Фахри [126, с. 242]. Обстановка в Дерсиме вызвала серьезную озабоченность анкарских властей. Поэтому в конце сентября — начале октября 1932 г. премьер-министр Исмет-паша совершил инспекционную поездку по юго-восточным вилайетам [36, с. 61—62]. Он посетил Элязиз, где совещался как с именитыми людьми, так и с Дели Фахри, Ибрагимом Талибеем, командующим войсками в Элязизе Хюсейном Хюсю, между которыми возникли разногласия по поводу мер, которые следует принять для «усмирения» курдов. Исмет-паша потребовал от них усилить мероприятия по осуществлению политики правительства.

Губернатор Дели Фахри, как и прежде, выступил за военное решение курдской проблемы. Он сформировал кавалерийский отряд (120 человек) и направил его против племен юсуфан, приказал захватить и доставить вождя его Канбер-агу. Однако отряд без единого выстрела был взят в плен вооруженными формированиями племени юсуфан. Неудача турок привела в бешенство губернатора, который заявил, что лично схватит Канбер-агу и застрелит его, иначе не вернется живым обратно. С этой целью он с полком регулярных войск выступил из Мазгирта. В местечке Паксую (южнее Назымие) Дели Фахри встретил отряд племени юсуфан, занявший боевые позиции. Он предложил руководителям Канбер-аге и Юсуф-аге заключить «перемирие». В ответ на это курдские руководители предложили Дели Фахри сдать оружие. В результате Дели Фахри тяжело заболел, и полк был вынужден отступить в Мазгирт, где Дели Фахри скончался от кровоизлияния в мозг [126, с. 244].

Так бесславно закончил жизнь один из жестоких палачей курдского народа.

Неспособность подчинить Дерсим в соответствии с намеченной программой подорвала авторитет Ибрагима Тали-бея в правительственных кругах, и он был снят с поста генерального инспектора восточных вилайетов и отозван в Анкару. Его пост занял бывший губернатор Сиваса Вехби-бей. Проездом в Диярбакыр он остановился в дер. Хальвенк (вилаyet Элязиз), где встретился с мухаджирами (иммигрантами) из Греции. Узнав, что в этой деревне живет Мехмет Нури Дерсими, он сказал мухаджирам: «Нури враг турок, вас привезли в эту страну, чтобы вы прогнали таких опасных людей, как он. Такие люди не имеют никакого отношения к нашей родине. Эта территория — ваша. Я этого предателя знаю еще с Сиваса и очень сожалею, что он еще жив» [126, с. 245]. Это провакационное заявление Вехби-бея стало известно всему Дерсиму и вызвало среди курдов возмущение. Поэтому турецкие власти не осмелились расправиться с видным курдским патриотом, который жил здесь под надзором полиции. Однако это не означало, что они прекратили свою коварную политику в отношении влиятельных вождей курдских племен.

В 1932 г. из Ирака вернулся в Турцию Селяхетдин (сын шейха Саида), которому была обещана амни-

ствия. Однако он был /судим военно-полевым судом в Эрзуруме. В 1933 г. турецкие власти организовали полицейскую операцию против шейха Фахри в окрестностях Диярбакыра. В 1934 г. турецкий суд вынес ряд смертных приговоров курдским деятелям, а других приговорил к пожизненным каторжным работам [100, с. 294—295].

Наряду с жестокими мерами по подавлению курдского освободительного движения турецкие правящие круги продолжали политику заселения турецкими элементами районов, где ранее проживали армяне и курды.

9 июня 1934 г. ВНСТ принял закон (№ 2502) о поселении в некоторых районах вилайетов Карс, Баязит, Эрзурум и Чорух иммигрантов и беженцев и наделении местного (турецкого. — М. Г.) населения земельными участками. Земли и строения (недвижимость), говорилось в законе, принадлежавшие подданным России, которые воспользовавшись своим правом, покинули вилайеты Карс, Баязит, Игдыр, Тузлуджа (Кульп), а также уезды Ольти (вилайет Эрзурум), Артвин, Шавшат и Борчка (вилайет Чорух) и волость Кемальпаша, перешли к государству. Эти земли и строения, а также перешедшая в руки государства недвижимость в других районах может быть распределена среди других иммигрантов и местных безземельных и малоземельных крестьян (ст. 1, 2) [35, т. 15, с. 1122—1123]. Нам не известно в какой мере был осуществлен этот закон, какое число иммигрантов было поселено в этих вилайетах и какая часть местного населения получила землю. По некоторым данным, с 1923 по 1934 г. в Турцию иммигрировало 630 тыс. человек [116, с. 321—322]. значительная часть которых была поселена в восточных вилайетах. Однако ясно одно, что эти меры были вызваны не столько заботой о безземельном турецком крестьянстве, сколько о желании правящих кругов Турции укрепить большинство турецких элементов в восточных вилайетах за счет вытеснения армянского и курдского меньшинств. Об этом свидетельствовал и закон о поселении (2510), который был принят ВНСТ 13 июня 1934 г. Этот закон формально касался иммигрантов—турок, но фактически был направлен против национальных меньшинств и особенно курдов. Согласно этому закону, Турция была разделена на три зоны: первая включала области, где концентрировалось насе-

ление с турецкой культурой; вторая предназначалась для размещения переселенцев, подлежащих «приобщению к турецкой культуре»; третью зону составляли районы, которые «по санитарным, экономическим, культурным, политическим и военным причинам, а также в целях поддержания порядка требуют полной эвакуации и запрещения для поселения и передвижения» [35, с. 15, с. 11]. В этой зоне жили преимущественно курды и, следовательно, речь шла о полной их эвакуации.

Совету министров предоставлялось право разместить как оседлое, так и кочевое население из зоны № 3 в выгодных «с точки зрения жизненных и санитарных условий» районах других зон. Министр внутренних дел мог выслать из пограничных районов лиц, «заподозренных в шпионаже», а также удалить из страны иностранных подданных, странствующих цыган и кочевников, не приобщенных к турецкой культуре» [35, т. 15, с. 1157, 1158].

Статья 10 закона, которая полностью касалась курдов, гласила:

а) закон не признает прав юридического лица за племенем, даже если эти права подтверждены судебным приговором, постановлением или каким-либо другим документом. Все полномочия вождя, аги, бея или шейха племени, на каких бы документах, традициях или обычаях они ни основывались, отменяются;

б) все недвижимое имущество, даже если оно признавалось до издания закона на основании каких-либо документов или актов собственностью племени, как юридического лица, предоставленного его вождем, беем, агой или шейхом, переходит в собственность государства. В соответствии с этим законом и принципами государства это недвижимое имущество разделяется между иммигрантами;

в) министр внутренних дел на основании решения правительства получил право переселять и размещать в определенных районах вождей, беев, ага и шейхов, а также их семьи, если пребывание этих лиц в пограничных районах с точки зрения безопасности вызывает опасение [35, т. 15, с. 1158—1159].

Пытаясь ликвидировать привилегии курдской племенной верхушки, турецкое правительство не намеревалось повысить экономический и культурный уровень трудящихся курдов, защитить их от феодального и помещичьего произвола и тем более решить аграрный во-

прос в интересах широких масс. Оно стремилось превратить курдское население в объект эксплуатации и ассимиляции.

В ст. 11 закона говорилось:

а) тем, для кого турецкий язык не является родным, запрещается создавать новые деревни и кварталы, образовывать организации ремесленников и рабочих...

в) число переселенцев, которым разрешено местожительство в поселках городского типа, не должно превышать 10% их основного населения. Переселенцы не могут создавать особые кварталы [35, т. 15, с. 1159].

В целях увеличения численности турецкого населения в курдских районах правительство запрещало переселяемым туда иммигрантам из Греции покидать эти районы в течении десяти лет. «Иммигранты, ... кочевники, — отмечалось в статье 29, — а также размещенные правительством в первой зоне лица должны жить в указанных им районах не менее десяти лет. Они не могут поселиться в других районах, пока не получат разрешение министерства внутренних дел...». [35, т. 15 с. 1165].

А курдам и представителям других национальных меньшинств запрещалось без разрешения правительства уходить из отведенных им для жительства районов даже по истечении десяти лет.

Для проведения в жизнь этого закона была создана правительственная комиссия, в которую входили министры внутренних дел, национальной обороны, экономики, а также некоторые другие министры. Правительственная комиссия сразу же приступила к выполнению решения ВНСТ, в первую очередь к массовому выселению курдов.

Вместе с тем турецкие правящие круги, издавая закон о поселении, пытались ослабить остроту аграрного вопроса в стране за счет курдов.

Согласно турецким официальным данным, к июню 1938 г. около 89 тыс. семей получили примерно 300 тыс. га конфискованной у выселенных феодалов земли [57, с. 402]. Из многих сотен тысяч турецких малоземельных и безземельных крестьян лишь 48.411 получили по ничтожному наделу в среднем около 3 га на семью [101, с. 126]. Совершенно очевидно, что подобные меры не могли решить земельную проблему в стране. Да они такой цели и не ставили.

Пытаясь «решить» курдскую проблему, турецкое правительство, как и прежде, стремилось заручиться поддержкой восточных соседей.

Летом 1934 г. в Турцию нанес визит шах Ирана. Оба правительства согласились закрыть свои границы с целью помешать проживающим на территории Ирана и Турции курдам искать убежище в Ираке и Сирии.

Выполняя положение Закона о поселении (№ 2510), турецкие власти отдали жителям ряда курдских районов, в частности, Бохтана приказ приготовиться к эвакуации. Однако большинство курдов, не желая покинуть родные места, бежало в горы. В ответ начались массовые репрессии. В августе 1934 г. авиация в течение пяти дней бомбила район, где пытались скрыться курды. По признанию иностранных корреспондентов, в это время в Харпуте турецкие власти повесили многих курдов.

Выходившая в Дамаске газета «Аль-Кабас» 19 августа 1934 г. писала: «В Курдистане речь идет не о восстании, как утверждают некоторые газеты, а лишь о сопротивлении курдов турецким властям, которые хотят переселить их с родной земли на запад» [Цит. по 170, с. 24].

В условиях обострения курдской проблемы в первой половине июля 1935 г. премьер-министр Исмет-паша Иненю вновь совершил инспекционную поездку по юго-восточным вилайетам страны. В течение двух недель он побывал в Диярбакыре, Мардине, Сиирте, Битлисе, Ване, Муше, Буланьке, Малазгирте [36, с. 63—64], где информировал местных руководителей о политике правительства в курдском вопросе. Выступая в Диярбакыре среди иммигрантов и стремясь как-то польстить им, он спросил: «Слава аллаху, научили окружающих говорить по-турецки?» На это юноша ответил: «Наоборот, мы сами, ваше высочество паша, научились говорить по-курдски». Тогда Исмет-паша Иненю сказал: «Хорошо, сынок, хорошо, неплохо вы знаете языки» [145, с. 141]. Все это свидетельствует о том, что ассимиляторская программа правительства, его стремление изменить структуру национального состава Турецкого Курдистана не имели большого успеха.

18 ноября 1935 г. ВНСТ принял закон № 2848 об изменении некоторых статей закона о поселении [35, т. 17, с. 28—30], который уточнял правила переселения курдов. Вместе с тем турецкое правительство стало

усиливать параллельные меры в восточных вилайетах. Генеральный инспектор, генерал Абдуллах Альпдоган, сменивший Ибрагима Тали-бея, был облечен чрезвычайными полномочиями.

В этой связи уместно привести отрывок из статьи «Турция и курдский вопрос», опубликованной во французской газете «Temps» 18 августа 1937 г. «Ассимиляция курдских племен,—писал автор,—осуществлена еще далеко не полностью, так как проблема несколько осложняется вследствие того, что она касается большого числа лиц... Около двух лет тому назад правительство (турецкое.—М. Г.) ввело в стране специальный режим, сконцентрировав всю власть в руках Абдуллаха Альпдогана, задача которого состояла в умиротворении края всеми доступными ему средствами. С этого момента в прессе не публиковалось никаких сообщений. Несомненно, принятые меры были энергичны и чувства удовлетворения у населения не вызвали».

«Как бы то ни было,—заключает автор статьи,—хотя умиротворение, осуществлявшееся в 1934—1935 гг. генералом Альпдоганом, который, с одной стороны, начал проведение общественных работ, а с другой—вешал зачинщиков, чтобы утратить самых беспокойных в Элязизе, и стало приносить плоды, эффект оказался весьма недолговечным» [260, 18. VIII. 1937].

Реакционная политика правительства усилила напряженность в Курдистане. Более того, все действия турецких властей свидетельствовали о том, что они пытаются спровоцировать новое крупное выступление курдов с тем, чтобы покончить навсегда с курдской проблемой в стране.

2. Восстание в Дерсима (Тунджели) (1936—1938)

В середине тридцатых годов турецкое правительство решило приступить к полному подчинению полунезависимых племен Дерсима. До этого население Дерсима по существу пользовалось непризнанной автономией. Каждое племя имело свой меджлис (собрание), которые были объединены в Генеральном меджлисе Дерсима. Решения последнего были обязательны для руководителей племен, а также вооруженных формирований курдов. Признанным вождем Дерсима был Сейит Риза [119а, с. 49]. Для ликвидации «автономии»

Дерсима турецкие власти стали подводить под полицейско-административные мероприятия «идеологическую базу». Турецкие «ученые» и журналисты объявили курдов заза Дерсима «переселившимися в древности с равнин в горы турками», которые, хотя и отстали от других турок в культурном развитии, тем не менее «страстно желают воссоединиться со своей родиной». В этой связи представляет интерес отрывок из статьи «Курды», помещенной в турецкой энциклопедии. «Большинство курдов Турецкой Республики говорит по-турецки и живет как турки. Мы, турки не считаем их принадлежащими к другой нации» [37, с. 2966]. Такова была официальная версия о принадлежности курдов.

В Дерсиме в начальных школах преподавание велось на турецком языке, чтобы таким образом приобщить «забывших язык своих предков» курдов заза к турецкой культуре. Слово «курд» было изъято из обращения. Ношение национальной одежды, пение национальных песен—все это было категорически запрещено.

В то же время турецкое правительство попыталось ввести в Дерсиме налоговое обложение населения. Раньше жители этого района почти не платили податей. И, естественно, введение налогов не только не устраивало население Дерсима, но и явилось одной из важных причин его недовольства.

Резкое возмущение курдов вызвала также конфискация земель, принадлежавших племенам и издавна находившихся в фактическом пользовании дерсимских крестьян, и передача этих земель туркам—переселенцам.

Попытки ввести налоги и отобрать земли у племен встретили такое сопротивление курдов, что турецкой администрации пришлось временно воздержаться от осуществления своих планов. В то же время она прибегла к репрессиям. На улицах Элязига (Элязиз) турецкие власти повесили несколько курдов, оказавших сопротивление мероприятиям администрации. Это послужило поводом для открытого выступления курдов. Вскоре весь Дерсим оказался в огне восстания.

По предложению Ататюрка вопрос о Дерсиме был включен в повестку дня ВНСТ, заседания которого были закрытыми. 1 ноября 1936 г. в речи на открытии ВНСТ, касаясь Дерсима, К. Ататюрк сказал: «Самой важной проблемой в наших внутренних делах—это дерсимский вопрос. Необходимо во что бы то ни стало очистить и с корнем вырвать этот нарыв, этот страш-

ный фурункул... и правительству предоставлены широкие полномочия для принятия самых срочных мер по этому вопросу» [Цит. по 119а, с. 50]. Отрывочные сведения, проникшие на страницы турецких газет, свидетельствуют о том, что на заседаниях меджлиса обсуждался план «умиротворения» курдов. Под конец печать сообщила, что обсуждение вопроса о Дерсимае в ВНСТ закончено и что «смертные приговоры заменены другими наказаниями».

По предложению Ататюрка центральные районы были преобразованы в вилайет с особой организацией, переименованной в Тунджели [35, т. 17, с. 165—182]. 6 июня 1936 г. была создана зона четвертой генеральной инспекции, в которую вошли вилайеты Элязыг, Тунджели и Бингёль¹, т. е. вся территория бывшего Дерсима [36, с. 66]. В этой зоне была создана специальная администрация во главе с генеральным инспектором генералом Альпдоганом. При правлении генеральной инспекции, находившейся в Элязиге, были созданы особые отделы: военных советников, разведывательная группа, специальная группа офицеров генерального штаба, военный трибунал (председатель и два члена), секретариат, финансовый и юридический отделы.

Генерал Абдуллах Альпдоган издал приказ о введении в вилайетах Тунджели, Элязыг, Бингёль осадного положения и потребовал от курдов под страхом сурового наказания сдать 20 тыс. винтовок [126, с. 270]. Курдские патриоты пытались организовать единый антитурецкий фронт, однако не смогли преодолеть разногласий между племенами, сплотить их в единую силу. Правда, Сейиту Ризе удалось объединить под своим руководством племена аббасан, ферхадан, карабальян, бахтияр, юсуфан, демнан, хайдан и частично калан. Однако курды районов Оваджык, Қочан, Текман, Мазгирт, Пюлюмюр и Назымие решили остаться в стороне, объявив «нейтралитет». Более того, некоторые племена Хозата приняли решение перейти на сторону правительства. Их вожди прибыли в Элязыг и выразили Альпдогану готовность выполнить все его указания.

¹ Вторая генеральная инспекция была создана 19 февраля 1934 г. в Европейской Турции. Третья — 6 сентября 1935 г. с центром в Эрзуруме. В зону Третьей генеральной инспекции входили вилайеты Эрзурум, Карс, Ризе, Трабзон, Гюмюшане, Эрзинджан и Агры. Эта зона была объявлена запретной и никто не мог поселиться здесь без разрешения военных властей.

В свою очередь вождь дерсимских курдов Сейит Риза направил генералу Альпдогану письмо, в котором потребовал, чтобы правительство отменило новый закон в отношении Дерсима и прекратило преследования дерсимцев [126, с. 268, 270]. В ответ на это генерал Альпдоган направил против дерсимцев пехотную дивизию и жандармский полк. Войска поддерживались 10 военными самолетами, которые ежедневно совершали полеты над Дерсимом. Тем не менее, решительных боев не было. Операции турецких войск по «умиротворению» Дерсима затянулись. Наступила зима 1936 г., и турецкое командование вынуждено было приостановить операции в связи с непрерывными дождями и резким похолоданием, а затем и снежными заносами.

С 7 декабря 1936 г. по 27 января 1937 г. в Анкаре состоялся съезд генеральных инспекторов¹ под председательством министра внутренних дел Шюкрю Кая. Наряду с другими обсуждались меры, которые должны были окончательно решить «проблему Дерсима».

В этих условиях в начале 1937 г., Сейит Риза направил своего сына Бра Ибрагима в ставку генерала Альпдогана для переговоров о прекращении военных действий на справедливых условиях [126, с. 272].

Однако по указанию турецкого командования Бра Ибрагим был обманным образом привезен турецким офицером Шевкетом в деревню Дешт и там зверски убит. Тогда Сейит Риза обратился к вождям курдских племен с призывом объединить силы и совместно выступить против турецких войск. На обращение Сейита Ризы откликнулись вожди племен хасанав, юсуфан и некоторых других. В июне 1937 г. в местечке Кюрник (в 30-и км восточнее Мазгирта) состоялось собрание вождей курдских племен, которое приняло решение начать восстание [153, с. 43]. Территория, охваченная волнением, стала быстро расширяться. Вооруженные формирования курдов, включавшие до 30 тыс. бойцов, совершали нападения на турецкие подразделения, разрушали мосты, дороги и телефонные линии. Против курдов турецкое командование двинуло армейский корпус. В район военных действий выехали премьер-министр Исмет Иненю и министр внутренних дел Шюкрю Кая, которые на месте ознакомились с обстановкой и с мерами по усилению карательных операций. Летом

¹ К тому времени в стране были четыре генеральные инспекции

1937 г. военные действия в Дерсима приняли небыва-
лые размеры, обе стороны несли значительные потери.
В этих условиях Сейит Риза вновь обратился к генера-
лу Альпдогану с предложением «прекратить кровопро-
литие, признать национальные права курдов, выдать
убийц сына», а сам, в свою очередь, обещал возвратить
всех пленных турок и прекратить военные действия
[126, с. 273]. В ответ на это генерал Альпдоган потре-
бовал полной капитуляции и сдачи всех видов оружия,
имевшегося у курдского населения.

В то же время турецкое командование решило не
терять времени и действовать путем подкупа отдельных
вождей племен. Генералу Альпдогану удалось подку-
нуть племянника Сейита Ризы—Рехбера, который по
указанию турок стал вести подрывную работу среди
племен Дерсима. В частности, Рехберу удалось войти
в доверие вождя племени бахтияр и склонить его на
свою сторону. Вожди некоторых других курдских пле-
мен, также не зная о предательстве Рехбера, согласи-
лись вместе с ним вести «борьбу» против турецких
войск.

Только Сейит Риза не верил своему племяннику. Во
избежание поголовного уничтожения курдского насе-
ления Дерсима Сейт Риза решил переправить через гра-
ницу в Ирак отряд во главе с одним из своих помощ-
ников Алишером и попросить там убежище для турец-
ких курдов. Рехбер, узнав о планах Сейита Ризы, от-
правился в стан Алишера (местечко Аглат) под пред-
логом «попроситься» с ним. Ночью Алишер и его же-
на по указанию Рехбера были зверски убиты ставлен-
никами турецкой разведки¹. Рехбер с головой Алишера
бежал к Альпдогану в Элязиг.

¹ Видный деятель курдского освободительного движения поэт
Алишер происходил из племени шейх-хасан, родился в уезде Ум-
рание (Кочкири) в 1862 г., образование получил в Сивасе. Али-
шер написал много стихов, в которых воспевал курдский народ,
призывая его бороться против тирании, за свое национальное ос-
вобождение. Во время первой мировой войны (1914 г.) Алишер
перешел на сторону русской армии с намерением вести борьбу за
освобождение Курдистана. В качестве курдского представителя
от районов Сивас, Малатья и Дерсим работал по созданию авто-
номного Курдистана под покровительством России. После отхода
русских войск Алишер вернулся в Дерсим, а затем переехал в
Кочкири, где продолжал деятельность по объединению курдов
вокруг идеи завоевания независимого Курдистана. Весной 1920 г.
он вновь вернулся в Дерсим. Здесь вместе с другими курдскими
лидерами, он направлял телеграммы анкарскому правительству о

Чтобы заставить курдских повстанцев выйти из горных убежищ, турецкое командование отдало приказ поджечь леса вокруг Дерсима. Повстанцы вынуждены были покинуть горы Дерсима и направиться на восток к границам Ирака. Турецкая разведка, обнаружив местонахождение отряда Сейита Ризы в районе Узун-Меше, двинула туда войска, артиллерию и авиацию. Ататюрк сам проводил летчиков, которые вылетали на подавление дерсимцев [216, 20. XI. 1972]. К концу лета 1937 г. в районе Козлуджа произошел бой между турецкими войсками и курдами. В этом бою Сейит Риза был ранен. Отряд курдов понес большие потери.

Несмотря на отчаянное сопротивление курдов, восстание шло на убыль, а власти продолжали кровавую расправу над населением Дерсима.

Полковник Эльфинстон в статье «Курдский вопрос» писал: «Сосредоточив значительные силы, турки в мае 1937 г. начали операции против мятежников... Министр внутренних дел Джелаль-бей сообщил правительству, что курдская проблема отныне не существует. Цивилизация,—сказал он,—была привита разбейникам силой... Такова официальная позиция по сей день, и курдов в Турции официально называют горными турками» [250, 1946, № 1, с. 96—97].

О том, что означает «прививка цивилизации силой» говорят следующие факты.

«Было применено самое совершенное оружие и заняты главные стратегические пункты. Немалую роль сыграла также авиация, и теперь стало известно, что турецкой летчице Сабиха Гёкчен¹ был выдан почетный диплом... за героизм, проявленный ею в районе

признании им национальных прав курдов в соответствии с решением Севрского договора. За непосредственное участие в восстании в Кочкири он был приговорен турецким судом заочно к смертной казни. Поэтому решил остаться в уезде Ованджык, где, не взирая ни на какие трудности, он многие годы работал по воспитанию курдской молодежи. В 1937 г. во время дерсимского восстания тесно сотрудничал с Сейитом Ризой, содействовал единению курдов во имя национальной борьбы (126, с. 278—281).

¹ Сабиха Гёкчен — приемная дочь Ататюрка, училась в американском женском колледже, в 1935 г. поступила в школу гражданской авиации и стала пилотом, а в 1936 г. окончила военно-воздушное училище, принимала активное участие в подавлении дерсимского восстания. После смерти Ататюрка она вышла замуж за капитана военно-воздушных сил Али Кемаля Эсинера, который принял ее фамилию «Гёкчен» (141, с. 65).

Дерсима, где она, не ограничиваясь разведывательными полетами, разыскивала берлоги мятежников и обстреливала их из пулеметов. В мае 1937 г. войска стали хозяевами положения... Теперь вновь начнется претворение в жизнь программы (ассимиляции.—М. Г.), разработанной еще в 1935 г.,—писал автор статьи в газете «Temps» от 18 августа 1937 г.

В июне 1937 г. турецкое командование бросило в наступление 20-и тысячное войско против Дерсима [108, с. 324], которое имело целью окончательно покорить этот район.

«Дерсим—центр движения,—отмечала турецкая газета «Тан» в июне 1937 г.,—будет полностью разрушен, а жители переселены в другие районы... Таким образом, жители Дерсима—**турки, чистые турки** (курсив наш.—М. Г.), которые, спасаясь бегством от Тимурленга, прибыли в Дерсим, сольются со всем турецким народом...».

А вот меры принятые для слияния Дерсима—«чистых турок»—со всем турецким народом.

«Виселицы Дерсима украсились мятежниками. Казни приводились в исполнение немедленно после вынесения приговора». Сообщив эти сведения, автор статьи в «Temps» заключает: «Насколько можно судить курдский вопрос является скорее вопросом полицейского характера» [260, 18. VIII. 1937].

Турецкая официальная печать, реакционная буржуазная печать в западных странах пытались исказить причины курдского восстания, представить события в Дерсиме как борьбу между турецкой буржуазией, проводившей якобы прогрессивные реформы, и реакционными феодальными элементами.

Вот что писал в разгар восстания в июле 1937 г. некий Расим Даваз в статье, озаглавленной «Новое восстание курдов в Турции».

«Правительство Анкары потратило более двух месяцев, чтобы подавить новое реакционное восстание курдских племен в районе Дерсима. Несмотря на реформы, осуществляемые кемалистской партией, феодальным элементам удалось до сих пор сохранить свои позиции в этом недоступном уголке земли... Под давлением национальной буржуазии, которая хотела расширить внутренний рынок, народная партия (кемалисты) решила в прошлом году положить конец исторически изжившему себя положению вещей с помощью всех

средств, находившихся в распоряжении республиканского государства. Специальным законом они установили в этой мятежной провинции военную администрацию, наделенную широкими чрезвычайными полномочиями, включая право утверждения смертных приговоров, что обычно является прерогативой Великого национального собрания Турции...

Из сообщений прессы и заявлений премьер-министра Исмета Иненю в Национальном собрании следует, что вначале, т. е. в апреле, примерно 25—80 человек из 100-тысячного населения восстали против этих правительственных мер...

В настоящее время военные операции находятся в полном разгаре, причем в этих операциях принимают участие несколько эскадрилий самолетов» [162, с. 26—28].

В связи с курдским восстанием в Дерсиме, 16 июня газета «Таймс» поместила статью своего корреспондента в Стамбуле, озаглавленную «Курды против образования. Бунт, подавленный войсками». В этой статье сообщалось, что повстанческое движение в Дерсиме якобы было вызвано враждебностью «к введению обязательного образования и других реформ» [261, 16, VII]. Подобное объяснение причин восстания и тогда вызвало резкое осуждение лиц, которые знали чаяния курдского народа, были знакомы с курдской проблемой. В этой связи представляет бесспорный интерес письмо, направленное видным зарубежным курдологом В. Никитиным редактору газеты «Таймс». В этом письме, в частности, говорилось: «... Как человек, знающий курдов, их язык, историю, я бы хотел сказать, Вам, сколь глубоко опечалило меня это сообщение. Курды, населяющие этот район, совершенно отличны от своих соседей турок как по расовым признакам, так и по языку, религии, обычаям и общественной организацией. События, происшедшие в Дерсиме,—еще одна попытка курдов утвердить свою автономию как этнического меньшинства. Было бы ошибкой предполагать, что курды выступают против образования вообще,—они борются против отуречивания. Родной язык является единственно возможным средством обеспечить единственное и гармоничное развитие индивидууму и привить ему благородную привязанность к стране, в отношении которой он несет обязанности в качестве гражданина... пока этими благородными принципами не будут руководствоваться

повсюду, мы будем, к сожалению, свидетелями таких печальных конфликтов между «государственными соображениями» и требования национальных меньшинств, права которых в наше время едва ли можно отрицать» [100, с. 405—406].

В связи с появлением в газете «Temps» 18 августа 1937 г. статьи «Турция перед курдским вопросом», которая цинично описывала турецкие зверства над курдскими повстанцами, В. Никитин 1 сентября 1937 г. послал письмо директору этой газеты, в котором со знанием дела подверг критике тенденциозный тон статьи, а также выступил в защиту курдов, боровшихся за признание своей национальной самобытности, за свои права. Ниже приводится это письмо с некоторым сокращением.

«... Я знаю курдов,—отмечалось в письме,—их язык, их историю и полагаю, что нельзя отрицать в наши дни курдов как явное национальное меньшинство—понятие, которое содержит некоторые более или менее определенные права людей. Существует, наконец, вполне определенная курдская литература, весьма развивающаяся, которой мешают неблагоприятные политические обстоятельства. Курдский язык отнюдь не наречие, производное от персидского, снабженное «армянскими, халдскими, турецкими и аральскими говорами», но такой же язык; как и иранский или афганский и т. д., находящийся только в стадии диалектной, не выработавшей еще общего литературного языка... Это не значит, однако, что у него нет литературных курдских произведений, особенно поэтических, которые являются предметом публикаций и специальных изучений и которые поражают богатством выраженных чувств и чистотой их лирического порыва... Курды являются, безусловно, национальным меньшинством, хотя они еще разделены на племена и не составляют государства, будучи разделенными в различных странах. Никто этого не станет отрицать, так как же можно спрашивать: «Имеем ли мы право говорить о курдском национализме?». Речь ведь не идет о каком-то отжившем феодальном властолюбии, но о ярко выраженном национальном сознании. Никто не оспаривает у шотландцев название нации, хотя в основе их социальной исторической структуры лежали кланы. Так же обстоит дело и с курдами. Это вопрос прогрессивного развития в силу обстоятельств, но это в то же время не оправдывает полити-

ку уничтожения, виселниц и гонений против этого меньшинства, которое не имеет никакого иного средства, чтобы защитить себя и привлечь внимание к своей судьбе, помимо оружия и храбрости. Очень печально и огорчительно читать фразу, вышедшую из-под пера журналиста: «курдский вопрос — это скорее полицейский вопрос». Если согласиться с такой точкой зрения, то всякий прогресс, достигнутый международным правом, будет уничтожен одним махом и никакое ущемленное человеческое право не будет иметь возможности апеллировать к правосознанию цивилизованного мира. Нет, курдский вопрос — это не просто полицейский вопрос. Речь идет о признании этнического, лингвистического и социального меньшинства, минимума права, что единственно может обеспечить ему нормальное развитие...» [100, с. 406—407].

Однако это письмо директору «Temps» не было опубликовано, так как оно противоречило взглядам хозяев газеты, а также стоявших за ними империалистических кругов.

О политике геноцида турецких властей по отношению к курдам писали представителям великих держав, в Лигу Наций курдские патриоты, эмигрировавшие за границу.

Так, в обращении эмигрировавших за границу курдских повстанцев от 20 ноября 1937 г. представителям великих держав на Среднем Востоке и генеральному секретарю Лиги Наций подробно излагались все насилия турецких властей в Курдистане [см. 126, с. 296—299].

«Мы вынуждены еще раз обратиться в вашу организацию,—говорилось в этом обращении,—являющуюся самым высшим судебным органом в мире, о той политике истребления и уничтожения, которую в течение 15 лет проводит в Курдистане турецкое правительство». В обращении отмечалось, что курды по происхождению, языку, истории и культуре отличаются от турок. Курды на много веков раньше поселились на этих землях и имеют свою самобытную культуру. Турецкое правительство под предлогом развития этих районов проводит лицемерную политику на виду всего мира. В этом обращении говорилось о трагической судьбе 500-тысячного населения Дерсима. Курдское население, указывалось в этом документе, подвергается жестокому насилию и физическому истреблению. Курдские де-

ревни подвергаются воздушным бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу. Закрыты все курдские школы, запрещено говорить и писать на курдском языке, издавать книги, журналы и газеты. Турецкие власти ограничили для курдских юношей право поступления в средние и высшие учебные заведения. Турецкое правительство превратило в ад район Дерсима...» В заключение от имени племен Дерсима курды просили прислать комиссию для расследования преступления турецких властей. Однако обращение курдов Турции в Лигу Наций и к великим державам осталось без ответа.

В июле 1937 г. правительство Турции, Ирана и Ирака заключили Саадабадский пакт, оформивший создание так называемой Ближневосточной Антанты, ставшей орудием британской политики на Ближнем Востоке. Турция, игравшая в этой Антанте руководящую роль, сделалась таким образом проводником английского влияния на Ближнем Востоке [97, с. 184].

Саадабадский пакт предусматривал совместную борьбу подписавших его держав против сепаратистских движений и, следовательно, против курдского движения. В статье 7 этого пакта говорилось:

«Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется принимать меры, каждая в своей сфере, против создания или деятельности вооруженных банд, сообществ или организаций, стремящихся подорвать имеющиеся институты и угрожающих порядку и безопасности в любом районе или на границе другой договаривающейся стороны» [35, т. 19, с. 300—302].

Заручившись поддержкой правителей Ирана и Ирака, турецкие правящие круги приступили к «завершению» начатой операции против курдов Дерсима. Генерал Альпдоган послал Сейиту Ризе письмо, в котором от лица турецкого командования выразил согласие прекратить огонь. Поверив словам Альпдогана, Сейит Риза прибыл в Эрзинджан для переговоров с турецкими властями. Сразу же по прибытии в Эрзинджан (5 сентября 1937 г.) он был арестован и предан суду. На суде Сейит Риза заявил, что он боролся за независимость курдов, не преследовал никаких целей кроме свободы, высших интересов нации. Во время судебного процесса С. Ризе были заданы провакационные вопросы: были ли у него русские штабные офицеры? Посылали ли русские оружие и боеприпасы? [126, с. 284, 288]. В то же время в печати было объявлено, что к

курдам племени кочан приезжали английские и французские штабные офицеры.

10 ноября 1937 г. военный трибунал в Элязиге вынес приговор по делу курдских повстанцев. Сейит Риза и его 11 соратников были приговорены к смертной казни. 18 ноября 1937 г. Сейит Риза, его младший сын Ресик Хюсейн, вождь племени юсуфан Канбер-ага, вождь племени курейшан Сент Хюсейн-ага и другие были повешены в Элязиге. Перед смертью Сейит Риза громко крикнул на языке заза: «Мне 75 лет, я сейчас буду казнен и лягу в один ряд с жертвами борьбы за Курдистан! Дерсим побежден, но курды и Курдистан будут жить, курдская молодежь отомстит! Позор и презрение тиранам...» Стоявший рядом с ним сын Ресик Хюсю громко произнес: «Отец, да здравствует курдский народ!» [126, с. 283, 289, 290].

11 ноября 1937 г., т. е. на следующий день после вынесения приговора патриотам Дерсима Ататюрк в сопровождении премьер-министра Дж. Баяра, сменившего в октябре на этом посту Исмета Иненю, начал путешествие по юго-восточным вилайетам страны. Он посетил Малатью, Урфу, Диярбакыр и другие вилайеты [130, с. 86]. 16 ноября 1937 г. Ататюрк выступил с речью в Диярбакыре, подавляющее большинство населения которого составляли курды. Тем не менее в своей речи он заявил, что будто все население востока страны «целиком состоит из турок». Как подчеркнул Ататюрк, хозяева Турецкой Республики—«турки, которые являются примером для мировой цивилизации, для всего человечества» [цит. по 121, с. 301]. Таким образом, Ататюрк, который в 1919—1920 гг. говорил о турецко-курдском братстве, теперь ведя пантюркистскую пропаганду пытался игнорировать существование курдов и курдской проблемы.

Однако курдская проблема продолжала волновать турецкие правящие круги. В июне 1938 г. известный турецкий журналист Юнус Нади писал, что турецкое правительство в этом году снова займется дерсимским вопросом и что там будут проведены военные операции [193, 30. VI. 1938]. Оказалось, что Дерсим еще не побежден и что курды продолжают сопротивляться, скрываясь в труднодоступных горных районах.

28 мая 1938 г. премьер-министр Турции Джеляль Баяр обратился к дерсимцам: «Эй, народ Дерсима, бросьте оружие и мы протянем вам свои руки. Велико-

душие наше велико, но гнев еще больше: выбор в ваших руках!» [см. 258, 7. VIII. 1938].

Однако у курдов практически не было выбора. Опыт всей истории антитурецкой освободительной борьбы подсказывал, что турецкие ассимиляторы не остановятся на полпути в деле «решения» проблемы Дерсима.

Заявление премьер-министра Джеляля Баяра в то же время свидетельствовало о том, что анкарское правительство к середине 1938 г. не смогло подавить курдское восстание и скрыло от общественного мнения действительное положение дел в Курдистане. Это же подтверждает и его речь на заседании ВНСТ 30 июля 1938 г. «Из внутренних дел этого года,—говорил он,—заслуживает вашего внимания одна тема. Это вопрос о Дерсима. Там мы намерены провести реформы. Эта программа претворяется в жизнь. В прошлом году там проводились военные операции, об этом все знают со всеми подробностями. В этом году, согласно нашей программе, необходимо продолжать военные операции. По сравнению с прошлым годом нынче там (т. е. в районе Дерсима.—М. Г.) сосредоточено еще больше наших сил. Проведение в Дерсима этой программы вызвано необходимостью решительно покончить с дерсимским вопросом...» [193, 31. VII. 1938]. Борьба курдов Дерсима по времени совпала с обострением турецко-французских отношений из-за санджака Александретты. Турецкое правительство, пытаясь отвлечь общественное мнение страны от событий в Курдистане, пыталось все свалить на происки французских колониальных кругов. Вместе с тем оно под предлогом «военных маневров» стало перебрасывать в Курдистан крупные воинские части. Против курдов турецкое командование направило три армейских корпуса, оснащенных новейшей техникой.

В район «военных маневров» выехал премьер-министр Джелял Баяр и министр иностранных дел Тевфик Рюшту. Вот что сообщала в этой связи газета «Джумху нет»:

«Премьер-министр и министр иностранных дел вчера выехали в Элязиг (Элязиз)... премьер-министр перед отъездом посетил великого вождя лидера Ататюрка в Долмабахче. По приезду премьер-министра получившие задание войска примут участие в больших маневрах» [193, 24. VIII. 1938].

На «маневрах» присутствовали также министр национальной обороны Кязым Озальп, начальник генерального штаба Февзи Чакмак, инспектор Третьей армии армейский генерал Кязым-паша и другие. «Маневры» охватывали район Элязиг-Дерсим-Палу.

Одновременно в августе 1937 г. в соответствии с Саадабадским пактом турецкое правительство провело консультацию с правительствами Ирана и Ирака по вопросу о совместных действиях против курдов с тем, чтобы не допустить расширения курдского национально-освободительного движения в пограничных районах трех стран.

Добившись поддержки правящих кругов Ирана и Ирака, турецкие власти начали жестокую расправу над дерсимцами. Турецкие войска, обладая численным и техническим превосходством, не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Зверства карателей были настолько жестокими и чудовищными, что командующий эрзурумским корпусом Тевфик-паша отказался от своего поста и был отозван в Анкару [119а, с. 57].

В сентябре-октябре 1938 г. сопротивление курдов было сломлено. В результате жестоких боев были уничтожены тысячи курдов. По некоторым данным во время дерсимских событий карателями было уничтожено 70 тыс. курдов [192, 1972, № 2, с. 9].

Восстание в Дерсима во многом, как справедливо отмечает И. Ш. Ванлы, «было вызвано политикой массового выселения, которое правительство Анкары пыталось осуществить по отношению к курдам. Население Дерсима отказалось повиноваться приказу Анкары о переселение в западные районы страны» [173, с. 11—12].

5 июля 1939 г. ВНСТ одобрило законопроект, направленный на ограничение передвижения курдов, запрещавший высланным в западные районы курдам возвращаться когда-либо в родные края. Этот закон запрещал племенам и лицам «нетурецкого происхождения, не имеющим отношения к турецкой культуре», вновь поселяться в зоне № 1 [35, т. 20, с. 1556], куда входили главным образом курдские вилайеты.

В соответствии с законом № 3667, 24 ноября 1939 г. правительство приняло постановление (№ 2/12374) о переводе на оседлый образ жизни курдских кочевников и продажи им земельных участков [см. 45, с. 166—171].

Необходимо отметить, что прямых данных о численности курдов, переселенных из восточных провинций в западные, нет. Но их можно вычислить из материалов переписей населения, проведенных в 1935 и 1940 годах. Так, подсчеты показывают, что только в вилайетах Элязиг, Эрзурум, Муш и Ван с 1935 по 1940 г. население сократилось на 280.338 человек. Если учесть, что за это время население страны выросло на 10%, то это означает, что в рассматриваемых вилайетах население не только не должно было уменьшиться, а наоборот — увеличиться примерно на 100 тыс.

Таким образом, отмечаемое сокращение численности жителей надо отнести за счет переселения турецким правительством из этих вилайетов в другие районы примерно 370 тыс. курдов.

Касаясь политики кемалистов по отношению к национальным меньшинствам, к курдам в тот период, Устюнгель писал: «Они (кемалисты.—М. Г.) подвергают национальные меньшинства насильственной туркизации. Высылают из родных мест лазов, организуют массовые убийства курдов, как это было сделано с армянами. Уже уничтожено сотни тысяч курдов. Тысячи курдских семей уничтожены, сотни деревень сожжены и разрушены. Чтобы скрыть следы своих преступлений, анкарские правители объявили «запретными» районы, где были сравнены с землей эти деревни» [151, с. 21].

О том, к чему привела политика кемалистов в курдском вопросе в 30-х годах, свидетельствует, в частности, статья турецкого журналиста Османа Мете, опубликованная в газете «Сон Поста» в апреле 1948 г.

«Я поехал в Тунджели,—писал он. Это—бывший Дерсим. Объездил эти безлюдные опустошенные края. Беседовал с жителями обитающими от Калана (в прошлом село Мамикан) до Арарата. Они не видели других правительственных чиновников, кроме сборщика налогов и жапдарма... Здесь нет ни ремесла, ни земледелия, ни торговли. Я увидел лишь несчастных, жалких людей, вся жизнь которых связан с выращиванием коз. Тунджели живет в XV веке и ничего не знает о благах XX века. Центр вилайета Тунджели находится в Калане, расположенном на берегу реки Муизур и состоящем из 50 домов. Почему эта деревня построена в таком неудобном месте?—спросил я. Мне ответили, что после дерсимских событий Абдуллаху-паше (Альдоган)... было предложено основать административный

центр для вилайета и, несмотря на возражение специалистов..., он выбрал именно это ущелье... Здесь население занято, как правило, выращиванием коз. Особенно много работают женщины. Никакой духовной жизни, нет ни школ, ни медресе. Цивилизация ни в какой сфере не проникла сюда. Нет ни врачей, ни медикаментов. Между деревнями нет дорог. В этом районе живет более 100 тыс. человек. Ответственность за эти нечеловеческие условия жизни должна лежать на правительственных комиссиях, потому что мы, как правительство, берем от Дерсима, но ему ничего не даем. Мы не должны допустить, чтобы такое положение продолжалось».

В течение десятилетий курдский народ вел вооруженную борьбу против турецких угнетателей, за признание своих прав, добиваясь равноправия в культурной, политической и экономической сфере жизни страны. Однако в результате сложившихся обстоятельств курды неизменно терпели поражения в открытой и неравной борьбе. Жестокое подавление бесчисленных восстаний разорило экономику Турецкого Курдистана и в значительной мере обескровило курдские силы. Жесткие репрессии и террор привели к гибели видных курдских деятелей и тысячи мирных курдов. Курдская проблема в Турции осталась нерешенной.

3. Некоторые выводы в связи с национально-освободительной борьбой курдов в 20-х — 30-х годах

Политику турецких правящих кругов по отношению к курдам в 20-х—30-х годах можно резюмировать следующим образом: отрицание прав курдов как особой национальности, или даже самостоятельной этнической группы, отличной от турок, и осуществление политики национального угнетения.

«Эта политика,—как справедливо замечает видный турецкий социолог Исмаил Бешикчи,—часто превращалась в политику расизма, пантюркизма» [121, с. 213]. В полном соответствии с этой политикой, власти продолжали обманывать себя, заявляя: «нет курдов, есть только турки» [116, с. 313].

Однако подобная политика не могла решить эту важную проблему, поскольку продолжали существовать объективные причины, которые вызывали курдское освободительное движение. Восстания на востоке страны

были подавлены. «Однако восток оставался постоянно в качестве кровотокающей раны»,—справедливо пишет Ш. С. Айдемир [116, с. 313].

Почти непрерывный процесс повстанческого движения, наблюдавшегося в 20-х—30-х годах в восточных вилайетах Турции, свидетельствовал о постоянно действующих факторах, обуславливавших закономерность курдских восстаний. В основе курдского повстанческого движения лежали следующие важные причины.

1. Национальный гнет со стороны господствующих классов турецкой нации, отказывающих многомиллионному курдскому народу в национальных правах и стремящихся путем военно-полицейских, насильственных административных мероприятий ассимилировать курдов или карательными экспедициями истребить их.

Практиковавшаяся турецкими правящими кругами политика выселения курдов с родных мест, плодородных долин и яйл и переселение их в полупустынные центральные и западные районы с целью поселить на их место мухаджиров (иммигрантов) вызывали резкое недовольство курдского народа, делали его активной повстанческой силой.

Переселение согласно закону № 2510 из восточных районов в западные около 500 ага и шейхов не только не решало курдскую проблему, но и обостряло ее. Формально земли их должны были перейти крестьянам. Однако распределение этих земель практически не было проведено в жизнь. Впоследствии шейхи и ага, высланные в соответствии с законом № 2510 в западные районы, были возвращены в свои места. Более того, они вернули себе и земли.

Такие меры турецкого правительства, как выселение определенного числа ага, беев и шейхов, в западные вилайеты, эвакуация значительной части населения Дерсима, Арарата и некоторых других мест и превращения их в запретные зоны, размещение в некоторых восточных вилайетах турецких иммигрантов, продажа кочевникам и оседлому местному населению части земель ага и шейхов, бежавших за границу, главным образом в Сирию и Ирак, наконец, создание генеральных инспекций,—не устраняли причин возникновения национально-освободительного движения.

Турецкое государство на востоке страны не создало каких-либо новых учреждений, которые соответствовали бы чаяниям курдских народных масс и заменили

бы влияние высланных представителей курдского господствующего класса.

2. Экономическая эксплуатация курдов сочеталась с вымогательством и прямым грабежом со стороны турецких жандармов и различных чиновников, стремящихся по директивам анкарского правительства превратить курдов лишь в плательщиков налогов и нежелавших принять меры по улучшению их хозяйственного положения. Факты свидетельствовали, что в курдских районах налоговое обложение кемалистским правительством в значительной мере превышало налоговое обложение султанской Турции, что также обуславливало недовольство среди курдского народа.

3. Недовольство, вызванное также бездарным управлением турецкого бюрократического аппарата в восточных вилайетах, являлось не последней причиной курдского повстанческого движения. По признанию самих турок в отдаленные провинции Курдистана всегда ссылали неинициативных или провинившихся перед правительством представителей военной и чиновничьей бюрократии, которые несколько не заботились о нуждах местного населения, а лишь старались при первой же возможности покинуть эти отсталые и беспокойные окраины.

4. На положение курдских масс отрицательно влияли и так называемые административные реформы, осуществлявшиеся в Турецком Курдистане. Продолжая политику централизации, власти Анкары в 20-х—30-х годах создали в восточных вилайетах три зоны генеральных инспекций, которые по существу находились на осадном положении и управлялись генеральными инспекторами, наделенными чрезвычайными полномочиями. Подобные административные изменения способствовали централизованному управлению, а также усилению давления чиновническо-бюрократического аппарата на население страны. Раньше санджаки в восточных районах нередко управлялись каймаками, выходцами из курдов, при этом местное население испытывало меньше правительственного гнета, чем после создания вилайетов—губернаторами (вали), которыми назначались, как правило, турки или ассимилированные курды-чиновники, практически не имевшие связи с курдской массой. Естественно, что губернаторы наделялись гораздо большими административно-политическими полномочиями, чем прежний каймакам. Эти администра-

тивные централизованные мероприятия, естественно, не вызывали восторга у курдских полузависимых племен.

5. Нежелание помещичье-феодальной верхушки курдов делить с представителями турецкого правительства свою власть над трудящимися массами своего района, отрицательное отношение к централизаторским мерам кемалистов являлись одним из основных факторов участия курдских вождей и шейхов в борьбе за национальные права. Курдские деребеки, шейхи и ага не могли не понимать, что эти меры кемалистов противоречат их интересам, угрожают их безграничному господству над курдскими трудящимися массами.

6. Важной причиной восстаний было формирование курдского национального самосознания, феодально-буржуазного национализма у курдских националистов, конечной целью которых было создание «Великого независимого Курдистана» (программа максимум) за счет курдских территорий Турции, Ирана и Ирака.

Стимулирующими факторами курдского национализма были относительная общность языка, религии, исторических судеб, а также политический, экономический, административный гнет турецких господствующих классов. Идейным вдохновителем национализма была курдская интеллигенция, бывшие депутаты, чиновники, офицеры, писатели, журналисты и др.

Установление новых границ между Ираном, Турцией и Ираком, отрезавшее турецких курдов от южных портов Сирии, через которые ранее осуществлялась значительная часть импортных и экспортных операций, а также сделавшее невозможным традиционные перекочевки курдских племен, привело к экономическому застою в Турецком Курдистане. Это обстоятельство объективно содействовало активизации повстанческого движения и обуславливало участие в нем представителей курдской торговой буржуазии, которая проявляла недовольство нарушением традиционных торговых связей.

В ряде районов Курдистана в процессе разложения феодальных отношений некоторые феодалы, вожди племен уже успели превратиться в торговцев. Конкурентная борьба в области торговли между турецкой торговой буржуазией и курдскими купцами также усиливала национальную вражду и пораждало идею создания независимого Курдистана, в котором курдские господствующие классы могли бы монопольно эксплуатировать «свои» трудящиеся массы.

Курдское крестьянство ненавидело турецких националистов за их административный налоговый гнет и поборы; зарождающаяся курдская торговая буржуазия не могла терпеть кемалистов за то, что в результате их политики Курдистан по существу был изолирован от внутренних и внешних рынков, и, несмотря на его богатства, оставался самым отсталым, забитым и нищенским районом страны; и, наконец, курдская интеллигенция была недовольна тем, что турецкие националисты не допускают ее к активной государственной и общественно-политической деятельности, не доверяют ей.

Так, по количеству населения курды должны были иметь в меджлисе второго и третьего созывов около 60 депутатов, а на самом деле имели всего нескольких депутатов, которые не всегда допускались на заседания. Что касается остальных депутатов от восточных вилайетов, то они были либо турки, либо отуреченные курды, не имевшие ничего общего с местным курдским населением.

Таковы важнейшие факторы, которые, вытекая из экономического и общественно-политического положения Турецкого Курдистана, определяли активную борьбу и выступления всех слоев курдского народа за свое национальное освобождение. В то же время некоторые из этих факторов создали предпосылки для развязывания и углубления не только национально-освободительного движения, но и борьбы курдских трудящихся масс за свое социальное освобождение [86, с. 99—100].

Анализ причин освободительного движения курдов показывает, что различные социальные слои в Турецком Курдистане имели основание быть недовольными своим положением. Для курдских восстаний 20-х—30-х гг. XX в. была характерна массовость, в них принимали участие все слои курдского общества, объединенные общей ненавистью к национальному гнету турецкой господствующей буржуазной клике. Массовость этих восстаний объяснялась активным участием в них курдского крестьянства: земледельцев и скотоводов. Следовательно, основной движущей силой движения курдов было курдское крестьянство. Это и понятно, ибо основу курдского вопроса в Турции, его внутреннюю суть все же составлял крестьянский вопрос. Крестьянство представляло огромную армию курдского движения, без крестьянской армии не было бы и мощного национального курдского движения.

Однако гегемоном восстания выступала главным образом феодальная торгово-ростовщическая верхушка курдов: шейхи, вожди племен, торговцы скотом—представители зарождавшейся торговой буржуазии. В то же время идеологом, вдохновителем национально-освободительного движения выступала курдская интеллигенция: офицеры турецкой армии, врачи, юристы, студенты и др. Этим можно объяснить и задачи курдского освободительного движения, руководители которого в 20-х и 30-х годах в основном требовали признания существования курдской национальной общины, предоставления национальных прав в рамках государств обитания курдов [156, с. 11—12].

Вместе с тем следует отметить, что в тот период были широко использованы национальные лозунги, требующие предоставления независимости Курдистану.

В результате господства феодальных и полуфеодальных отношений, а также военно-политического и налогового гнета со стороны турецких властей, курдские трудящиеся массы продолжали следовать, как правило, за вождями и шейхами, которые пытались изобразить себя единственными «защитниками» курдов от турецкого гнета. Это обстоятельство в известной мере задерживало, тормозило социальное, классовое расщепление курдов, что отрицательно сказывалось на освободительном движении в Курдистане. На курдское освободительное движение отрицательно влияло отсутствие политических организаций, имевших четкую организационную структуру, программу действий. Такие организации, как Общество возрождения Курдистана, Комитет независимости Курдистана, «Хойбун», другие курдские политические группы, хотя и объединяли на этом этапе передовых людей в своих рядах—политических и общественных деятелей курдского народа,—организационно, идеологически и теоретически были слабо подготовлены. Эти организации, как правило, выражали идеологию курдского феодализма или, в лучшем случае, идеологию зарождающейся курдской буржуазии.

Курдские деятели, среди которых были и истинные патриоты, посвятившие себя освобождению курдов, не смогли найти наиболее реальные пути решения курдской национальной проблемы. Курдские политические организации в рассматриваемый период не выдвинули практически ни одного антиимпериалистического лозунга.

га и не смогли установить контакты с прогрессивными силами других народов Турции

Все это означало, что на той социальной базе, при том руководстве повстанческим движением, при той международной ситуации борьба курдов не могла достигнуть цели — завоевания национальных прав в пределах Турции. Движение курдов в 20-х и 30-х годах, которым руководила главным образом феодальная верхушка, объективно было обречено на провал. Народные массы, принимавшие участие в этих восстаниях, не имели ясного представления об их целях и задачах, а курдские вожди восстаний не были способны выдвигать конкретные лозунги, которые отвечали бы национальным чаяниям широких слоев курдского народа [104, с. 13].

Помещичье-буржуазная националистическая сущность правителей Турции исключала возможность разрешения ими курдского вопроса как социально-национальной, этнической проблемы. Наряду с репрессивными мерами, турецкое правительство постоянно искало себе опоры в феодальной прослойке курдского общества. Более того, было ясно, что по мере роста активности курдской интеллигенции, трудящихся масс и развертывания антифеодального движения, курдские феодалы будут сотрудничать с турецкими властями в подавлении курдского крестьянства.

Из всего этого вытекало, что национально-освободительное движение курдов может добиться успеха только в совместной борьбе с турецкими рабочими и крестьянами против феодально-клерикальных элементов, против империализма, гнета правящих классов господствующей нации, против общих эксплуататоров — феодалов, шейхов, помещичье-буржуазного режима в Турции.

Лишь совместная борьба курдских и турецких трудящихся масс против эксплуататоров, угнетателей, а также империалистов могла поднять курдское освободительное движение на новую высшую ступень и содействовать решению курдской проблемы в Турции.

КУРДСКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1945—1970 ГГ.)

1. Состояние курдской проблемы в первые послевоенные годы.

Победа Советского Союза над фашистской Германией и империалистической Японией во второй мировой войне, как известно, содействовала дальнейшему углублению распада колониальной системы империализма, подъему национально-освободительного движения в странах Ближнего и Среднего Востока.

Освободительная борьба охватила также курдов Ирана, Ирака и Сирии. Только в Турции курдское движение не приняло широкого размаха из-за военно-полицейского и административного террора. Кроме того, во время войны и в первые годы после нее турецкие правящие круги держали в восточных вилайетах страны значительную часть своих вооруженных сил, которые могли быть использованы для пресечения всяких форм выражения недовольства курдов.

Несмотря на все это, власти Анкары не смогли изолировать турецких курдов от событий, которые происходили в других частях Курдистана. Так, некоторые курдские патриоты Турецкого Курдистана поддерживали контакты с Партией возрождения Курдистана—ЖК¹ (Иранский Курдистан) и «Хева» (Иракский Курдистан) [160, с. 36]. В августе 1944 г. на горе Даинпара (на стыке границ Ирана и Турции) состоялась встреча делегатов трех частей Курдистана, на которой национальные силы Турецкого Курдистана представлял Гази Мухаммед Вахаб. Во время этой встречи делегаты обсудили вопрос о «взаимном сотрудничестве... на благо Великого Курдистана» [92, с. 396].

Касаясь этого периода деятельности курдских организаций Зиннар Силопи писал: «Общество «Хойбун»,

¹ Партия возрождения Курдистана была создана в Иракском Курдистане в сентябре 1942 г.

принимая во внимание возможные коренные изменения в политическом положении государств, которые могут произойти в конце второй мировой войны, достигло договоренности с курдскими политическими организациями различных районов Курдистана о необходимости совместных усилий для реализации общих целей. В связи с этим общество «Хойбун» нашло возможным установить контакты с представителем созданного в Южном Курдистане общества «Хева» Фазылом и... Рефиком Хильми-беем» [145, с. 176]. Далее он отмечал, что поскольку появилась возможность после войны освободить не только Турецкий Курдистан, что являлось целью партии «Хойбун», а и все части Курдистана, то эта партия прекратила свою деятельность [145, с. 179]. Цели курдского движения взялись осуществлять возникшие новые политические организации курдов.

В целом же во время второй мировой войны курды в интересах союзных держав, как правило, сохраняли спокойствие, чтобы «не создавать трудности в жизненно важном районе» [156, с. 12]. Они надеялись, что после будут удовлетворены их национальные чаяния.

В то же время курдские руководители направляли великим державам меморандумы и послания, в которых просили оказать содействие в решении курдской проблемы. Такие меморандумы и послания великим державам были направлены 30 августа 1943 г., 30 марта 1945 г., 31 марта 1945 г., 21 июля 1945 г., 10 сентября 1945 г., 26 ноября 1945 г., 9 декабря 1945 г., 26 июня 1946 г., 10 марта 1947 г., 31 марта 1947 г. [246, 1949, № 6, с. 1].

В последующие годы аналогичные послания были адресованы и в Организацию Объединенных наций: в частности, 30 июля 1947 г., 29 ноября 1948 г., 15 января 1949 г., 13 сентября 1950 г., 27 сентября 1950 г., 18 ноября 1951 г., 30 ноября 1952 г., 5 августа 1954 г., 7 сентября 1955 г., 3 марта 1956 г. [156, с. 13].

Представляет интерес, в частности, письмо представителя курдов, направленное главам делегации на конференции в Сан-Франциско. Ниже приводим это письмо с некоторыми сокращениями.

«Ваше Превосходительство...,

От имени курдской Лиги я имею честь ниже представить изложение по курдскому вопросу. Стабильность мира на Среднем Востоке, если не во всем мире, не бу-

дет обеспечена без решения этого вопроса, который касается 9 миллионов человек, живущих на территории 500.000 кв. км..., независимость которой была признана Севрским договором.

Будучи целиком подчиненной иностранным государствам, курдская территория, естественно, не может быть представлена на этой конференции, поэтому я Вас прошу воспользоваться влиянием Вашей делегации и делегации Вашего правительства в следующих целях:

1. Принятие конференцией принципа признания прав народов, не получивших еще независимости, выражение их требований перед Международной ассамблеей. Само собой разумеется, что принятие этого принципа должно бы повлечь принятие гарантий, которыми могли бы воспользоваться правительства против тех, кто наносит удар пользованию этим правами.

2. Включение в повестку дня одного из пленарных заседаний конференции обсуждение курдского вопроса.

3. Представление или поддержка проекта международной комиссии, которой было бы поручено изучить курдскую проблему и подготовить ее решение. Отчет этой комиссии мог бы послужить базой для решения, которое Мирная конференция была бы в состоянии дать курдскому вопросу...

После первой мировой войны, в эпоху мандатов, курды при соответствующем режиме продвинулись бы, подобно другим народам Среднего Востока, по пути независимости. Но в то время, когда некоторые народы приобщались к мировой цивилизации, отчего их культурный уровень мог только повыситься, курды в подавляющем большинстве были отданы под власть Турции, Ирака и Ирана, которые пытались их физически уничтожить, прибегая к переселениям, бомбежкам, избиениям или моральному подавлению и принудительной ассимиляции.

Для каждого государства, получившего часть Курдистана, курдская территория служит лишь своего рода колонией, которую боятся утратить. С этой территории пытаются собрать максимум налогов и мобилизовать побольше солдат без проведения конструктивных ответных мер. Вся местная промышленность уничтожается в пользу индустрии, развивающейся на территории, заселенной населением национального меньшинства. Как только то или иное государство чувствовало себя

достаточно сильным, оно предпринимало принудительную ассимиляцию этого неугомонного, упрямого национального меньшинства.

Возможно ли гарантировать национальные права курдов без изменения политической карты Среднего Востока? Чтобы обеспечить защиту этих прав, надо установить в каждом из этих государств контроль союзных держав, который был бы настолько эффективным, чтобы независимость в этих странах не стала иллюзорной... За последние двадцать пять лет перечень жертв Курдистана трагически увеличился. Может показаться парадоксальным, что все это происходит в довольно просвещенную эпоху; в наше время курдам пришлось испытать самые жестокие за всю их историю преследования. Но этот парадокс только кажущийся; ни в какой другой период национальная борьба не была столь ожесточенной... И в мире, который провозглашал признание национальных прав народов после Севрского договора, возродившего национальное сознание курдов, турки и персы не желали найти иного решения курдского вопроса, как упразднение его силой. Будущий мир не может позволить, чтобы очаги несправедливости, насилия и угнетения существовали где бы то ни было.

Наличие СССР, защитника национальной автономии народов на всех международных конференциях, — новый гигантского значения фактор, гарантирующий в будущем окончательное решение курдского вопроса путем создания свободного и независимого Курдистана» [100, с. 408—411].

Отправляя подобные письма, меморандумы и послания, видные деятели курдского национального движения надеялись мирными средствами добиться решения курдского вопроса в пределах Турции, Ирана и Ирака. В этой связи заслуживает внимания и меморандум курдской партии «Рызгари» («Спасение»)¹, направленный председателю ООН. В меморандуме была дана характеристика политического и экономического поло-

¹ Партия «Рызгари» была создана в 1944 г. и придерживалась левых взглядов. Она просуществовала около двух лет. Затем раскололась: часть членов вступила в Иракскую коммунистическую партию, другая — в Демократическую партию Курдистана. По другим данным, партия «Рызгари» возникла в 1945 г. в Иракском Курдистане, конечной целью которой было создание Великого Курдистана (85, с. 95).

жения курдского народа, история борьбы за освобождение, за национальные права, а также раскрывалась реакционная политика правительств трех названных выше государств в отношении курдского народа. Приводим документ с некоторыми сокращениями.

«Курдская партия «Рызгари»,—говорилось в нем,—пользуется случаем чтобы пожелать Великой организации под Вашим председательством успехов во всех ее мероприятиях...

Будучи истинно национальной организацией, курдская партия «Рызгари» считает своей первой задачей изложить об отчаянном положении курдов, а также описать их страдания под гнетом империализма и марионеточных правительств, чьи устремления привели мир к этой ужасной войне. Тоталитарные правительства Турции, Ирана и Ирака все еще надеются, что, применяя все находящиеся в их распоряжении средства, они смогут запретить своим курдским рабам обращаться через легальные каналы в международную организацию с требованием своих прав и возмездия против угнетателей, до сих пор пользовавшихся привилегиями из-за отсутствия справедливой международной организации, вроде Организации Объединенных Наций.

Наша партия вынуждена работать нелегально. До настоящего времени она имела единственную возможность направлять свои обращения через иностранные миссии, а также прогрессивные организации в Иране или Сирии.

Наша партия не сомневается, что Вы близко знакомы с положением и недемократическими режимами в Турции, Иране и Ираке, а также с тем, как плохо правительства этих стран обращаются... с курдским народом, чьи земли они присвоили и разделили между собой. Для подтверждения наших слов мы считаем своей обязанностью изложить Вам некоторые факты, знание которых поможет Вам найти справедливое и окончательное решение курдского вопроса, являющегося одним из основных вопросов, от которого зависит мир и безопасность народов Ближнего Востока. В соответствии с мирным договором после первой мировой войны и последующими договорами Курдистан насильственно, без согласования с курдами, был разделен между четырьмя государствами—Турцией, Ираном, Ираком и Сирией для того, чтобы обеспечить и укрепить интересы империалистических стран на Среднем и Ближнем Во-

стоке. В этих странах были введены диктаторские порядки, а в отношении этого мирного народа применены все репрессивные меры для того, чтобы лишить его элементарных прав и свобод, запретить писать и говорить на собственном языке, свободно выражать свое мнение. Разумеется, курды не были согласны с таким унижительным разделом и старались убедить мировую общественность в законности и обоснованности своих требований. К сожалению, все эти старания завершились неудачей, потому что империалисты не желали прислушиваться к голосу курдов, явно пытались воспрепятствовать ему дойти до внешнего мира. После неудачной попытки добиться признания своих прав мирными путями, курды подняли восстание против диктаторских режимов в Турции, Иране и Ираке и в течение 25 лет вели самоотверженную героическую борьбу за освобождение от тирании и агрессии...

Достойно сожаления то обстоятельство, что теперь, когда весь мир находится на пороге мира, когда многочисленные конференции трудятся над рассмотрением и разрешением мирных проблем, курды не могут донести свой голос до этих конференций и потребовать рассмотрения их дела в соответствии с демократическими принципами Атлантической хартии. Такое положение вполне естественно для страны, где управляют тираны, действующие против интересов народа.

Достойно сожаления и то, что Англия и США считают турецкое правительство демократическим и разрешают его представителям занимать места среди делегатов, допуская тем самым тиранов в Организацию Объединенных Наций. Не удивительно поэтому, что не слышно голоса курдов, живущих в Турции, точно также, как не слышно просьб армян, находящихся в подобных же условиях. Ввиду такого тяжелого положения наша партия требует устранения этих тиранов, называющих себя правительством...

Когда закончилась вторая мировая война, возродились надежды угнетенных народов, в том числе и курдского народа, всеми силами поддерживающего союзников на Среднем Востоке против фашизма и его сателлитов. Курдский народ возлагал и возлагает большие надежды на выполнение обещаний, данных государственным деятелями союзников, а также условий Атлантической партии и Московской делегации, предоставляющих малым народам право на получение полной сво-

боды на самостоятельное определение своей судьбы и управление своими собственными делами...

От имени курдского народа наша партия требует изгнания империалистов из нашей страны, прекращения преследований и положить конец несправедливого отношения к нам со стороны правительств тех стран, которым наш народ подчинен и между которыми он был поделен.

Курдский народ настаивает на том, чтобы его права были восстановлены, усматривая в этом первый шаг по пути к самоопределению и суверенитету. Не следует забывать, что курдский народ играет важную роль в обеспечении мира и что от его свободы и суверенитета в значительной степени зависит мир на Среднем и Ближнем Востоке. Мы верим, что эпоха несправедливости и рабства прошла и настало новое время, когда все нации одинаково будут пользоваться свободой, ради которой союзные нации боролись в течение шести тяжелых лет» [94, с. 103—110].

Но это справедливое требование партии «Рызгари» мирного решения курдской проблемы, выражавшее национальные интересы курдов, как и аналогичные требования в других посланиях, остались без внимания. Секретариат ООН не только не рассмотрел упомянутый меморандум, но даже и не информировал о его получении.

В этих условиях правительство Народно-республиканской партии, игнорируя права национальных меньшинств, продолжало и после войны замалчивать курдскую проблему в стране. Оно стремилось представить дело таким образом, что в Турции не существует курдов, а следовательно нет и курдского вопроса. Это отмечали и журналисты западных стран, работавшие в Турции. Так, корреспондент газеты «Нью-Йорк пост» Маурер писал в апреле 1946 г.: «В Турции курдов вырезали и ссылали в таких масштабах, что турецкое правительство сейчас может утверждать: в Турции курдского вопроса не существует» [256, 17. IV. 1946].

А корреспондент английского журнала «Экономист» писал в мае того же года: «Курды являются ахиллесовой пятой турецкого государства. Об их судьбе в Турции не известно ничего определенного. Турецкий Курдистан существует за железным занавесом. Единственно, что известно—это лишь то, что турецкая армия вела в 1930 г. крупные военные действия против

курдов, и это повторилось в 1937—1938 гг. Затем, по окончании последней экспедиции турецкий министр внутренних дел заявил, что в Турции более не существует курдской проблемы. С тех пор турецкие курды официально перестали существовать. О них упоминают иногда случайно, либо как о горных бандитах, либо как о горных турках» [249, 10. V. 1946].

Постоянное отрицание правящими кругами наличия курдской проблемы не означало ее решения; она оставалась важной внутренней проблемой. Несмотря на строгую цензуру, в турецкую и зарубежную печать проникли сведения, которые характеризовали результаты шовинистической политики турецких властей по отношению к национальным меньшинствам, в частности, к курдам.

В этой связи представляет интерес отрывок из статьи члена английского парламента Филипса Прайса, побывавшего в восточных вилайетах Турции в 1956 г.: «На острове озера Ван имеются руины древнего армянского монастыря. До последнего времени турецкие чиновники не позволяли иностранцам бывать там. Они не хотели признавать, что такие народы, как армяне или курды, когда-либо жили здесь, и считают, что все жители здесь всегда были турками. Однако в настоящее время они стали придерживаться более разумной точки зрения. Несколько групп иностранцев недавно посетили этот остров. И все же к курдам относятся по-прежнему. Всякий, кто бывал в Турции лет сорок назад, знает, что значительную часть населения составляли курды—древняя раса, жившая в высокогорных областях, говорившая на своем языке и не имевшая ничего общего с турками. Даже теперь в этих районах можно увидеть женщин, носящих курдские головные уборы, цветные шарфы и юбки. Это—курды, которые постепенно ассимилируются турками. Мужчины уже одеваются, как турки... Все они говорят на турецком языке, но и курдский язык можно услышать на улицах города Вана и в деревнях» [168, с. 28].

Как в период войны, так и в первые послевоенные годы турецкие правящие круги предпринимали меры предосторожности, старались не допустить выступления курдов. Особенно они были встревожены созданием Курдской демократической республики в Иране, поскольку это могло усилить освободительные устремления в Турецком Курдистане. В конце 1945 г. и начале

1946 г. турецкие власти начали выселение курдов в глубь страны из пограничных с Ираком и Ираном районов. Однако в результате усиления внутривластной напряженности они вскоре были вынуждены отказаться от политики массовых репрессий против курдов. Более того, в политике господствующих классов появились некоторые нюансы в национальном вопросе, которые означали новый подход к курдской проблеме.

Дело в том, что после войны и перехода к многопартийной системе роль народных масс в политической жизни страны заметно возросла. Нельзя было не считаться с тем, какой партии отдадут голоса избиратели. Многие стали зависеть от того, какой буржуазной партии удастся на выборах получить наибольшее число голосов избирателей, в том числе и курдов.

Английский чиновник К. Дж. Эдмонс, который после первой мировой войны участвовал в борьбе против курдского освободительного движения, в середине 50-х годов писал: «Из исключительно хорошо информированного источника мне стало известно, что в результате демократизации Турции голоса курдов совершенно неожиданно приобрели важное значение, причем следует учесть, что, оценивая численность курдского населения в этой стране, реальной цифрой называют иногда 3—4 млн». [161, с. 4].

Шаг в сторону буржуазной демократии—переход к многопартийной системе—как ни парадоксально, оказался на руку курдской феодальной верхушке—ага и шейхам. Это обстоятельство сближало их с турецкими помещиками, которые, выступая в ВНСТ против любых аграрных преобразований, объективно выражали и интересы курдской феодальной верхушки. Представляет в этой связи интерес случай, который произошел в 1945 г. в ВНСТ во время обсуждения проекта закона о земельной реформе. Такие крупные землевладельцы, как Джавит Орац Аднан Мендерес, Эмин Сазак и некоторые другие курдские и турецкие землевладельцы резко выступили против проекта закона о земельной реформе. Например, Эмин Сазак, обращаясь к Шевкету Рашиту Хатипоглу, представившему этот проект на обсуждение, заявил: «Возьмите обратно этот проект... и я отдам 30 тыс. дёнюмов земли в районе Бейликкёprü. «А если возьмем по закону?»—спросил Хатипоглу. Если государство силой отберет землю, то Эмину Сазаку в районе Эскишехира не жить»,—ответил он [121, с. 326].

С переходом к многопартийной системе влияние шейхов, ага и других представителей имущих слоев курдов усилилось. Во-первых, новая система выборов повысила значение избирателей, в том числе и курдских, которые находились в тесной экономической и религиозной зависимости от шейхов, ага и вождей племен. При этом курдская социальная верхушка оставалась как бы источником поставки голосов для турецких господствующих классов, политических партий и тем самым она превратилась в значительный политический фактор в борьбе за власть. Рядовой курдский избиратель, как правило, голосовал за кандидата, указанного представителем этой верхушки. Во-вторых, благосклонность, которую стали питать буржуазные деятели по отношению к представителям курдской феодальной и полуфеодальной верхушке, еще более подымало их вес среди местного населения. Все это способствовало укреплению института шейхов, ага и вождей племен, усиливало его влияние на массу курдского населения.

Таким образом, переход к многопартийной системе повлек за собой сближение имущих слоев курдов с турецкими господствующими классами. В результате «игры в демократию» курдские феодалы, независимо от их отношения к центральной турецкой власти, стали постепенно сотрудничать с представителями турецких господствующих классов, буржуазии и помещиков. Они начали переселяться в города, где приобщались к торговле, финансовым операциям, а также сумели поставить под свой контроль различные отрасли хозяйства, не утратив при этом земельных владений. Представители курдской верхушки одновременно занялись политикой и с согласия основных правящих партий стали принимать участие в работе муниципалитетов и генеральных собраний вилайетов.

Следовательно, борьба буржуазных политических партий за привлечение на свою сторону избирателей, за власть в известной мере повысила политическое значение курдских шейхов и ага, от которых во многом зависела судьба кандидатов в депутаты ВНСТ. Этим можно объяснить и меры, которые стало принимать правительство Народно-республиканской партии с целью привлечь на свою сторону курдов. Так, в 1947 г. премьер-министр заявил, что курдов отныне следует призывать в армию на равных правах с турками [165,

с. 31]. До этого курдов, как правило, использовали в вспомогательных частях. В то же время 8 июня 1947 г. ВНСТ приняло закон № 5098, который уточнял некоторые статьи закона о поселениях (1510), принятого в 1934 г. [35, т. 28, с. 1322—1327].

Согласно временной статье № 1, все временные ограничения в правах для лиц, которые были по решению совета министров в принудительном порядке переселены в соответствующие районы до принятия данного закона, были упразднены. Однако в законе говорилось, что без разрешения правительства никому не дозволялось селиться в так называемых запретных районах — Агры, Сасуне, Тунджели и Зейлане. В то же время после опубликования этого закона с разрешения правительства в течении одного года¹ ранее переселенные лица могли вернуться в свои или соседние вилайеты (временная статья 2). Но при этом вся недвижимая собственность отбиралась государством.

В соответствии с упомянутым законом № 5098 5 февраля 1948 г. совет министров принял постановление (№ 3/6992), которое свидетельствовало о том, что турецкие правящие круги, наряду с уступкой курдской феодальной верхушке, не отказались от политики ассимиляции курдов. Как говорил параграф «б» этого постановления, «кочевники нетурецкого происхождения, говорящие на турецком языке, размещаются в зонах поселения по одной семье в деревнях с турецким населением или таким образом, чтобы они не превышали 10% населения крупных турецких деревень» [45, с. 133]. Следовательно, курдам и другим нетурецким кочевникам запрещалось создавать свои населенные пункты, поскольку это противоречило ассимиляторской политике турецких властей.

Эти меры были последними в цепи мероприятий, которые проводила в плане «решения» курдского вопроса Народно-республиканская партия в течение 27 лет своего правления. Вся история правления НРП свидетельствует о провале ее политики в курдском вопросе. Это были вынуждены признать и некоторые буржуазные деятели Турции. «На протяжении всего правления Исмета Иненю (в качестве премьер-минист-

¹ Законом № 5227 от 28 июня 1948 г. срок возвращения курдов в свои вилайеты был продлен еще на один год (35, т. 28, с. 1119—1120).

ра или президента) вопрос о восточных вилайетах... не рассматривался как часть национальной проблемы. Решение вопроса о восточных вилайетах лишь в плане административном или военном... породило безнадежную неопределенность. Страдания Востока всегда были более глубокими, чем они представлялись сторонним наблюдателям... [116, с. 326]», —отмечал Ш. С. Айдемир.

Двойственная политика правительства НРП в курдском вопросе (на заигрывание с курдской феодальной верхушкой, с одной стороны, и продолжение политики ассимиляции курдов,—с другой) ослабляла позиции господствующей партии и усиливало влияние новой оппозиционной Демократической партии (ДП) в вилайетах, где значительную часть населения составляли курды. В результате в 1950 г. на выборах в меджлис курды голосовали главным образом за Демократическую партию Дж. Баяра и А. Мендереса. Кандидаты этой партии от восточных вилайетов во время избирательной кампании в своих речах обещали предоставить курдам действительно равные права с турками, а также принять меры по развитию экономики районов с курдским населением. Однако последующие события показали, эти обещания были всего лишь предвыборным маневром. «Для курдов как республиканцы, так и демократы,—писал И. Ш. Ванлы,—это всегда господство турецкой, расистской буржуазии, это—всегда национальное подавление, это—всегда коррупция турецкой администрации, террор полиции и армии. Это—нищета, отсутствие элементарных прав у курдов... фашизм, расовая ненависть и отсутствие всякой демократии, несмотря на многообещающие официальные заверения»... [173, с. 16].

Касаясь позиции политических партий в курдском вопросе после прихода к власти ДП, упомянутый Айдемир писал, что влияние на избирателей в восточной части страны и возможность использования авторитетов местных шейхов стали предметом борьбы и «торга... между правящей партией и оппозицией» [116, с. 327]. В результате после прихода к власти ДП мало что изменилось в восточных вилайетах. 3 августа 1951 г. правительство Демократической партии провело через ВНСТ закон № 5826 об изменении статьи 12 закона № 5098. Новая редакция статьи гласила: без разрешения совета министров никому (кроме представителей вооруженных сил и полиции) не разрешался въезд в

запретную зону, включавшую территорию к востоку от линии, соединяющей населенные пункты Илидже (вилайет Карс) — Токатлы — Сердарбулак — Карпыярык — Шехиргирден — Юкарыничи (вилайет Агры), а также Малый Арарат [45, с. 114].

Закон № 5826 предусматривал создание комиссии из трех человек (по одному представителю от министерства земледелия, транспорта и связи, а также здравоохранения, социального обеспечения), которая должна была определить районы в освобожденных от запрета зонах (например, Тунджели, Сасун, Зейлан и другие), где по мере необходимости можно будет создавать населенные пункты. По этому закону в таких населенных пунктах могли проживать лица, выселенные в административном порядке в западные вилайеты после первого января 1938 г., т. е. после карательных операций турецких войск в Дерсиме.

В соответствии с законом № 5826 шестой отдел Генерального управления по делам земледелия и поселений при премьер-министре 17 октября 1951 г. направил за подписью государственного министра Ишджана циркуляр № 154 губернаторам соответствующих восточных вилайетов. В этом циркуляре указывалось, что закон № 5826 от 3 августа 1951 г. упраздняет запрет на въезд в районы Тунджели, Сасун, Зейлан и Агры (за исключением небольшой части его территории) и выезд оттуда [45, с. 335]. В то же время циркуляром № 105—3630 губернаторы вилайетов Агры, Битлис, Карс, Сирут, Тунджели, Ван были оповещены о создании выше названной комиссии [45, с. 335].

Этими мерами собственно и закончилось выполнение предвыборных обещаний Демократической партии. Что касается других обещаний, то они никогда не были реализованы. Более того, правительство Демократической партии приняло меры по усилению сотрудничества с восточными соседними странами (Ираком, Ираном) для подавления возможных выступлений курдского народа. Это отвечало интересам США, Англии и некоторых других западных держав, стремившихся создать по типу НАТО военный пакт, включающий государства Ближнего и Среднего Востока.

Непосредственным исполнителем плана западных держав по организационному оформлению будущего пакта выступила Турция как страна, тесно связанная с США и Англией. В начале января 1955 г. глава турец-

кого правительства А. Мендерес совершил поездку в Багдад, где вел переговоры с иракским премьер-министром Нури Саидом. 12 января в Багдаде было опубликовано коммюнике, в котором говорилось, что обе стороны решили заключить договор о взаимной безопасности.

24 февраля 1955 г. в Багдаде состоялось подписание Пакта о взаимном сотрудничестве между Ираком и Турцией [130, с. 162], который стал известен под названием «Багдадского пакта». В соответствии с первой статьей пакта предусматривалась возможность подписания специальных соглашений и протоколов о сотрудничестве в борьбе против нараставшего демократического движения, в том числе борьбы курдов за свои национальные права.

Как сообщала в марте 1955 г. ливанская газета «Телеграф», к Багдадскому пакту был приложен секретный турецко-иракский протокол, который предусматривал взаимное использование аэродромов и право ввода войск одной страны на территорию другой. По этому протоколу Турция брала обязательство оказывать Ираку помощь в обучении и техническом оснащении иракской армии современным оружием за счет поставок в Турцию из США. Один из пунктов протокола предусматривал координацию усилий обеих сторон в борьбе с подрывными элементами, «выступающими против политики Турции и Ирака» [102, с. 16].

В течении 1955 г. к пакту присоединились Иран, Пакистан и Англия. После учредительной сессии Багдадского пакта, состоявшейся в ноябре 1955 г. в Багдаде, была принята организационная структура пакта, которая включала постоянный совет министров, секретариат и четыре комитета по различным вопросам. Для нас представляет интерес комитет по борьбе с подрывной деятельностью («комитет безопасности», «полицейский комитет»). Он состоял из начальников управлений полиции, а также сотрудников разведок государств—членов пакта. Комитет заседал раз в год. Он готовил рекомендации постоянному совету министров и разрабатывал мероприятия по борьбе с демократическим и национально-освободительным движением как внутри страны—членов пакта, так и в соседних с ними государствах, придерживающихся политики нейтралитета. Формально этот комитет состоял из двух подкомитетов по борьбе с «подрывной деятельностью». Из всего это-

то мы можем сделать вывод, что при создании Багдадского пакта учитывалась острота курдской проблемы, постоянно державшей в напряжении правителей Турции, Ирана и Ирака, а также их покровителей и колонизаторов США и Англии.

Антикурдский характер Багдадского пакта неоднократно отмечали в своих письмах в ООН и другие международные организации, а также в своих работах видные деятели курдского движения [44, с. 3—4].

«Я могу вас уверить,—писал И. Ш. Ванлы,—что существование курдского вопроса послужило главной причиной заключения Багдадского пакта между Турцией, шахским Ираном и монархическим Ираком Нури Саида, которые объединились, чтобы совместно подавить курдское движение. Англия тоже борется против курдского движения, потому что она не желает ни политических, ни социальных изменений на Среднем Востоке. Она стремится сохранить статус-кво, чтобы успешно эксплуатировать здесь нефтяные месторождения. Между тем, главной «жертвой» политического статус-кво на Ближнем Востоке является курдский народ. Это неоспоримый факт» [173, с. 25].

Свержение монархического режима в Ираке в июле 1958 г. и выход его из Багдадского пакта (март 1959 г.) нанесли ощутимый удар по шовинистической политике реакционных кругов Турции, Ирана и Ирака. В результате переворота в Ираке создались более благоприятные условия для борьбы курдов за свои национальные интересы в этой стране. Однако при этом положение курдов в Турции осталось прежним. Правительство Демократической партии не извлекло уроков из событий в Ираке. Оно продолжало проводить политику подавления демократического движения и пресечения любого недовольства среди курдского населения Турции.

В этих условиях наиболее дальновидные деятели курдской эмиграции призывали курдов объединиться в борьбе против происков империализма на Ближнем Востоке, за освобождение курдского народа от иностранных и местных поработителей. В данном случае заслуживает внимания «Воззвание к курдам», с которым выступил Курдский комитет в Европе в мае 1956 г. Приводим полностью текст этого воззвания:

«Все курды-патриоты видят, в каких тяжелых условиях находится курдская нация. Курдистан насильственно расчленен: курдов продолжают угнетать и пре-

следовать; они лишены элементарных политических и культурных прав: систематически проводится политика истребления и ассимиляции курдов—все это не может не волновать народ, которому дороги его революционные традиции и национальное движение.

Положение Курдистана теперь изменилось. Стратегическое значение и природные ресурсы Курдистана, с одной стороны, усиление освободительного движения в районе Ближнего Востока и исторические связи с ним Курдистана—с другой, делают его исключительно важным районом.

Империализм наложил руку на естественные богатства страны и использует ее стратегическое положение в своих подлых целях. Он подстрекает курдов против их соседей и пытается замаскировать действительную причину их тяжелого положения, в котором повинен он сам—империализм, враг народов.

Курды понимают, что их судьба зависит от судьбы соседей, поэтому их постоянным стремлением является укрепление дружбы и взаимного сотрудничества со всеми демократическими силами арабского, персидского и турецкого народов. История возложила на прогрессивное человечество вообще и народы Ближнего Востока в частности задачу помочь курдскому освободительному движению, но судьба Курдистана зависит главным образом от самих курдов.

В результате преследований, изоляции и недостаточной степени изученности и понимания курдской проблемы большинство курдов не видят путей к своему спасению и не знают, как использовать жгучую ненависть, которая накопилась в их сердцах, в интересах дела, для того чтобы объединенными силами ударить по врагу курдского народа, такие как Саадабадский и Багдадский пакты.

Таким образом, наличие общей политики, прочно опирающейся на народные массы, выработанной различными курдскими организациями и отдельными деятелями, является исторической необходимостью для Курдистана в его нынешних условиях существования.

Мы, группа курдов, находящихся в Европе, возлагая надежды на потенциальные возможности нашего народа и на помощь со стороны его соседей, предлагаем созвать курдский национальный конгресс, на котором могли бы быть представлены все национальные течения, курдские националистические организации,

курдские отделения националистических организаций, культурные общества и видные курдские патриоты. На конгрессе можно было бы обсудить вопрос о выработке общей политики, за проведение в жизнь которой курды должны бороться.

Мы искренне верим в то, что созыв курдского национального конгресса, который выработал бы общекурдскую политику, явится большим вкладом в деле освобождения и объединения Курдистана и нанесет удар в самое сердце империализма. Конгресс станет полезным в деле укрепления дружбы и братства между курдами и их соседями.

Кроме определения общих целей курдский конгресс должен будет выработать практические планы по сохранению наследия курдской нации, например языка и литературы. Он станет также рупором Курдистана для всего мира.

Мы призываем всех искренних курдских патриотов немедленно приступить к созданию подготовительного комитета по созыву курдского национального конгресса; комитет изучит вопрос о месте и времени созыва этого конгресса, будет вести пропаганду и необходимые публикации, разошлет приглашения участникам конгресса. Короче говоря, он станет подготовительным комитетом по организации курдского конгресса.

За курдский национальный конгресс, за освобождение Курдистана на вечные времена!» [162, с. 55—56].

В защиту курдов, проживающих в Турции, выступили прогрессивные организации за рубежом. Так, пятый конгресс «Международного союза студентов», состоявшийся в сентябре 1958 г., принял резолюцию по курдскому вопросу. В этой резолюции он осудил реакционную политику турецкого правительства по отношению к пяти миллионам курдских граждан, а также поддержал законное требование курдов, добивавшихся признания своих национальных прав [173, с. 16].

В тяжелых условиях турецкой действительности, представители курдской интеллигенции, используя известные возможности во внутриполитической жизни страны, в первые послевоенные годы стали собирать свои силы с целью активизации деятельности, направленной на то, чтобы привлечь внимание к проблеме восточных вилайетов, то есть к национальной проблеме курдов. Так, в июле 1948 г. курдский патриот Муса Антар (Шехмуз Эльмас) начал издавать еженедельник

«Источник Диджле» («Диджле кайнагы»), который стал собирать вокруг себя представителей курдской интеллигенции, студентов. Еженедельник в рамках закона начал обсуждать «проблему Востока», освещать борьбу мнений по вопросу развития восточных областей. В январе 1950 г. к этой борьбе мнений примкнул еженедельник «Восточный журнал». Однако наиболее активную деятельность в этом направлении стала проявлять газета «Прогрессивное отечество» («Илери Юрт»), начавшая выходить в Диярбакыре осенью 1958 г. Газета выступала за развитие Востока, строительство больниц, школ, дорог и др. [166, с. 112].

Большой политический резонанс вызвали протесты курдской общественности в связи с арестом Мусы Антера по обвинению в пропаганде «курдизма». В результате давления курдского общественного мнения Муса Антер был освобожден. Это означало не только значительный успех курдских патриотов, но всех демократических сил страны, ибо до этого практически никто не возвращался живым и здоровым из тех, кто по обвинению в «курдизме» был арестован. Курдская общественность требовала покончить с ассимиляторской политикой турецких властей, которые игнорируют национальные права курдов, культивируют вражду между турками и курдами, а также найти пути решения курдского вопроса в Турции.

Однако турецкие власти не могли продолжительное время «терпеть» эту деятельность курдов, хотя она и протекала в рамках закона. 17 декабря 1959 г. они арестовали 49 представителей курдской интеллигенции, в том числе университетской молодежи. Несмотря на строгую секретность ареста и запрет публикации в печати, арест представителей курдской интеллигенции вызвал резкое осуждение как в Турецком Курдистане, так и за рубежом.

Пытаясь как-то объяснить этот произвол турецких властей, президент Дж. Баяр и министр внутренних дел Намык Гедик заявили, что курдские патриоты арестованы за «коммунистическую деятельность», которая запрещена законом в стране.

Турецкое правительство оставалось равнодушным к призывам общественности и продолжало свою антинациональную внутреннюю политику, что являлось одной из причин усиления политической напряженности в стране.

Весной 1960 г. политическая обстановка в Турции накалилась до предела. Участились антиправительственные выступления молодежи, которую поддержали различные общественные круги. В стране усилился политический кризис. Чтобы предотвратить обострение политической напряженности, 27 мая 1960 г. в Турции был совершен государственный переворот, в результате которого к власти пришли представители высших военных кругов, объединившихся в Комитете национального единства (КНЕ). Вся законодательная и исполнительная власть перешла в руки этого комитета. Одной из причин государственного переворота, судя по высказываниям членов КНЕ, была курдская проблема, наличие которой угрожало целостности государства [139, с. 260—270].

Однако с первых дней своего правления КНЕ вместо того, чтобы направить усилия на решение назревших проблем, стал принимать меры по пресечению любых проявлений недовольства курдского населения Турции.

2. Численность и социально-экономическое положение курдов в Турции.

Турецкая статистика не дает правильной картины национального состава страны: в бюллетенях переписи отсутствует графа о национальной принадлежности. Она заменена графой о родном языке. К тому же в условиях Турции многие нередко вынуждены скрывать свою национальность. Все это дает основание полагать, что фактический процент нетурецкого населения в стране гораздо выше. Например, согласно переписи 1927 г. (по признаку родного языка), национальные меньшинства в вилайете Стамбул (включая курдов и черкесов) составляли 27,5%, а немусульмане—31,14%, [41, с. 71]. Следовательно, 3,69% немусульманского населения этого вилайета признали своим родным языком турецкий. Это означало, что только в вилайете Стамбул примерно 21.250 нетурок были причислены к туркам. Следовательно, официальная перепись по признаку родного языка снижает численность нетурецкого населения. Тем не менее, поскольку нет других достоверных статистических данных о национальном составе Турции, мы в наших подсчетах исходили из официальных демографических переписей.

В связи с тем, что официальные данные последних переписей не опубликованы, при определении национального состава населения Турции мы основывались главным образом на данных предыдущих переписей.

Согласно официальным данным, с 1927 по 1965 гг. число курдов увеличилось с 1184 тыс. до 2370 тыс., т. е. примерно в два раза. Однако мы склонны считать эти цифры не точными. Прежде всего несовершенство была перепись 1927 г., которая в условиях почти сплошной неграмотности населения, горного характера местности, фискальных и других причин не могла охватить многие курдские районы. Так, перепись 1927 г. определила население Дерсима в 270 тыс. человек. Однако она охватила лишь уезды Хозат, Пертек, Чарсанджак, Назымие, Оваджык, Мазгирт и Чемишкезек, то есть население уездных центров и соседних с ними племен. Многие курды районов Киги, Пюлюмюр, Эрзинджан, Кемах, Куручай, Кочкири, Дивриги, Кочхисар не вошли в это число. Вот почему турецкие власти были вынуждены признать, что к концу 1938 г. только в Дерсиме было 500 тыс. курдов [126, с. 59].

Не лучше обстоит дело и с переписям последних лет. Уже после переписи 1965 г. И. Бешикчи писал, что в настоящее время практически нет достоверных сведений о численности курдских племен, кочующих по яйлам Восточной Анатолии. В этом нет ничего удивительного. Дело в том, что переписи населения в Турции, как правило, проводились в октябре месяце. Именно в это время кочевники-курды обычно находились вдали от уездных центров, крупных городов и вообще населенных пунктов—на горных пастбищах. В результате они либо вообще оставались не охваченными переписями, либо их «условно» включали в число жителей тех или иных населенных пунктов. Более того, курдские кочевые племена не заносились в какие-либо регистрационные книги. Как отмечает И. Бешикчи, в вилайете Сиирт он видел несколько регистрационных книг о кочевниках, где последние записи относились к 1940 г. У командования жандармерией, в управлении ветеринарии и здравоохранения имелись сведения о численности кочевых курдских племен, но эти сведения мало достоверны. В данном случае немаловажную роль играла заинтересованность подкупленного чиновника в уменьшении числа кочевников.

Интересно отметить такой факт. Согласно переписи населения 1965 г., в Турции проживало 2370 тыс. человек, признавших своим родным языком курдский (включая заза). Вместе с тем в том же году 410 тыс. так называемых «турок» (т. е. лиц признавших родным языком турецкий) записали себе в бюллетене вторым языком курдский. Не вызывает сомнения, что определенная часть турецкого населения, живущая в восточных вилайетах, так же как и более 100 тыс. представителей различных национальных меньшинств, действительно владеет курдским языком. Тем не менее мы считаем, что подавляющее большинство так называемых «турок» на самом деле были курдами, признавшими своим родным языком турецкий. В этом нас убеждает и тот факт, что примерно 22 тыс. таких же «турок» [см. 70, с. 116] записали своим вторым языком армянский.

Исмаил Бешикчи считает, что к 1969 г. в Турции проживало 4,5—5 млн. курдов [121, с. 377]. При этом он справедливо критикует турецкие правящие круги, которые сознательно стремятся занизить численность курдов в стране. Анализ имеющихся данных приводит к выводу, что к концу 60-х годов в Турции проживало не менее 6—7 млн. курдов.

Необходимо особо отметить, что еще в 20-е годы во многих районах турки составляли меньшинство. Национальные меньшинства в восточных и юго-восточных вилайетах Турции, например, составляли 15,3%, при этом на курдов приходилось более 47%. Это свидетельствовало о том, что курды в указанных провинциях жили компактно. Более того, в некоторых вилайетах они составляли большинство населения. Так, в вилайетах Ван 77% населения были курды, Битлис (Муш) и Сирут—75%, Диярбакыр и Хаккяри—69%, Мардан—61% и Элязиг—53%. До 1925 г. здесь курдов было еще больше. Но в результате их насильственного переселения в западные районы, которое проводилось турецкими правящими кругами после восстания шейха Саида, численность курдов в Восточной и Юго-Восточной Анатолии заметно сократилась. Но в последующие годы, несмотря на административные и полицейские меры турецких властей, национальные меньшинства (включая курдов) продолжали составлять значительную часть населения страны.

Подсчеты показывают, что в Восточной и Юго-Восточной Анатолии национальные меньшинства составляли более 40%, из коих 37% приходилось на курдов.

Согласно исследованиям, которые провел факультет политических наук Анкарского университета, во многих вилайетах на востоке страны представители турецких властей общались с населением через переводчиков. К таким вилайетам относились Бингёль, Муш, Агры, Битлис, Хаккяри, Мардан, Ван и др. [201, 1968, № 349, с. 14]. Как утверждал И. Бешикчи, курдские племена, кочевавшие вокруг озера Ван и по степям юго-востока страны, говорили только по-курдски, примерно 80—85% из них совершенно не знали турецкого языка [201, 1967, № 324, с. 16].

Таким образом, в восточных и юго-восточных вилайетах Турции курды жили компактной массой, продолжали сохранять свою самобытность и свой родной язык и имели право рассчитывать на самостоятельное национальное, социально-экономическое, культурное и духовное развитие. Однако этому неизменно препятствовала политика реакционных кругов Турции, которая постоянно игнорировала права и чаяния свободолюбивого курдского народа.

В результате Турецкий Курдистан продолжал оставаться самым отсталым районом Турции. Для него были характерны общие черты слаборазвитой Турции. Вместе с тем он имел и свои специфические социально-экономические и культурные особенности. В Восточной Анатолии проживало около 20% населения страны. Здесь плотность населения была ниже, чем на западе Турции. Если этот показатель по всей стране в 1970 г. составлял 44 человека на 1 кв. км, то в Турецком Курдистане—всего 31 человек. Низкая плотность населения, экономическая отсталость сказывались в известной мере на степени занятости населения. Так, если к концу 60-х годов в других районах на 1 кв. км обрабатываемой площади приходилось около 20 человек, то в Восточной Анатолии—всего 10 человек, т. е. в два раза меньше. При этом следует отметить, что прирост населения здесь был выше, чем в других районах страны. Поэтому сравнительно низкую плотность населения во многом можно объяснить постоянным уходом части жителей в западные вилайеты, особенно в города. По данным турецкой печати, в областных городах Турции бо-

лее 10% переселенцев были выходцы из восточных вилайетов [201, 1968, № 331, с. 9].

Большая часть курдских семей жила в сельской местности. Если по всей Турции сельское население составляло 65%, а городское—35%, то в восточных вилайетах—соответственно 73% и 27%. Основным занятием курдов было сельское хозяйство. По некоторым данным, в сельском хозяйстве было занято 90% курдского населения [201, 1968, № 331, с. 9]. Как и для всей Турции, наиболее животрепещущей проблемой для Турецкого Курдистана являлся аграрный вопрос. Хотя капиталистические формы стали утверждаться в курдской деревне еще в 50-х годах, феодальные отношения здесь все еще сохранялись. Пережитки феодализма сдерживали экономическое, социально-политическое и культурное развитие курдских районов, помогали правящим кругам Турции держать курдские народные массы в нищете и невежестве, препятствовали развитию демократических и национально-патриотических идей и взглядов в Курдистане.

Для Восточной Анатолии были характерны неравномерное распределение земли, сосредоточение огромных земельных владений в руках феодально-религиозной верхушки (ага, шейхов) и наличие большой массы безземельных крестьян. По данным турецких исследователей, в 60-х годах одна треть обрабатываемых земель в Восточной Анатолии принадлежала 2,4% всех семей, в то время как 38% крестьянских семей совсем не имели земли [121, с. 61]. В некоторых вилайетах процент безземельных крестьян был значительно выше: например, в вилайете Урфа—53%, Диярбакыр—47%, Сиирт—42% [135, с. 37].

В таких вилайетах, как Урфа, Мардин и Газиантеп отдельные лица владели по 10—60 тыс. денюмов земли, в то время как десятки тыс. крестьян не имели ни пяди. Более того, во владении многочисленной феодально-религиозной верхушки находились не только обширные участки пахотной земли, но и целые деревни. Так, в уезде Джизре 23 из 27 деревень принадлежали одному лицу или семейному клану, в уезде Нусайбин—56 из 72, в вилайете Диярбакыр—75 деревень находились во владении частных лиц и 175—семейных кланов [121, с. 62—63].

В то же время около половины всех крестьянских семей было малоземельным. Их положение фактически

мало чем отличалось от положения безземельных крестьян. Семьи малоземельных и безземельных крестьян составляли около 83% всех крестьянских семей. При этом, как правило, лучшие равнинные земли принадлежали помещикам, а крестьянам—каменистые малоплодородные участки, трудные для возделывания. Землю крестьяне чаще всего обрабатывали самими примитивными методами. Основным орудием их труда являлся карасапан (род сохи); к середине 60-х годов в восточных вилайетах насчитывалось 400 тыс. карасапанов [112, с. 137]. Доходы, полученные с крестьянских участков не были в состоянии обеспечить существование земледельцев, поэтому они были вынуждены искать другие источники существования—наниматься к помещикам или уходить на сторону. Нанимаясь в качестве арендаторов—издольщиков, крестьяне оказывались в значительной зависимости от хозяина земли. Помещик, будучи фактически наместником власти, использовал рабочую силу арендатора по своему усмотрению. Ага имел неписанное право бесплатно привлекать издольщиков к работе в своем личном хозяйстве. Рабочий день нередко превышал 15 часов. В страхе потерять работу те были вынуждены подчиняться его воле.

Крестьяне были зависимы от ага и шейхов не только экономически, но и практически во всех сферах жизни. Так, во время выборов помещик являлся фактическим хозяином сотен голосов работающих у него крестьян, которые, боясь потерять доверие аги, голосовали за указанного им кандидата.

Курдские помещики пользовались поддержкой со стороны турецких властей и религиозной верхушки—шейхов, которые отчасти сами являлись крупными землевладельцами.

Шейхи, как и ага, относились к господствующему слою курдского общества. Источниками их существования были крупные земельные владения, а также пожертвования мюридов. Шейхи имели такое же влияние среди курдских крестьян, как и ага. Они находили самую широкую поддержку турецких властей потому, что, как правило, защищали реакционную политику правительства, выступали против любых прогрессивных и национально-демократических требований.

Вместе с тем в Турецком Курдистане начали развиваться и капиталистические отношения. Это выражалось, в частности, в том, что некоторые землевла-

дельцы, жившие, как правило, в городах, выступали уже в качестве буржуа: они являлись владельцами отелей, магазинов, мастерских и мелких промышленных предприятий. Таким образом, эти представители курдской верхушки стали контролировать производство и распределение товаров не только в деревне, но отчасти и в городе. Например, на долю землевладельцев, проживавших в городах, только четырех вилайетов—Газиантеп, Урфа, Диярбакыр и Мардин—приходилось 70% земельного фонда, хотя сами они составляли только 8% общего числа семей, владевших землей. В целом по Восточной Анатолии помещики-абсентеисты составляли 5%, а им принадлежало 30% всей земли в этой части страны [121, с. 64].

С проникновением капиталистических отношений в деревню изменился в некоторой степени и характер труда в Восточной Анатолии, расширилось применение сельскохозяйственных машин, тракторов, комбайнов и т. д. В то же время наблюдалось некоторое сокращение числа карасапанов и других примитивных орудий обработки земли. Вместе с тем в некоторых районах стали применяться искусственное орошение и минеральные удобрения. В 70-е годы на юго-востоке страны увеличились сборы хлопка, риса, табака и некоторых других культур. Однако этот рост не привел к значительным изменениям в структуре сельского хозяйства района, где примитивные методы производства продолжали господствовать. В результате, хотя и в некоторых крупных хозяйствах внедрялись капиталистические методы, на большей части земель продолжали господствовать феодальные отношения, т. е. крестьянин в качестве арендатора-издольщика продолжал обрабатывать землю ага.

Важной отраслью сельского хозяйства оставалось животноводство, которым занималось 70% всего сельского населения Восточной Анатолии [201, 1968, № 331, с. 9]. На долю этой провинции приходилось 50% производства мяса [201, 1968, № 331, с. 9], около 20% молока и более 23% шерсти в стране [167, с. 66]. Однако животноводство в Восточной Анатолии велось традиционными методами; выход его продукции был низким.

В Турецком Курдистане имеются благоприятные возможности для развития промышленности, поскольку он обладает залежами серебра, меди, хрома, вольфрама, нефти и других полезных ископаемых [32, с. 66].

Однако развитие этого края намного отставало от других районов страны. Здесь находилось лишь 5,6% всех промышленных предприятий Турции.

Заметную роль в экономике Восточной Анатолии стала играть добывающая промышленность; здесь находились основные центры нефтедобычи, железнорудной и хромовой промышленности. На реке Евфрат был построен Кебанский гидроэнергетический комплекс, который снабжал электроэнергией главным образом западную часть страны.

В связи с развитием промышленности наблюдались изменения в социальной структуре курдского общества; в конце 60-х годов в промышленности, включая и мелкое кустарное производство, было занято 4% курдского населения [201, 1968, № 331, с. 9]. Всего в восточных вилайетах к середине 60-х годов работали 17 тыс. рабочих, или 5% всех занятых в обрабатывающей промышленности Турции. А к 1970 г. только число рабочих, охваченных социальным страхованием, достигало более 102 тыс. [111, с. 119]. В основном эти рабочие были заняты в нефтяной, горнодобывающей, текстильной, сахарной и цементной промышленности, а также на железнодорожном и автомобильном транспорте.

Тяжелое материальное положение курдов усугублялось их полным бесправием. Местные власти, полиция и жандармерия чинили самоуправство, жестоко обращались с курдским населением. В результате наблюдался массовый уход курдов в города Западной Анатолии; но там их, как и турецких крестьян, встречали дороговизна, тяжелые жилищные условия, массовая безработица и все то же бесправие. Приток переселенцев в западные вилайеты обострял безработицу в стране. Отсутствие рабочих мест в Турции вынуждало курдов вместе с другими турками рабочими ехать за границу в поисках работы. Только в ФРГ насчитывалось 200 тыс. курдских рабочих [143, с. 135]. Здесь курды выполняли самые тяжелые и низкооплачиваемые работы. Но дело не только в этом. Покидая родину, часть из них оставляла на многие годы свои семьи, родных и близких, что, наряду с другими лишениями, наносило психологические травмы членам курдских семей, порождало различные душевные болезни.

Турецкий Курдистан был наиболее отсталым в стране и по уровню развития здравоохранения, просвещения и культуры. В 1965 г. на Восток приходи

лось лишь 18% больниц и 15% больничных коек страны; здесь работало 12% всех медицинских сестер и лишь 6% врачей. Если по всей Турции в среднем одна медсестра приходилась на 6900 человек и один врач на 3000 человек, то в Восточной Анатолии—соответственно на 11.000 и 9.200 [201, 1968, № 331, с. 10]. Эти данные свидетельствовали не только о низком уровне медицинского обслуживания в стране, но и о том, что в курдских районах оно было в 2—3 раза ниже, чем в целом в Турции.

В середине 60-х годов турецкие власти решили начать осуществление мероприятий по социальному обеспечению, улучшению системы здравоохранения в отдельных районах, и в частности на востоке страны. Здесь были приняты специальные меры, в том числе возникли так называемые «очаги здравоохранения». Такие очаги были созданы в вилайетах Муш, Ван, Хаккяри, Битлис, Карс, Агры, Эрзинджан и Диярбакыр. Однако все это не улучшило положения в области здравоохранения на востоке страны. Отсутствие достаточного числа врачей в восточных вилайетах привело к распространению заразных заболеваний, к увеличению смертности среди детей [231, 25. VIII. 1979]. В результате среди детей в возрасте от одного года до четырех лет смертность достигала 55% [171, с. 203]. Уровень общей смертности в отдельных восточных вилайетах был выше, чем в западных. Так, в 1970 г. уровень смертности в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Анатолии составлял 18%, а в западных районах Эгейского и Мраморного морей—13% [40, 1973, с. 65—67].

Причиной высокой смертности в Курдистане являлось не только отсутствие элементарных гигиенических условий, необходимой медицинской помощи, но и тяжелые жилищные условия курдов. Не во всех деревнях есть электричество, водопровод; многие крестьянские семьи (по 10—12 человек) ютились в глинобитных домишках.

Не лучше было положение и в области образования в Турецком Курдистане. Проводя политику ассимиляции, турецкие власти запретили курдам открывать свои национальные школы. В результате число неграмотных здесь было намного больше, чем на западе Турции. Так, если в стране в целом доля неграмотного населения к концу 60-х годов составляла 52%, то в Во-

сточной Анатолии — 72%, а в отдельных вилайетах она достигала 90% [121, с. 131].

Одной из главных причин низкого уровня грамотности среди курдов являлось недостаточное число школ и учителей. Так в 1963 г. во всей Восточной Анатолии насчитывалось 2980 начальных и 77 средних школ.

Большинство школ не отвечало современным требованиям: отсутствовало необходимое оборудование, ощущалась острая нехватка средств, необходимых для содержания школ и преподавательского персонала. Преподавание в школах обязательно велось на турецком языке.

Весь процесс обучения в турецких школах был подчинен одной цели — ассимиляции курдских детей, воспитанию их в духе турецкого национализма. Вот что говорилось в программе начальной школы: «Учитель не должен ограничиваться объяснением того или иного предмета. Например, учитель истории обязан обратить внимание учащихся на господствующее положение турецкой нации с древних времен, подчеркнуть распространение ее культуры на поработанные народы, а также то, что турки принесли им счастливую жизнь» [222, 1978, № 1, с. 29]. На такой антинаучной и шовинистической основе составлялись учебники и учебные пособия для начальных и средних школ.

Турецкие власти «уделяли» внимание проблеме подготовки учителей для восточных вилайетов. В то время как молодые специалисты из числа курдов, получив диплом учителя, направлялись для работы в западные вилайеты страны, в Восточную Анатолию посылались «истинные» представители турецкой нации. Выражая интересы шовинистических кругов генерал турецкой армии Кенан Эсенгин в своей книге «Проблема курдизма» писал, что курдов нельзя допускать к преподаванию в школах Восточной Анатолии. По его мнению, это дело следует доверять «самым бдительным учителям, лекторам и воспитателям из других районов» [127, с. 163].

Дело не ограничивалось подобными призывами. Турецкая реакция, захватившая в свои руки учебные заведения, при помощи полиции и различных фашистских группировок жестоко подавляло всякое проявление недовольства среди курдских учащихся, которые подвергались арестам и незаконным избиениям, исключались из школ и университетов.

Таким образом, несмотря на некоторые сдвиги в развитии экономики, а также здравоохранения, просвещения и культуры, Турецкий Курдистан в 60-х годах оставался наиболее отсталым, а курдские массы — наименее обеспеченными материальными и духовными благами.

3. Политика турецких властей в курдском вопросе после военного переворота 1960 г.

Военный переворот 27 мая 1960 г. не оправдал надежд прогрессивной общественности страны, демократических сил Турецкого Курдистана. Правда, после переворота многие заключенные были освобождены из тюрем. Однако представители курдской интеллигенции, арестованные по обвинению в «деятельности, противоречащей национальным интересам», продолжали оставаться в тюрьмах. Более того, 31 мая 1960 г. турецкая печать опубликовала сенсационное сообщение. Согласно этому сообщению, в руки КНЭ якобы попали документы, которые свидетельствовали о том, что некоторые члены свергнутой Демократической партии (ДП) стремились создать государство Курдистан. При этом подчеркивалось, что правительство ДП не противодействовало этому, а также пропаганде, которую вел сын шейха Саида, разъезжая на джипе по селам востока страны. Новое правительство положило конец «антигосударственным действиям» и постаралось полностью изолировать курдов, «стремящихся расчленить страну». «То, что единая Турция принадлежит туркам, будет внушено некоторым лицам, преследующим иные цели» [143, 31. V. 1960], — заканчивалось сообщение.

В первые дни после военного переворота прогрессивный писатель Яшар Кемаль имел беседы с новыми турецкими руководителями. Эти беседы, в частности, показали, что последние придерживались расистской концепции в курдском вопросе [146, с. 109].

Новые власти начали массовые репрессии среди курдов. 1 июня 1960 г. они арестовали 485 курдов и заключили их в специальный лагерь в Сивасе [121, с. 328]. О политике новых турецких руководителей по курдскому вопросу можно судить по их выступлениям в первый период после военного переворота. Так, выступая 24 октября 1960 г. в Диярбакыре, глава госу-

дарства Дж. Гюрсель поднял на щит пантюркиста Зия Гёкальпа, (курда по национальности), который предав национальные интересы курдов, в период кемалистского движения стал одним из ярых проповедников пропаганды пантюркизма. Касаясь курдского вопроса, он сказал: «Нет курдов, все турки. Те, кто хочет расколоть нас, сеют раздоры... Земля (имеется в виду Диярбакыр.—М. Г.), вырастившая Зию Гёкальпа не может принадлежать курдам. Не только здесь, но и во всем Востоке живут только турки» [209, 25. 7. 1960].

Подобные высказывания поддерживала и турецкая печать. Так, газета «Ени гюн» 28 октября 1960 г. писала: «Мы не знаем никого, кто бы назывался курдом. Все граждане Турецкой республики — турки».

В сентябре член КНЭ полковник Кючюк, а в октябре 1960 г. министр внутренних дел временного правительства генерал Кызылоглу совершили инспекционную поездку по курдским вилайетам страны. После этого они представили КНЭ доклад, в котором сообщали, что население восточных провинций якобы заключило секретное соглашение с курдами Ирана, Ирака и Сирии с целью создать Курдскую республику [215, 1961, № 7—8, с. 40].

17 октября 1960 г. Комитет национального единства в дополнение к закону № 2510 (Закон о поселениях) принял закон № 105, согласно которому неугодные правительству курдские семьи в принудительном порядке выселялись из родных мест в другие районы Турции. В законе говорилось: те, кто, используя религиозные чувства, традиции или «инострannую идеологию, силу и принуждение пытаются установить свое влияние, а также, запугивая население, стремятся нарушить спокойствие района, где он живет..., осуществляют деятельность, наносящую ущерб национальным интересам, могут по предложению Министерства внутренних дел и решению Совета министров быть выселены в различные районы страны без права возвращения на прежнее местожительство» (ст. 1) [121, с. 333].

В соответствии с этим законом Министерство внутренних дел разослало губернаторам восточных вилайетов циркуляры, требовавшие установить лиц, ведущих «подрывную деятельность».

Согласно официальной версии, закон № 105 был принят якобы с целью «осуществить ряд специальных реформ, уничтожить средневековой строй в Турции,

ликвидировать институт ага и шейхов, продемонстрировать силу государства..., а также воспрепятствовать гнету и эксплуатации граждан...» [128, 23. X. 1960].

После этого очередного фарса «заботы о гражданах» министр внутренних дел временного правительства Кызылоглу победоносно заявил: «Теперь нет ни шейхов, ага, ни вождей племен... Я говорил с шейхами. Эти люди, не знающие мусульманства. Это не шейхи, а интриганы, невежественные люди. По мусульманской религии никто не может встать между богом и (его) рабом. Только у христиан это возможно... Граждане, не будьте орудием этих посредников. Против них революционное правительство примет самые решительные меры» [237, 22. XI. 1960]. И правительство Гюрсея принялось решительно проводить эти меры.

В соответствии с законом № 105 в декабре 1961 г. из восточных вилайетов в западные (Анталья, Бурдур, Измир, Мугла, Афьон, Испарта, Маниса, Чорум, Денизли) были переселены 55 влиятельных курдов из числа заключенных в Сивасе [192, 1973, № 4, с. 96]. Следует отметить, что многие высланные курды не принадлежали к агам и шейхам племен. Это были главным образом видные курдские деятели, имевшие влияние среди курдского населения Турецкого Курдистана и Западной Армении¹.

Из высланных курдов 54 были членами Демократической партии, а один членом Республиканско-крестьянской национальной партии [240, 1962, № 4, с. 10]. Этот факт свидетельствует, во-первых, о той важной

¹ В соответствии с законом № 105 были высланы в западные вилайеты Ибрагим Абигоглу, Хаджи Топо Актопрак, Зеки Баяр, Фаик Буджак, Исмаил Хаккы Буджак, Хаджи Али Буджак, Али Абик Буджак, Мехмед Джемаль Буджак, Митхат Буджак, Хасан Абик Буджак, Бекир Буджак, Решид Чеджен, Мехмет Дал, Абулькадир Экинджи, Эбубекир Эрташ, Махмут Эрташ, Бахаттин Эрдем, Абдюрезак Энсариглу, Саит Энсариглу, Шейх Али Фырат, Шейх Гиясеттин Фырат, Шейх Ахмет Фырат, Мехмет Фуат Фырат, Фарук Фуат Фырат, Мехмет Эмин Фырат, Халиль Фырат, Омер Фырат, Гиясеттин Фырат, Хюсейн Илери, Зейнель Абидин Инан, Мустафа Ышык, Киньяс Картал, Абдульбаки Картал, Хамит Картал, Бала Картал, М. Э. Карадениз, Джемил Кюфреви, Зеки Джемил Кюфревиоглу, Абдульбаки Каракуш, Фейзуллах Кескин, Мехмет Каялар, Абдуллах Озтюрк, Ферзанде Озтюрк, Осман Озтюрк, Кёроглу Озтюрк, Шамил Пекер, Саит Раманлы, Кубеттин Септиоглу, Зейнель Туранлы, Джафер Ягызер, Маджит Ялчин, Дервиш Якут, Кязым Ыылдырым, Сюлейман Ыылдырым (121, с. 335—336).

роли, которую играла курдская феодальная верхушка в период правления Демократической партии, а также в тесной связи с различными партиями, во-вторых, что выселение видных курдских деятелей преследовало не столько социально-экономические, сколько политические цели. Комитет национального единства, на который имела влияние Народно-республиканская партия, этим мероприятием стремился не только обезглавить курдское движение, но и подавить влияние Демократической партии в курдских районах.

27 октября 1960 г. КНЧ принял закон № 114, согласно которому из университетов страны были уволены 147 профессоров и преподавателей, часть которых обвинялась в деятельности, направленной на создание независимого Курдистана [215, 1961, № 7—8, с. 40].

В 1961 г. в военно-политическом суде Анкары начался процесс над 49 курдами, арестованными еще при правительстве Мендереса в ноябре 1959 г. Суд проходил при закрытых дверях. Среди подсудимых были предприниматели, офицеры, юристы, врачи, студенты. Им предъявлялось обвинение в намерении посягнуть на территориальную целостность страны. Обвинение требовало приговорить подсудимых к тюремному заключению сроком от 8 до 15 лет [215, 1961, № 7—8, с. 40].

Среди группы «49» был и журналист Абдурахман Эфемдолак, который издавал в Диярбакире газету «Илери Юрт». Он был обвинен в 17 «преступлениях». Газета «Ени Сабах», выходящая в Стамбуле, опубликовала фотокопию страницы «Илери Юрт» с курдской поэмой и потребовала сурово наказать «виновников этих преступлений». «Виновник» был арестован. Однако в результате наплыва юристов-курдов, прибывших в Диярбакир защищать его, он был тогда освобожден. Однако позже турецкая полиция вновь его арестовала с другими видными курдскими деятелями¹.

Против ареста курдских деятелей выступили зарубежные курдские организации. Например, 2 января

¹ Только к концу сентября 1965 г. в Анкаре закончился судебный процесс по делу «49», продолжавшийся с 1959 г. 16 подсудимых были приговорены к 16 месяцам тюремного заключения каждый, а остальные оправданы. Среди осужденных были пять кандидатов в депутаты на выборах в ВНСТ, в том числе двое от Рабочей партии Турции, один от Партии новой Турции и двое «независимых».

1961 г. Курдское студенческое общество в Европе послало Дж. Гюрсею телеграмму протеста против бесчисленных арестов курдских деятелей. А 15 января оно направило главе турецкого государства послание, в котором требовало освободить всех курдских политических деятелей и признать автономию Курдистана в пределах Турецкой Республики [215, 1961, № 7—8, с. 41].

Но турецкие правящие круги не считались с подобными справедливыми требованиями. Нежелание правительства заняться разрешением курдской проблемы на справедливой основе, самоуправство местных властей вызвали мощный протест курдского населения. В начале 1961 г. произошло так называемое мардинское дело. Тогда из-за пощечины, нанесенной одним из солдат жителю Мардина, весь город в течение нескольких часов превратился в арену боя: военные пустили в ход оружие, а жители—камни и палки. Лишь с приходом кавалерийских и танковых частей власти сумели «успокоить» безоружных жителей города. Мардинцев поддерживали курды Вана, Битлиса, Диярбакыра, Сиверека и Урфы. Выступление курдов в этих районах было настолько серьезным, что военные власти применили авиацию [253, 1961, № 5, с. 7].

Подобное «решение» курдского вопроса напоминало жестокое подавление курдских восстаний 20—30-х годов. В мае 1961 г. в Бурсе предстали перед судом восемь курдов: Махмут Эртуш, Бала Картал, Киньяз Картал, Халит Картал, Абдулбаки Картал, Абубекир Эртуш, Джафягызер Картал, и Абдулькерим Каракуш, которые в числе «55-й» были арестованы еще 1960 г. и отправлены в Бурсу. Они обвинялись в подрывной деятельности, направленной против целостности государства.

Наряду с репрессиями военные власти принимали законы, которые должны были содействовать ассимиляции национальных меньшинств, в том числе курдов, воспрепятствовать их национальному возрождению. Как известно, турецкая конституция 1924 г. не была свободна от элементов расизма, который оставлял нетурецкие народы по существу вне основного закона. При подготовке конституции 1961 г. во многом были устранены некоторые отрицательные стороны первой республиканской конституции. Так, вместо «каждый турок» многие статьи начинались словами: «каждый гражданин...» и

т. д. Однако этому предшествовала упорная борьба в конституционной комиссии.

Жаркие споры при составлении проекта конституции имели место в конституционной комиссии между сторонниками турецкого национализма и его противниками. Комиссию возглавлял профессор Саддык Сами Онар. Борьба в комиссии особенно обострилась при обсуждении статьи, которая признавала равноправие всех языков. С. С. Онар считал опасным такое признание, которое якобы потворствовало развитию «курдизма». Напротив, настаивая на включении этой статьи, член конституционной комиссии, видный турецкий историк Т. З. Туная и его сторонники считали, что отрицательные последствия, которые могла породить курдская проблема, легко нейтрализовать положениями других статей конституции. Об этих взглядах сторонников Т. З. Туная председатель С. С. Онар доложил Комитету национального единства. В результате КНЕ вывел из состава конституционной комиссии Т. З. Туная и И. Гиритли [133, с. 379—380].

Во время обсуждения проекта конституции в Учредительном собрании шла ожесточенная борьба вокруг тех ее статей, в которых шовинистические круги стремились сохранить националистический дух предыдущей конституции. Особенно усердно отстаивал националистический дух в проекте конституции глава турецкого правительства Дж. Гюрсель. «Мы из-за тех или иных взглядов не должны рисковать потерей нашего тюркизма и национализма,—говорил он.—Давайте включим понятие «национализм» в конституцию... когда в стране идеология тюркизма займет прочные позиции, можно будет снять его... Вы знаете о борьбе, которую мы ведем с курдизмом. Если мы откажемся от национализма, разве они примкнут к нам? Нет, мы будем опираться на него. Если в стране установить нормальное правление, не будет никакой опасности. Прежде всего нашу нацию превратим в турецкую нацию... Турция должна принадлежать туркам... Если сегодня мы откажемся от этого, то через 50 лет в Турции не останется ни одного турка» [52, с. 1080]. Следовательно, придание новой конституции Турции националистического характера было вызвано стремлением правящих кругов ассимилировать национальные меньшинства, в том числе курдов. Тем не менее авторы конституции сумели в значительной мере освободить проект конституции от

элементов расизма, что явилось несомненным успехом демократических сил страны.

В конституции 1961 г. имелось положение, которого не было в Основном законе 1924 г. и которое косвенно признавало существование нетурецких народов в стране. Например, согласно статье 12, «все равны перед законом без различия языка, расы (подчеркнуто нами.—М. Г.), пола, политического воззрения, философского убеждения, веры и религиозного толка» [54, с. 7].

В то же время желая представить дело так, будто в стране живут только турки, составители конституции продолжали широко толковать слово «турок». Кроме представителей народов, говорящих на тюркских языках, к туркам причислялись по существу и все национальные меньшинства. Так, статья 54 гласила: «Каждый, кто связан с турецким государством узами гражданства,—турок».

Следовательно, конституция 1961 г. все-таки не была свободна от элементов шовинизма, от турецкого буржуазного национализма, идеологи которого отрицают права национальных меньшинств в Турецкой Республике. Об этом свидетельствовали, в частности, и следующие статьи конституции.

«Верховная власть безоговорочно принадлежит турецкому народу...» (ст. 4); «Каждый турок имеет право работать в государственных учреждениях» (ст. 58); «Депутатом может быть избран каждый турок, которому исполнилось 30 лет...» (ст. 68); «Каждый турок, достигший 40-летнего возраста, имеющий высшее образование, может быть избран в сенат» (ст. 72).

В конституции 1961 г. было много положений, которые прямо или косвенно были направлены против национальных меньшинств, против решения курдской проблемы. Так, в ней говорилось, что «турецкое государство—территориально и национально (подчеркнуто нами.—П. Г.)—неделимое целое...» (ст. 3). Это означало, что курды не только не имели право территориально отделиться от турок, но и не могли иметь национальную автономию в пределах современной Турецкой Республики.

Согласно конституции, в стране каждый гражданин имел право свободно передвигаться, выбирать себе место жительства. Однако эта свобода могла быть ограничена законом с целью обеспечения «национальной безопасности и предупреждения эпидемии» (ст. 18). Ту-

редкие правящие круги под таким предлогом в 20-х—30-х годах выслали из восточных илайетов в западные десятки тысяч курдов.

Конституция 1961 г. запрещала создание политических партий, которые боролись бы за удовлетворение прав национальных меньшинств, и в частности курдов. «Уставы, программы и деятельность политических партий—говорилось в статье 57,—должны соответствовать... принципу неделимости государства и нации...».

Ущемляла права национальных меньшинств также вторая часть статьи 68, согласно которой лица, не умеющие читать и писать по-турецки, не могли быть избраны депутатами ВНСТ.

Таким образом конституция 1961 г., несмотря на ее некоторые прогрессивные стороны, препятствовала решению курдской проблемы на демократической основе. Поэтому вскоре после государственного переворота 1960 г. курды вновь начали борьбу за свои национальные права.

Важное место в освободительном движении курдов стала занимать курдская прогрессивная интеллигенция, которая вела значительную работу по укреплению национального самосознания, духовного развития своего народа. Представители ее с большим трудом добивались издания своих газет и журналов. Правда, срок этих изданий был коротким: часто они выходили лишь в течении нескольких месяцев, а то и меньше. Но их влияние на жизнь курдов было огромным. В 1962 г. Муса Антер опубликовал в газете «Барыш дюнья» («Мирный мир») серию статей, касавшихся фольклора, языка и литературы курдов [166, с. 114]. В апреле 1963 г. группа курдов начала выпускать в Стамбуле на курдском и турецком языках ежемесячный журнал «Денг»—«Голос», газету «Рия неве» («Новый путь»). Уже первые номера этих изданий вызвали озлобление турецких властей и вскоре они были закрыты. В конце апреля—начале мая 1963 г. были арестованы редактор журнала «Денг» Ясхар Кайя и его сотрудник Медет Серхан по обвинению «в распространении курдской пропаганды».

В конце июня министр внутренних дел Беката заявил в Анкаре, что органы безопасности раскрыли тайную организацию и арестовали 12 человек за «деятельность в пользу курдов» [193, 29. VI. 1963]. В связи с этим министерство внутренних дел направило всем

губернаторам срочный циркуляр, в котором потребовало перейти к жестокой борьбе против «коммунистической курдской деятельности», а также ускорить следствие по делу лиц, подозреваемых в этой деятельности. Сообщая об этом, газета «Сон хабер» от 1 июля 1963 г. указывала, что губернаторы уже провели совещания с представителями местных отделений службы безопасности и жандармерии и потребовали от них усилить преследования. В декабре 1963 г. военный трибунал генерального штаба начал судебный процесс над 23 лицами, большинство из которых были арестованы летом 1963 г. Всем им было предъявлено обвинение в деятельности, направленной на создание независимого Курдистана. В обвинительном заключении прокурора говорилось, что «некоторые государства по различным мотивам стремятся вызвать беспорядки в Восточной Турции, занимающей важное положение между западным и восточным блоками», что курдская проблема в Турции является «целиком и полностью результатом подстрекательской деятельности международного коммунизма». В заключении прокурор потребовал приговорить подсудимых к смертной казни [193, 18. XII. 1963]. Аресты и судебные процессы над представителями курдской интеллигенции практически продолжались в течение всего периода 60-х годов. Следует отметить, что турецкие власти, боясь гласности и обвинения в шовинизме, а также стремясь скрыть подлинные мотивы национального движения курдов, проводили все эти процессы при закрытых дверях.

Руководствуясь антикурдской политикой, одновременно с репрессиями внутри страны турецкое правительство предпринимало шаги по координации мер с властями Ирана и Ирака, направленные на подавление курдского освободительного движения [224, 1971, № 1, с. 3]. По сообщению каирской газеты «Аль-Хакаик» от 11 апреля 1963 г. в Багдаде представители Ирака, Турции и Ирана провели ряд совещаний, на которых обсуждались планы военных операций с целью ликвидации курдского движения. На этих совещаниях присутствовали военные атташе Турции и Ирана, а также группа иракских офицеров, участвовавших в военных действиях против курдов во времена правления Касима. В ходе этих совещаний, писала газета, было достигнуто соглашение о совместных военных операциях Ирака, Турции и курдов Иракского и Турецкого Курдистана.

а также решено закрыть границы между Турцией, Ираном и Ираком.

На самом деле в начале лета 1963 г. постоянный совет СЕНТО, собравшись в Измире, выработал план агрессии Турции и Ирана против курдов Ирака. Этот план широкого вторжения в Иракский Курдистан был назван операцией «Тигр». При подготовке к операции «Тигр» были предусмотрены мельчайшие подробности: дипломатическое коммюнике для оправдания агрессии, заявление, объясняющее иракскому народу цели нарушения его суверенитета, а также подробные планы военных операций. «Война с курдами, таким образом,—писал «Журналь д'Эжипт», издающийся в Каире,—вышла бы за национальные рамки и превратилась в международную проблему. Выступление СЕНТО было предусмотрено заранее. Члены этой группировки пытаются вновь привлечь на свою сторону Ирак, превращая эту задачу в краеугольный камень своей стратегии» [104, с. 28].

Об антикурдских планах иракской и турецкой реакции проговорился иракский посол в Анкаре Халит Муштаг. 12 июля 1963 г. он заявил представителю печати, что иракское и турецкое правительства принимают меры для совместного подавления восстания «иракских курдов» [216, 13. VI. 1963].

Такое откровенное признание в известной мере даже напугало турецкие правящие круги, и Министерство иностранных дел Турции срочно опубликовало заявление, в котором «уточнило», что меры эти—чисто пограничного характера. Но заявление МИД Турции было воспринято как своего рода попытка исправить промах союзника в борьбе с освободительным движением курдов.

Активные военные и дипломатические шаги турецких правящих кругов были вызваны боязнью, как бы освободительная борьба курдов в Ираке не перекинулась в Турцию. В этой связи представляет интерес передовица, опубликованная в турецкой газете «Дюнья». Автор ее Атай, призывая Иран, Ирак и Турцию объединиться, писал: «Над нами одна и та же угроза. Мы сталкиваемся с одной и той же опасностью. Как видно из последних событий, Иран, Ирак и Турцию связывает одна судьба. Мы вынуждены сотрудничать» [199, 19. VI. 1963]. И эти государства действительно со

трудничали в деле подавления курдского национально-освободительного движения.

В августе ливанская газета «Аш-Шааб» опубликовала сообщение о деятельности оперативной группы турецких, иранских и иракских офицеров, координировавшей военные действия в Иракском Курдистане. Как указывала газета, эта оперативная группа совместно с иракским штабом занималась планированием военных операций против курдов. Группа поддерживала прямую радиосвязь с командирами частей турецкой армии, дислоцирующихся на ирако-турецкой границе. Газета подчеркивала, что турецкие самолеты не ограничивались лишь разведывательными полетами над северными районами Ирака, но и принимали непосредственное участие совместно с иракскими ВВС в бомбардировке курдских населенных пунктов напалмовыми бомбами, полученными Турцией по линии СЕНТО и предоставленные в распоряжение иракских вооруженных сил [182, 28. VIII. 1963].

Об участии турецких вооруженных сил в подавлении восстания в Северном Ираке свидетельствовали и другие факты, приводившиеся в арабской печати. Все это еще раз показывает, что одной из причин создания военного блока СЕНТО было подавление национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока.

Однако ни жестокие репрессивные меры внутри страны, ни скоординированные карательные акции против курдов со стороны правителей Турции, Ирана и Ирака не могли приостановить курдское национальное движение, которое стало принимать широкий размах во второй половине 60-х годов.

4. Активизация борьбы курдов во второй половине 60-х годов

К середине 60-х годов курдское движение получило новое развитие: оно стало принимать новые формы. Наряду с подпольной деятельностью (в частности, созданием нелегальных организаций) представители курдской интеллигенции начали искать новые легальные формы борьбы за интересы широких масс курдов. Одной из таких форм стали митинги в курдских районах, которые проходили под лозунгами главным образом буржуазно-демократического характера.

На митингах 60-х годов в восточных вилайетах выдвигались следующие лозунги: «Житель Востока, требуй признания своих законных прав!»; «Наша цель — обеспечение братства, равенства и счастья!»; «Мы на стороне всех народов, борющихся против фашизма и империализма!»; «Нам нужны не жандармы, а учителя!»; «Мы требуем школ, а не полицейских участков!»; «Житель Востока обязательно добьется признания человеческих и гражданских прав!»; «Пятилетний план — обман! Проснись, житель Востока!»; «Мы требуем свободной жизни, свободы личности и образования!» [201, 1968, № 331, с. 115].

Содержание этих лозунгов говорило о том, что организаторы митингов требовали не отделения курдов от Турции, а гарантии их прав в соответствии с турецкой конституцией, устранения разницы в уровне экономического развития между западными и восточными вилайетами, общего развития всех сторон экономической и общественной жизни курдов.

О том же говорили в своих выступлениях различные ораторы. Более того, многие ораторы проявили классовый подход при определении позиций различных социальных слоев по отношению к курдской проблеме. Так, один из участников митингов, касаясь заявления в меджлисе крупного курдского феодала депутата от вилайета Агры Касыма Кюфреви, отметил: «Касым Кюфреви... заявил с трибуны меджлиса, что нет проблемы неравновесия между Востоком и Западом. Такое заявление Касыма Кюфреви — естественно... Он никогда не желал изменения нынешних порядков, потому что все то, что этот нищий народ отрывает от себя и посылает «своему» шейху, ага, Касым Кюфреви тратит в Анкаре, Стамбуле и Париже... Вот почему, по его мнению, нет разницы между востоком и западом страны» [201, 1968, № 310, с. 10].

Выступление Касыма Кюфреви в меджлисе еще раз подтверждало факт наличия союза части социальной курдской верхушки с турецкими господствующими классами: буржуазией и помещиками. Однако необходимо отметить, что во многих митингах принимали непосредственное участие представители курдской феодальной верхушки (например, Юсуф Азизоглу и особенно Исхан Азизоглу — владелец многих деревень в Сильване, вилайете Диярбакыр).

На митингах много внимания уделялось 55 курдским лидерам, высланным в западные районы страны. В речах отмечалось, что их выселение осуществлялось под надуманным предлогом якобы во имя освобождения крестьян от гнета курдских феодалов, а также для проведения земельной реформы. В этой связи часто повторялись слова одного из высланных курдских вождей Али Буджака: «Когда мы говорим о земельной реформе, о социальной справедливости, то почему мы не вспоминаем Касым-агу (Гюлек), Джавит-агу (Орал), Февзи Лютфю Караосман-оглу, Хаджи Омер-агу и сотни им подобных? Их владения в сотни раз превышают наши. А владельцы капиталов в Стамбуле? Что, они менее ага, чем мы?» [201, 1968, № 310, с. 10]. Дело в том, что вышеуказанные лица являлись крупными помещиками турецкой национальности и не попадали под выселение и конфискацию имущества.

Действительно, как мы уже отмечали, выселение 55 курдов было осуществлено безотносительно к земельной реформе и не для того, чтобы облегчить положение трудящихся деревни, а с целью ликвидировать политическое влияние части курдских вождей на массу курдов. Поэтому упомянутое выселение имело не столько экономический, сколько социально-политический и националистический характер.

Многие ораторы подвергали резкой критике реакционную политику господствующих классов Турции по отношению к вилайетам с курдским большинством. Так, выходец из местного курдского семейства Хазро, студент университета Тургай Будака, председатель Общества студентов Востока и Юго-Востока, участвовал во всех митингах и в своих выступлениях констатировал отсталость восточных вилайетов, критиковал националистическую политику турецких правящих кругов по отношению к населению этих районов страны.

В одной из своих речей он сказал: «Развитие не означает строительство заводов на Западе, а тюрем — на Востоке. Восток угнетен и усыплен. Говорят, в Хаккяри правительство строит тюрьму стоимостью в 7,5 млн. лир. Может это самое большое и дорогостоящее строительство в Хаккяри. В то время, как деревни не имеют школ, преподавателей, оздоровительных очагов, врачей, что означают вложения 7,5 млн. лир в строительство тюрьмы...» [193, 19. XI. 1967].

Развитие событий на востоке страны серьезно обеспокоило правящие круги Турции. В конце июня 1966 г. в Анкаре состоялось секретное совещание советников 21 министерства Турции, на котором обсуждался курдский вопрос. Как отмечала турецкая печать, на нем были приняты «важные решения», направленные на то, чтобы изолировать массы курдов от курдского освободительного движения. Эти решения якобы предполагали осуществление мероприятий по культурному и экономическому подъему 16 вилайетов Турции, населенных преимущественно курдами. В частности, предусматривалось увеличение капиталовложений на Востоке, открытие там новых турецких школ и другие меры. В то же время началось создание в этих районах «очень жесткой системы безопасности». Как подчеркивала турецкая пресса, эти меры были вызваны необходимостью предотвратить возникновение в Турции курдской проблемы, чтобы избежать событий, подобных тем, которые произошли в Ираке [239, 2. VII. 1966].

Сравнительно успешная национально-освободительная борьба курдов в Ираке вызвала тревогу не только правительства, но и всех реакционных кругов. Характерна в этом отношении статья журналиста Шерефа Генсоя, опубликованная в июле 1966 г. В ней говорилось, что для «Турции представляют большой интерес политические изменения и сдвиги, которые последуют за соглашением между иракским правительством и курдами». Далее Ш. Генсой писал, что «курдское движение, добившееся сегодня успеха в Ираке, продолжится до тех пор, пока не будет завоевана независимость и курды не будут объединены под одним знаменем». В связи с этим он предлагал «пристально и внимательно следить за курдским движением в Турции» [207, 3. VII. 1966].

Именно в этом плаче продолжали действовать турецкие правящие круги. В середине октября 1967 г. в Анкаре под председательством президента Дж. Суная состоялось заседание Совета национальной безопасности. По сообщению турецкой печати, на нем наряду с другими вопросами обсуждалась курдская проблема. «Два авторитетных представителя, — писала «Миллиет», — в своих выступлениях охарактеризовали события, происходящие в Восточной Анатолии, как подстрекательство» [216, 17. X. 1967].

В связи с этим по указанию правительства Партии справедливости (ПС) губернаторы восточных вилайетов всячески препятствовали деятельности комитетов по организации митингов. Так, местные власти запретили жителям соседних вилайетов принять участие в митинге в Тунджели. Кроме того, они строго-настрого запретили чиновникам участвовать в митингах. В целях пресечения выступлений населения за свои права были использованы значительные силы жандармерии и полиции. В предполагавшиеся места проведения митингов заранее перебрасывались жандармские и полицейские отряды, которые наводнили тогда многие города. Студент Кемаль Февзи Бингёл на митинге в Анкаре констатировал: «На каждого участника митинга приходится три полицейских и жандарма» [193, 19. XI. 1967].

В феврале 1967 г. турецкое правительство для дополнения своего юридического арсенала подавления курдского движения издало декрет (№ 67635), который запрещал, объявляя незаконным, «ввоз и распространение в Турции любых материалов иностранного происхождения на курдском языке в какой бы то ни было форме (публикации, пластинки, магнитофонные ленты и т. д.)». [58, 14. II. 1967].

Эти меры вызвали недовольство не только местных курдов, но и были осуждены видными курдскими зарубежными деятелями, а также различными общественными организациями.

Так, в начале июля 1967 г. Эмир Кямуран Бедирхани, проживавший в Париже, направил президенту Турецкой Республики открытое письмо, в котором призывал его признать за курдами хотя бы право на культурную автономию.

С требованием предоставить элементарные права курдам выступила в сентябре 1967 г. в Женеве Международная ассоциация юристов, которая опубликовала доклад о характере курдской проблемы в Турции. В нем отмечалось, что турецкое правительство игнорировало права курдов, стремилось полностью ассимилировать курдское меньшинство в стране. В докладе указывалось, что несмотря на согласие турецкого правительства уважать права национальных меньшинств в соответствии с Лозаннским договором (статьи 38—39), оно не выполняло данных обещаний. Так, турецкие власти запретили курдам открывать националь-

ные школы и посылать туда своих детей, иметь свою литературу, а также ввозить в страну курдские книги и пластинки из-за границы. В докладе подчеркивалось также, что турецкое правительство осуществляло массовое переселение курдов из родных мест, а противники этой политики уничтожались [201, 1967, № 324, с. 12].

Запрещая курдам иметь свои школы, свои печатные издания турецкие правящие круги продолжали проводить ассимиляцию курдского населения страны. С этой целью в 60-х годах стали создавать специальные школы-интернаты для курдских детей в соответствии с законом № 220, в котором было прямо сказано, что школы должны оказывать «содействие распространению турецкого языка и культуры...» [58, 12. I. 1961].

Очень трудно объяснить открытие школ-интернатов заботой об образовании курдских детей. И вот почему. Дело в том, что в Западной Анатолии есть много вилайетов, где процент грамотных тоже очень низок. Однако правительство в этих вилайетах почти не строило подобных школ-интернатов.

К 1968 г. действовали 42 начальные школы-интернаты, в которых обучалось 14.229 детей. В 1970/71 учебном году из 57 школ-интернатов 51 находилась в Восточной Анатолии, и только 6—в западных и центральных вилайетах [121, с. 401—403], таких как Анкара, Сивас, Конья и др. При этом следует иметь в виду, что в этих городах живет значительное число курдов.

Если бы эти школы создавались для того, чтобы повысить общий уровень грамотности, то их должны были бы строить в таких вилайетах, как Чорум, Гиресун, Кастамону, Орду, Йозгад, Токат, в которых также высок процент неграмотности. В этой связи представляет интерес и другой момент. Так, в вилайете Биллис, где, согласно переписи 1965 г., проживало 154 тыс. человек (76% которых было неграмотно) имелись три школы-интерната, в то время как в вилайете Кастамону, где проживало 442 тыс. человек (65% неграмотных), не было ни одной такой школы [121, с. 404]. Как видно из сказанного выше, основной задачей школ-интернатов было стремление турецких правящих кругов отуречить новое поколение курдов.

Для этой же цели использовались и радиостанции, построенные в конце 60-годов в Диярбакыре, Ване,

Эрзуруме, Карсе и других городах Восточной Анатолии. Передачи этих радиостанций ничем не отличались от программ в западных вилайетах. Они составлялись в соответствии с общими планами Управления радиовещания и телевидения, которые согласно закону № 359, должны были упрочить позиции «турецкого национализма». При этом в передаче не только игнорировались язык, культура, национальное достоинство курдов, но и явно проводилась политика туркизации в вилайетах с преимущественно курдским населением.

Итак, политика в условиях многопартийной системы в курдском вопросе по существу мало чем отличалась от политики в условиях однопартийной системы. Несколько изменились лишь формы и методы ассимиляции курдов. Если раньше основной упор делался на насилие административного и военного характера, жестокое подавление недовольства, массовое выселение курдов из родных мест и т. д., то ныне ко всему этому добавились пропаганда и специальные методы обучения.

Турецкие ультранационалистические, пантюркистские и фашиствующие крайне правые силы с целью нагнетания политической напряженности в стране ежедневно призывали к усилению репрессий против курдов, лидеры которых обвинялись в величайшем политическом «преступлении»: пропаганде коммунизма и сепаратизма. Крайние националисты, реакционеры печатали шовинистические статьи в журналах «Милли Йол» и «Отюкен»—органе Партии националистического движения, возглавлявшейся Альпарсланом Тюркешем.

Так, турецкий расист Исмет Тютюрк опубликовал в журнале «Милли Йол» [1967 г., № 14] статью, в которой предлагал «пригласить» неких «вооруженных кочевников—казахов и киргизов» из Средней Азии и поселить их среди курдов вилайета Хаккяри. «Жандармы и армейские подразделения напросто тратят свои силы,—писал, он.—Ничто не изменится. Те, кто хорошо знает эти места, считают все их усилия бесполезными. Климатические условия, горный характер местности, состояние дорог и другие обстоятельства предопределяют это. Там не признаются не только государственные распоряжения, но и сам тюркизм... Эта гористая непроходимая местность лишь «съедает» государственные средства—только и всего... Они (курды.— М. Г.) не уважают государство, не поддерживают его.

Между тем есть средство такое же простое... как действие острого меча: поселить там вооруженных кочевников — казахов и киргизов». Оставалось непонятным, каким образом автор предполагал реализовать эту бредовую идею.

Другой ярый пантюрист Нихаль Атсыз в журнале «Отюкен» [1967, № 28] опубликовал статью, в которой говорилось: «Пока не обрушились на голову турецкой нации несчастья пусть (курды—М. Г.) убираются. Куда? Куда глаза глядят, куда тянут их сердца, пусть уезжают в Иран, Пакистан, Индию, к Барзани. Пусть обращаются в Организацию Объединенных Наций с требованием предоставить им родину в Африке. Турецкая раса очень терпелива, однако когда начинает пениться айран, она, словно львица, не останавливается ни перед чем; пусть об этом спросят у своих сородичей армян, может тогда и поумнеют».

Спустя некоторое время в журнале «Отюкен» [1967, № 42]. Н. Атсыз опубликовал вторую статью под заголовком «Завывания красных курдов». Приведем следующий характерный отрывок из нее: «Да, я сказал об этом в предыдущей статье в «Отюкен» (апрель 1967 г.) если они (курды—М. Г.) хотят продолжать говорить на своих примитивных языках, которые имеют всего лишь 4 или 5 тыс. слов, и если они хотят создать свое государство и продолжать публиковать свою литературу, пусть убираются отсюда. Мы, турки, взяли эти земли, пролив реки своей крови и выкорчевав из них корни грузин, армян и византийских греков... Во время первой мировой войны, когда мы были преданы всеми армянами, курды избежали нашего гнева, живя в своих труднодоступных горах. В противном случае они составляли бы меньшинство в этих провинциях, в которых они сегодня составляют большинство населения. Они могут составлять там стопроцентное большинство, однако их мечта о создании государства на турецкой земле останется мечтой, подобной мечте греков о Византии или армян о Великой Армении. Так пусть они убираются, пока не ввергли турецкую нацию в несчастье и пока они сами не истреблены. Пусть они убираются...».

В таком же духе выступил министр строительства и поселений правительства Партии справедливости Халдун Ментешоглу во время своего посещения курд-

ских районов, подвергшихся землетрясению. Обращаясь к курдам он сказал: «Вы хотите нас убедить, что ваши конюшни (так министр назвал жилища курдов—М. Г.) являются дворцами. На что вы жалуетесь? Здесь у вас число жертв достигает 3000 человек, в то время как во Вьетнаме оно равняется 30 тысячам». Далее он, услышав курдскую речь, воскликнул: «Я слышу животное мычание из уст так называемых человеческих существ», и добавил: «Если вас это государство не устраивает, ищите себе другое» [157, с. 14].

Эти расистские бредни пантюркистов были по-разному восприняты различными кругами общественности страны. Были опубликованы протесты против этих выпадов фашиствующей турецкой реакции. В одном из них, подписанном Обществом высшего образования 19 вилайетов Востока, говорилось:

«Кто кого уничтожает? Кто на чью голову навлекает несчастье, и кто кого прогоняет? Нет, не будет такой силы, которая сможет прогнать с этих земель народ, живущий на них с самых ранних веков истории. Надо гнать тех болтунов, которые натравливают один народ на другой. Мы, молодежь Востока, не намереваемся превращать курдскую проблему... в проблему восточных вилайетов Турции. Мы выступаем против идеологии, которая, опираясь на существующие различия, —расовые, языковые, религиозные—признает разделение граждан на враждебные лагеря с целью сохранения причин... отсталости Востока. В политическом плане мы с презрением отвергаем фашизм, расизм, а также религиозное сектантство. В Турции мы желаем установления братских отношений, единства всех граждан в рамках конституции. Что касается статьи, опубликованной в «Милли Йол», то в протесте отмечалось: «Следует знать, что Хакьяри не тюрьма, не психиатрическая больница и не воспитательный дом. Для Турции Хакьяри то же, что и Стамбул. Надо воспитывать не граждан, проживающих здесь, а тех, кто отстаивает подобную отвратительную идеологию» [121, с. 441—442].

Этот протест отражал взгляды той части курдской интеллигенции, которая выступала главным образом за экономическое развитие Турецкого Курдистана в рамках Турецкой Республики и не выдвигала лозунгов национальной автономии или государственного самоопределения курдов.

Расистские бредни в журналах «Отюкен» и «Милли Пол» вызвали резкий протест и в других кругах турецкой общественности и явились одной из причин обострения политической обстановки в стране. Хотя напечатанное противоречило соответствующим статьям конституции, власти не привлекали к ответственности авторов.

С критикой реакционных кругов и в поддержку митингов выступила также Национальная федерация студентов Турции. В частности, под заголовком «Наши братья Востока и Юго-Востока» Федерация опубликовала статью, где утверждалось следующее: «Империалисты и их приспешники, подобно тому, как они это делают в отсталых колониальных странах, эксплуатируют тебя, вынуждают тебя жить в одном помещении со скотом. Мы даем клятву перед богом, что будем вместе с теми, кто поднимается на борьбу за благополучие эксплуатируемых граждан Турции» [193, 24. IX. 1967].

Выступление демократической общественности свидетельствовало о том, что в этот период стали складываться солидарность и сотрудничество между прогрессивными организациями запада и востока страны, между прогрессивными движениями турок и курдов.

Представители курдской интеллигенции вначале обращали особое внимание на развитие языка и культуры своего народа. В Турции, где законом были строго запрещены всякие публикации на курдском языке, даже составление курдского алфавита имело огромное политическое значение. Поэтому курдские авторы, пытаясь обойти всякие запреты, издавали литературные произведения на двух языках—курдском и турецком (алфавит общий) или только на турецком языке. В 1965 г. была выпущена грамматика курдского языка К. Бадыллы, а в 1967 г.—курдско-турецкий словарь М. Антера. Стали издаваться на курдском языке и художественные произведения [174, с. 42].

В 1968 г. М. Э. Бозарслан перевел на турецкий язык поэму «Момузин» известного курдского средневекового автора Ахмада Хани (1591—1652). Предполагалось издать это произведение на турецком и курдском языках. Однако еще до выхода в свет набор был конфискован в типографии. В этом же году Бозарслан издал учебник (букварь) на курдском языке. Он был составлен наподобии учебника турецкого языка, по ко-

торому обучались дети в турецких начальных школах. Однако этот учебник был сразу же конфискован, а против М. Э. Бозарслана был начат судебный процесс [121, с. 424—425].

Одновременно с ростом интереса к курдской литературе в Турции возникло широкое движение за научное изучение экономических и социальных основ «восточной проблемы». Авторы многих работ, в том числе турецкие социологи, пришли к одинаковым выводам: Восточная и Юго-Восточная Анатолия по сравнению с остальной частью страны значительно отстала в социальном и экономическом отношениях; промышленное развитие здесь характеризовалось низкими темпами, уровень жизни оставался очень низким, процент неграмотности был выше, чем в западных вилайетах; но политика языковой ассимиляции потерпела здесь полный крах. Турецкий Курдистан мог похвастаться лишь тем, что здесь по сравнению с остальной частью страны было значительно больше полицейских и жандармских постов.

К концу 60-х годов упрочилось не только национальное, но и политическое самосознание курдского народа. Об этом свидетельствовали участившиеся в 1969 г. демонстрации и митинги на востоке страны. О характере этих демонстраций и митингов можно было судить по лозунгам, с которыми они проходили.

Так, 16 февраля 1969 г. в Газиантепе состоялся «Митинг борьбы против империализма», 22 февраля в Малатье—«Митинг борьбы против безработицы, голода и империализма», 17 марта в Карсе—«Поход крестьян», 19 апреля в Агры—«Митинг борьбы против безработицы» [187, 1969, № 115, 118, 122; 201, 1969, № 361].

13 апреля 1969 г. состоялся митинг в Диярбакыре. На этом митинге вновь были выдвинуты лозунги, осуждавшие политику Партии справедливости, которая внесла в меджлис проект Закона защиты конституционного порядка, призванного ограничить буржуазные свободы в стране, нанести удар по национальному движению курдов.

Представляют интерес лозунги, выдвинутые на этом митинге. Среди них были следующие: «Парламентарию Востока, хватит угнетения Востока!»; «Это—закон не защиты конституции, а ее ликвидации!»; «На Босфоре наслаждение, на Востоке—страдание!»; «Го-

людных людей не заставишь молчать фашистскими законами!»; «Эта тирания уничтожит вас!»; «Жители Востока—плотина против всякой диктатуры!»; «Мы против узаконения материальной и духовной эксплуатации!»; «Долой империалистическую идеологию!»; «Народ осознал необходимость защиты конституции!»; «Убеждения не скрыть под законом!». Среди них были лозунги на курдском языке за подписью Батмана: «Остерегайтесь Мориссона—наследника Баяра!» [193, 14. IV. 1969].

Как видно из этих лозунгов, выступления населения на Востоке во многом имели антиимпериалистический характер, что свидетельствовало о качественно новом этапе курдского движения в Турции. В то же время трудящиеся массы курдских районов активно поддерживали борьбу прогрессивных сил (как турецких, так и курдских) против империалистического застоя, политики господствующих классов, за решение социально-экономических проблем, в защиту буржуазно-демократических свобод, предусмотренных турецкой конституцией 1961 г.

В начале марта 1969 г. молодежь восточных вилайетов страны опубликовала письмо парламентариям от восточных вилайетов, которое было направлено также и президенту, премьер-министру, генеральным председателям политических партий, председателям вилайетских секций политических партий, прогрессивным обществам и организациям. В этом письме молодежь подвергала резкой критике подготовленный правившей Партией справедливости проект закона о защите конституционного порядка, который квалифицировал как преступление деятельность лиц и организаций, выступающих за развитие восточных вилайетов, за предоставление гражданских и социальных прав населению этого района. В нем, в частности, говорилось: «В проекте этого закона пытаются отрицать наличие различных культур в Анатолии. Принятие его означало бы, что беднейшие слои населения Востока будут страдать не только от экономического империализма..., но и от «культурного» империализма. До сих пор власти рассматривали постепенное ограничение прав Восточной Анатолии в области развития культуры и языка как свою главную задачу. В период, когда пробуждающиеся и укрепляющие свое самосознание крестьяне, рабочие и интеллигенция приступили к глубокому изучению

своей культуры и своего языка, власти пытаются ка-
лфицировать всякое мнение, всякий поиск и научный
подход как преступление. Это предпринимается для
того, чтобы замаскировать собственные преступления.
Власти пытаются камуфлировать их в преступном
меншеле и потому обратились к политике «эстремоя»,
подготовили проект фашистского закона» [185, II, III,
1969]. Все буржуазные партии придерживались прин-
ципа крайнего национализма, предполагавшего ассими-
ляцию нетурецких элементов в стране. Вот почему
программы всех буржуазных партий включали принцип
национализма, принимавшего форму шовинизма. Так,
в программе Партии справедливости говорилось о
том, что ее члены будут бороться против течений, ко-
торые порождают различие в расе, культуре, религии,
вере, в местных традициях (ст. 9), а также будут ру-
ководствоваться турецким национализмом, предполага-
ющим целостность турецкой нации (ст. 11) [30, с. 6, 7].

Примерно такие же положения были записаны в
программе другой буржуазной Народно-республикан-
ской партии (НРП). В ней было сказано, что НРП
желает, чтобы народ Турции развивался как единая
нация, которая «не признает различия в единстве язы-
ка, культуры, идеологии и судьбы». «Наша партия,—
подчеркивалось в программе,—рассматривает национа-
лизм в качестве создателя и защитника национального
духа и самосознания, на которых заждется единство
турецкого народа» (ст. 3) [30, с. 58].

Этими же идеями руководствовалась Партия на-
ционалистического движения (ПНД), которая, по сло-
вам ее программы, «стремилась обеспечить развитие
народа Турции в качестве неразделимой нации по язы-
ку, целям, культуре и судьбе» (ст. 23) [30, с. 183].

Сущность шовинистической политики буржуазных
партий более четко была отражена в программе Пар-
тии новой Турции (ПНТ). В ней говорилось: «Наше по-
нимание национализма предусматривает духовную со-
лидарность, которая отрицает сепаратистские течения,
порождаемые различием в расе, религии, культуре и
местных традициях и которая опирается на общее же-
лание граждан, считающих себя единой нацией с еди-
ным турецким языком и единой культурой» [30, с. 376].

Все политические партии в той или иной мере ко-
снулись волнений на востоке страны и дали им свои
оценки.

Правившая ПС с самого начала внимательно следила за событиями на Востоке. Она обвинила организаторов демонстраций и митингов в попытке расчленивать страну, в измене родине, и потребовала, чтобы население не принимало участие в них. С этим требованием, в частности, выступил заместитель генерального председателя ПС Талят Асал во время посещения вилайетов Урфа, Бингёль, Тунджели и других с целью «изучения» на месте причин демонстраций и митингов. Во время одного из многочисленных выступлений он сказал: «Организаторы митингов преследуют корыстные цели. Они стремятся расчленивать родину, натравить представителей нации друг на друга. Их действия — непосредственная измена родине» [193, 22. X. 1967].

Однако подобный взгляд на события в восточных вилайетах и правительства и лидеров ПС не разделяли оппозиционные партии. Представители Народно-републиканской партии и других оппозиционных партий также выезжали в восточные вилайеты, но не принимали непосредственного участия в митингах и демонстрациях. В целом основные оппозиционные буржуазные партии по тактическим соображениям (приближались парламентские выборы 1968 г.) серьезно не осудили эти демонстрации и митинги. Так, один из видных лидеров НРП (главной оппозиционной партии) Кемаль Сатыр, выступая в Мардине, говорил: «Наша партия серьезно следила за ходом демонстраций. Мы рассмотрели вопрос, в какой мере они под влиянием внутренних и внешних факторов направлены против целостности родины. Я с удовлетворением и гордостью заявляю, что патриоты и мужественные сыны этого района стоят за сохранение целостности родины. Конечно, найдутся люди, которые попытаются использовать эти выступления и ловить рыбу в мутной воде. И если они даже... смогут организовать несколько нежелательных эксцессов, то было бы несправедливо обвинять в этом весь район» [193, 18. X. 1967].

В то же время оппозиционные буржуазные партии выражали беспокойство в связи с участием в митингах и демонстрациях представителей Рабочей партии Турции (РПТ), [193, 18. X. 1967].

Дело в том, что РПТ пыталась дать объективную оценку волнений в восточных вилайетах, найти им место в общем прогрессивном движении страны, усилившемся в 60-х годах.

Члены РПТ принимали участие в митингах и демонстрациях, что представлялось значительным событием. Дело в том, что некоторые организационные комитеты пытались рассматривать эти выступления как чисто восточную (т. е. антифеодальную или этническую) проблему, независимую от других социально-экономических проблем страны. Руководители РПТ М. А. Айбар, Бехидже Боран, Тарык Зия Экинджи и другие в своих речах подчеркивали, что нет «независимой» восточной проблемы и что ее можно радикально решить только совместно с основными социально-экономическими проблемами страны. На митинге, устроенном в вилайете Агры 22 октября 1967 г., в своей речи М. А. Айбар говорил: «Мы с радостью и удовлетворением изучаем митинги на Востоке. Эти митинги являются одним из ярких проявлений национального самосознания, которое усиливается в последние годы. Обездоленные трудящиеся Востока со своей интеллигенцией стали бороться за свои права... Чтобы сделать вывод из требований, выдвинутых определенными социальными слоями, необходимо знать, чем вызвано бесправие и почему подавляются права... Рабочая партия Турции со дня своего основания утверждает, что все трудящиеся массы страны как на Востоке, так и на Западе являются братьями, у них одни интересы, а потому все их проблемы... надо рассматривать с классовых позиций. Крупные землевладельцы, их приспешники... мутят воду, предпринимают большие усилия, чтобы увести трудящихся от действительности, направить их внимание в другую сторону... Их главным оружием в этом деле является обман, клевета, провоцирование раздоров... Главная проблема—это освобождение от ига американского империализма и... опирающегося на него капиталистического строя... борьба против американского империализма в то же время есть борьба за социализм» [115, с. 593].

И, действительно, разрешение курдского вопроса в Турции было тесно связано с демократическими преобразованиями в стране, с борьбой народов Турции против империалистического засилья, а также против внутренней реакции.

5. Политические и общественные организации, руководившие курдским движением во второй половине 60-х годов

Турецкое законодательство не разрешало национальным меньшинствам Турции иметь свои политические партии. Так, статьи 89—90 закона о политических партиях (№ 648), принятого в июле 1965 г., запрещала создание любой политической партии, которая подтверждала бы многонациональный характер населения страны; выступала бы в защиту интересов меньшинств, а также боролась бы за предоставление автономии какой-либо области [29, с. 106—107].

Несмотря на это, к моменту принятия закона в Турецком Курдистане уже действовали чисто курдские (легальные и нелегальные) политические и общественные организации, которые вели борьбу за признание национальных прав курдов в Турции.

К середине 60-х годов в условиях жестокого террора курдские патриоты создали нелегальную Демократическую партию Турецкого Курдистана (ДПТК). Она не имела своего печатного органа, и только благодаря отдельным бюллетеням, разовым изданиям, публиковавшимся на турецком или других языках, можно судить о ее программе. Целью Демократической партии Турецкого Курдистана являлась борьба за административную автономию курдского народа в рамках Турецкой Республики, за признание прав курдского народа, за развитие национальной культуры и национального языка, за национальную свободу курдов. К середине 60-х годов эта партия стала оказывать заметное влияние в Турецком Курдистане [85, с. 194].

В ноябре 1966 г. ДПТК в числе других братских партий присутствовала на съезде Демократической партии Курдистана (ДПК), который состоялся в Галала (Иракский Курдистан) [169, с. 240]. Именно в этот период ДПТК временно свернула свою деятельность, резко уменьшила активность внутри страны. Такое решение было вызвано событиями в Ираке, где под руководством Демократической партии Курдистана (ДПК) курды усилили борьбу за административную автономию Иракского Курдистана в рамках Иракской Республики.

Лидеры ДПТК по достоинству оценили значение событий в Северном Ираке для всего курдского осво-

бодительного движения. Они приняли решение оказывать содействие ДПК в ее самоотверженной борьбе за национальные права курдов в Ираке. По существу ДПТК находилась под значительным влиянием М. Барзани и по сути дела она была отделением ДПК в Турции.

По данным Жан-Пьера Вьено, члена кафедры истории и культуры курдов Сорбоннского университета [224, 1971, № 2, с. 8], упомянутое отделение было создано в 1967 г. Один из его основателей депутат от Урфы Фаик Буджак был вероломно убит. Среди других курдских подпольных организаций в Турции Вьено упоминал также партию Освобождения курдов Турции, Ассоциацию свободы, а также Организацию бойцов Курдистана [254, 1971, № 40]. Все эти курдские организации осуществляли свою деятельность в глубоком подполье.

Интересы курдского движения требовали координации действий курдских подпольных организаций. Поэтому, как заявил в своем интервью ливанскому журналу «Аль-Хадаф» (Бейрут) один из представителей ДПТК, в 1970 г. состоялся учредительный съезд Демократической партии Турецкого Курдистана, который объединил в единой организации ячейки, начавшие возникать еще в конце 1950-х годов. Съезд принял программу партии, которая включала положение о праве наций на самоопределение, о предоставлении курдскому народу права самому решать свою судьбу в рамках Турецкой Республики [242, 1975, № 284, с. 16—18].

Наряду с подпольными курдскими политическими партиями и группами в конце 60-х годов стали возникать легальные молодежные и другие общественные организации и общества. Так, по инициативе курдской фракции Рабочей партии Турции в августе 1969 г. были созданы Революционные культурные очаги Востока (РКОВ), которые охватывали почти все основные города и другие крупные населенные пункты Турецкого Курдистана.

Созданные в Анкаре, Стамбуле, Диярбакыре, Сивьяне и других городах Восточной Анатолии РКОВ представляли собой не оформленную юридически федерацию формально самостоятельных одноименных организаций курдских студентов и представителей интеллигенции; РКОВ насчитывала около 20 тысяч человек [174, с. 46].

Соответствующие документы гласят, что эта организация, опираясь на солидарность, всеобщее просвещение, единство действий студенческой молодежи, а также представителей интеллигенции, стремится развивать и распространять революционную идеологию. Все ее члены верят в свободу мысли в рамках конституции Турецкой Республики и всемирной международной декларации прав человека... Для достижения своих целей организация будет устраивать собрания, проводить соревнования, выставки, осуществлять в рамках закона различные просветительные и культурные мероприятия» [121, с. 451].

Иными словами, РКОВ были призваны содействовать развитию и популяризации курдского языка, фольклора, а также истории и литературы курдов. Представители этой организации, хотя и были вынуждены проявлять некоторую осторожность в своих устных выступлениях, начали публиковать исключительно смелые (в политических условиях Турции) статьи. Они издавали бюллетени, в которых говорилось о «народах Турции», о карательных операциях в Турецком Курдистане, проводимых отрядами «командос» и жандармерией [254, 1971, № 40].

1969—1971 гг. только анкарская и стамбульская организации выпустили девять бюллетеней и опубликовали 24 других документа, в том числе несколько воззваний, копии которых адресовались президенту и премьер-министру Турции [33, с. 24—25].

РКОВ осуществляли деятельность в тесной связи с Рабочей партией Турции, которая имела свои организации в Турецком Курдистане.

Вначале РПТ не занимала ясной позиции по курдскому вопросу. Только некоторые ее представители (главным образом курдской национальности) лично выражали осуждение официальной политики по отношению к курдам, отказываясь в то же время рассматривать «восточный вопрос» только как проявление «неравномерного развития капитализма». Постепенно руководство РПТ стало считать, что решение социально-экономических вопросов востока страны во многом зависит от решения национальной курдской проблемы. Впервые эту зависимость отметил М. А. Айбар в своем выступлении на заседании Генерального исполнительного комитета, состоявшегося 12 марта 1963 г. в Газипантеле [115, с. 275—285].

Однако программа РПТ, принятая в 1964 г., не отразила в полной мере эту зависимость. Вместе с тем программа РПТ признавала равноправие граждан независимо от национальности, расы, языка, а также выступала за охрану прав национальных меньшинств и считала, что все равны независимо от языка, расы, пола, политических убеждений, веры и религиозной принадлежности. [60, с. 80—82]. По существу это положение повторяло содержание статьи 12 турецкой конституции 1961 г.

В условиях обострения курдского вопроса в стране все это оказалось недостаточным. РПТ необходимо было более четко определить свое отношение к курдской проблеме. В ноябре 1966 г. в Малатье состоялся II съезд РПТ. На съезде был поднят вопрос о положении в восточных вилайетах. Так, председатель партийной организации Тунджели адвокат Кемаль Буркай отметил, что на Востоке все еще сильно традиционное влияние, еще невозможно народу рассматривать свои непосредственные проблемы с классовых позиций. Необходимо также иметь в виду, что этот народ расчленен по религиозным признакам. Эти обстоятельства используют господствующие круги» [240, 1966, № 192, с. 16]. Поэтому К. Буркай предлагал усилить партийную работу в восточных вилайетах страны.

Обсудив эту проблему, съезд принял следующее решение: «РПТ, наши трудящиеся массы, наша социалистическая интеллигенция считают, что подобно каждой актуальной проблеме, проблема Востока, эксплуатируемого материально и морально, требует изучения». В связи с этим съезд поручил руководящим органам партии заняться этой проблемой [240, 1966, № 192, с. 16].

На III съезде РПТ, состоявшемся в ноябре 1968 г. вновь был поднят вопрос о восточных вилайетах. Выступая на съезде его участник Наджи Кутлай отметил, что в рабочем докладе съезда М. А. Айбаром не было уделено должного внимания востоку страны с его проблемами. Далее он подверг резкой критике деятельность депутатов меджлиса от Турецкого Курдистана, которые даже не приезжают в свои избирательные округа. В заключение Н. Кутлай призвал РПТ заняться проблемами Востока, жителей которого не пускают даже в больницы только потому, что они говорят на других языках [201, 1968, № 351, с. 4].

Обсудив наряду с другими вопросами и проблему Востока, III съезд в своем решении записал: «Несмотря на положение нашей конституции, определяющее равенство между нашими гражданами без различия языка, расы, политических взглядов, философских и других убеждений и вероисповедания, по отношению к нашим соотечественникам, говорящим на курдском и арабском языках, допускается пренебрежение, и их угнетают в восточных и юго-восточных вилайетах... Необходимо иметь в виду также психико-социологические факторы, потому что только таким путем можно будет по-настоящему проанализировать сложившуюся ситуацию» [232, 1969, № 25, с. 4].

Далее в решении съезда говорилось, что РПТ, уважая убеждения рабочих и вероисповедания различных представителей народа, открыто выступает против пренебрежения и угнетения и считает необходимым призвать, чтобы управление по делам религии учитывало все верования, а также обеспечило равенство между ними во всех областях [232, 1969, № 25, с. 4].

Итоги II и III съездов свидетельствовали, что РПТ до 1969 г. не имела четкой программы действий по курдскому вопросу. Решающий шаг был сделан во время IV съезда партии, проходившего в Анкаре с 28 по 31 октября 1970 г. Съезд принял специальную резолюцию по курдскому вопросу. Она отличалась ясностью и смелостью и имела поистине историческое значение, поскольку ознаменовала начало нового этапа в курдско-турецких отношениях. Ниже приводим полный текст этой резолюции.

«Четвертый съезд Рабочей партии Турции публично заявляет, что на Востоке Турции существует курдский народ;

с самого начала фашистский режим, утвержденный господствующими классами, проводил по отношению к курдскому народу политику угнетения, террора и ассимиляции, которая нередко принимала форму кровавых операций;

одной из основных причин отсталости района, в котором живет курдский народ, является, помимо последствий действия закона о неравномерном развитии капитализма, социальная и экономическая политика господствующих классов; по этой причине отношение к «восточной проблеме» как проблеме развития восточ-

ного района является ничем иным как проявлением националистическо-шовинистической идеологии господствующих классов;

поддержка нашей партией, которая является непримиримым врагом антидемократических, фашистских и националистическо-шовинистических течений, борьбы курдского народа за признание за ним конституционных гражданских прав и удовлетворение всех демократических требований и чаяний, является естественным и необходимым долгом;

необходимо, чтобы курдские и турецкие социалисты работали бы бок о бок в рядах партии, дабы борьба за осуществление требований и чаяний курдского народа дополнялась борьбой за социалистическую революцию, образуя единую революционную войну, борьба, которую ведут рабочий класс и его передовая организация, какой является наша партия;

уничтожение в рабочих и социалистических кругах расистской, буржуазной и националистическо-шовинистической идеологии в отношении курдского народа, является одним из основных факторов развития партии и ее идеологической борьбы; партия рассматривает курдскую проблему, исходя из «ужд революционной и социалистической борьбы рабочего класса» [53, с. 205—206].

Резолюция IV съезда РПТ по курдскому вопросу нашла широкий отклик в кругах прогрессивной общественности как внутри страны, так и вне ее. Она означала новый этап в истории развития турецко-курдских отношений, в основе которых лежала не сделка господствующих классов обеих сторон, а союз прогрессивных революционных сил турецкого и курдского народов, предусматривающий борьбу за уничтожение всякого национального и социального угнетения.

В поддержку резолюции IV съезда выступил Курдский студенческий союз в Европе, который 1 января 1971 г. опубликовал специальное сообщение по этому поводу. В нем говорилось, что Курдский студенческий союз в Европе, усвоивший коммунистические идеи... заявляет о своей поддержке борцов РПТ и шлет пламенный привет Рабочей партии, которая с самого начала прилагала усилия для достижения справедливого урегулирования курдского вопроса в Турции. Союз призвал все прогрессивные марксистско-ленинские ор-

ганизации и демократические партии занять прочную позицию в курдском вопросе и помочь курдскому народу в его национально-освободительной борьбе [см. 243, 9. IV. 1971; 174, с. 60—61].

6. Усиление карательных операций в Турецком Курдистане и Западной Армении

Лозунги и конкретные действия политических и общественных организаций, руководящих курдским движением, свидетельствуют о том, что к концу 60-х годов борьба курдов Турции стала шириться и крепнуть на антиимпериалистической основе. В этот период началось сближение курдского национального движения с борьбой турецких левых сил за расширение демократических свобод народов Турции, за устранение экономического и социального неравенства между ними, за изгнание американского империализма из страны, против антинародной политики режима Партии справедливости.

Такое развитие событий, естественно, не устраивало турецкие правящие круги и международную реакцию, которые боялись возникновения единого антиимпериалистического фронта прогрессивных сил страны и поэтому решили нанести новый удар по национальному движению курдов.

В начале 70-х годов отряды «командос» и турецкой жандармерии совершили налеты в Хаккяри, Мардине, Сильване, Батмане, Бисмиле, Диярбакыре, Малазгирте, Тутаке, Текмане, Караязы, Киги. Эти налеты сопровождались массовыми арестами курдов, насилием над мирным населением Курдистана. Так, в начале апреля 1970 г. 2000 вооруженных «командос» под предлогом конфискации оружия осадили Сильван, жители которого проводили кампанию неповиновения местным властям в знак протеста против антикурдской политики правительства. В течение 17 часов турецкие каратели обыскивали дома, пытали мужчин, насильовали женщин и девушек. Они арестовали более 3000 курдов [174, с. 47—48], 80% которых были мужчины [209, 9. IV. 1970]. Когда представители курдов, обращаясь к жандармским офицерам говорили об антиконституционном характере их действий, последние отвечали: «Конституция нас не остановит, мы получили приказ от высоких

нистанций» [121, с. 43]. Более того, избивая курдов, специально обученные «командос» употребляли оскорбительные слова: «хвостатый курд», «барзанистский пес» [193, 25, 28. VII. 1970].

В связи с действиями турецких жандармов в Сильване и других районах Турецкого Курдистана возник вопрос, не пытаются ли турецкие власти спровоцировать вооруженное восстание, чтобы обезглавить и разгромить национальное движение курдов и свести его до уровня периода 1938—1960 гг., когда обескровленное и разгромленное курдское подполье только собиралось с силами.

Население Сильвана направило РКОВ письмо, в котором говорилось о насилиях, совершаемых турецкими жандармами над жителями Сильвана [200, 1970, № 26, с. 7]. В связи с этим Стамбульское отделение РКОВ опубликовало воззвание, требуя от властей прекратить террор в восточных вилайетах. В воззвании отмечалось, что «незаконные обыски, массовые аресты, изнасилования женщин и девушек, нежелание привлечь к ответственности истинных виновников бесчеловечных действий в Сильване в своей основе являлось одним из проявлений фашистского и расистского террора, который уже много лет проводили государственные органы.

Наш народ ведет борьбу за демократию. Эта борьба не прекратится до тех пор, пока не будут завоеваны основные демократические права. Кроме того, без установления демократии на Востоке, демократия в Турции всегда будет находиться под угрозой... Мы призываем всех патриотов, прогрессивных деятелей выступить против фашистских мер, проводимых с целью вызвать открытые столкновения между народами... Народы Турции не поддадутся на провокации и вместе будут бороться против империалистов и его местных агентов, за приближение революции» [187, 1970, № 173, с. 5]. Подобное же воззвание опубликовало Анкарское отделение Революционных культурных очагов Востока.

В связи с событиями в Сильване опубликовали свои обращения к народам Турции Стамбульский исполнительный комитет Федерации революционной молодежи Турции, Студенческий союз Стамбульского технического университета, общества взаимопомощи, культуры и высшего образования Мардина, Диярбакыра, Каракочана, Адыямана, Бингёля, Сиверека, Дерика, Мидьята и Агры.

В одном из воззваний этих обществ к народам Турции, в частности, говорилось: «В Сильван вторглись отряды «командос», словно Сильван поднял восстание: 6 вертолетов, 200 бронетранспортеров, 2000 полностью вооруженных жандармов и «командос» под прикрытием самолетов-ракетоносцев окружили Сильван, установили в уезде осадное положение. В ходе крупной операции «командос» население Сильвана подверглось пыткам и избиениям. Мужчины Сильвана были арестованы... в домах совершены обыски, а женщины и дети подверглись насилиям... Что означает это нападение на Сильван, совершенное 8 апреля 1970 г.? Эти действия являются продолжением событий в Тунджели. Главную ответственность за все несут власти. Однако, помимо властей, имеются скрытые силы, которые поддерживают их действия на востоке страны... Мы знаем, что скрытые силы представляют империалистическую Америку... Необходимо ликвидировать гнет в Восточной Анатолии. Переживая кризис, политическая власть, враги демократии, империалистическая Америка, взирая на нефтяные и минеральные богатства, ведут опасную игру в Восточной Анатолии. Однако население Восточной Анатолии не даст себя спровоцировать, подобно тому как оно поддалось провокации 50 лет назад. Восточная Анатолия требует демократии, уважения к человеческим правам. Мы призываем все революционные организации способствовать тому, чтобы игра, которую затеяли в Восточной Анатолии враги, провалилась» [Цит. по 121, с. 411].

Одновременно общества взаимопомощи, культуры и высшего образования распространили в Диярбакыре другое воззвание к народам Турции. В нем вначале приводились содержания статей 4, 14 и 16 конституции 1961 г., в которых провозглашалась неприкосновенность личности и жилищ турецких граждан. «Вот уже три месяца,—говорилось далее в воззвании,—как в наших юго-восточных вилайетах открыто попирается конституция. В соответствии с решением правительства Партии справедливости... в вилайетах Диярбакыр, Мардин, Сиврт и Муш установлена антиконституционная форма правления, командос в деревнях и поселках... проводят незаконные обыски, сгоняют граждан в лагеря... учиняют насилие над ними... В течение шестилетнего правления Партия справедливости, поощряя беззаконие и воровство, порождало лишь беспорядки. Те-

перь под предлогом установления порядка, поощряя зачинщиков, совершает насилие над бедным мирным населением.

Прискорбным представляется то, что «независимые» административные органы фактически потворствуют антиконституционным, антизаконным действиям и таким образом не выполняют возложенных на них законом обязанностей... Печально и то, что против этой антиконституционной формы правления не выступают политические партии и особенно депутаты от восточных вилайетов. Мы призываем всех честных людей и все прогрессивные организации объединиться вместе с нашим народом и выступить с протестом против этих действий» [121, с. 411].

Содержание этих воззваний курдских организаций и сам факт обращения к народам страны свидетельствовали о сравнительно высокой политической зрелости движения курдов Турции. Их призыв к народам Турции объединиться против американского засилья, антинародного режима Партии справедливости, в защиту национальных и социальных прав всех трудящихся означал, что курдские организации стали справедливо связывать удовлетворение своих национальных чаяний с общим развитием демократического движения в Турции.

Касаясь этого нового периода движения курдов, Жан-Пьер Вьено в статье «Курдистан. Раздираемая нация» писал: «Если верно, что анкарские руководители всегда несправедливо приравнивали курдские требования, даже самые робкие (например, право издавать газеты на курдском языке), к преступлению против территориальной целостности и единства республики, не менее верно и то, что недавнее сенсационное сближение турецких левых сил и курдского национального движения ставит под вопрос не только анкарский политический режим, но и самые основы современной Турции как государства, а также идеологию, порожденную турецкой «национальной революцией» 1919—1923 гг., —кемализм, который остается официальной идеологией современного турецкого государства» [254, 1971, № 40].

12 апреля 1970 г. РКОВ направили президенту Дж. Сунаю телеграмму, в которой осуждали насильственные действия отрядов «командос» над курдским населением Восточной Анатолии и требовали принять срочные меры против этих антиконституционных акций

турецких жандармов. 20 апреля секретариат при президенте направил ответ на эту телеграмму, требуя установить, какими именно источниками пользовались при расследовании событий, а соответствующие сведения срочно направить в генеральный секретариат при президенте.

Подобный ответ был просто-напросто отпиской. При желании президент сам мог непосредственно вмешаться и потребовать от соответствующих органов сведений о действиях турецких жандармов в восточных вилайетах. Более того, надо полагать, что эти антиконституционные акции были санкционированы самим президентом.

Тем не менее РКОВ сочли возможным направить группу из 16 студентов в районы действий турецких карателей с целью изучения и выяснения событий на месте. В результате эта группа подготовила доклад и направила его 15 мая 1970 г. Дж. Сунаю. В этом докладе говорилось о насилиях и зверствах, учиненных отрядами «командос» в различных населенных пунктах вилайетов Диярбакыр и Мардин. В заключении отмечалось: «Уважаемый президент... политика гнета, насилия и геноцида, которая осуществляется в отношении народа, проживающего на востоке и юго-востоке Турции, на наш взгляд, является результатом действий, выходящих за рамки закона и человечности. Что означают эти акции, совершаемые под предлогом «поисков бандитов»? Если взглянуть на историю Турции, то станет очевидным, что акты бесчеловечных насилий и гнет в этом районе страны—не первые и не последние. Со времени установления Республики они совершались под различными предлогами, а последние осуществлялись под предлогом «поисков бандитов». Несмотря на это, бандиты свободно гуляют и получают помощь и поддержку со стороны влиятельных ага этого района.

Отныне граждане Востока лишены прав на личную безопасность и неприкосновенность имущества. Одну ночь совершают над ними насилия бандиты,—другую—жандармы. Гнет, убийство людей, изнасилование женщин, установление новых налогов на хозяйства и других поборов... растоптали конституцию 1961 г. Людей из-за различия языка, одежды, облика избивали и бросили в специальные лагеря... Политические акробаты посредством различных лозунгов крадут голоса избирателей, а придя к власти, посылают на Восток лишь жан-

дармов. Эти неправильные антизаконные действия властей вызывают антагонизм между народом и государственным режимом, и народ в значительной мере отныне стал терять доверие к государственным органам. Будучи революционными студентами Востока, мы резко осуждаем эти незаконные акции и заявляем, что отныне и всегда всеми силами будем бороться против подобных действий властей» [121, с. 412—414].

Реакция турецких руководителей на события в восточных вилайетах продемонстрировала не только их нежелание заняться решением курдской проблемы на гуманной основе, но стремление продолжать репрессии против местных курдов. Так, в беседе с лидерами политических партий в начале июня 1970 г. президент Сунай, касаясь событий в Турецком Курдистане, сказал: «Имеют место действия... которые угрожают целостности государства. В частности, на востоке курды-коммунисты во имя создания самостоятельного государства изыскивают возможности взбудоражить массы. Используя некоторые организации, они хотят активизироваться и перейти к действиям, которые помогли бы им добиться желаемого. Как видно, крайне левые, действующие от имени «турецких народов», стремятся раздробить нацию на очень много мелких частей: от курдов до черкесов» [209, 8. VI. 1970].

В середине июня, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Джумхуриет» Кемала Айдара, президент сказал: «Как и раньше, теперь в государстве и вне его существуют идеология и действия, направленные против его целостности. Однако никто не должен сомневаться в том, что как и раньше, эти действия обречены на провал» [193, 14. VI. 1970].

Отвечая на тот же вопрос корреспондента «Акшам» Айдына Сойсала, Сунай говорил: «Как в стране, так и вне ее некие лица пытаются по-новому осветить события и историческую действительность с тем, чтобы использовать турецких граждан Восточной Анатолии для достижения своих целей. Однако государство и правительство бдительны... Нельзя допустить, чтобы намерения и действия, направленные на расчленение страны, достигли бы такого размаха, при котором бы возникла угроза национальной безопасности... Как государство, так и правительство знают об этих планах и в силах немедленно подавить их» [185, 16. VI. 1970]. Примерно то же самое он повторил по радио в конце августа

1970 г. в своем выступлении в связи с национальным праздником [См. 193, 30. VIII. 1970].

Ответы Дж. Суная на волнующие турецкую общественность вопросы свидетельствовали о том, что правящие круги не были намерены серьезно заниматься решением проблем в интересах прогрессивных сил, в интересах демократического развития Турецкой Республики.

6 июля 1970 г. РПТ направила президенту Дж. Сунаю меморандум, который касался различных актуальных проблем современной Турции, требовавших решения. В разделе о действиях «командос» в Юго-Восточной Анатолии РПТ осуждала насилия и бесчинства турецких жандармов в курдских районах, совершаемых под предлогом «поисков оружия». Если власти действительно ищут оружие и преступников, говорилось в меморандуме, то почему именно в юго-восточных вилайетах. Не потому ли, что в этих вилайетах проживают народы, говорящие на курдском и отчасти на арабском языках? Если так, то все эти действия противоречат статье 12 конституции, согласно которой все граждане Турции равны перед законом независимо от языка, расы, религии и вероисповедания. В заключение отмечалось, что подобная внутренняя политика не только не соответствует сохранению целостности государства, а напротив—открывает пути для его расчленения [193, 9. VII. 1970].

Несмотря на требования прогрессивной общественности положить конец бесчинствам отрядов «командос», насилия над курдами продолжались. Так, 11 июля 1970 г. отряды «командос» и жандармерии совершили налет на деревню Бойкёй (уезд Текман, вилайет Эрзурум) и надругались над ее жителями. В связи с этим группа жителей Бойкёя (Али Аккуш, Керем Аккуш, Мехмед Акбаба, Фейзулла Сёзлер, Абдульбари Сёзлер) обратились к прокурору Эрзурума с требованием привлечь к судебной ответственности двух офицеров, начальника жандармерии Текмана и командира регулярных отрядов «командос», которые возглавляли карателей, совершавших налет на деревню Бойкёй. Как отмечалось в этом обращении, отряды «командос» за час до наступления темноты окружили деревню и силой выгнали всех крестьян из своих домов. Затем, отделив мужчин от женщин, построили их в ряд друг против друга. После этого начальник жандармерии Текман

потребовал от мужчин принести оружие. Тогда несколько жителей деревни Исмаил Таштан, Фареки Курдере, Абдульбари Ишык пошли домой и принесли ружья, оставшиеся у них еще от дедов, и передали жандармам. Тем не менее офицеры продолжали требовать оружие. Более того, они повели Мехмеда Акбабу и Керема Аккуша в долину и там избили их. Затем жандармы стали обыскивать женщин и приставать к ним. Не довольствуясь этим, они раздели Мехмеда Акбабу перед женщинами и угрожали ему и другим мужчинам еще худшими надругательствами, если не будет сдано оружие. В заключение группа жителей деревни Бойкёй требовала наказать виновников этих надругательств [190, 1970, № 22, с. 317—322]. Подобные насилия совершались и в других курдских районах. Официальные власти пытались отрицать эти факты. Для этой цели они организовали выступление в печати офицера отрядов «командос», который отрицал факты избиения жителей курдских деревень, но признал, что мужчин раздевал перед женщинами и детьми, чтобы заставить их принести оружие. Следует отметить, что подобного рода надругательство для любого курда было равносильно смерти. Даже в старые времена курдские беи очень редко прибегали к этой мере, которая была очень суровым наказанием в условиях феодального строя, племенной организации курдского общества. И. Бешикчи пишет, что лицо, по отношению к которому было применено такое наказание, практически оказывалось вне общества и потому было вынуждено пойти на самоубийство [121, с. 419].

В связи с тем, что террор в восточных вилайетах продолжался, в конце июня 1970 г. депутат Великого национального собрания Турции М. А. Айбар потребовал от премьер-министра обсудить вопрос в меджлисе. Во время обсуждения он в своем выступлении привел факты избиения мирного населения, квалифицировал действия отрядов «командос» как антиконституционные. Он говорил: «Граждане Востока подвергаются избиению из-за того, что они говорят на своем родном языке... Зарывая голову в песок, словно страус, вы не сможете решить ни одной проблемы. Политика террора и насилия на Востоке вас приведет совершенно к иным результатам. Террор—обоюдоострое оружие» [193, 25. VII. 1970].

В своем ответе министр внутренних дел правительства Партии справедливости постарался оправдать насилие над курдами, ссылаясь на их враждебную по отношению к государству деятельность, на связь с левыми силами. По его заявлению, эти налеты совершались с целью «обнаружения контрабандного оружия и бандитов». Далее, обращаясь к Айбару, он воскликнул: «Айбар не сможет превратить патриотическое и националистическое население Востока в слепых последователей красной идеологии». Тогда Айбар вновь спросил министра: «Совершается насилие или нет?». За это представитель правительства обрушился на него, используя затасканные слова и выражения из арсенала официальной пропаганды. «В то время, как мы преисполнены любви к турецким гражданам, крайне левые и вы, забив себе головы красной идеологией, черните все» [193, 28. VII. 1970].

Как и следовало ожидать, Национальная палата, состоявшая главным образом из представителей господствующей турецкой нации, не стала рассматривать запрос об антикурдских действиях властей на востоке страны. Правда, по данным курдской зарубежной прессы, в ВНСТ были представлены 80—90 депутатов курдского происхождения. Но подавляющее большинство «курдских» депутатов выражали интересы крупной курдской торговой буржуазии, ага, шейхов, помещиков, которые в сотрудничестве с турецкими и другими некурдскими господствующими слоями эксплуатировали трудящихся многонациональной Турции. Они, как правило, жили в городах и приезжали в курдские районы лишь для участия в кампаниях, организуемых перед выборами в ВНСТ, и поэтому нужды курдского крестьянства их интересовали очень мало.

«Наши феодалы,—писал печатный орган «Хевры»,—пользуясь существующим режимом, спокойно живут себе, превратились в дудку, на которой можно играть за деньги и, объединившись, превратились в препятствие № 1 на пути нашего движения вперед, в нашей демократической и народной борьбе» [224. 1972, № 2, с. 4].

Касаясь сотрудничества внутренней и внешней реакции по подавлению движения курдов в Турции, Конгресс Генерального исполнительного комитета профсоюза университетских ассистентов, состоявшийся 12—13 сентября 1970 г., опубликовал воззвание следующей

го содержания: «Фашистский террор в Восточной Анатолии, начатый действиями отрядов «командос», является естественным результатом враждебной народу политики господствующих классов Востока и Запада, эксплуатирующих народы Востока. В настоящее время это насилие совершается над революционерами университета Ататюрка. Террор, организованный именитыми гражданами и феодалами Эрзурума, а также профессорами, воспитанными в духе сотрудничества с американцами, является одним из проявлений реакционной политики, которую на Востоке проводит империализм в союзе с посреднической буржуазией и феодалами-тиранами» [121, с. 420—421].

Все это свидетельствовало о том, что решение курдской проблемы в стране было тесно связано с развитием общедемократических свобод, прогрессивного движения молодежи и интеллигенции, а также от хода революционной борьбы пролетариата Турции.

ГЛАВА VI.

КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУРЦИИ В 70-х—НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ

1. Меморандум 12 марта 1971 г. и утверждение режима террора в стране

Движение за предоставление национальных прав курдам, за прекращение террора и насилия в Турецком Курдистане развивалось на фоне усиления борьбы трудящихся за свои социально-экономические и политические права, за расширение демократических свобод, против политики империализма и его агентов в Турции. В этой борьбе принимали участие главным образом рабочие, молодежь (особенно студенчество, а также представители прогрессивной интеллигенции.

В этих условиях турецкая реакция в лице высшего генералитета турецкой армии решила нанести удар по демократическому движению в стране. 12 марта 1971 г. от имени турецких вооруженных сил начальник генштаба армейский генерал Мемдух Тагмач, командующие родами войск генералы Фарук Гюрлер, Джемяль Эйджиоглу, Ихсан Батур направили президенту, председателю сената и национальной палаты ВНСТ меморандум, более похожий на ультиматум. В этом меморандуме говорилось, что бездеятельность парламента и правительства привели к анархии, борьбе между братьями, а также социально-экономическим беспорядкам, и потому следует создать надпартийное правительство, которое устранил беспорядки в стране и осуществит реформы, предусмотренные конституцией на принципах Ататюрка. В противном случае вооруженные силы будут вынуждены взять власть в свои руки [130, с. 273—274].

В тот же день правительство Партии справедливости во главе с С. Демирелем, находившееся у власти с 1965 г., ушло в отставку.

Последующие события показали, что несмотря на упоминания о «реформах», вмешательство генералитета было осуществлено с целью жестокими методами подавить растущее рабочее движение, борьбу прогрес-

сивной части турецкой молодежи и интеллигенции, а также выступления курдского населения, добивавшегося признания своих национальных прав.

26 марта 1971 г. было сформировано первое «надпартийное» правительство Нихата Эрима, которое 26 апреля объявило чрезвычайное положение в вилайетах Стамбул, Коджаэли, Диярбакыр, Сирут сроком на один месяц. В дальнейшем чрезвычайное положение в этих вилайетах неоднократно продлевалось. Таким образом, чрезвычайное положение было объявлено в главных административных и промышленных центрах страны, где была сосредоточена основная масса турецкого пролетариата, студенчества и прогрессивной интеллигенции, а также в юго-восточных вилайетах, где курдское движение особенно беспокоило турецкие реакционные круги.

Получив чрезвычайные полномочия, турецкие власти начали принимать меры, направленные на подавление всех форм демократического и прогрессивного движения в стране, на запрет левых политических организаций, обществ и органов печати.

21 июля 1971 г. турецкие власти объявили о запрете Рабочей партии Турции (фактически она была запрещена 21 января 1971 г.) [53, с. 12], а руководители ее с генеральным председателем партии Бехидже Боран были преданы специальному суду, учрежденному в условиях чрезвычайного положения; суд приговорил их к различным срокам тюремного заключения.

Формальным поводом для запрещения деятельности РПТ конституционный суд счел решения IV конгресса этой партии, и в частности решение, относящееся к курдской проблеме, в которой признавалось наличие этой проблемы в стране и констатировалось, что к ее решению следует подходить с позиций революционной борьбы рабочего класса [53, с. 12].

С целью ограничения буржуазных свобод в сентябре 1971 г. реакционная часть депутатов провела через ВНСТ изменения более 30 статей конституции 1961 г., считая саму конституцию, по словам Н. Эрима, недоуздочной роскошью для Турции. Выступая в защиту изменения статей конституции, мер по ограничению буржуазных свобод, премьер-министр Н. Эрим говорил, что в стране существует опасность и что «из востоке страны командование, используя чрезвычайное

положение, ежедневно арестовывает "новых преступников" [193, 14. IX. 1971].

Особенно свирепствовали чрезвычайные суды — военные трибуналы. Так, в первой половине мая 1971 г. в Диярбакире состоялось заседание суда, рассмотревшее дело группы лиц (22 человека), обвиненных «в намерении создать курдское государство». Все они были членами РКОВ. [199, 11. V. 1971]. В конце июня 1971 г. в Мардине полиция арестовала двух лиц, у которых «была обнаружена литература по курдскому вопросу», а в Диярбакире — 11 человек, имевших огнестрельное оружие различного типа [193, 23. VI. 1971]. В это время были арестованы такие представители курдской интеллигенции, как Тарык Зия Экинджи, Джанип Йылдырым, Кемаль Буркай, Наджи Кутлай, Мехди Зана, М. Эмин Бозарслан, Юсуф Экинджи и сотни других прогрессивных курдских деятелей [224, 1971, № 2, с. 2].

После объявления чрезвычайного положения, по данным курдской зарубежной прогрессивной печати, только в Диярбакире и Сильване было арестовано 4000 курдов [224, 1971, № 2, с. 2].

Аресты и террор в Курдистане продолжались и в течении 1972 г. В феврале 1972 г. командование чрезвычайным положением в Диярбакире и Сиирте опубликовало коммюнике (№ 30), в котором говорилось, что с 7 по 18 февраля 1972 г. в результате проведенной операции арестованы десять студентов в Диярбакире, 4 преподавателя, 1 издатель, 1 продавец и 1 студент лица. Они обвинялись в создании подпольной организации, которая якобы ставила целью «устранить конституционный и демократический строй» в Турции, «поднять народ на вооруженное восстание, нарушить национальное единство и целостность страны» [216, 20. II. 1972].

17 апреля того же года в Диярбакире состоялось собрание во главе с министром внутренних дел Феритом Кубатом, которое рассмотрело проблемы, связанные с юго-восточными вилайетами Турции. В нем приняли участие командующий войсками жандармерии армейский генерал Кемалеттин Экен, Генеральный директор Управления госбезопасности Орхан Эрбуг, губернаторы, руководители отделов госбезопасности и командиры жандармских сил вилайетов Адыяман, Муш, Мардин, Бингёль, Сиирт, Малатья, Урфа, Битлис, Эля-

зыг и Диярбакыр [216, 17. IV. 1972]. На собрании речь шла об усилении карательных акций в Турецком Курдистане. В конце апреля 1972 г. командование чрезвычайным положением в вилайетах Диярбакыр и Сиирт опубликовало коммюнике (№ 63), в котором подводило итог карательным действиям военных властей. В этом коммюнике говорилось, что в результате 10.230 доносов было арестовано свыше 10 тыс. человек [216, 28. IV. 1972].

В мае 1972 г. чрезвычайный суд занялся рассмотрением дел руководителей и членов Демократической партии Турецкого Курдистана. Среди них были Абдулькадыр Октеман, Себап Бильгич, Агыт Танрыкулу, Ариф Зейрек, Хуршид Онук, Мехмет Тайфан, Тахир Октем, Хасан Октем, Мехмет Гюндюз, Рамазан Халымоглу, Юсуф Углу, Абдуллах Кайальп Татар, Абдул Джелиль Эркан, Сабри Весек, Шерафеттин Эльчи, Нуреттин Шык, Фадиль Чифтчи, Надир Чифтчи, Ахмет Каяр, Юсуф Билек, Абди Онер, Селяхаттин Теймурташ, Таха Геренташ, Фахреттин Явуз, Сулейман Факхан, Кайа Багдур, Эдип Карахан, Муса Антер, Зюлькюф Шахин. Несколько человек судили заочно, так как они находились за границей, в том числе: доктора Саита Кырмызытопрака, доктора Файка Саваша, Назми Балкаса, Хикмета Булуттекина, Хасана Йыкылмышы и Али Каплана [216, 23. V. 1972].

Все они были приговорены к различным срокам заключения. В конце мая того же года председатель РКОВ Юмню Будаг за статью «Полицейские ворвались в университет» Первым военным трибуналом Анкары был приговорен к одному году тюремного заключения с последующей ссылкой в Кастамону [216, 26. V. 1972]. В середине июля 1972 г. в уездном центре Хильван (вилайет Урфа) были арестованы директор начальной школы Сейхмус Хаджиюсуфоглу и Мехмет Накчи по обвинению в пропаганде «коммунизма и курдизма» [193, 13. VII. 1872]. 21 июля в военном трибунале командования чрезвычайным положением в вилайетах Диярбакыр и Сиирт закончился судебный процесс над преподавателями средней школы уездного центра Ташлычай (вилайет Агры) Ихсаном Демирджи и Неджати Гюнешем, а также председателем местной организации Рабочей партии Турции вилайета Агры Феритом Шахином. Они обвинялись в пропаганде «коммунизма и курдизма». Трибунал приговорил Ферита

Шахина и Неджати Гюнеша к 5 годам и 10 месяцам тюремного заключения каждого, а Ихсана Демирджи—к 4 годам и 10 месяцам тюремного заключения [216, 22. VII. 1972].

В августе 1972 г. видный турецкий социолог Исмаил Бешикчи военным трибуналом в Диярбакире был приговорен к 13 годам тюремного заключения по обвинению в пропаганде «коммунизма и курдизма». В обвинении говорилось, что в 1967—1971 гг. И. Бешикчи в своих лекциях и трудах вел пропаганду «коммунизма и курдизма» в университете им. Ататюрка (Эрзурум) и в таких организациях как Рабочая партия Турции, «Дев-Генч» и РКОВ [216, 15. VIII. 1972].

Наряду с арестами прогрессивных деятелей военные власти осуществляли карательные операции в курдских провинциях под видом маневров. 19 октября 1972 г. в районе Батмана (вилайет Сирт) начались маневры под кодовым названием «Булджа—1». В маневрах приняли участие сухопутные, военно-воздушные силы, войска жандармерии. Для наблюдения за ходом маневров в Батман прибыли президент Дж. Сунай, премьер-министр Ф. Мелен, начальник генерального штаба Гюрлер, командующие сухопутными, военно-воздушными, военно-морскими силами, а также другие офицеры турецкой армии [216, 20. XI. 1972].

Во время маневров войск были применены настоящие патроны, снаряды и напалмовые бомбы, которые уничтожали все живое вокруг. Турецкая печать поместила фотографию президента Дж. Суная и премьер-министра Ф. Мелена, которые с помощью бинокля следили за ходом «подавления противника» [216, 20. X. 1972]. После маневров президент дал высокую оценку турецким войскам. 21 октября газета «Терджуман» поместила статью под характерным названием: «Партизаны уничтожены и маневры завершены».

Все это свидетельствовало о заранее задуманной операции. Об этом легко судить по статье Эджвета Гюресина «Предупреждение Юго-Востоку», опубликованной в «Хюрриет» 22 октября 1972 г. В ней говорилось, что маневры «Булджа—1» были необычными маневрами. Они имели другой характер. Прежде всего во время маневров применялись не холостые, а настоящие патроны. Участие сухопутных, военно-воздушных сил, а также сил жандармерии, руководителей высшего командования вооруженных сил страны должно было по-

казать, что в случае восстания будут приняты именно такие меры. Заканчивая статью автор писал, что эти маневры будут строгим предупреждением для тех, кто сидя за столом, твердит: «В Турции живет не один народ, не одна нация, а живут различные народы», которым следует предоставить независимость. По данным газеты «Хюрриет» в уезде Батман население из 33 деревень было полностью эвакуировано в другие районы [209, 21. X. 1972]. Наряду с усилением карательных операций против курдов внутри страны турецкое правительство продолжало координацию действий по подавлению курдского движения в Курдистане по линии СЕНТО. Так, в середине июня 1973 г. в Тегеране состоялось заседание совета министров СЕНТО. По окончании заседания было опубликовано коммюнике, в котором сообщалось, что в условиях усиления подрывной и террористической деятельности партнеры по СЕНТО будут проявлять высокую бдительность [216, 13. VI. 1973]. Иными словами, правящие круги Турции и Ирана принимали меры с целью не допустить активизации курдского движения в этих странах.

Преследование прогрессивных деятелей в Курдистане продолжалось вплоть до парламентских выборов 1973 г. Эти выборы привели к власти коалиционное правительство Бюлента Эджевита, состоявшее из членов Народно-республиканской партии (НРП) и Партии национального благоденствия (ПНБ). Приход к власти правительства Б. Эджевита привел к оживлению политической жизни страны. Депутат НРП от вилайета Урфа Джелаль Байдаш в январе 1974 г. сделал устный запрос, адресованный председателю Национальной палаты, в котором осудил действия жандармов, открывших огонь по крестьянам деревень Урфы.

В этом запросе говорилось: «На Востоке страны к населению относятся как к гражданам второго сорта. Продолжающиеся необоснованные незаконные насилия стали причиной гибели многих граждан. 26 декабря 1973 г. в селе Алигёр уезда Сиджил военное подразделение под командованием Юсуфа Калинка по неизвестной причине, напав на жителей деревни, открыло огонь, в результате которого был убит наш невинный гражданин по имени Османоглу Сант Язар... Спустя несколько дней подобное происшествие произошло в деревне Мезрик вилайета Мардин, в результате которого было убито 2 и ранено несколько человек».

В заключении запроса депутат Дж Байлаш требовал строго наказать за эти противозаконные действия виновных жандармов. Таким образом, обострение курдской проблемы нашло отражение и в работе ВНСТ, что явилось знаменательным для курдского движения в стране.

В результате усилий НРП весной 1974 г. в ВНСТ был проведен закон об амнистии, в соответствии с которым стали выпускать из тюрем заключенных, в том числе и многих курдских деятелей левой ориентации. Очевидно для принятия этой гуманитарной акции наряду с внутренними причинами были и внешние. В частности, успехи курдского движения в Ираке, правительство которого в марте 1974 г. объявило о предоставлении курдам автономии в рамках Иракской Республики. Вместе с этим этот факт напугал правящие круги Турции. В известной мере можно объяснить то, что в середине марта 1974 г. командующий сухопутными силами турецкой армии армейский генерал Энреф Акынджи и командующий жандармскими войсками армейский генерал Орхан Питит осуществили инспекционную поездку по вилайетам Диярбакыр, Гизантеп, Урфа, Мардин, Сирт и некоторым другим, где состоялись военные маневры [209, 12-111, 1974], одна из целей которых была не допустить выступления курдов.

К середине 70-х годов наряду с активизацией левого движения в Турции оживилась деятельность курдов, которые начали создавать свои легальные и нелегальные организации, а также издавать журналы и газеты. В 1975 г. представители курдской молодежи в Стамбуле и Анкаре создали Революционно-демократические культурные общества (Девримджи Демократик Култур Дернеклери), в которые вошли и многие бывшие члены РКОВ. Эти общества осуществляли свою деятельность в Стамбуле, Анкаре, Измире, а также почти во всех центрах востока страны. На востоке наибольшую активность они проявляли в Диярбакыре, Кызылтепе, Дерике, Мазыдаге, Джизре, Хаккяри, Ване и др.

В Турецком Курдистане легально действовали также Революционно-демократическое общество женщин (Девримджи Демократик Кадынлар Дернейи— ДДКД) и союз «Революционно-демократический учитель»

(«Девримджи Демократ Ойретмен»), которые поддерживали шыванистов—сторонников обновленной Демократической партии Турецкого Курдистана [190, 19. VI. 1979].

В марте 1976 г. в Анкаре стал выходить на турецком и курдском языках прогрессивный ежемесячный журнал «Рызгари» («Освобождение»). Журнал ставил целью с «позиций исторического материализма» освещать как внутренние проблемы, так и международные события. Организаторы журнала «Рызгари» предполагали издавать его на курдском, турецком, английском, французском, арабском и персидском языках. В первом номере журнал поместил статьи антиимпериалистического содержания, а также материалы, освещающие курдское восстание 1925 г. В день выхода, т. е. 21 марта 1976 г., журнал был конфискован, а ответственный редактор Мехмет Узун арестован турецкими властями. Второй номер журнала вышел 21 апреля 1976 г. в Стамбуле, после чего турецкие власти запретили его издание [222, 1976, № 1, 2].

Несмотря на запреты изданий, судебные процессы над курдами, движение в Турецком Курдистане приняло широкий размах. В этот период здесь уже действовали в нелегальных и полуполициальных условиях такие курдские политические организации, как Демократическая партия Турецкого Курдистана, Рабочая партия Курдистана (шыванисты), Партия рабочих Курдистана (апоисты), Социалистическая партия Турецкого Курдистана, КУК (Курдистан улусул куртулушчулары—Национальные освободители Курдистана), «Ала-Рызгари», «Текошин», «Кава» и др.

Эти организации издавали газеты и журналы: «Рожа велют» («Солнце родины»), «Озгюрлюк Йолу» («Путь свободы»), «Рызгари» («Освобождение»), «Жина Ну» («Новая жизнь»), «Девримджи Демократ Генчлик» («Революционно-демократическая молодежь»), «Озгюрлюк» («Свобода»), «Текошин» («Борьба») и некоторые другие. В этих изданиях в рамках закона рассматривались различные аспекты курдской проблемы в Турции, критиковалась политика официальных властей и буржуазных партий по отношению к курдам, освещались социальные и национальные требования курдского народа.

Вместе с тем некоторые курдские организации стали создавать подпольные отряды боевиков, которые

оказывали сопротивление турецким властям, их ставленникам, а также некоторым курдским ага и шейхам, жестоко притеснявшим курдские трудящиеся массы.

2. Программные положения политических партий по курдскому вопросу в 70-х годах

Мы уже отмечали, что практически все буржуазные партии выступали против решения курдской проблемы на демократической основе. При этом они руководствовались идеологией крайнего буржуазного национализма, игнорирующей элементарные права национальных меньшинств, и в частности курдов. Любое признание за меньшинством национальных прав они рассматривали как раскол «единства» турецкой нации, как сепаратизм, предполагающий расчленение Турции.

Что касается прогрессивных левых сил Турции, то они прямо или косвенно признавали существование и остроту курдской проблемы в Турции. Однако подход к ее решению у них был разный.

Социалистическая рабочая партия Турции (СРПТ) прямо не признавала существование курдов и курдской проблемы в стране. Ее программа [214, 25. VI. 1974], принятая летом 1974 г., лишь косвенно признавала эту проблему и то как экономическую, а не национальную, этническую. Согласно программе СРПТ, жители Восточной Анатолии находились в самых неблагоприятных жизненных условиях и потому следовало улучшить их положение. Партия считала, что этого можно достигнуть лишь путем освобождения народа, победы в стране демократии, избавления от эксплуатации. СРПТ утверждала, что судьба сограждан Восточной Анатолии и других районов неотделима от судьбы всего народа Турции. Поэтому она выступала против «районированного подхода», который ослаблял демократическое народное движение и вносил тем самым раскол среди трудящихся. СРПТ усматривала решение проблемы не в развитии отдельных районов страны, а в полном экономическом и политическом освобождении рабочего класса, беднейшего крестьянства и всех трудящихся Турции. СРПТ заявляла о том, что и она, признавая существование религиозного, языкового и расового различия, будет бороться за единство и сплоченность народа во имя строительства ново-

го общества, которое принесет народу счастье. Вместе с тем, в своей программе СРПТ не давал сколько-нибудь конкретного решения курдской проблемы.

Из программы явствовало, что СРПТ вместо слов «курды» и «Курдистан» употребляла «жители Восточной Анатолии». Очевидно, такой подход был вызван стремлением этой партии уберечь себя от репрессий со стороны турецких властей. Тем не менее этот подход к решению столь важной проблемы был на руку турецким националистам, настораживал курдские прогрессивные силы, без поддержки которых трудно было рассчитывать на решение задач «строительства нового общества», о чем говорилось в программе СРПТ.

Другая легальная левая партия—Рабочая партия Турции (РПТ), несмотря на приведенное выше решение IV съезда, отказалась от своей в целом правильной позиции по курдскому вопросу. Так, руководство РПТ направило в конституционный суд письмо («Ответ обвинению»), в котором говорилось: «Фактически Рабочая партия Турции никогда не требовала для наших граждан курдского происхождения права или статуса национального меньшинства, а требовала лишь прекращения антиконституционных действий, осуществляемых по отношению к этим гражданам» [222, 1976, № 1, с. 43]. Это заявление явно противоречило решению IV съезда РПТ по курдскому вопросу. Оно нашло отражение в программе РПТ, принятой в 1975 г.

Новая программа Рабочей партии Турции практически обходила молчанием курдскую проблему, проблему национальных меньшинств. В ней лишь говорилось, что РПТ будет бороться против расистской и шовинистической политики, осуществляемой в стране [61, с. 42]. Правда, устав партии косвенно признавал существование национальных меньшинств в стране. Так, статья 2 устава РПТ гласила, что в партию могли вступать все граждане без различия расы, языка, веры и религиозного толка, пола и классовой принадлежности, признававшие устав и программу партии [61, с. 61].

Трудно объяснить, чем был вызван отход РПТ от своей в целом правильной позиции по курдскому вопросу. Может руководство ее не желало рисковать правом легального существования РПТ. Независимо от объективных и субъективных причин, породивших эту непоследовательную политику, такая позиция вызыва-

ла резко отрицательную реакцию в прогрессивных кругах Турции. По крайней мере было ясно, что такая политика не укрепит влияние РПТ в курдских массах страны, которые стали делать ставку главным образом на «чисто» курдские политические организации.

Ниже рассмотрим программные положения и идеологические установки основных курдских политических партий, действовавших в этот период. Одной из влиятельных курдских организаций была Демократическая партия Турецкого Курдистана (ДПТК). Приводим некоторые положения из программы ДПТК, принятой в 1974 г. (см. 68).

Турецкое социалистическое движение, говорилось в программе, развивалось и укреплялось в условиях частичной свободы, провозглашенной конституцией 1961 г.; оно оказало значительное влияние на курдскую интеллигенцию и широкие народные массы, содействовало распространению социалистических идей среди курдской интеллигенции и курдских трудящихся.

Наш народ, отмечалось далее в программе, наученный уроками национально-освободительной борьбы прошлого и мировой революционной практики, пришел к выводу, что для победы над фашистскими тиранами для определения собственной судьбы ему нужна партия, вооруженная пролетарской идеологией и подчиненная железной дисциплине. И поэтому он создал собственную организацию—Демократическую партию Турецкого Курдистана.

Цель ДПТК добиться признания за курдским народом Турецкого Курдистана «права самому определять свою судьбу». Она считает, что этой цели можно достигнуть путем национально-демократической революции, народной борьбы; потому она решила создать вооруженные силы сопротивления (ст. 2).

ДПТК, создав народную армию, в ходе длительной борьбы должна очистить курдские районы от турецких вооруженных сил и установить в Турецком Курдистане народно-демократическую власть. Для того, чтобы самостоятельно определить свою судьбу, она создаст антиимпериалистический, антифашистский национальный фронт, в который войдут широкие массы и все слои курдского народа, все патриотические демократические силы.

Признав вооруженную борьбу как единственное решение национальной проблемы, ДПТК призывала

турецкие пролетарские революционные организации, опираясь на марксистско-ленинское учение, объединиться «на первый случай в борьбе против режима марионеток империализма..., режима компрадорских господствующих классов», а также сотрудничать в деле создания единого фронта, учрежденного при открытом признании самоопределения наций.

ДПТК основной силой курдского народа считала крестьянство и потому она в своих действиях, направленных на достижение главной цели, опиралась на крестьянство Курдистана, хотя и руководствовалась идеологией рабочего класса.

В период борьбы крестьянство должно стать союзником рабочего класса. Союз рабочих и крестьян Курдистана должен быть поддержан представителями интеллигенции, студентов, чиновников, ремесленников и других средних слоев, признающих программу ДПТК (ст. 4).

ДПТК выступала за установление единства действий с теми революционными политическими организациями, которые открыто признавали существование курдского народа, а также его национальные и демократические права.

Главным врагом всех народов, борющихся за национальное освобождение, ДПТК считает империализм, который, заключив различные политические и военные соглашения с турецким правительством, выражающим интересы милитаристской крупной буржуазии, всегда стремился подавить справедливую борьбу народов Турции (ст. 8).

Борьба ДПТК основывалась на обеспечении действительного братства и равенства в условиях полного равноправия турецкого и курдского народов в границах единой Турецкой Республики (ст. 3).

Границы Турецкого Курдистана должны были быть установлены в соответствии с этническим, географическим, экономическим и историческим факторами (ст. 7).

ДПТК заявляла, что она установит дружественные связи и сотрудничество со всеми свободолюбивыми прогрессивными странами, организациями и народами, поддерживающими борьбу курдского народа (ст. 28).

В целом эти программные положения свидетельствовали о том, что ДПТК для достижения своей цели — установления народно-демократической власти — наме-

ривалась опереться на рабоче-крестьянский союз, на вооруженные силы сопротивления, состоящие главным образом из крестьян, которые смогли бы постепенно очистить Курдистан от турецкого присутствия.

Однако, находясь в глубоком подполье, ДПТК не располагала ни достаточным влиянием среди курдских масс, ни действительными мощными материальными, военными силами в Турецком Курдистане, чтобы самостоятельно осуществить поставленную перед собой задачу—завоевание права курдского народа на самоопределение. В целом ДПТК находилась на правом фланге курдского движения. В партию практически входили представители всех слоев курдского общества—феодальной верхушки, торговой буржуазии, интеллигенции, крестьянства, рабочего класса. Они имели значительное влияние на юге Турецкого Курдистана, в особенности близ сирийской и иракской границ. ДПТК оставалась умеренной и поддерживала тесные связи с Демократической партией Курдистана (Ирак), которой она оказывала помощь, обеспечивала доставку грузов оружия через сирийскую границу [254, 1980, № 318, с.].

В 1978 г. состоялся съезд ДПТК, который принял новую программу и новое название—Рабочей партии Курдистана (Партия каркери Курдистан—Курдистан иши партиси) [см. 48].

Как было сказано в программе, РПК является партией рабочего класса Курдистана, вооруженной марксизмом-ленинизмом. Конечная цель РПК—положить конец всякому классовому господству, эксплуатации и гнету, построение бесклассового общества в едином Курдистане. Однако на первом этапе РПК намеривалась бороться за свержение господства турецких угнетателей, связанной с ними курдской компрадорской буржуазии, феодальной реакции, империализма, за достижение права курдского народа на самоопределение.

В целом Рабочая партия Курдистана представляла мелкобуржуазную националистическую организацию, находящуюся под влиянием социалистических идей и взглядов. Руководство составляли выходцы из курдских состоятельных семей, ага, беев и вождей племен. После военного переворота в Турции 1980 г. в партии усилились разногласия, которые привели к новому расколу. Возникшие обе группы выступали от имени Ра-

бочей партии Курдистана. Все это привело к выходу из партии многих членов, к ее значительному ослаблению. РПК с 1978 г. издавала в Швеции журнал «Армандж», хотя его хозяином являлось Курдское общество культуры и солидарности в Швеции.

Активность в этот период проявляла Социалистическая партия Турецкого Курдистана (СПТК)—Организация «Озгюрлюк йолу». СПТК, созданная в 1974 г. представителями курдской интеллигенции, выражала интересы главным образом курдской прогрессивной интеллигенции, студентов, рабочих, других трудящихся слоев курдского общества.

В программе СПТК говорилось, что конечной целью является построение социалистического общества в Курдистане. Ближайшей целью партия считала освобождение от ярма колониализма, завоевание национальной свободы, уничтожение пережитков феодализма и установление в стране демократии (см. 64).

Анализ программных положений, деятельность СПТК показывают, что эта партия по своим идеологическим принципам более близко стоит к научному социализму, чем другие курдские политические партии, признающие учение марксизма-ленинизма.

В Турецком Курдистане действовала Партия рабочих Курдистана (ПРК)—Партия каркерен Курдистан (так называемые апоисты). Эта партия, созданная в 1977 г., имела значительное влияние среди учащихся средних школ, лицеев, представителей молодежи. Она выступала за необходимость индивидуального террора, физического уничтожения противников, особенно руководителей полиции, их агентов и провокаторов. ПРК вела борьбу практически против всех остальных курдских партий, что вело к вооруженным столкновениям между представителями курдских организаций. В результате этих столкновений пали жертвой десятки и сотни курдских патриотов, что нанесло значительный урон освободительному движению курдов в Турции. В 1978 г. ПРК опубликовала манифест «Путь революции Курдистана», в котором с крайне левых позиций освещала вопросы международной и внутренней политической жизни [см. 47].

В целом, хотя на словах ПРК признавала марксизм-ленинизм, на самом деле она выражала интересы радикальных крайне левых групп, мало учитывающих как состояние движения в Курдистане, так и уровень

классового самосознания курдского пролетариата и крестьянства.

В Турецком Курдистане осуществляло деятельность и движение КУК (Курдистан улусал куртулушчулары—Национальные освободители Курдистана). Эта организация, возникшая в результате раскола ДПТК на III съезде в 1977 г., в целом опиралась на крестьянские патристические слои. В октябре 1979 г. она опубликовала брошюру под названием «Борьба за свободу Курдистана» [39, № 6]. Эту брошюру в известной мере можно было рассматривать как программный документ, поскольку в ней освещалась ее политика в отношении различных вопросов курдского движения, внутренних и внешних проблем, рассматривались пути борьбы курдского народа за свое национальное освобождение.

КУК выступала за создание самостоятельной политической партии в Турецком Курдистане. По ее мнению, такая позиция вытекает не только потому, что Курдистан находится на положении колонии, а главным образом потому, что революционные движения в Турции и Турецком Курдистане находятся на различных уровнях. Организация КУК, опираясь на труды основоположников марксизма-ленинизма, пыталась обосновать закономерность самостоятельной борьбы курдов за свое освобождение, не дожидаясь, когда турецкий пролетариат совершит социальную революцию. Организация КУК критиковала левые турецкие партии, которые, по ее мнению, хотели сохранить Турецкий Курдистан в рамках границ «национального обета», что противоречит ленинскому принципу о праве наций на самоопределение [39, № 6, с. 7, 9].

Анализ программных положений, деятельность КУК показывает, что, несмотря на стремление выдать себя за марксистско-ленинскую партию, КУК по многим вопросам курдского движения стояла на националистических позициях. В целом правильно критикуя политику турецких левых организаций в курдском вопросе, вместе с тем она с националистических позиций пыталась принизить уровень антиимпериалистической революционной борьбы турецкого пролетариата и безосновательно возвеличить движение в Турецком Курдистане. Эта партия без учета всей социально-экономической и политической ситуации, соотношения сил, по существу выступала за создание независимого Курди-

стана. Более того, в своей деятельности КУК мало чем отличалась от Партии рабочих Курдистана, развязав с ней беспринципную борьбу в ущерб курдскому движению в целом.

Группа «Рызгари», возникшая из представителей курдской интеллигенции, осужденных вслед за вмешательством армий 12 марта 1971 г. по делу Революционных культурных очагов Востока (ДДКО), после амнистии к середине 70-х годов основала издательство «Камала» и с 1976 г. стала издавать журнал «Рызгари», который дал свое название группе. В этом двуязычном издании (на курдском и турецком языках) члены группы хотели «исследовать историю курдского национального движения и разработать перспективу его развития». Они проводили линию на объединение вокруг себя всех патриотов, прогрессивных деятелей с целью «распространения марксистских идей, марксизма».

Активисты «Рызгари» выступали защитниками независимости четырех частей Курдистана. Они утверждали, что необходимо прежде всего организовать революционное движение в Курдистане, а затем объединить всех курдов в «национальном фронте». Наконец, нужно совершить революцию на Ближнем Востоке с участием арабских, турецких и персидских рабочих [254, 1980, № 318, с. 6].

В 1979 г. в результате сильных противоречий движение «Рызгари» раскололось на две части, что поставило его на грань развала.

После 12 сентября 1980 г. почти все руководители «Рызгари» были арестованы, что также отрицательно сказалось на деятельности этой группы.

Группа «Ала-Рызгари» (Пролетарские революционеры), возникшая в 1979 г. в результате раскола в группе «Рызгари», в 1980 г. в Диярбакыре опубликовала брошюру «Али-Рызгари» [186, 1980, № 4].

Как видно из ее издания, «Али-Рызгари» в условиях национального пробуждения в конце 70-х годов организовывала митинги, демонстрации, публиковала воззвания, в которых разоблачала национальный гнет и насилия в Турецком Курдистане, стремилась возглавить курдское движение. Однако в результате действий левацкой группы в курдском движении оно стало принимать характер столкновения между различными курдскими племенами. В этих условиях группа «Ала-Рызгари» решила принять участие в народной движе-

нии, возглавить его, придать ему революционную сущность.

Хотя группа «Ала-Рызгари» обвиняла Партию рабочих Курдистана (апоистов) в левозэкстремизме, по своим действиям она сама мало отличалась от нее.

Программные и другие документы, а также практическая деятельность курдских партий свидетельствовали о том, что большинство из них официально признавало марксистско-ленинскую идеологию. Однако в строгом смысле слова эти партии нельзя было назвать марксистскими, поскольку в их идеологии еще было много и буржуазно-националистического наследия. Тем не менее в активизации курдского движения в 70-е годы большая роль принадлежала курдским политическим партиям и общественным организациям, которые сами, отражая в известной мере уровень политической зрелости курдов, сделали много для повышения и укрепления национального самосознания курдского народа, для усиления его борьбы за свои национальные права в Турции.

С марксистско-ленинских позиций предлагала решить курдскую проблему Коммунистическая партия Турции (КПТ). Об этом свидетельствовала программа КПТ, подготовленная в феврале 1975 г. и принятая на ее конференции в Конье летом 1977. г.

КПТ выступала против политики насильственной ассимиляции национальных меньшинств, за предоставление им всех демократических прав. «Коммунистическая партия Турции,—говорилось в программе,—верна ленинскому положению, в соответствии с которым каждая нация имеет право сама определять свою судьбу. За проживающими компактно в нашей стране национальностями (курдами, лазами и др.) должны быть признаны подлинно демократические и равные конституционные права, а также созданы условия для развития культуры этих национальностей».

В программе отмечалось, что право на самоопределение не означает необходимость всегда требовать и пропагандировать отделение национальных меньшинств; оно подразумевает также право за национальными меньшинствами остаться в пределах демократического государства и установить с ним тесное экономическое и политическое сотрудничество. Коммунисты национальных меньшинств, будучи интернационалистами-ленинцами, должны пропагандировать тесную спло

ченность с трудящимися всей страны. «Коммунисты нашей страны,—подчеркивалось в программе,—вне зависимости от национальной принадлежности ведут борьбу во имя братского союза турецких рабочих и крестьян с трудящимися национальных меньшинств».

КПТ выступала против расовой и национальной дискриминации, за необходимость ликвидации законов и распоряжений, препятствующих развитию культуры и языков национальных меньшинств.

Таковы были основные положения программы КПТ по национальному вопросу, по курдской проблеме.

В соответствии с программой печатный орган ЦК КПТ «Атылым» в апреле 1979 г. опубликовал первомайские лозунги, в которых наряду с другими демократическими требованиями призывал положить конец притеснениям национальных меньшинств, предоставить равные права курдам и другим национальным меньшинствам, а также провозглашал право народов на свободное самоопределение. Вместе с тем ЦК КПТ призвал коммунистов, социалистов, патриотов из Народно-республиканской партии и курдских демократов усилить борьбу за единство, за создание национально-демократического фронта [189, 1979, № 4, с. 1].

3. Продолжение репрессий в Турецком Курдистане и Западной Армении в конце 70-х годов

В связи с антиимпериалистическими, антишахскими выступлениями в Иране и активизацией курдского движения в Иранском Курдистане, турецкие власти стали предпринимать решительные меры против растущего рабочего движения в Турции, а также борьбы курдов за свои национальные права. В конце декабря 1978 г. турецкое правительство объявило на два месяца чрезвычайное положение в 13 вилайетах страны, в том числе в вилайетах Адана, Анкара, Элязыг, Бингёль, Эрзурум, Эрзинджан, Газиантеп, Стамбул, Кахраманмараш, Карс, Малатья, Сивас, Урфа. Поводом для введения чрезвычайного положения послужили кровавые события в Кахраманмараше, в результате которых, по официальным данным, было убито 100 человек и ранено несколько сот. Фактически жертв было значительно больше. Чрезвычайное положение охватывало, кроме Стамбула и Анкары, лишь те вилайеты, значительную часть населения которых составляли курды.

Министр внутренних дел Турции Озайдынлы, выступавший на совместном заседании обеих палат парламента, обосновал необходимость такой экстраординарной меры тем, что разгул террора и насилия в стране принял угрожающие размеры. Министр также заявил, что юго-восточный район страны был специально выбран враждебными элементами для разжигания религиозной нетерпимости различных слоев населения, в частности, вражды между суннитами и шиитами. По словам премьер-министра Б. Эджевита, правительство оказалось вынужденным принять решение на объявление чрезвычайного положения в ряде вилайетов республики ввиду того, что акты террора и вооруженных нападений стали разрастаться и поставили под удар целостность и единство государства.

Кровавое столкновение в Кахраманмараше было спровоцировано фашистскими «командос»—сторонниками профашистской Партии националистического движения А. Тюркеша. Разжигая суннитско-шиитскую рознь, реакционеры пытались нанести удар по курдскому движению, поскольку в этом районе шиизм (вернее алевизм—шиитская секта) исповедуют курды.

Представители реакции стремились натравить мусульман-суннитов на мусульман-шиитов, которые в Турции, как правило, выступают на стороне прогрессивных сил и на последних парламентских выборах 1977 г. голосовали за левоцентристскую Народно-республиканскую партию, а также вообще за левые партии.

«Прогрессивность» шиитов-алевитов можно было объяснить тем, что сотни лет они подвергались религиозному и национальному гнету со стороны центральных и местных турецких властей. По данным турецкой печати, в Турции к концу 60-х годов проживало 10 млн. шиитов [193, 13. VI. 1967]. В Анатолии к шиитам относятся как турки, так и курды. Основная часть шиитов проживает в вилайетах Мараш, Адыяман, Сивас, Карс, Малатья, Элязыг, Хатай, Маниса [121, с. 227], т. е. в вилайетах, где часть населения составляют курды. Наибольшее распространение получили шиитские секты алеви и кызылбаши дерсимских курдов.

Турецкие власти с давних времен разжигали религиозную рознь между суннитами и шиитами. Осталось очень мало деревень, где бок о бок жили бы представители этих двух направлений ислама. Суннит не мог жениться на шиитке, так же как и шиит не брал в

жены суннитку. И в 70-х годах происходили кровавые столкновения между ними, о чем и свидетельствовали события в Кахраманмараше.

Разжигая суннитско-шиитскую (алевитскую), рознь, турецкие реакционеры и их прислужники пытались нанести удар по курдскому движению, используя то обстоятельство, что в этом районе алевитами являются преимущественно курды.

Следует отметить, что в Турции, в отличие от Ирана, религия, в целом, и шиизм в частности, не играли и не играют столь важной роли.

В первой конституции Турецкой Республики 1924 г. имелась статья, в которой говорилось, что ислам является государственной религией. Эта была известная уступка кемалистов мусульманскому духовенству, которое тогда имело значительное влияние в стране. Однако в 1928 г. эта статья была упразднена. В 1936 г. в турецкую конституцию, наряду с другими пятью принципами, был включен принцип лаицизма (светскости), предусматривающий отделение церкви от государства. Статья вторая турецкой конституции 1961 г. также включала принцип лаицизма [54, с. 9]. Более того, турецкий уголовный кодекс строго карает лиц, использующих религию и религиозную пропаганду в политических целях. В соответствии с уголовным кодексом были осуждены многие курдские вожди после подавления восстания 20-х—30-х годов в Курдистане, а также в послевоенный период.

Таким образом, ввиду светского характера турецкого государства религиозная деятельность в республиканской Турции всегда была ограничена законами. Несмотря на это, действовавшие в стране политические партии пытались использовать религию в своих практических действиях. Так, мелкобуржуазная Партия национального благоденствия (Милли селямет партиси), которая в нашей литературе стала ошибочно называться Партией национального спасения, явно имела религиозную окраску, став пользоваться поддержкой среди значительной части верующих города и деревни. Председатель этой партии Неджметдин Эрбакан и другие ее руководители явно заигрывали с руководством некоторых мусульманских государств с целью завоевания симпатии как среди населения внутри своей страны, так и вне ее. И все же Партия национального благоденствия не смогла добиться большого влияния среди изби-

рателей и по числу депутатских мест в Великом Национальном собрании Турции являлась четвертой, а после военного переворота 1980 г. прекратила свое существование.

Необходимо отметить, что турецкие власти продолжали культивировать и поощрять межплеменную рознь. Так, по сообщению турецкой печати, в начале сентября 1978 г. в одной из деревень вилайета Ван вспыхнули ожесточенные столкновения между курдскими племенами. В результате столкновений два человека были убиты, пятнадцать заживо сгорели в своих домах, шесть получили ранения.

В начале марта 1979 г. из-за попустительства властей на границе вилайетов Диярбакыр—Урфа в течение четырех дней происходили кровавые столкновения между племенами изоль и насумлу, в результате которых было убито и ранено несколько десятков курдов [193, 6. III. 1979].

В марте 1979 г. в условиях чрезвычайного положения всенное командование опубликовало целый ряд распоряжений, согласно которым в вилайетах Адана, Кяхраманмараш, Газиантеп и Урфа запрещалось издание, распространение, продажа более 20 названий различных газет и журналов левого направления, а также курдских изданий [193, 7. III. 1979]. В частности, турецкие власти запретили издававшиеся на турецком и курдском языках журналы «Рызгари», «Рожа Велят», «Девримджи Демократ генджлик» и др. [188, 1979. № 1, с. 12].

Как сообщала турецкая печать в апреле 1979 г., «раскольнические» действия на востоке Турции усилились, и в генеральный штаб стали поступать все более тревожные донесения. В число ответственных за это лиц попал даже министр общественных работ Шерафетти Эльчи¹, выступивший за сокращение границ

¹ Ш. Эльчи родился в 1938 г. в г. Джнзре (вилайет Мардин) окончил юридический факультет Анкарского университета, занимался частной адвокатской практикой. В 1971 г. Ш. Эльчи был осужден решением суда за «раскольнические» действия, однако военно-кассационный суд опротестовал этот приговор. В 1973 г. избирался депутатом Национальной палаты от Мардина по спискам «независимых». Вступил в Партию справедливости в 1977 г., был избран депутатом от Мардина по спискам ПС. После выборов вновь перешел в ряды «независимых». В 1978 г. был введен в состав коалиционного правительства Б. Эджевита.

территории, на которую распространялось чрезвычайное положение, а также против введения чрезвычайного положения в Диярбакыре [209, 19. IV. 1979].

В начале апреля 1979 г. состоялось заседание Совета национальной безопасности, которое рассмотрело вопрос о курдском сепаратизме на востоке страны [231, 6. IV. 1979]. Совет национальной безопасности принял специальное решение, в соответствии с которым турецкое командование стало перебрасывать дополнительные войска в районы юго-восточной и восточной границы Турции. Военские части, находившиеся на восточной границе, были приведены в состояние боевой готовности.

В связи с возможностью проникновения курдов из Ирана и Ирака через турецкую границу были предприняты дополнительные меры безопасности. В частности, в районах с пересеченной местностью были сосредоточены преимущественно пехотные части, а в равнинных районах—моторизованные соединения. Одновременно было организовано совещание 14 губернаторов восточных и юго-восточных вилайетов Турции, на котором были предложены меры по усилению репрессий против курдского движения. Параллельно предпринимались усилия с целью скоординировать действия правительств Турции и Ирака для подавления движения курдов. Так, в первой половине апреля 1979 г. состоялся визит начальника генерального штаба турецкой армии Эврена в Ирак, где он вел переговоры о координации действий по «нормализации» положения в Курдистане.

26 апреля того же года турецкое правительство объявило чрезвычайное положение еще в шести курдских вилайетах страны—Адыяман, Диярбакыр, Хаккари, Мардин, Сирт и Тунджели. Таким образом, чрезвычайное положение распространилось на 19, а затем и на 20 вилайетов.

Объясняя чрезвычайное положение, турецкие власти вновь говорили о подстрекательстве внутри и вне Турецкого Курдистана. В решении турецкого правительства по поводу расширения числа вилайетов с чрезвычайным положением говорилось, что «будут приняты строгие меры против профсоюзов и обществ, которые выступают против чрезвычайного положения» [198, 1979, № 7, с. 5]. И, действительно, военные власти продолжали арестовывать лиц, обвинявшихся в подрывных

действиях против существующего в Турции режима. Тем самым чрезвычайное положение опять-таки было направлено главным образом против рабочего класса, прогрессивных демократических сил, против курдского народа, который продолжал борьбу за свои национальные права. В июне 1979 г. стала выходить газета «Озгюрлюк» («Свобода»), являвшаяся по существу продолжением таких изданий, как «Озгюрлюк йолу» («Путь свободы») и «Рожа велют», которые были запрещены после введения чрезвычайного положения в декабре 1978 г. во многих вилайетах страны.

Анализируя положение в стране и, в частности, в Турецком Курдистане газета «Озгюрлюк» отмечала, что введенное в интересах турецкой реакции чрезвычайное положение не поможет решить проблем, стоящих перед страной. Истинное решение проблем газета связывала с развитием демократии в стране, которое бы включало: проведение аграрной реформы и передачу земли крестьянам, создание сельскохозяйственных кооперативов и ликвидацию остатков феодализма, отмену профашистских статей 141 и 142 уголовного кодекса и запрещение фашистских организаций, предоставление рабочим, трудящимся массам Турции демократических прав и свобод, а также прекращение националистической, шовинистической политики в отношении курдов и других национальных меньшинств страны, прекращение экономической эксплуатации Курдистана и предоставление курдам официального права пользоваться родным языком.

Обращаясь ко всем демократическим силам страны, газета призывала их отказаться от своих узкополитических интересов и объединиться для нанесения удара по реакционным силам Турции [219, 15. VI. 1979]. К тому времени усилилась борьба трудящихся масс за свои национальные и социальные права.

В августе 1979 г. бастовали рабочие коммунального хозяйства Диярбакыра, требуя выплату зарплаты, которую они не получали уже три месяца. Мэр Диярбакыра заявлял, что в течение всего этого времени городские власти не получили положенных им фондов от центрального правительства.

На первый взгляд казалось, что забастовка в Диярбакыре мало чем отличалась от выступления трудящихся в других районах страны. Однако жители Диярбакыра справедливо считали, что с ними обращались

особенно жестоко из-за их национальной принадлежности. Как заявил председатель Конференции революционных профсоюзов Турции (ДИСК), «Правительство ведет войну против жителей Диярбакыра из-за их национального происхождения» [252, 28. VIII. 1979]. ДИСК обвиняло правительство в том, что оно «ничего не делает, чтобы сократить уровень безработицы» в этом районе страны.

Примерно 50% населения Диярбакыра, состоявшего на 99% из курдов, не имели работы. Несмотря на это Фахми Джабар, исполнявший обязанности мэра Диярбакыра, утверждал, что «никакой курдской общины нет». Он говорил, что «все мы турки. Мы дали народу, который здесь живет, название курдов. Как гуманисты, мы даем такие названия народам, живущим в разных районах и в разных климатических условиях» [см. 252, 28. VIII. 1979]. О нарастании социальной и национальной борьбы курдов свидетельствует случай, который произошел во время выборов в местные органы власти. Так, выборы председателя муниципалитета гор. Агры прошли в ожесточенной борьбе между эксплуататорскими силами и их подручными, с одной стороны, и прогрессивными, патриотическими народными силами,—с другой. Несмотря на происки турецких властей, внешней реакции, вмешательство армии и полиции, мэром города был избран социалист-курд. Турецкие власти и местные коллаборационисты не могли смириться с этим поражением. После выборов они развязали в вилайете террор, в результате которого многие патриоты, демократы были убиты и ранены. Среди раненых был и председатель муниципалитета, который был отстранен от должности и арестован [221, 1982, № 1, с. 7]. В условиях разгула террора в восточных вилайетах министр общественных работ, «независимый депутат» от Мардина Шерафеттин Эльчи (курд по национальности) не принял участия в обсуждении вопроса об очередном продлении чрезвычайного положения и во второй половине августа выехал на Восток для изучения событий, происшедших в Кызылтепе (вил. Мардин). Министр пришел к выводу, что после убийства некоторое время назад полицейского в Кызылтепе были направлены отряды «командос», которые начали чинить бесчинства над мирным населением Мардина [216, 23. VIII. 1979].

Для проведения инспекции в восточных вилайетах 21 августа 1979 г. в Диярбакыр вылетели начальник генерального штаба Эврен и командующий сухопутными войсками Эрсин [209, 22. VIII. 1979], которых беспокоило усиление напряженности в Турецком Курдистане. В конце августа того же года министр внутренних дел правительства Б. Эджевита Хасан Фехми Гюнеш совершил поездку по восточным вилайетам. Выступая 28 августа на пресс-конференции в Эрзуруме, он заявил, что турецкие власти приняли меры с целью предотвратить переход «сепаратистских» сил из Ирана и Ирака в Турцию [216, 29. VIII. 1979].

Вместе с тем после этой поездки Х. Ф. Гюнеш был вынужден признать, что народ в восточных вилайетах находится в бедственном положении, а в происходящих событиях играют роль причины экономического и культурного характера [216, 4. IX. 1979].

Следует отметить, что в этот период отдельные депутаты требовали не только прекратить террор против курдов внутри страны, но и осудить политику Хомейни, который начал войну против автономистского движения в Иранском Курдистане. Так, по сообщению турецкой печати «независимый» депутат от Мардина Нуреддин Йылмаз, выступая с угрозами в адрес правительства, потребовал, чтобы Б. Эджевит пересмотрел свою политику в отношении Хомейни. При этом Йылмаз в совместном заявлении с депутатом НРП от Диярбакыра Азизоглу резко критиковал шовинистическую политику Хомейни по отношению к иранским курдам [205, 30. VII. 1979].

Отвечая на заявление депутатов НРП Азизоглу и Йылмаз в связи с восстанием курдов в Иране, Б. Эджевит сказал, что правительство стремится удержать Турцию вне «подстрекательской деятельности», исходящей извне. Турция не вмешивается в события, являющиеся внутренним делом Ирана,—заявил он [209, 31. VIII. 1979]. Характерно, что именно в это время в турецкой печати появилось сообщение о том, что на востоке страны усиливаются операции по изъятию оружия, которое хотели тайно переправить иранским курдам [205, 14. IX. 1979].

В начале сентября 1979 г. заместитель премьер-министра Турции О. Эюбоглу заявил, что движение курдов в восточных и юго-восточных вилайетах угрожает целостности Турции и что это движение будет ликви-

дировано без привлечения армейских подразделений [231, 7. IX. 1979]. Так считало правительство Эджевита. Однако другого мнения были правые круги турецкой буржуазии, которые выступали за принятие более жестоких мер по отношению к национальному движению курдов.

В декабре 1979 г. турецкий еженедельник «Янки» опубликовал реакционную статью, в которой отмечалось, что в отличие от Эджевита Демирель хочет, чтобы режим чрезвычайного положения действовал, особенно по отношению к курдам, также жестоко, как и после 12 марта, не встречаясь при этом с какими-либо ограничениями. Однако, подчеркивалось в статье, «все это может вызвать у населения и большое недовольство, особенно в том случае, если виновники террора опять же будут оставаться на свободе. В таком случае создается мнение, очень опасное при том, что армия тоже не способна исполнять свои обязанности». Таким образом, турецкие реакционные круги практически провоцировали вмешательство армии для подавления курдского движения в стране [238, 10—16. XII. 1979]. Вместе с тем, турецкие власти усилили подозрение в отношении офицеров курдской национальности, незначительное число которых все еще служило в турецкой армии. Их использовали на второстепенных службах. Солдатам—курдам не доверяли охрану складов боеприпасов, их использовали главным образом на очистительных работах. Турецкие власти начали обвинять полицейских-курдов за политизацию органов полиции. Они стали не брать курдов на полицейскую службу. Например, несмотря на успешную сдачу экзаменов, в течение 1979 г. ни одного человека не взяли на службу в полицию из таких вилайетов, как Тунджели, Бингёль и Ван [51, с. 15].

Вместе с тем министр национального просвещения НРП начал кампанию по удалению из школ курдских преподавателей-патриотов, по переселению многих из них в западные вилайеты. В результате сотни преподавателей курдского происхождения были высланы в западные провинции из Карса, Агры, Бингёля, Битлиса и Мардина или арестованы [51, с. 15].

Особую активность в этот период проявляли американцы в Турции. Так, агенты ЦРУ, работавшие в Турции под видом сотрудников американского посольства, совершали поездки в восточные вилайеты, во вре-

мя которых пытались изучить степень опасности курдского движения для интересов США.

Империализм и внутренняя реакция, разжигая антикурдские выступления и шовинизм, стремились тем самым подавить борьбу курдского народа за свои национальные права. Вместе с тем империализм США толкнул турецкую реакцию на объявление чрезвычайного положения в вилайетах, граничивших с Ираном, Ираком и Сирией, стремился создать благоприятные условия для провокационного вмешательства во внутренние дела стран региона, для превращения Турции в орудие для осуществления своих планов [198, 1979, № 7, с.]

В начале января 1980 г. генералитет турецкой армии потребовал от правительства принять жестокие меры по подавлению рабочего движения, национальной борьбы курдов. В ответ на этот ультиматум СПТК, РПК и группа «Единство и солидарность» (сторонники Компартии Турции) обратились ко всем демократическим силам страны с призывом к единству в борьбе против фашизма и реакции [188, 1980, № 9—10, с. 13]. В том же месяце в Битлисе Рабочая партия Турции, Социалистическая партия Турецкого Курдистана и «Ала Рызгари» основали Союз сил и действия, который должен был бороться против реакционных акций и полицейских провокаций [188, 1980, № 9—10, с. 12].

В феврале 1980 г. три курдские организации опубликовали Декларацию о создании Союза национально-демократических сил Курдистана [см. 50]. В этот союз вошли Рабочая партия Курдистана (революционные демократы), Социалистическая партия Турецкого Курдистана (сторонники «Озгюрлюк йолу») и КУК (Революционные национальные демократы).

В этой декларации Союз национально-демократических сил считал необходимым теснейшее сплочение сил и упрочение солидарности между революционно-демократическими силами турецкого и курдского народов. В ней говорилось, что для того чтобы сорвать коварные планы господствующих классов, империализма и фашизма, отразить их наступление и обеспечить турецкому и курдскому народам возможность создать свободное общество, необходимы союз и солидарность революционных, демократических и прогрессивных сил обоих народов. В декларации отмечалось, что указанные выше политические организации, сделавшие пер-

вые шаги на пути создания Союза национально-демократических сил в пределах Курдистана, прилагали усилия к тому, чтобы как можно быстрее был создан союз в масштабах Турции, который объединил бы все социалистические, демократические и патриотические силы для борьбы против империализма, фашизма и национального гнета [50, с. 30—31]. Союз национально-демократических сил призвал все революционно-демократические силы, всех трудящихся и прогрессивно настроенных лиц к единству и борьбе против империализма, колониализма и фашизма [50, с. 32].

Союз национально-демократических сил,—значилось в этом документе,—ведет борьбу за претворение в жизнь следующих ближайших требований турецкого и курдского народов Турции: отмена чрезвычайного положения и прекращения в тюрьмах пыток; освобождение прогрессивных, революционно настроенных политических заключенных; прекращение давления и наложения запретов на прогрессивную печать, ущемления прав печати и изданий на курдском языке; признание за каждым народом права обучения на родном языке, освобождение системы обучения и воспитания от расистско-шовинистического ассимиляторского и реакционного содержания, ее демократизации; упразднение статей 141, 142 уголовного кодекса и шовинистических и антидемократических положений в законах о политических партиях и выборах, во всех других антидемократических, законах, ущемляющих свободу мысли и организаций, прекращения давления на массовые демократические организации, профсоюзы и профсоюзные партии, обеспечение всем работающим профсоюзных прав и свобод, включая право на забастовку и на заключение трудового коллективного соглашения; признание права на всеобщую забастовку и забастовку солидарности; обеспечение законной гарантии права на проведение референдума при выборе профсоюза; узаконение праздника 1 мая—дня единства, борьбы и солидарности рабочего класса; запрещение локаутов, являющихся социальным преступлением; проведение демократической аграрной реформы, разминирование земельных массивов вдоль границ, распределение их между крестьянами; осуществление возможности получения работы гражданину; освобождение от налогов лиц с минимальной заработной платой, снятие налогового бремени с неимущего населения; предоставление моло-

дежи равных возможностей получать образование, обеспечение свободы системы образования и гарантии безопасности деятелям культуры; роспуск всякого рода официальных, тайных, легальных и нелегальных фашистских центров, закрытие Партии националистического движения и др., привлечение их к ответственности за преступления, совершенные против народа; выход из НАТО—агрессивной военной организации империализма, аннулирование заключенных с империалистами двусторонних соглашений и ликвидацию военных баз; прекращение всяких форм зависимости от МВФ, ОЭСР, ЭЭС, МБРР и других империалистических финансово-политических организаций [50, с. 27—29].

Союз национально-демократических сил Курдистана, созданный курдскими патриотами, обратился с воззванием ко всем демократическим и прогрессивным силам Турции бороться за создание единства сил и действий, включающего все антиимпериалистические, антифашистские организации. Он призвал все прогрессивные политические силы встретиться, обсудить и выработать общие основные цели борьбы демократических сил страны [219, 1980, № 5, с. 6].

Хотя этот союз курдских политических партий впоследствии распался, он имел важное значение с точки зрения возможностей объединения различных течений Турецкого Курдистана в их борьбе за решение курдской проблемы в стране на демократической основе.

8 марта 1980 г. в Мерсине состоялся митинг Союза сил и действий. Этот митинг подготовили Революционные демократы, «Озгюрлюк Йолу», Единство и солидарность, Социалистическая рабочая партия Турции и Рабочая партия Турции. В митинге приняли участие также профсоюзы, массовые демократические организации, женские и ремесленные общества. Митинг прошел под знаком единства прогрессивных организаций турецкого и курдского народов в борьбе против реакционных мероприятий правительства в отношении рабочего движения в стране, национального движения в Турецком Курдистане [188, 1980, № 11—12, с. 4].

Ширилась в это время солидарность турецких и курдских трудящихся за рубежом. В июне 1980 г. Федерация рабочих союзов Курдистана в Западной Германии (Комкар), Демократический союз трудящихся Курдистана в Европе (Комелен Каркерен Демократен Курдистан—ККДК), а также Федерация союза турец-

ких рабочих в Западной Германии (ФИДЭФ) опубликовали совместное воззвание, в котором осудили репрессии в отношении прогрессивных сил Турции и заявили, что турецкие и курдские рабочие, живущие в ФРГ, выражают солидарность всем братьям в Турции и Турецком Курдистане, борющимся за отмену антидемократических законов (в том числе статей 141 и 142 уголовного кодекса), выступают против запрещения массовых организаций трудящихся и преследований демократической прессы, призывают усилить протест против угнетения курдского народа, против террора, расизма и шовинизма [см. 79].

В этих условиях власти продолжали свою реакционную политику в курдском вопросе, пытаясь не видеть его. Так, губернатор провинции Диярбакыр Эрдоган Сахиноглу летом 1980 г. говорил: «Я не признаю существование курдской проблемы. Население Турции состоит из одних турок, которые все равны перед законом» [257, 11. VI. 1980].

По его словам основные трудности Диярбакыра лежали в сфере экономики. Он отмечал, что в городе всего три предприятия, которые изготавливают ткани, сыр и раки—традиционный турецкий алкогольный напиток [257, 11. VI. 1980].

Касаясь положения курдов Турции, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Марвин Хау в этот период писал, что путешествие по провинции Диярбакыр и многочисленные беседы с жителями городов и деревень позволяют говорить о сильном чувстве национального самосознания среди курдов, которое усугубляется глубоким недовольством центральным правительством за то, что она не может обеспечить развитие этого района, направляя львиную долю ассигнований в более процветающую западную часть Турции [257, 11. VI. 1980]. Но дело было не только в этом. Главной причиной недовольства населения Турецкого Курдистана было то, что правящие круги пытались решить курдскую проблему жестокими военно-полицейскими мерами, игнорируя национальные чаяния курдов.

4. Проблема курдов в условиях военного режима

К осени 1980 г. внутривластная обстановка в Турции резко обострилась. Политическая нестабильность, вызванная ожесточенной борьбой за власть двух

основных буржуазных партий (Партии справедливости и Народно-республиканской партии), резко усугубилась террором, развязанным правонационалистическими организациями. Только за два года до этого от рук экстремистов погибли более 5 тыс. человек, а свыше 14 тыс. были ранены. Жертвами в основном становились люди прогрессивных взглядов. Экстремистские выступления развивались на фоне тяжелых экономических неурядиц, которые переживала Турция, резкого обострения на социальном фронте. Широкий размах приобретало стачечное движение трудящихся, требовавших повышения заработной платы и улучшения условий труда. Усилилась борьба курдов за предоставление национальных прав.

В этих условиях 12 сентября 1980 г. в Турции был совершен государственный переворот. Руководство вооруженных сил взяло власть в свои руки. Оно создало Совет национальной безопасности (СНБ) во главе с начальником генерального штаба генералом Кенаном Эвренем. СНБ взял на себя функции законодательного органа. В состав СНБ вошли командующие сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами Турции, а также командование жандармерии и полиции. Совет национальной безопасности распустил ВНСТ и правительство С. Демиреля, запретил деятельность всех политических партий и общественных организаций, отменил парламентскую неприкосновенность и распространил чрезвычайное положение на всю страну [87, с. 277]. Военные руководители, как и прежние, стали заявлять, что не признают никаких национальных прав за курдами. Так, глава государства Кенан Эврен в своем интервью журналу «Шпигель» 19 октября 1981 г. говорил следующее: «Курды восставали неоднократно и во времена Османской империи и Ата-тюрка. Перед нами дьявольский план. Когда Турецкая республика ослабевает, курды восстают. Турцию хотят расчленить с помощью внешних сил...» И далее: «Курды есть. Однако мы не позволим им расколоть страну. Они ничего не смогут получить от нас. Мы сделаем все, чтобы с корнем вырвать этот вопрос». В свою очередь премьер-министр Бюлент Улусу заявил: «Наша армия всеми своими силами будет бороться против сепаратистов и давить их» [127, 1983, № 5, с. 7].

Продолжая свою антикурдскую политику, военный режим принял решение по всей границе с Сирией,

Ираком и Ираном создать так называемую «зону безопасности» шириной в 10—20 км. Согласно решению, лицам, проживающим в этой зоне, запрещалось иметь скот и продукты животноводства больше установленной властями нормы. Под видом борьбы с контрабандой военные власти закрыли тысячи торговых лавок в Газинтепе, Диярбакыре, Килисе, Батмане, Догубаязите и во многих других городах, в которых подавляющее большинство населения составляют курды.

Военные власти запретили деятельность прогрессивных общественных организаций, в том числе Конфедерации революционных профсоюзов Турции (ДИСК) и Союза учителей (Тоб-Дер), в работе которых принимали участие и курдские активисты. По решению суда 50 человек из руководства Тоб-Дер были приговорены к срокам до 9 лет тюремного заключения каждый. Их осудили за то, что Союз учителей выступал против шовинистической системы преподавания, угнетения курдского народа, притеснения его в области языка и культуры, за демократизацию системы просвещения в стране, право курдов учиться на родном языке, а также требовал самоопределения курдского народа [196, 1982, № 38, с. 1].

Турецкие военные власти закрыли выпускавшиеся представителями курдской интеллигенции такие курдские газеты и журналы, как «Рожа Велят», «Озгюрлюк Йолу», «Рызгари», «Жина Ну», «Девримджи Демократ Генджлик», «Озгюрлюк», «Текошин» и др.

В 80-е годы в Курдистане продолжались судебные процессы над руководителями и членами курдских политических партий, общественных организаций, издателями и распространителями курдской литературы. Им предъявлялось стандартное обвинение в деятельности, направленной на подрыв единой турецкой нации», на раздел Турции.

По данным курдской зарубежной печати, только в течение трех лет после военного переворота военные власти задержали и арестовали более 170 тыс. человек, 200 человек погибли вследствие пыток, около 700 человек были убиты в результате карательных операций, 48 противников режима были казнены, более 170 заключенных были приговорены к смертной казни. Более того, в судах выдвигалось требование приговорить к смертной казни еще 4600 человек [217, 1983, № 5, с. 5]. Большую часть этих жертв составляют лица

курдской национальности. Следует отметить, что за все это время существования Турецкой Республики, то есть за 60 лет по политическим мотивам было казнено 111 человек [226, 1983, № 18, с. 23].

Распространив чрезвычайное положение на всю страну, военные руководители перебросили части второй армии из Коппи в Малатью и тем самым разместили значительную часть турецких вооруженных сил в восточных провинциях Турции. Здесь войска были оснащены новыми танками, самолетами, вертолетами, современными транспортными средствами и другими военными материалами. Таким образом, районы с курдским населением подверглись по существу оккупации. Полиция и жандармерия действовали в Курдистане фактически в качестве оккупационной армии. Подразделения «командос» проводили карательные операции против мирного курдского населения, не щадя при этом ни стариков, ни женщин, ни детей.

Под предлогом поиска оружия «командос», жандармерия и полиция совершали нападения на курдские деревни, захватывали скот и другое имущество крестьян.

На территории с курдским населением часто проводятся военные учения. Следует отметить, что на этих маневрах «противник» часто был одет в форму курдского партизана. Этот факт ясно подчеркивает, против кого были направлены военные маневры. Некоторые военные учения были проведены с участием войск стран НАТО. В них принимали участие военно-воздушные и сухопутные силы Турции, США, Великобритании, ФРГ, Италии и Бельгии. Как сообщала турецкая печать, целью маневров была отработка методов взаимодействия мобильных сил блока «в случае возникновения угрозы безопасности юго-восточному флангу НАТО».

Вместе с тем военный режим продолжал принимать меры по милитаризации Курдистана. Так, с помощью американцев был построен военный аэродром в Хаккяри, а также расширен аэродром в Ване, что еще больше повысило военно-стратегическое значение провинций с курдским населением.

Милитаризация Турецкого Курдистана была направлена не только против курдского народа, но и всего национально-освободительного движения в странах Ближнего и Среднего Востока. В этом Турция получа-

ла полную поддержку со стороны США. Американский империализм, подстрекая турецкую реакцию на антикурдские акции, на военные действия в провинциях, граничащих с Ираном, Ираком и Сирией, имел целью создать благоприятные условия для своего провокационного вмешательства во внутренние дела стран региона, превратить Турцию в орудие осуществления своих планов.

Так, с одобрения США в конце мая 1983 г. турецкие войска численностью примерно в 15 тыс. человек перешли турецко-иракскую границу и вклинились в Северный Ирак на глубину до 30 км., где были сосредоточены главным образом повстанческие базы Демократической партии Курдистана (барзаннсты). Однако встретив решительное сопротивление отрядов «пешмерга» и осуждение мировой общественности, они были вынуждены покинуть курдские районы Ирака.

Осуществляя вторжение в Северный Ирак, турецкие правящие круги имели целью помешать развитию и усилению национально-освободительной борьбы курдов в Ираке, которое могло повлиять и на курдское движение в Турции.

Наряду с этим они выражали беспокойство тем, что Иран, открыв новое направление фронта в Северном Ираке, может захватить нефтеносные районы Киркука и Мосула. Следует отметить, что Турция, благодаря нефти, которая добывалась в Иракском Курдистане и по нефтепроводу перекачивалась в Искендерун, ежегодно получала около 250 млн. долл. дохода [196, 1983, № 57, с. 6].

Вторжение турецких войск в Ирак вызвало некоторую напряженность в ирано-турецких отношениях. Иранские представители заявили, что Иран прекратит свои экономические связи с Турцией. А это означало бы потерю Турцией большого рынка для себя (около 1 млн. долл. в год). [196, 1983, № 57, с. 6]. Летом 1983 г. состоялись турецко-иранские переговоры, приведшие к смягчению отношений между Турцией и Ираном, которых роднит одинаковая шовинистическая политика в курдском вопросе, объективно вынуждающим обе стороны согласовывать свои позиции и по другим вопросам.

Выступая на собрании американских и турецких бизнесменов в октябре 1984 г., турецкий посол в США Ш. Элекдаг спрашивал, может ли Турция в вопросе

взаимоотношений с соседними странами положиться на США. В своем ответе помощник государственного секретаря по иностранным делам Ричард Барт сказал: «Турция может положиться на нас. Мы совместно с Турцией работаем над программой по контр-терроризму. Мы не оставим Турцию в одиночестве перед лицом опасности» [189, 1984, № 19]. Это заявление означало, что администрация США окажет помощь турецкому правительству в его карательных акциях в отношении курдского освободительного движения.

5. Новая турецкая конституция и курдский вопрос

Реакционная политика военных руководителей была законодательно закреплена в новой турецкой конституции, принятой в результате референдума 7 ноября 1982 г. Он проходил в условиях чрезвычайного положения в стране. По официальным данным, в голосовании приняло участие 88,5% избирателей, из которых 91% голосовали за новую турецкую конституцию. Однако у избирателей не было другого выбора. Так, еще до референдума глава военного режима Кенан Эврен говорил, что даже «если народ не скажет «да», то мы все равно не уйдем» [221, 1983, № 1, с. 1].

Кроме того, военные власти запретили всякую критику в адрес проекта конституции, а также за несколько дней до референдума произвели многочисленные аресты в некоторых провинциях страны. Представители властей угрожали арестом сроком на шесть месяцев тем избирателям, которые не пойдут голосовать. Хотя это была только угроза, тем не менее она в известной мере вызвала тревогу среди населения. Вместе с тем власти заявили, что те, кто не примет участия в голосовании, лишаются в течение пяти лет права избирать и быть избранными, т. е. лишались избирательских прав. Более того, в Турецком Курдистане распространялись слухи о том, что кто проголосует «против», тот подвергнется пыткам. В условиях жестокого террора в стране такие слухи сыграли свою роль. В сельских местностях, особенно в курдских районах, представители военных властей вызывали к себе старост и угрожали наказанием в случае, если в избирательных урнах окажутся отрицательные бюллетени. Во время референдума у урн стояли полицейские и

жандармы. В этих условиях надо было иметь большое мужество, чтобы не идти голосовать или голосовать «против». В такой обстановке и было обеспечено 91% голосов «за».

Хотя обнародованные результаты референдума далеки от истинного положения, тем не менее они представляют известный интерес. Так, в Турецком Курдистане процент голосовавших «против» или бойкотировавших выборы намного превышает средний процент этих показателей по стране.

Провинции	Голосовавших против (%)	Бойкотировавших (%)
Бингёль	23	10
Битлис	13	9
Диярбакыр	20	13
Элязиг	15	11
Хаккяри	18	30
Мардин	13	12
Муш	15	18
Сиирт	12	19
Тунджели	18	21

Как видно из этих данных, значительное число избирателей по существу выступало против конституции. В этих девяти провинциях с преимущественно курдским населением процент избирателей, не принимавших участия в голосовании или проголосовавших «против», в два с лишним раза выше чем средний процент по стране. Все это говорит о том, что несмотря на террор и насилие, военные власти в Турецком Курдистане встретили серьезное сопротивление. Так, жители одного из сел провинции Мардин (1000 человек) вообще отказались идти голосовать. Пытаясь выдать черное за белое, турецкая буржуазная пресса на следующий же день после референдума писала: «... Несмотря на снегопад и холод в восточных провинциях миллионы наших сограждан побежали к урнам...» [209, 8. XI. 1982].

Однако глава государства К. Эврен, посетив восточные провинции после референдума, в своих выступлениях, например, в Карсе и Артвине говорил, что «хотя некоторые проголосовали против конституции из хороших побуждений, тем не менее многие преследовали вредные цели и потому являются изменниками и сепаратистами» [221, 1983, № 7, с. 1].

По некоторым сведениям, военные власти после референдума стали расправляться с неугодными избирателями. Так, в окрестностях Мардина были арестованы десять старост и большое число крестьян. Аресты проводились не только в Мардине, но и в провинциях Бингёль, Диярбакыр, Сирт и Муш [221, 1983, № 7, с. 2].

Таким образом турецкие власти стремились расправиться с теми, кто не желал голосовать за утверждение новой конституции, которая по своей сути имеет ярко выраженный националистический характер.

Новая конституция Турецкой Республики, как и предыдущие, игнорирует чаяния курдского народа, не признает за ними национальных прав. Более того, она является законодательным выражением ассимиляторской политики турецких правящих кругов по отношению к национальным меньшинствам, проживающим в Турции.

Формально конституция провозглашает равенство всех граждан перед законом. Так, в Преамбуле конституции говорится, что «каждый турецкий гражданин» («тюрк ватандашы») — не «гражданин Турции» («Тюркийе ватандашы») — обладает правом вести достойную жизнь в условиях национальной культуры, прогресса и правового строя и развивать в этом направлении свое материальное и духовное развитие. Далее, в ст. 10 отмечается, что все равны перед законом без различия языка, расы, цвета кожи, политических взглядов, философского мировоззрения, религии, вероисповедания и т. д.

Однако знакомство с другими статьями конституции показывает, что даже такого формального равенства нет, что она пропитана крайним национализмом турецкой буржуазии. Так, согласно конституции, Турецкая Республика... **привержена национализму Ататюрка** (курсив здесь и ниже наш) и опирается на основополагающие принципы, изложенные в Преамбуле (с 2). А в Преамбуле наряду с другими положениями подчеркивается, что настоящая конституция «соответствует **националистическому пониманию создателя Турецкой Республики**», т. е. Ататюрка. Далее, в Преамбуле сказано, что «суверенитет безоговорочно и безусловно принадлежит турецкой нации» И то же самое можно встретить в ст. 6, где отмечается, что «Суверенитет безусловно принадлежит» турецкой нации, которая

«свой суверенитет реализует посредством компетентных органов в соответствии с основами, заложенными конституцией».

Хотя в Турции проживает около 30 различных народов, число которых превышает 10 млн., тем не менее турецкая конституция игнорирует их. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие ее положения. «Законодательная компетенция от имени турецкой нации принадлежит Великому Национальному Собранию Турции» (ст. 7). Далее: «Судебная компетенция осуществляется от имени турецкой нации независимыми судами» (ст. 9). Преамбула и конституция в целом изобилуют такими демагогическими фразами, как «вечная турецкая нация», «священное турецкое государство», «великая турецкая нация». Так, в конституции сказано: Каждый турок имеет право поступать на государственную службу (ст. 70). Далее: Каждый турок, которому исполнилось 30 лет, может быть избран депутатом (ст. 76).

А как же быть с нетурками. Оказывается, в Турции согласно турецкой конституции вообще нет нетурок, а есть только турки. Конституция по существу всех граждан страны нетурецкой национальности пытается также приписать к туркам.

Так, ст. 66 гласит: «Каждый, кто связан узами гражданства с Турецким государством,—турок». Ни один турок, сказано в ней, не может быть исключен из гражданства, если он не совершил поступка, несовместимого с преданностью родине.

Необходимо отметить, что турецкие правящие круги сами не верят в эту демагогию, и потому вся их политика направлена на ассимиляцию национальных меньшинств, направлена на то, чтобы в стране жили одни только турки. Об этом свидетельствуют и некоторые другие статьи конституции.

Например, в статье 42 говорится: Никакой иной язык, кроме турецкого не может изучаться и преподаваться в учебных заведениях в качестве родного языка.

Иными словами, дети национальных меньшинств не имеют права обучаться на родном языке. Они должны обучаться только на турецком языке. Такова реакционно ассимиляторская сущность этой статьи.

Правда, далее в ст. 42 отмечается, что «сохраняются в силе положения международных договоров».

Очевидно, здесь речь идет о мирном договоре, принятом на Лозаннской конференции.

Статьи 37—44 этого договора посвящены защите прав национальных меньшинств, вернее немусульманских меньшинств [26, с. 151—152]. Согласно ст. 37, Турция обязывалась признать условия, содержащиеся в статьях 38—44 в качестве основных законов, а также не принимать никаких законов, никаких положений и никаких официальных действий, которые противоречили бы этим условиям...

Статья 38 этого договора гласит, что турецкое правительство обязуется предоставить всем жителям Турции полную и совершенную защиту их жизни и свободы, без различия происхождения, национальности, языка, расы и религии.

В статье 39 отмечается: турецкие граждане, принадлежащие к немусульманским меньшинствам, будут пользоваться теми же гражданскими и политическими правами, что и мусульмане... Не будут вводиться какие-либо ограничения на свободное пользование любимым турецким гражданином каким бы то ни было языком, будь то в частных или торговых отношениях, будь то в области религии, прессы или печатных произведений всякого рода, будь то в публичных собраниях [26, с. 152]. Однако турецкие власти всегда нарушали эти договорные обязательства, о чем свидетельствуют и некоторые положения новой конституции.

В разное время в различных частях страны официальные представители турецких властей издавали распоряжения, вывешивали плакаты, проводили кампании о запрещении говорить на каком-либо языке кроме турецкого. Но тогда это делалось вопреки положениям конституции. Теперь эта политика введена в ранг конституции, оформлена в особой статье конституции.

Так, статья 26 конституции гласит: При заявлении или публикации своих взглядов нельзя пользоваться каким-либо запрещенным законом языком. Статью с таким шовинистическим содержанием вряд ли можно найти в какой-либо другой стране. Что означает запрещенный законом язык? Языки являются средством общения между людьми. Без языка нет человека и нет общества. Вместе с тем, здесь совершенно ясно, о каком языке идет речь. Речь идет главным образом о курдском языке. Еще в прошлом, до военного переворота, когда представители курдской интеллигенции об-

ратились в службу губернатора Анкары с просьбой разрешить издавать газету «Роже Велят» на турецком и курдском языках, то чиновник этой службы угрожающе заявил: «Можете издавать на любом языке. Только не на курдском. В противном случае головы полетят» [221, 1982, № 5—6, с. 4].

В статье 28 говорится: Нельзя публиковать издания на каком-либо запрещенном законом языке. В конституции 1961 г. такого положения не было. Хотя и раньше запрещали издания на курдском языке, тем не менее такие издания выходили. Сейчас же турецкие реакционные круги пытаются законодательно закрепить свою шовинистическую политику в отношении турецких народов страны.

Новая конституция ограничивает поездки и передвижения по стране, дает возможность осуществлять новые переселения. Так, статья 23 гласит: Свобода поселения может быть ограничена в целях предотвращения преступления, обеспечения социально-экономического развития, осуществления благоустроенного градостроительства и защиты государственного имущества.

Эту статью при желании можно истолковать очень широко. Подобные законодательные положения не раз применялись в 20-е и 30-е годы против курдов с целью их массового переселения с родных мест в центральные и западные районы страны.

Если внимательно рассмотрим статьи конституции, то в политическом плане главной заботой ее авторов была борьба против рабочего движения, против национально-освободительной борьбы курдского народа. В подтверждение этой мысли приведем несколько положений из некоторых статей конституции.

Статья 14. «Ни одно из предусмотренных в настоящей конституции основных прав и свобод не может применяться с целью подрыва единства государства, страны и нации (курсив.—М. Г.), созданию угрозы существованию турецкого государства и республики...».

Статья 68... Уставы и программы политических партий не могут противоречить единству государства, страны и нации...

Статья 122. В случае насильственных действий, которые могут изнутри и извне угрожать целостности страны и нации Совет министров может объявить чрезвычайное положение как в отдельных провинциях, так и во всей стране в целом.

Высший критерий преданности, по мнению составителей конституции,—это выступать за неделимость и целостность родины, турецкой нации.

Статья 143 предполагает создание судов государственной безопасности, которые будут рассматривать дела, связанные с деятельностью, направленной против нерасторжимой целостности страны и единства нации, против внутренней и внешней безопасности государства.

Таким образом, знакомство с некоторыми статьями новой конституции позволяет сделать вывод, что она игнорирует национальные права нетурецких народов.

Анализ статей турецкой конституции дает основание полагать, что турецкие реакционные круги расширили свои возможности по проведению ассимиляторской политики в отношении национальных меньшинств. Опираясь на конституцию, они усилили свои репрессивные меры в отношении нетурецких народов страны, в особенности в отношении курдов, движение которых получило значительное развитие в конце 70-х и начале 80-х годов.

Вместе с тем нынешняя турецкая конституция является шагом назад по сравнению с основными законами, принятыми в республиканский период. Она будет содействовать обострению в конечном счете национальных и классовых противоречий в стране.

Националистические установки новой турецкой конституции вошли в программные положения легальных буржуазных партий, созданных с разрешения властей в 1983 г. Все они придерживаются идеологии буржуазного национализма, хотя в их программах имеются и некоторые отличия в трактовке. Крайнего национализма придерживается Националистическая демократическая партия—НДП (Миллиетчи Демокраси Партиси), ярая сторонница военного переворота 1980 г. Так, в статье 2 ее программы говорится, что НДП верит духу и философии «движения 12 сентября», которое освободило турецкое государство от раскола, а турецкую нацию от разделения, проводит свою политическую деятельность в этом направлении.

Статья 4 программы этой партии посвящена толкованию принципа турецкого национализма. Турецкий национализм, говорится в ней, не разделяет, а объ-

единяет. Это культурный национализм, объединяющий всех граждан. Каждый гражданин Турецкой Республики, который считает себя представителем турецкой нации, уважает государство, разделяет сознательно национальную радость и судьбу, является турецким националистом.

Турецкий национализм утверждает национальные, исторические и моральные ценности. Он имеет целью возвысить турецкую нацию, поднять ее до уровня западной цивилизации, выступает против коммунизма и против всех запрещенных конституцией режимов, философий и религий, которые ущемляют национальную волю [227, 21. X. 1983].

Иными словами, национализм НДП выступает за объединение всех граждан страны в интересах турецких шовинистических кругов, укрепление господствующего режима, против демократизации общественно-политической жизни, борьбы курдов за свои национальные права.

Несколько иное толкование проводится в программе Народнической партии—НП (Халкчи Парти). Так, в статье 2 программы отмечается, что Народническая партия привержена национализму, который должен содействовать достижению всеми членами нации национализирования целей идеалов, судеб, языка и культуры. По ее мнению ататюркский национализм имеет целью модернизировать турецкое общество, проявляет уважение к независимости других наций, выступает против всякой эксплуатации и экспансии, определяет тюркизм своих граждан не с точки зрения расы или племени, а их привязанностью к национальной идее, культуре и целям турецкой нации, защитой нерасторжимого единства страны и нации, турецкого государства [227, 21. X. 1983].

Таким образом, хотя Народническая партия несколько иначе толкует принцип национализма, тем не менее ее задачи—борьба против разделения нации, родины и государства не отличаются от целей, которые ставит себе Националистическая демократическая партия.

Принцип национализма включен и в программу Партии отечества (Анаватан партиси). Как сказано в ст. 1, Партия отечества—это партия, которая признает свою привязанность к национализму, к национальным и моральным ценностям [227, 21. X. 1983].

О своей привязанности принципу национализма заявляют и все другие буржуазные партии Турции. Включая этот принцип в свои программы, буржуазные партии хотят еще раз подчеркнуть свою приверженность кемализму, господствующему режиму, который исключает решение социально-экономических и национальных проблем страны на демократической основе.

В духе новой турецкой конституции и программных положений Партии отечества составлена и программа правительства, прочитанная премьер-министром Тургутом Озалом 19 декабря 1983 г. в Великом национальном собрании Турции.

В соответствии с программой идеологическим принципом правительства Партии отечества является буржуазный национализм, исключаящий признание национальных прав за нетурецкими народами страны.

Так, выступая с правительственной программой, Тургут Озал говорил: «Наше правительство есть правительство националистическое... Наша концепция национализма направлена на защиту оговоренных в Конституции независимости и целостности турецкой нации, неделимости страны...

Наша конституция турецкого национализма, соответствующая взглядам Ататюрка по вопросам национализма, будет составлять основную идею нашей деятельности». Вместе с тем, правительство обещало вести «постоянную и эффективную борьбу с анархией, терроризмом, сепаратизмом и крайними течениями». Другими словами оно намеревалось продолжать подавление движения рабочего класса, национально-освободительную борьбу курдов.

Продолжая шовинистическую политику по отношению к курдам, в мае 1983 г. Консультативный мджлис принял «Закон о национальном поселении» («Милли искиян ясасы»). Согласно этому закону, под предлогом «национальной безопасности» турецкие власти могут выселить население из одной части страны в другую [196, 1983, № 54, с. 6]. Иными словами, они в условиях подъема курдского национально-освободительного движения могут выслать «мятежных» курдов с родных мест в западные провинции Турции, как это неоднократно делалось в 20-х—30-х годах, а также в послевоенное время. По данным курдской зарубежной печати, на основе указанного выше закона многие

курдские семьи были высланы в западные провинции страны [217, 1983, № 5, с. 7].

Нельзя сказать, что турецкие власти стремились решить курдскую проблему лишь военно-политическими мерами. Они обещали принять меры, которые содействовали бы развитию курдских районов, что, по их мнению, должно было устранить напряженность в Турецком Курдистане. «Мы считаем,—говорил, в частности, Т. Озал,—проектом первостепенной важности с точки зрения социальной и экономической пользы проект развития Юго-Восточной Анатолии и рассматриваем как свою национальную задачу принятие всех необходимых мер для выполнения этого проекта в самые сжатые сроки». Одной из главных целей правительства является развитие экономики отсталых районов в различных частях Турции, в первую очередь включая провинции Восточной и Юго-Восточной Анатолии, уменьшение различий в уровне развития между районами, выравнивание уровня благосостояния по всей стране.

Ниже приводим основные меры, которые правительство намеревалось принимать для экономического развития в приоритетных районах Турции.

—В этих районах будут проведены в жизнь социальные меры поощрения, направленные на развитие природных ресурсов, сельского хозяйства и животноводства, а также на рост продукции и осуществление проектов, повышающих занятость. Среди этих мер— краткосрочное и долгосрочное кредитование в соответствии с проектами, безвозмездное покрытие государством части капиталовложений, освобождение от налогов в период вклада капитала и его реализации.

— Будут обеспечены скорейшие капиталовложения в строительство дорог, водопроводов, электросети, школ, больниц, средств связи, а также на создание национальных учреждений.

— Приграничные провинции перестанут быть тупиком. Для развития экономических связей будет придаваться значение развитию приграничной торговле, будут приняты различные меры по облегчению въезда и выезда.

— Будет обеспечена удовлетворительная зарплата руководителям и служащим, работающим в этих районах, а также ускорено строительство жилья [233, 10. VIII. 1984].

Следует отметить, что и раньше составлялись проекты по развитию районов Турции, особенно в Турецком Курдистане. Однако никогда не уделялось такого внимания этому вопросу в программе турецкого правительства. Очевидно это было вызвано, с одной стороны, социально-экономическими потребностями самой страны, с другой—показать заботу турецких правящих кругов о развитии восточных и юго-восточных провинций в условиях нового подъема национального движения в Турецком Курдистане.

В соответствии с программой в июле 1984 г. правительство Тургута Озала опубликовало имеющее силу закона постановление, согласно которому 27 провинций страны объявлялись «свободной зоной». В эту зону входили также восточные и юго-восточные провинции. Согласно постановлению, многонациональные монополии и местные холдинги, сделавшие инвестиции в провинциях Агры, Карс, Тунджели, Бингёль, Муш, Битлис, Сирт, Хаккяри, Гюмюшане и Ван, не будут платить подоходный налог, а монополии, осуществлявшие капиталовложения в провинциях Сивас, Малатья, Элязиг, Диярбакыр, Адьяман, Кахраманмараш, Урфа, Чанкыры, Чорум, Кастамону, Синоп, Йозгат, Артвин, Эрзурум, Эрзинджан и Мардин, будут платить лишь 40% причитающегося подоходного налога [233, 10. VIII. 1984]. При этом капиталы должны были вкладываться в такие отрасли экономики, как сельское хозяйство и связанные с ним отрасли, горнодобывающая промышленность, военное производство.

По сообщению печати, это постановление вытекало из американо-турецкого соглашения по поставке США самолетов «Ф-16» Турции. Согласно заявлению министра национальной обороны от 22 июля 1984 г., заключено соглашение о создании 10 новых фирм, которые будут производить оборудование (части) для самолетов «Ф-16». В эти фирмы в качестве пайщиков войдут монополии США, местные холдинги, турецкое государство, Общество армейской взаимопомощи (ОЯК). С подписанием соглашения «Ф-16» иностранный капитал получал значительные льготы, что способствовало усилению притока иностранного, главным образом американского капитала в Турцию. Вместе с тем наблюдался быстрый рост проникновения иностранного капитала в Турцию и вне рамок соглашения «Ф-16». Так, за первые шесть месяцев 1984 г. в Турцию было инвестиро-

вано 356 млн. долл. иностранного капитала, в то время как за весь 1983 г.—102 млн. долл. [233, Ю. VIII, 1984].

Объявляя провинции с преимущественно курдским населением «открытой зоной», турецкие правящие круги стремились привлечь иностранный капитал с целью эксплуатации природных и людских ресурсов Турецкого Курдистана, куда из-за нестабильности политического положения в этом крае не желает вкладывать свои финансовые средства турецкая буржуазия. Несмотря на широкую рекламу выгоды этой затеи, турецким правящим кругам не удалось мнимой заботой о восточных и юго-восточных провинциях усмирить курдское национальное движение в стране. Поэтому они продолжали свои карательные экспедиции в Курдистане. Однако репрессии режима против курдских «мятежников» нельзя было рассматривать в отрыве от общих стратегических замыслов империализма, прежде всего США, в отношении Ближнего Востока, который Вашингтон считает сферой «жизненно важных» интересов американских монополий. Турция, как известно, образует южный фланг блока НАТО и представляет собой крупный арсенал оружия с клеймом «сделано в США». На ее территории в районе границ с Ираком и недалеко от Сирии располагается база для размещения американских «сил быстрого развертывания». Эти силы, в случае если интересы Соединенных штатов окажутся под угрозой, готовы осуществить интервенцию в любой точке региона, распространяющегося от Пакистана до берегов Африки [183, 1985, № 4, с. 96].

Таким образом, военно-карательные операции Анкары создавали серьезную опасность интересам всех стран и народов региона, развертывающегося здесь национально-освободительного движения, особенно свободлюбивым устремлениям курдского народа в Турции, Ираке и Иране. Перед лицом ширящихся партизанских операций, усиливающихся выступлений населения Курдистана правительства Турции и Ирака пошли на подписание в 1982 г. турецко-иракского соглашения, пролонгированного в 1984 г., рассчитывая использовать против курдских патриотических сил турецкие войска. Характеризуя это соглашение, члены ЦК Компартии Турции Али Илери и член ЦК Иракской компартии Кадем Хабиб, отмечали, что оно не только направлено «против интересов и законных прав курдско-

го народа в различных частях Курдистана, но и является основным звеном замыслов империализма, прежде всего США, в отношении всего региона» [183, 1985, № 4, с. 96].

Исходя из этого, бретские коммунистические партии Турции и Ирака опубликовали совместное заявление, в котором подчеркнули: «Руками Турции—члена НАТО—державы—участницы этого блока добиваются расширения его влияния в этом районе. Роль регионального жандарма Соединенных Штатов отвечает желаниям турецких правителей, которые сами преследуют экспансионистские шовинистические цели.

Агрессивные акции и аморальное соглашение угрожает суверенитету обеих стран, позволяет внешним силам вмешиваться в их внутренние дела, создают опасность миру в регионе и во всем мире» [183, 1985, № 4, с. 96].

ИКП и КПТ потребовали немедленного прекращения вторжения и отвода турецких войск из приграничных районов. Они обратились к прогрессивной мировой общественности, всем, кому дорог мир на планете, с призывом оказать поддержку справедливой борьбе коммунистов, прогрессивно-демократических сил обеих стран против диктаторских порядков, за осуществление демократической альтернативы.

6. Деятельность курдских политических партий. Их попытки к объединению усилий в борьбе за свои национальные права

В условиях жесточайшего террора многие курдские патриоты были вынуждены покинуть родину, выехать в соседние страны (Сирию, Ливан), а также в Западную Европу (ФРГ, Швеция, Западный Берлин и др.), где они продолжают выпускать различные издания, в которых освещают положение в Курдистане, политику правительств стран Ближнего и Среднего Востока в курдском вопросе.

Пользуясь вынужденным выездом курдов из страны, военные власти лишали турецкого гражданства сотни людей прогрессивных взглядов, профсоюзных функционеров, представителей, интеллигенции, политических деятелей, стремясь тем самым освободиться от них.

Военный переворот 1980 г. был резко осужден со стороны прогрессивных сил Турции, в том числе курдских политических партий. В сентябре 1980 г. ЦК Компартии Турции опубликовал обращение к рабочим, крестьянам, всем патриотам страны, в котором призывал членов Рабочей партии Турции, Социалистической рабочей партии Турции, Народно-республиканской партии, Партии национального благоденствия, а также курдских демократов отбросить все разногласия и выступить плечом к плечу против проамериканской хунты [198, 1980, № 17, с. 3—4].

В свою очередь Социалистическая партия Турецкого Курдистана опубликовала обращение—«Населению Курдистана», в котором дала всестороннюю характеристику военного режима, заклеив его как антинародный, профашистский; она призвала все антиимпериалистические демократические и прогрессивные силы Турции объединиться в борьбе за свержение хунты и установление демократической народной власти [см. 65].

22 сентября 1980 г. ЦК Партии рабочих Курдистана опубликовал два воззвания: «К народам Турции и Курдистана!», «Ко всем революционным патриотам и трудящимся!». В этих документах руководство партии осудило военный переворот в Турции и призвало все патриотические, демократические силы, всех трудящихся страны объединиться в борьбе за свержение хунты [см. 66]. С подобными заявлениями выступили и другие курдские организации.

С марта 1982 г. Центральный комитет Социалистической партии Турецкого Курдистана стал издавать ежемесячный журнал «Рия азади» («Путь свободы»), в котором освещались взгляды партии на различные проблемы внутреннего и международного характера, достижения национальных прав курдов. В своих публикациях СПТК разоблачала агрессивную политику США в отношении народов Азии, Африки, Латинской Америки, высказывалась в поддержку борьбы за мир и разоружение, которая ведется во главе с Советским Союзом, осуждала варварское вторжение Израиля в Ливан, происки империализма на Ближнем и Среднем Востоке заявляла о своей солидарности с палестинским народом, выступала с призывом положить конец иракско-иранской войне и предоставить автономию курдам.

СПТК призывала все революционные и демократические организации Турции и Турецкого Курдистана, всех патриотов и прогрессивных людей взять на себя задачу создания национально-демократического фронта в Курдистане, а также антиимпериалистического демократического фронта в рамках Турции и Турецкого Курдистана [221, 1982, № 4, с. 1—5].

В июле 1981 г. состоялась первая конференция Партии рабочих Курдистана. Конференция избрала новый состав Центрального Комитета партии. Она одобрила Политический доклад, подготовленный ЦК партии.

Конференция подвергла частичной критике отдельные стороны деятельности ПРК, однако в целом признала правильную линию партии. В частности, участники конференции отметили, что некоторые меры, принятые в местах, где партия не имела прочных позиций, нанесли ущерб делу, привели к потере многих членов партии. Конференция приняла решение перевести основную тяжесть борьбы из города в сельскую местность.

Она выступила за создание «широкого антифашистского фронта» в Турции, за установление более тесных связей с курдскими организациями в других частях Курдистана.

Конференция считала своим союзником «социалистическую систему» во главе с Советским Союзом, рабочее движение в развитых капиталистических странах, а также национально-освободительные движения.

Вместе с тем, она отметила важность союза между народами Курдистана и Палестины в их борьбе за освобождение, против империализма, сионизма и местной реакции [226, 1982, № 1, с. 1, 18].

С января 1982 г. ПРК стала издавать в Западном Берлине ежемесячный журнал «Серхвебун» («Независимость»). Как было сказано в передовой статье его 1-го номера, журнал намеревался освещать положение и борьбу за независимость в Курдистане, разоблачать политику турецкого колониализма, его империалистических покровителей, планы империализма в отношении народов Курдистана, региона и мира, усиливать солидарность с мировыми революционными силами, разоблачать и изолировать социал-шовинизм и местный реформистский национализм, мобилизовать все свои возможности для осуществления единства сил, ведущих борьбу против военной хунты как в Курдистане.

так и в Турции, вести беспощадную борьбу во имя достижения этой цели [226, 1982, № 1, с. 19].

В октябре 1981 г. состоялась первая конференция Национальных освободителей Курдистана (КУК), имевшая характер съезда. Конференция перестала претендовать на название — Демократическая партия Турецкого Курдистана, стала рассматривать КУК как нелегальное движение, находящееся в процессе становления марксистско-ленинской партии пролетариата Курдистана. Она объявила КУК единственной наследницей ДПТК и заявила, что будет бороться против тех, кто будет выступать под этим именем.

Конференция обсудила международное положение, рассмотрела политическую ситуацию в Турции, в различных частях Курдистана и в регионе, обсудила основные проблемы национально-демократической революции в Курдистане, дала оценку прошлой деятельности КУК, выявила недостатки ее, обсудила организационные проблемы, определила задачи борьбы на предстоящий период [46, с. 1].

Как считали авторы принятого решения, национально-демократическая народная революция в Курдистане может одержать победу лишь под идеологическим, политическим и организационным руководством рабочего класса, потому что буржуазия исчерпала свою революционность. Правда, различные прослойки буржуазии, по их мнению, могли принять участие в национальном движении в своих интересах [46, с. 21].

Первая конференция КУК выступила против политических столкновений между патриотическими революционными движениями различных частей Курдистана, поскольку такие столкновения наносят вред курдскому народу, его революции и революционным силам мира, усиливают колонизаторов, феодальную реакцию, империализм, а также всякую реакцию в регионе и во всем мире [46, с. 30].

Как сказано в решении конференции, движение КУК будет придавать особое значение социалистическим странам во главе с Советским Союзом, являющимся самым большим интернационалистическим другом народов Курдистана, как и других угнетенных народов мира [46, с. 25].

Организация КУК с сентября 1981 г. стала издавать в Швеции журнал «Керин», хотя формально хозяином журнала была Культурная ассоциация курди-

станских рабочих в Швеции—КОЧ-КАК [204, 1982, № 4—5, с. 2]. Однако в результате разногласий в руководстве КУК с осени 1982 г. издание журнала было прекращено.

В 80-е годы усилилось стремление курдских политических партий координировать свою деятельность. Особенно оно активизировалось после военного переворота в Турции, когда в результате ожесточения репрессий в Турецком Курдистане многие руководители курдских политических партий были вынуждены выехать за рубеж. Так, в январе 1982 г. три курдские политические партии («Ала-Рызгари», КУК, Социалистическая партия Турецкого Курдистана) опубликовали совместное заявление о принятии ими принципиального решения о единстве сил и действий в рамках Турецкого Курдистана.

Сообщение призывало все революционно-демократические силы объединиться в широком фронте, который выступил бы за антифашистскую антиимпериалистическую программу, за право курдского народа на самоопределение [196, 1982, № 39, с. 12].

Это сообщение трех курдских партий было важным шагом на пути создания национальных сил в Турецком Курдистане. В марте того же года эти же партии в связи с весенним праздником «ноуруз» опубликовали обращение к народам Турции, в котором отмечалось, что социалистические и демократические силы Турции и Курдистана ведут борьбу против происков империализма, США, турецкой монополистической буржуазии. Они призывали крепить свои ряды, солидарность, создать самый широкий фронт борьбы, а также выразили уверенность, что курдский народ обязательно завоеует независимость и займет свое место в рядах свободных народов мира [223, 1982, № 34—35, с. 5].

В борьбу за признание национальных прав, против террора в Курдистане включились не только курдские политические партии, но и молодежные и женские организации курдов за рубежом. В феврале 1982 г. четыре курдские организации, действующие в Западной Европе: Комкар, АКСА, Комитет по организации курдистанских женщин (Курдистанлы кадынлары оргютлеме комитеси) и Комитет защиты национально-демократических прав курдского народа в Турции (Тюркинедеки Кюрт Халкыны Улусал Демократик Хакларыны Савунма Комитеси) составили совместный документ и на-

правили его в министерства иностранных дел Франции, Греции, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Голландии и Бельгии. В этом документе эти организации говорили о проблемах Курдистана, об угнетении курдов со стороны турецкого военного режима, о пытках и казнях курдских патриотов, упоминали о международных соглашениях, которые попираются турецкими властями, и просили правительства этих стран оказать помощь курдскому народу, а также поднять курдскую проблему на международных форумах [196, 1982, № 39, с. 9].

Важно отметить, что наряду с поисками путей по сближению позиций различных течений среди курдов делались шаги по пути объединения и укрепления солидарности между турецкими и курдскими патриотами, между левыми турецкими и курдскими организациями, которые стали проводить за рубежом совместные демонстрации протеста против террора и насилия в Турции.

В начале июля 1981 г. группа юристов из Турции курдской и турецкой национальности (Кемаль Буркай, Зия Аджар, Вейси Зейданлы-оглу, Юджель Йешильгёз) направили в ООН Послание (Призыв), в котором приводили примеры жестокого попрания основных прав и свобод человека в Турции, и в особенности, в Турецком Курдистане со стороны военного режима, просила эту организацию направить в Турцию делегацию для ознакомления с террором турецких властей по отношению к прогрессивным обществам и лицам, а также потребовала осудить действия турецкого военного режима и обсудить проблему на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи [194, 1981].

В августе 1982 г. семь турецких и курдских левых организаций (СПТК, «Ала-Рызгари», Союз труда, КМК Рабочая партия Курдистана и др. опубликовали совместное заявление, в котором призвали турецкое и курдское население страны проголосовать против реакционной конституции, подготовленной военным режимом, а также объединить усилия в борьбе за свержение военной диктатуры и установление демократического строя в Турции, за национальное и социальное освобождение курдского народа [196, 1982, № 44, с. 5].

Постепенно число партий Турецкого Курдистана, которые стали согласовывать свои позиции, росло. 22 сентября 1982 г. пять курдских политических пар-

тий и организаций Турции («Ала-Рызгари», РПТ, КУК, СПТК, «Текошин») направили председателю Исполкома ООП письмо, в котором они гневно осудили политику геноцида израильских сионистов и их покровителей американских империалистов в отношении народа Палестины и выразили уверенность, что палестинский народ рано или поздно построит на своей земле свободное и независимое государство и что в этой справедливой борьбе они всегда будут на стороне народа Палестины [196, 1982, № 46, с. 12].

1 сентября 1983 г. «Ала-Рызгари», КУК, «Текошин», Авангардная рабочая партия Курдистана (АРПК), возникшая в результате раскола в Рабочей партии Курдистана, СПТК опубликовали совместное воззвание, в котором разоблачалась агрессивная политика американского империализма в различных районах мира, планы развязывания США термоядерной войны, призывалось поддерживать борьбу социалистических стран, направленную на обуздание гонки вооружений, на предотвращение угрозы войны [188, 1983, № 43, с. 20].

С резким осуждением варварских операций в Курдистане в октябре 1984 г. выступили курдские политические партии Турции. Так, представители СПТК, АРПК, КУК, «Текошин» и «Рызгари» организовали пресс-конференцию, на которой обратились к главам правительств и государств, к миролюбивым и демократическим лицам и организациям с призывом поднять свой голос протеста против бесчеловечных акций турецких властей в отношении курдского населения страны [189, 1984, № 19, с. 7].

Следует отметить, что из других курдских сравнительно влиятельных партий в этих мероприятиях не принимала участие Партия рабочих Курдистана (ПРК), так называемые апоисты. Это единственная партия турецких курдов, программа которых своим левым радикализмом значительно отличалась от программы, идеологических установок других партий Турецкого Курдистана.

Она резко критиковала позицию других политических организаций турецких курдов, обвиняя их необоснованно в оппортунизме и соглашательстве, хотя на словах и выступала за создание единого оппозиционного фронта левых сил в Турции.

Новый качественный этап в левом движении Турции наступил в начале 1984 г., когда с разоблачением

реакционной политики турецких правящих кругов начали совместно выступать курдские политические партии с левыми силами страны, в том числе с Коммунистической партией Турции. Так, по случаю выборов в местные органы власти (25 марта 1984 г.) впервые с воззванием к народам Турции выступили пять левых партий Турции: Коммунистическая партия Турции (КПТ), СПТК, АРПК, Рабочая партия Турции (РПТ) и Коммунистическая трудовая партия Турции (КТПТ).

1 мая 1984 г. эти партии в сотрудничестве с группами молодежи распространяли листовки в университетах, осуществляли другие акции, направленные против реакционного режима в стране. Затем к этим пяти партиям присоединилась Социалистическая рабочая партия Турции (СРПТ). После этого все эти левые организации совместно выступили за всеобщую амнистию политических заключенных в Турции.

Нам представляется, что совместные выступления некоторых курдских политических партий с другими левыми силами Турции стало возможным после того, как КПТ в своей программе более четко сформулировала ленинский принцип о самоопределении наций, что содействовало сближению этих партий с КПТ.

Далее в ней отмечается, что курдский народ имеет право «на самоопределение, то есть право на отделение...

Если курдский народ свободными волеизъявлениями примет решение остаться вместе с турецким народом, то в соответствии с конкретными историческими условиями будет создано общее государство. В конституции демократического государства право курдского народа на отделение будет гарантировано.

Коммунисты всегда являются сторонниками демократического централизованного государства на основе добровольности и подходят к решению национального вопроса исходя из интересов борьбы рабочего класса за социализм» [63, с. 43].

В программе КПТ говорилось: «Курды, составляющие очень важную часть населения Турции, живут под двойным гнетом. Курдский народ эксплуатируется не только со стороны местных и иностранных монополий, крупных землевладельцев, посредников, поставщиков и спекулянтов. Помимо этого турецкая буржуазия осуществляет варварский национальный гнет в Турецком Курдистане.

Существуют крепкие узы, связывающие курдских трудящихся с турецкими трудящимися. Враг двух народов — общий. Рабочий класс Турции выступает против угнетения курдского народа. Только борьба против империализма и фашизма, антиимпериалистическая демократическая народная революция, объединив силы обоих народов, сможет привести к победе» [63, с. 26].

В связи с карательными действиями турецкого правительства в восточных вилайетах и его стремлением оказать содействие реакции региона для подавления национально-освободительного движения в других частях Курдистана 24 августа 1984 г. Компартия Турции опубликовала заявление, в котором говорилось: «Прежде всего, Коммунистическая партия Турции объявляет, что она решительно стоит на стороне многострадального угнетенного курдского народа, которого хотят уничтожить, вычеркнуть из истории. Генералы должны убрать руки от курдского народа. Солидарность с курдской нацией, втянутой в кровавое кольцо фашистского, националистического и теократического турецкого, арабского и иранского режимов региона, теперь стала мерилем демократизма и миролюбия» [189, 1984, № 16, с. 1].

Такая позиция КПТ, естественно, вызывала одобрение со стороны курдских политических партий и способствовала консолидации левых сил Турции. В результате усилий всех сторон в декабре 1984 г. состоялась встреча представителей левых партий Турции: Коммунистической партии Турции (лидер Хайдар Кутлу), Авангардной рабочей партии Курдистана (лидер Серхад Диджле), Рабочей партии Турции (лидер Бехидже Бораи), Коммунистической трудовой партии Турции (лидер Теслим Торе), Социалистической партии Турецкого Курдистана (лидер Кемаль Буркай), Социалистической рабочей партии Турции (лидер Ахмед Качмаз).

На этой встрече были рассмотрены последние события в мире, регионе и Турции. В результате переговоров эти партии приняли решение объединить свои силы в борьбе против фашизма и империализма и создали организацию — Левый союз Турции и Турецкого Курдистана («Левый союз» — «Сол Берлик»).

Левый союз осудил реакционную политику американского империализма, израильского сионизма, выступил за право палестинского народа создать свое

независимое государство на своей земле, потребовал прекращения ирано-иракской войны, отвечающей только интересам империализма, поддержал прогрессивные силы этих стран, борющиеся за демократические и социальные права, а также курдский народ, ведущий борьбу за свои национально-демократические права.

Левый союз осудил реакционный режим в Турции, призвал все миролюбивые и демократически настроенные турецкие и курдские силы объединиться с целью свергнуть «фашизм и освободить страну от экономического кризиса, авантюризма, а турецкий и курдский народы от нищеты и страданий» [67, с. 1—8].

Таким образом, в условиях отрицания турецкими властями курдской проблемы наблюдался процесс координации левых сил в Турции. И в этом процессе значительное место заняла деятельность указанных выше курдских политических партий, которые по важным проблемам внутренней и внешней политики Турции и стран региона занимали антиимпериалистическую позицию.

* * *

Несмотря на реакционную политику турецких правящих кругов, направленную на ассимиляцию курдов, на игнорирование факта их существования в Турции, многомиллионный курдский народ сохраняет свою национальную самобытность, родной язык, культуру, традиции. Отсутствие достоверной демографической статистики не позволяет установить действительную численность «турецких» курдов. За республиканский период в Турции было проведено 12 переписей населения. Последние четыре из них проводились в 1970, 1975, 1980 и в 1985 гг. Но их результаты, касающиеся национального состава страны, не были опубликованы. Дело в том, что власти всячески пытаются отрицать существование в стране курдов и курдского языка. В качестве примера можно привести, в частности, следующий факт. Так, в связи с переписью населения в 1985 г. в Турции был подготовлен справочник (руководство) для чиновников, которые должны были осуществлять перепись. В нем на вопрос, какой Вы знаете язык кроме родного языка в качестве примера предлагалось отметить английский, французский, араб-

ский или курдский. Упоминание курдского языка в этом справочнике прокуратура Суда государственной безопасности посчитала как стремление ослабить «национальные» чувства, как пропаганду курдизма. Она привлекла к судебной ответственности 11 человек, принявших участие в составлении справочника и потребовала приговорить их к тюремному заключению сроком от 5 до 8 лет [196, 1986, № 86, с. 5].

По данным курдских источников, к 1987 г. в Турции проживало более 12 млн. курдов. Несмотря на отсутствие курдских школ, на запрет обучать детей курдов на родном языке, издавать курдские газеты, журналы и другую литературу на курдском языке, на ассимиляторскую в целом политику турецких правящих кругов, запрещающую использовать другие языки кроме турецкого, около 80% курдов, особенно сельской местности, не знает турецкого и говорит на родном языке по-курдски. Более того, курды сохраняют не только свой родной язык, но и свою культуру, свою этническую самобытность, отличающую их от турок.

Заметную роль в духовной жизни курдского населения играет религия. Курдское население исповедует главным образом ислам суннитского толка. Вместе с тем, по оценочным данным, 20% его (около 2 млн. человек) исповедует шиизм. Кроме того, примерно 250—300 тыс. курдов—езиды. Курды—шииты (алавиты, кызылбаши) в подавляющем большинстве приверженцы одного из крайних направлений в шиизме—ахль-и хакк («люди истины»), или али-и-ллахи. Они проживают главным образом в Дарсиме (вилайеты: Тунджели, Элязиг, Малатья, Кахраманмараш и др.). Курды—шииты—наиболее угнетенная часть курдского населения, поскольку они испытывают не только национальный, но и в известной мере религиозный гнет. Это обстоятельство обуславливает более резкое недовольство среди этой части курдского населения.

Религиозные различия в целом отрицательно сказываются на национальном движении курдов, но они уже не являются определяющими, поскольку в настоящее время на первое место выступает национальное, этническое самосознание, формирование которого особенно усилилось в последние годы.

Вместе с тем религия в целом все еще играет заметную роль в духовной жизни курдов, чем пользуются не только турецкие правящие круги, но и представите-

ли курдской социальной верхушки—ага, шейхи, которые продолжают сохранять значительное влияние среди сравнительно отсталого курдского населения.

Восточная Анатолия, включающая и Турецкий Курдистан, продолжает оставаться самым отсталым районом страны, имеющим свои особенности, специфические черты. Она занимает примерно 1/5 часть Турции где проживает около 18% ее населения. Здесь плотность населения ниже, чем на западе Турции. Так, если по всей стране она в 1985 г. составляла 66 человек на 1 кв. км, то в курдских районах—46 человек на 1 кв. км. Таким образом, плотность населения в Турецком Курдистане по существу не изменилась с 1980 г., в то время как по всей стране она увеличилась на 8 человек (в 1980 г. она составляла 58 человек). При этом следует иметь в виду, что прирост населения в курдских районах был выше (3%), чем в среднем по стране. Поэтому сравнительно низкую плотность населения здесь следует объяснить главным образом постоянным оттоком населения в западные вилайеты, главным образом в города, что объясняется в значительной мере экономической отсталостью востока страны, отсутствием развитой промышленности в курдских районах.

Примерно 70% курдов живет в сельской местности и 30% — в городах, хотя в целом в Турции одна половина населения живет в городах, другая—в деревнях.

Турецкий Курдистан богат такими ископаемыми, как нефть, хромиты, фосфаты, железные руды и др. Здесь имеются также энергетические ресурсы: только одна Кебанская гидроэлектростанция покрывает 11% потребностей в электроэнергии таких индустриальных центров, как Адана, Анкара, Измир, Стамбул. Однако на долю восточных провинций приходится лишь 10% государственных и 2,7% частных предприятий обрабатывающей промышленности, на которых занято лишь 5% рабочих данной отрасли. Крупная фабрично-заводская промышленность практически отсутствует. Здесь размещено лишь 18% мощностей сахарных заводов, 14% — цементных заводов и менее 10% всех прядильных веретен и ткацких станков. Но главное место в экономике курдских районов принадлежит сельскому хозяйству. Здесь выращивают около 40% рогатого скота. 21% обрабатываемых пахотных земель в Турции расположены в восточных провинциях. Восточная Анато-

ляя дает 15% всей сельскохозяйственной продукции страны. В настоящее время в Турции продолжает осуществляться механизация земледелия. Естественно она не проходит мимо курдских районов. Однако этот процесс протекает очень медленно. Так, к 1988 г. на восток приходилось около 10% тракторного парка (47% — на западе и 43% — в центре). И если на западе обрабатывалось тракторным плугом до 70% всей пашни, в центре — 40%, то на востоке — около 20%.

В целом аграрный восток вносит в общенациональный фонд 8% промышленной продукции и 19% сельскохозяйственной продукции.

Но все сказанное отнюдь не означает, что на востоке страны ничего не меняется с точки зрения условий социально-экономического развития.

Восточная Турция, не оставаясь более хозяйственно изолированным краем, постепенно втягивается во внутренние и внешнеторговые связи страны. Ныне повсеместно возникают и укрепляются капиталистические формы ведения хозяйства как в городе, так и в деревне.

Государство пытается вмешиваться в процессы размещения производительных сил, стремясь максимально использовать природные и людские ресурсы этого края.

Все турецкие пятилетние планы фиксировали особое внимание на необходимость первоочередного подъема хозяйства отсталых районов, в частности, восточных и юго-восточных вилайетов. Правительство Тургута Озала также приняло специальную программу развития Юго-Восточной Анатолии. Эта программа предусматривала строительство 15 плотин и 18 ГЭС, что, по мнению, правительства, позволит удвоить производство электроэнергии и оросить 1,8 млн. га [221, 1986, № 50, с. 6].

Однако специалисты весьма пессимистично оценивали реальность этого проекта, поскольку подобные проекты принимались и раньше, но не выполнялись. На Восточную Турцию приходилось не более 10% всех инвестиций в стране. Здесь особенно следует сказать о турецком частном капитале, который, несмотря на всевозможные поощрительные меры, неохотно шел на освоение Турецкого Курдистана, что объясняется во многом политической нестабильностью в нем. В свою очередь и представители курдской буржуазии предпочита-

ли вкладывать свои капиталы в западные районы страны. При этом они, как правило, становились компаньонами частных турецких фирм, что свидетельствует о сращивании турецкой и курдской буржуазии.

В этих условиях турецкие власти пытались привлечь иностранный капитал для развития юго-восточных провинций Турции. Так, в мае 1986 г. правительство Т. Озала сумело протащить через ВНСТ законопроект, который предоставлял право иностранным компаниям приобретать земли в стране. В соответствии с этим законом Совет министров «в случае если он сочтет, что это в национальных интересах, в интересах национальной экономики» может разрешить подобные сделки [221, 1986, № 50, с. 7]. По сообщению печати к этим мерам проявили интерес некоторые шейхи Саудовской Аравии, а также монополии США, Голландии и других стран.

В последние годы наблюдались изменения в социальном составе курдского населения.

Основная масса курдского населения—крестьянство; 70% экономически активного населения занято в сельском хозяйстве. Представляет интерес характер господствующих производственных отношений в курдской деревне. В 22-х провинциях, составляющих Восточную Турцию, 30% крестьян к середине 70-х годов были безземельны, в то время как в руках 5,3% крупных земельных собственников находилось 42% всей обрабатываемой земли. На селе только 3% сельскохозяйственных хозяйств имело возможность использовать сельскохозяйственную технику в своих хозяйствах. По другим данным, к середине 80-х годов 4,5% населения, занятого в сельском хозяйстве держали в руках половину обрабатываемых земель, в то время как 60%—только 10% всех земель региона. Более того, процент безземельных крестьян в Мардине составлял 41% в Диярбакыре—47%, в Урфе—54% [221, 1986, № 50, с. 6].

В этих условиях правительство Тургуту Озала не только не думало о проведении земельной реформы, но и приняло постановление, согласно которому было возвращено земельным ага 829 тыс. дёнюмов из 3 млн. дёнюмов, которые были национализированы еще до военного переворота 12 сентября 1980 г. с целью распределения их среди безземельных крестьян. Остальные земли предполагалось сдать в аренду в орошаемых местах по 60 дёнюмов, в неорошаемых—по 200 дёнюмов

[221, 1986, № 50, с. 7]. Самое парадоксальное то, что все это турецкое правительство стремилось выдать за земельную реформу.

Вскрывая истинную сущность этой так называемой реформы председатель Общества земледельцев Турции говорил: «Это постановление ничего не дает земледельцу. Оно имеет целью вернуть земельным ага земли, которые в соответствии с законом № 757 были национализированы для распределения в вилайете Урфа безземельным и малоземельным крестьянам. Это не распределение земли, а операция по ее концентрации» [221, 1986, № 50, с. 7].

Бывший советник по делам земельной и сельскохозяйственной реформы Саим Кендар, касаясь этой мнимой «реформы» сказал следующее: «Постановление не имеет никакого отношения к реформе. Это может быть лишь контрреформой. Земли, которые в результате ранее затраченных государством миллиардов лир увеличат доходы, возвращаются земельным ага. 5 млн. дёнюмов земли из 7 млн. дёнюмов, которые подлежат орошению, будут сосредоточены в руках 120 семей» [221, 1986, № 50, с. 7].

Подобными мерами турецкие правящие круги стремились укрепить свою социальную базу в курдских районах страны. Однако они мало что сделали, чтобы как-то улучшить положение основной массы курдского населения, которое продолжало испытывать жестокий национальный и социальный гнет.

Социально-экономическая отсталость курдских районов сопровождалась отставанием в развитии здравоохранения и просвещения в Турецком Курдистане. Так, по сообщению газеты «Хюрриет» (начало августа 1987 г.), в районах, где около 85% населения составляют курды, в 105 населенных пунктах вообще не было врачей, а на одного врача приходилось до 30 тыс. человек.

В Диярбакыре 35 так называемых «центров здоровья» из-за отсутствия медицинского персонала были закрыты. Только в этом городе 26 тыс. детей из-за нехватки школ не могли учиться [221, 1986, № 50, с. 6].

Репрессии турецких властей, особенно усилившиеся после военного переворота в 1980 г., хотя и нанесли значительный удар по курдскому движению, однако они не смогли окончательно приостановить деятельность курдских партий в стране.

С целью оправдания крайних военных мер против курдского населения турецкие правящие круги, средства пропаганды пытались дискредитировать курдское движение, выдвигая против курдов ряд обвинений. Главным из них было обвинение в стремлении курдов расчленить Турцию, установить в стране коммунистический режим. Однако турецкие власти не ограничивались лишь антикурдской пропагандой, они в последние годы усилили военные акции против курдского населения страны. В этих акциях участвовали воинские части, силы безопасности, отряды «командос», наемные «сельские стражи», которых пропаганда настраивала против национального движения курдов. Целью военных операций турецких вооруженных сил были разгром, удушение не только борьбы курдов, но и всех левых сил, действующих в Восточной и Юго-Восточной Анатолии. В заявлениях государственных деятелей Турции, в комментариях печати относительно военных операций в курдских районах обычно говорилось о «террористах», об «опасности раздела страны», о «коммунистических», «марксистских» террористических организациях, стоявших якобы за спиной курдов. Почти постоянно Анатолийское агенство передавало сводки, свидетельствовавшие о неспадающей напряженности в юго-восточных провинциях Турции. С августа 1984 г. там продолжают вооруженные столкновения турецких войск и «сельских стражей» с отрядами курдов, главным образом сторонниками Партии рабочих Курдистана (ПРК), которые, по утверждению властей, совершают налеты на деревни, военные объекты, захватывают в качестве заложников местных жителей, устраивают террористические акции. По данным турецких газет почти за три года (с августа 1984 по май 1987 года) в вооруженных столкновениях погибло 149 турецких военнослужащих, 222 «сельских стражей» и мирных жителей и около 270 повстанцев [182, 11. V 1987].

Наряду с военными акциями турецкие правящие круги принимали административно полицейские меры, которые, по их мнению, должны были содействовать подавлению национально-освободительной борьбы курдов.

При этом они пытались использовать неоднородность курдского движения, раскол в нем, отсталость и невежество курдских масс. Так, 4 апреля 1985 г. бы-

ли приняты два дополнения к Закону о деревнях, в соответствии с которыми были созданы так называемые «сельские стражи». Эти «сельские стражи» официально должны защищать жителей села от посягательства на их жизнь и имущество [339-а, 17—23. III. 1986]. Власти выдали им оружие и назначили денежные вознаграждения. Однако вскоре эти новоявленные «стражи» под видом поисков «террористов» стали совершать различные насилия и издевательства над мирным населением. Это вызывало резкое недовольство не только среди широких масс местного населения, но и представителей феодальной верхушки. Так, вождь племени адиян Дурмаз-ага (Биден), живущий в вилайете Сиирт, в феврале 1986 г. в сопровождении большого числа своих людей прибыл в Анкару и обратился к властям с жалобой на так называемых «сельских стражей» [3339-а, 17—23. III. 1986] и просил оградить местное население от их бесчинств.

В феврале 1986 г. турецкое правительство приняло решение о переселении жителей 11 деревень, расположенных на стыке ирано-иракской границы, в центральные районы Анатолии [231, 11. II. 1986]. Это решение было принято в целях борьбы с проникновением «террористов» извне. В освобожденной зоне предполагалось разместить подразделения турецкой армии и сил госбезопасности.

Турецкие власти принимали и другие антикурдские акции. Так, по данным турецкой печати после военного переворота 1980 г. в Юго-Восточной Анатолии были изменены 80% названий деревень [216, 25. V. 1986]. В частности, были изменены курдские названия на турецкие: 376 курдских деревень (из 558) в вилайете Агры, 426—в вилайете Ван, 289 (из 363)—в вилайете Муш, 229 (из 273)—в вилайете Битлис. Все это было сделано под предлогом «обеспечения спокойствия и безопасности» [226-а, 1986, № 17, с. 7].

В начале апреля 1986 г. турецкая печать сообщила, что власти начали мероприятия по объединению различных деревень вокруг так называемых «центральных деревень». Эти меры предполагалось начать с вилайетов Сиирт, Тунджели и др. По мнению властей, эти меры позволят улучшить социально-экономическое положение населения, а также успешно бороться против «террористов» [216, 3. IV. 1986].

С целью борьбы с «терроризмом», по словам начальника Генерального управления безопасности Саффета Арыкана Бедина, в 1986 г. турецкие власти выделили 2,5 млрд. лир для создания специальных подразделений, которые должны были формироваться из военнослужащих запаса. Эти специальные подразделения предполагалось разместить в Юго-Восточной Анатолии после отмены чрезвычайного положения в этом регионе [216, 18. IV. 1986].

Ситуация в курдских районах стала настолько напряженной, что курдская проблема, до недавнего времени считавшаяся запретной темой, начала постепенно обсуждаться и на страницах турецкой печати. «События на юго-востоке,— писал в июле 1987 г. комментатор газеты «Джумхуриет» Угру Мумджу, все больше вызывает тревогу. Сегодня это уже настоящая война [Цит. по газ. 180, Ереван, 9. VII. 1987].

О притеснении крдов в Турции много писала западная пресса. Так, отмечала американская газета «Вашингтон пост», эстрадный певец Ибрагим Татлышен был отдан под суд, за то, что, выступая на концерте в Швеции, исполнял песни на курдском языке [180, Ереван, 9. VII. 1987].

Летом 1986 г. по доносу правой газеты «Терджуман» прокуратура Анкары возбудила дело против Социал-демократической народной партии за то, что в ее ЦК якобы говорят по-курдски [226-а, 1986, № 17, с. 4].

Вместе с тем в июле 1987 г. по решению стамбульского суда был запрещен номер турецкого еженедельника «Ени гюндем» в связи с публикацией материала: «Курдская проблема стоит в повестке дня», в котором была сделана попытка дать анализ акций курдских повстанцев. По сообщению Анатолийского агентства от 23 сентября 1987 г., по постановлению суда был конфискован тираж еженедельного журнала «Икибине Догру» со статьей, в которой содержались слова Кемаля Ататюрка о том, что курдам надо предоставить автономию. Суд счел статью вредной в смысле «подрыва патриотических чувств».

Следует отметить, что жупел «борьбы с террористами» турецкими властями использовался для объединения правых, реакционных сил с целью оправдания агрессивных вылазок против соседних государств и народов, против национально-освободительного движения

курдов. Шумиха вокруг терроризма* превращалась в пугало, которым власти пытались ошеломить турецкое население, отвлечь внимание от трудностей и социальных проблем с целью ослабления политической напряженности в стране.

Более 9 лет продолжалось осадное положение в вилайетах Диярбакыр, Сирт, Мардин и Хаккяри. 19 июля 1987 г. осадное положение было отменено. Вместо него было введено чрезвычайное положение. Правительство приняло постановление, имеющее силу закона, по которому было создано Губернаторство региона чрезвычайного положения, включающее восемь вилайетов; Диярбакыр, Сирт, Мардин и Хаккяри, а также Тунджели, Бингёл, Ван и Элязыг, которые находились до этого на чрезвычайном положении. Губернатор этого региона наряду с другими правами обычных губернаторов брал на себя полномочия, вытекающие из закона о чрезвычайном положении, а также из статьи 121 конституции. Все эти положения по существу были идентичны положениям законов об осадном положении. Однако губернатор региона не ограничивался только этими полномочиями. Он получил более широкие полномочия в соответствии с принятым новым постановлением. Губернаторство региона чрезвычайного положения будет иметь право:

- 1) брать в свое распоряжение предприятия, здания, средство транспорта и кадровых работников общественных организаций, находящихся на территории региона;
- 2) подчинить себе органы госбезопасности региона;
- 3) просить помощи вооруженных сил, дислоцированных в регионе;
- 4) снять с работы или перевести на работу всех лиц, кроме военных жандармов, судей и прокуроров;
- 5) поменять расположение сел и их угодий, объединять их;
- 6) обязать находящиеся в его распоряжении силы при необходимости осуществлять операции в соседних вилайетах;
- 7) предоставлять находящимся в его распоряжении работникам надбавку в размере 10—25% зарплаты самого высокого государственного чиновника;
- 8) заводить личное дело на каждого работника, находящегося в его распоряжении и др. [196, 1987, № 100, с. 10].

Таким образом, губернатор региона чрезвычайного положения подчинял себе по существу всю власть в указанных выше вилайетах, получал неограниченные полномочия по подавлению борьбы трудящихся, национально-демократического движения курдов. Принимая это постановление, имеющее силу закона, турецкое правительство пыталось узаконить шовинистическую политику в отношении курдского населения страны. Следует отметить, что такой институт колониальной власти в Турции вводился не впервые. С подобными полномочиями в 1927 г. был учрежден Генеральный инспекторат, неограниченная власть которого распространялась на курдские вилайеты страны. Этот репрессивно-административный орган просуществовал до второй половины 30-х годов.

Турция принимала меры для обеспечения совместных репрессивных мер и против зарубежных курдов. Она предложила Ираку, Ирану, Сирии разрешить турецким войскам переходить границы с этими странами для преследования курдов и разгрома их поселений в приграничных районах. Руководители Ирана, Сирии не пошли на это. Однако в последние годы между Турцией и Ираком была достигнута договоренность, по которой турецким вооруженным силам было разрешено преследовать курдских борцов по воздуху и суше на иракской территории в районе границы на расстоянии 10—15 км. Такие операции осуществлялись неоднократно, в результате которых турецкие войска пересекали границу с Ираком с целью разгрома приграничных населенных пунктов курдов.

По данным зарубежной печати, 30 тыс. турецких солдат постоянно находились на границе с Ираком, готовых проникнуть на иракскую территорию с целью защиты магистральной дороги из Мосула в Турцию и идущего параллельно ей нефтепровода, по которому иракская нефть перекачивается к Средиземному морю. Турецкое правительство получает плату за транзит, поскольку нефтепровод проходит и по турецкой территории.

В начале апреля 1986 г. представители турецких властей на уровне губернаторов посетили Дохук (Ирак), где состоялись переговоры, имевшие целью координировать действия по подавлению курдского движения в обеих странах [216, 4. IV. 1986].

В середине августа того же года турецкие самолеты типа «Фантом», проникнув в воздушное пространство Ирака, подвергли бомбардировке множество курдских населенных пунктов в Ираке и сравняли их с землей. В результате этой бомбежки были убиты сотни женщин и детей.

Спустя некоторое время отряды «командос» под прикрытием вертолетов перешли в наступление по суше. Это нападение, как и предыдущие (май 1983 и октябрь 1984 гг.), турецкие власти согласовали с иракскими властями [226-а, 1986, № 17, с. 1].

Характерно отметить, что турецкие правящие круги подобные агрессии совершали без санкции ВНСТ и соответствии с постановлением правительства, которое предоставило турецким войскам совершать подобные агрессивные акции. Тем самым они игнорировали собственную конституцию [226-а, 1986, № 17, с. 1].

Агрессивные действия турецких властей вызывали широкое осуждение за рубежом, на международной арене. Так, выступая по радио, руководитель ливийской революции М. Каддафи заявил, что эти действия нельзя одобрить, что все народы мира осуждают эту операцию. Продолжая, он сказал: «Курды—это нация, которая требует к себе уважения, и надо уважать их право на независимость и единство» [226-а, 1986, № 17, с. 4].

В феврале 1986 г. в Женеве на заседании, посвященном 42 годовщине создания Комиссии по правам человека ООН было выступление от имени Международного союза за права и освобождение народов. В этом выступлении говорилось: «Турецкое государство с самого начала проводит расистскую политику... Оно не признает право курдского народа на существование, право на защиту его культуры и самобытности, право говорить на курдском языке». В другом выступлении от имени Европейского центра «третьего мира» говорилось: «Со дня объявления декларации ООН прошло 40 лет, тем не менее турецкое государство официально отрицает существование более 12 млн. курдов, проживающих в Турции... В повседневной жизни курдам запрещено пользоваться письменно и устно родным языком... Игнорирование права курдского народа самому определить свое будущее—это удар по миру и безопасности в регионе» [226, 1986, № 17, с. 7].

В конце марта—начале апреля 1986 г. депутат-социалист из Бельгии Жеф Ульбрихс выступил в Европейском парламенте с проектом по курдской проблеме, в котором подчеркнул, что Турция превратила Курдистан в колонию и потребовал передать этот вопрос в ООН. В проекте под названием «Положение курдского народа в Северо-Западном Курдистане» депутат Ульбрихс потребовал, чтобы Европейский парламент подготовил доклад по курдской проблеме, создал комиссию для изучения положения заключенных в тюрьмах, где совершаются пытки, и предложил использовать все политические возможности для скорейшего прекращения гнета и избиения курдского народа, всем членам Европейского парламента обратиться в ООН для рассмотрения курдского вопроса [216, 4. IV. 1986].

В феврале 1987 г. депутат (из Бельгии) Европейского парламента Жан Вандемелебург представил комиссии по политическим вопросам доклад, осуждающий политику турецких правящих кругов в отношении национальных меньшинств. Это вызвало резкое недовольство в Турции. Так, представители турецких буржуазных политических партий, университетов, юридических органов, прессы, профсоюзов и других организаций направили письма протеста членам Европейского парламента с требованием не рассматривать доклад Вандемелебурга. Эти письма обвиняли Ж. Вандемелебурга в поддержке армянских и курдских террористов, целью которых является расчленение юго-восточного фланга НАТО, а также в поддержке СССР, который якобы стоит за спиной террористов [225-а, 20. II. 1987]. Представитель правительства, государственный министр Турции Хасан Джемаль Гюзель заявил: «Мы категорически отрицаем всякие утверждения, будто турки подвергали дискриминации меньшинства. Ни в современной Турции, ни в прошлом нет и не было дискриминации. В Турции не существует проблемы меньшинств» [255-а, 21. II. 1987].

Тем не менее в июне 1987 г. в Страссбурге Европейский парламента, обсудив армянский и курдский вопросы, признал существование курдского вопроса в Турции, требующего незамедлительного урегулирования. Европейский парламента постановил, что «отказ турецкого правительства признать геноцид армян, учиненный младотурками в годы первой мировой войны, его нежелание применять нормы международных прав

в разногласиях с Грецией, турецкая оккупация Кипра, отрицание курдского вопроса указывают на отсутствие парламентской демократии и неуважение к личным и общественным свободам в Турции и препятствуют вступлению Турции в европейские сообщества» [245-а, 1987, с. 2].

После принятия Европейским парламентом этих решений турецкие реакционные круги развернули бурную антиевропейскую, антикурдскую и антиармянскую пропаганду. Акт принятия резолюций был расценен как «предательство» Европы, а сами резолюции—«пристрастными и нацистскими». Президент К. Эврен пригрозил пересмотреть участие Турции в НАТО. Он заявил, что надуманные курдский и армянский вопросы обсуждаются в ООН и других международных организациях каждый год с единственной целью—изолировать Турцию от Европы. «Эти требования исходят от Греции и других союзников,—отмечал К. Эврен.—Пусть наши союзники хорошо помнят, что Турция имеет вторую по численности армию после США и границы с СССР, Ираком, Ираном, Сирией и Болгарией» [209, 24. VI. 1987]. По мнению президента, резолюции Европейского парламента лишь воодушевляют курдских повстанцев. Еще более грубым и вызывающим было интервью в газете «Хюрриет» премьер-министра Турции Т. Озала. «Те, кто принял эти резолюции,—говорил глава турецкого правительства,—поддерживают бешеных разбойников, фальсифицируют историю. Это беспечные действия. Коммунисты, социалисты, греческие и французские парламентарии виновны перед историей» [209, 23. VI. 1987].

Позицию правительства активно поддержала турецкая буржуазная пресса. В ней клеймилась «трусость» Европейского парламента перед террористами, а принятие резолюций называлось «преступлением хуже нацистских» [231, 21. VI. 1987].

В октябре 1986 г. западноевропейская пресса вновь стала писать о стремлении Турции захватить Киркук. Этого не скрывали в Турции. Так, профессор Айдын Ялчин писал: «Для Турции Киркук также важен, как и Кипр». Другой турецкий автор Джошкун Кырджа в «Хюрриете» отмечал: «Киркук—турецкая территория. Турция без сомнения не позволит, чтобы эта территория подпала под контроль повстанцев, помогающих Ирану». И далее он продолжал: «Мы не заримся на Киркук. Однако Турция не допустит нарушения ста-

тус-кво в регионе и прекращения производства на нефтяных предприятиях» [см. 196, 1986, № 91, с. 1]. В феврале 1987 г. турецкое правительство основываясь на статью I закона № 3310 и в соответствии с иракотурецким соглашением от 1984 г. приняло постановление об осуществлении акции за рубежом [245-а, 1987, № 25, с. 56].

В начале марта того же года турецкая авиация нанесла новый бомбовый удар по опорным пунктам курдских повстанцев на территории Ирака. В налете участвовало 30 самолетов.

Вместе с тем турецкие правящие круги пытались оказывать давление на Сирию, которая, по их мнению, потворствует курдским «террористам», позволяет им создавать базы у себя, откуда они совершают набеги на турецкую территорию. Так, выступая на семинаре, организованном вилайетской организацией Партии отечества в Стамбуле, премьер-министр Т. Озал сказал: «Мы не имеем намерение сделать плохое кому-нибудь. Если мы задержим на два с половиной года воду (реки Евфрат.—М. Г.), то вниз совсем не потечет вода, однако мы всех приведем к благоразумию» [209, 2. IV. 1986]. Иными словами, как отмечал корреспондент газеты «Хюрриет», это означает: «Сирия, наберись ума, действуй в соответствии с принципами добрососедства, в противном случае не получишь ни капли из реки Евфрат» [209, 2. IV. 1986].

В августе 1987 г. состоялся визит Т. Озала в Дамаск—первый в истории турецко-сирийских отношений после обретения Сирией независимости. Как сообщалось, в результате состоявшихся переговоров были подписаны протоколы о безопасности и экономическом сотрудничестве. Предметом обсуждения были вопросы обеспечения спокойствия на общей границе, использования водных ресурсов Евфрата и Тигра, которые берут начало в Турции и имеют большое значение для развития экономики не только Турции, но и Сирии и Ирака. [182, 20. VII. 1987]. Очевидно, Анкара, используя значимость этих рек для Сирии, оказывала давление на Дамаск с целью ожесточения его политики в курдском вопросе.

Все это свидетельствует о том, что Курдистан сохранит за собой свою значимость во внутренней и внешней политике турецкого правительства. Под предлогом угрозы сепаратизма и коммунизма режим будет

вести курс на подавление курдского движения, координируя при этом свои действия как с реакционными режимами региона, так и с американским империализмом.

По существу Турция доказала свою способность быть региональным жандармом и потому занимает второе место после Израиля на шкале приоритетов американской политики на Ближнем Востоке. К началу 1987 г. в Турции находилось 7 тыс. американских военнослужащих. В 1983 г. США предоставили Турции военную помощь в размере 400 млн. долл., в 1984 г. — 755 млн. долл., в 1985 г. — около 900 млн. долл. Военную помощь Турции оказывали не только США, но и другие страны — члены НАТО. Так, ФРГ предоставила Турции вертолеты, используемые для борьбы против курдских повстанцев. США, ФРГ и некоторые другие страны Запада помогали ей в превращении Турецкого Курдистана в плацдарм для вмешательства во внутренние дела Ирана, Ирака, Сирии для влияния на внутриполитическую ситуацию в этих странах, подавления национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока, осуществления недружественных акций в отношении Советского Союза.

В марте 1987 г. было продлено до 1990 г. американо-турецкое соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики. По этому соглашению в обмен на предоставляемую военную и экономическую помощь Турции США получили право иметь на ее территории около 60 военных баз и объектов, включая направленные на СССР станции электронного шпионажа. Значительная часть этих баз находится на территории Турецкого Курдистана. С помощью посолов военной и экономической помощи США стремились теснее привязать Турцию к планам НАТО, втянуть эту занимающую важное стратегическое положение страну в свои агрессивные приготовления.

В октябре 1987 г. из США в Турцию прибыли первые четыре из восьми истребителей-бомбардировщиков F-16. Как сообщало агентство Рейтер, они были приобретены Турцией в рамках программ модернизации ее вооруженных сил.

Вместе с тем в соответствии с турецко-американским соглашением, рассчитанным на десять лет, США помогут Турции в сборке и выпуске 160 F-16 [182, 23. X. 1987].

Таким образом США не оставляли попыток укрепить свои позиции и расширить военное присутствие на территории Турции. При этом они постоянно прибегали к избитому тезису «о советской угрозе», чтобы теснее привязать Анкару к Североатлантическому блоку и втянуть ее в орбиту опасных приготовлений в районе Ближнего и Среднего Востока.

Дискриминационная антикурдская политика властей стран, разделивших Курдистан, не прекращающиеся военные действия на территории расселения курдов побуждали многих курдов покидать свою родину и обосновываться в странах Западной Европы и США.

В Западной Европе находится значительное число курдов—выходцев из Ирана, Ирака, Турции и Сирии. Большая их часть—350 тыс. человек (из 600 тыс.) проживает на территории ФРГ, где курды образовали четвертую по численности колонию иностранцев. Остальная часть курдов проживает в других странах Западной Европы. Почти половина курдов, работающих в Западной Европе, выходцы из Турции.

Следует отметить, что в 80-е годы наблюдалось заметное оживление процесса консолидации турецких курдов, что позволило говорить о дальнейшем росте их национального самосознания. Хотя большинство действующих в странах Западной Европы курдских организаций заявляло о непринадлежности к какой-либо партии, на самом деле все курдские организации за рубежом были ориентированы на политические партии курдов и что очень важно—эти партии черпали из этих организаций свои кадры.

Как представляется, политизация турецких курдов за рубежом будет продолжаться и их идейно-политическая направленность будет зависеть от исхода борьбы между двумя основными курдскими политическими организациями ПРК и СПТК, а также от степени влияния турецких левых сил, действующих в странах Запада.

На этот процесс влияет также политика европейских государств и политических партий Социнтерна, которые стремятся использовать курдский фактор в своих интересах. Поэтому правящие круги некоторых стран Западной Европы где особенно сильно влияние партий Социнтерна, поощряют иммиграцию курдов в свои страны, где им предоставляется возможность за-

ниматься политической деятельностью, создавать свои общества, союзы, содержать бюро политических организаций, действующих в Курдистане, издавать свои журналы, книги, газеты и прочие материалы на курдском языке и языках стран их проживания, то есть на арабском, турецком и персидском.

В рамках организованных во Франции, Западной Германии, Бельгии, США и других стран курдских культурных обществ курды получили возможность демонстрировать достижения своей культуры. В Курдском институте в Париже, например, организованы курсы курдского языка не только для детей курдов, но и для взрослых.

Однако, попадая в развитые капиталистические страны Западной Европы, курды ощущают на себе не только жестокую эксплуатацию, но и национальную дискриминацию властей, особенно усиливающуюся во времена экономических кризисов. В результате тысячи курдов существуют случайными заработками.

Турецкие курды за рубежом свободны от ряда идеологических факторов, тормозящих их национальное самосознание, а именно: влияния пантюркизма и отчасти ислама. Вместе с тем зарубежные курдские землячества способствуют стабилизации главным образом мелкобуржуазных течений, которые составляют основу многочисленных политических, общественных и культурных организаций, деятельность которых нацелена на то, чтобы привлечь к курдской проблеме широкие круги западноевропейской и мировой общественности, ознакомить ее с историей и культурой курдского народа.

Сложная политическая ситуация в Турецком Курдистане побуждает курдов к длительному пребыванию за границей. Там формируются новые поколения курдов. Пребывание курдов за рубежом, участие их в рабочем движении, в антивоенных манифестациях населения стран Западной Европы содействует росту их политизации, повышению национального самосознания. Вместе с тем многолетнее пребывание курдской эмиграции за рубежом в значительной мере отрывает ее от национальной почвы, от подлинной ситуации в Курдистане, объективно толкает ее в объятия западной социал-демократии, которая стремится использовать курдскую проблему в своих политических целях.

К второй половине 80-х годов в Турции, а также в странах Западной Европы действовало около 10 политических партий и групп турецких курдов.

Наличие большого числа политических партий и групп предполагало раздробленность курдского движения, существование в нем различных идеологических и политических течений (от левозкстремистских до буржуазно-националистических). Вместе с тем следует отметить такой качественный сдвиг в идеологии курдского национального движения, как распространение в нем социалистических идей. В настоящее время большинство политических партий турецких курдов признают учение марксизма-ленинизма как свою идеологию и считают, что, руководствуясь им, можно решить свои национальные и социальные задачи. Конечно, не все курдские политические партии, объявившие себя марксистско-ленинскими, стали таковыми. Однако этот факт означает широкое распространение идей научного социализма, его лозунгов среди национально-освободительного движения курдов.

Одной из характерных черт идеологии национально-освободительной борьбы курдов на современном этапе является ее антиимпериалистическая направленность. Практически все курдские политические партии придерживаются антиимпериалистических позиций, выступают против происков империализма и сионизма на Ближнем и Среднем Востоке, а также в поддержку мирных инициатив Советского Союза и других государств социалистического содружества на международной арене.

Вместе с тем, необходимо отметить, что хотя и наблюдается тенденция полевления идеологии национального движения курдов и хотя курдские партии и группы в своем большинстве используют широко различную фразеологию и уверения в своей приверженности к марксизму-ленинизму, тем не менее по своей политической сути все еще остаются мелкобуржуазными. Более того, некоторые из них далеки от понимания задач, стоящих перед прогрессивным движением народов стран Ближнего и Среднего Востока, перед национально-освободительной борьбой курдов как в Турецком Курдистане, так и в других частях Курдистана.

Касаясь характера курдского движения в Турции, следует отметить, что оно имеет перспективу и его роль будет возрастать. Оптимизм этой оценки определяется следующими факторами: 1) курдское население

как в Турции, так и в других странах живет компактно, что способствует сохранению национальных традиций и делу развития национальной борьбы; 2) динамика численности курдского населения показывает, что, несмотря на политику ассимиляции, гонений и репрессий, военные операции и др., численность курдского населения постоянно растет; 3) хотя на современном этапе курдское движение в Турции возглавляется несколькими партиями и организациями, и, таким образом, мы имеем дело с раздробленной борьбой, тем не менее многочисленность курдских партий и организаций одновременно свидетельствует о росте политической активности курдских масс, о готовности самых широких слоев принять участие в борьбе за национально-демократические права.

Опыт национально-освободительной борьбы курдов в Турции дает основание считать, что эта борьба, несмотря на жестокие репрессии, применяемые турецким правящим режимом, будет продолжаться. Далее, нельзя не учесть тот факт, что довольно значительной питательной почвой для курдского движения в Турции является борьба курдов в Ираке, Иране, Сирии. Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что курдский национальный фактор, имеющий не эпизодический, а постоянный характер, будет и дальнейшем влиять на политическую ситуацию не только в отдельных странах проживания курдов, но и всего Ближнего и Среднего Востока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение новейшего времени турецкие правящие круги проводили политику отрицания прав курдов как особой национальности, отличной от турок и осуществляли политику национального угнетения и подавления.

«Эта политика,—как справедливо отмечал видный турецкий социолог Исмаил Бешикчи,—часто превращалась в политику расизма, пантюркизма» [121, с. 480]. В полном соответствии с этой политикой власти продолжали обманывать себя, заявляя: «нет курдов, есть только турки» [116, с. 313].

Однако подобная политика не могла решить эту важную проблему, поскольку продолжали существовать объективные причины, которые вызывали курдское освободительное движение. Восстания на востоке страны были подавлены. «Однако Восток оставался постоянно в качестве кровотокающей раны»,—справедливо писал Ш. С. Айдемир [116, с. 313].

Анализ освободительного движения курдов показывает, что различные социальные слои в Турецком Курдистане имели основание быть недовольными своим положением. Для курдских восстаний 20-х и 30-х годов XX в. была характерна их массовость, в которых принимали участие все слои курдского общества, объединенные общей ненавистью к национальному гнету, к господству турецкой буржуазии и бюрократии. Массовость этих восстаний объяснялась активным участием в них курдского крестьянства: земледельцев и скотоводов. Следовательно, основной силой курдского освободительного движения было крестьянство.

Однако руководила восстанием главным образом феодальная, торгово-ростовщическая верхушка курдов: шейхи, вожди племен, торговцы скотом, представители зарождавшейся торговой буржуазии. В то же время

идеологом, вдохновителем национально-освободительного движения выступала курдская интеллигенция: офицеры турецкой армии, врачи, юристы, студенты и др.

По мере развития курдского движения в нем стали приобретать все больший удельный вес курдская буржуазия и интеллигенция, которые, выступая от имени всего курдского народа, выдвигали лозунги независимости Курдистану, что, по их мнению, должно было объединить все слои курдского общества в борьбе за завоевания национальных прав.

В результате господства феодальных и полуфеодальных отношений, а также военно-политического и налогового гнета со стороны турецких властей, курдские трудящиеся массы продолжали следовать, как правило, за вождями и шейхами, которые пытались изобразить себя единственными «защитниками» курдов от турецкого гнета. Это обстоятельство в известной мере задерживало, тормозило социальное, классовое расслоение курдов, что отрицательно сказывалось на освободительном движении в Курдистане. На курдское освободительное движение отрицательно влияло отсутствие политических организаций, имевших четкую организационную структуру, программу действий. Такие организации, как Общество независимости Курдистана, Комитет независимости Курдистана, «Хойбун» и другие курдские политические группы, хотя и объединяли на том этапе в своих рядах передовых людей—политических и общественных деятелей курдского народа, организационно, идеологически и теоретически были слабо подготовлены. Эти организации, как правило, выражали идеологию курдского феодализма, или в лучшем случае идеологию зарождавшейся курдской буржуазии. Они не всегда учитывали конкретные исторические условия, расстановку политических и классовых сил в самой Турции и на Ближнем Востоке.

Курдские политические организации не смогли найти наиболее реальные пути решения курдской национальной проблемы. Они в 20-х—30-х годах не выдвинули практически ни одного антиимпериалистического лозунга и не смогли установить контакты с прогрессивными, антиимпериалистическими силами других народов Турции.

Все это означало что на той социальной базе, при том руководстве повстанческим движением, при той международной ситуации освободительная борьба не

могла достигнуть цели—удовлетворения национальных прав курдского народа в Турции.

Помещичье-буржуазная, националистическая сущность правительства Турции исключала возможность решения им курдского вопроса как проблемы социально-экономического, национального и культурного развития курдов. Наряду с репрессивными мерами, турецкое правительство постоянно искало себе опоры в феодально-реакционной прослойке курдского общества. Особенно эта политика усилилась после второй мировой войны, когда Турция перешла к многопартийной системе правления. В погоне за голосами избирателей, турецкие буржуазные и буржуазно-помещичьи партии заигрывали с курдской феодальной верхушкой, которая имела большое влияние среди курдских масс. В свою очередь по мере роста национальной, антиимпериалистической и антифеодальной борьбы в Курдистане, которая велась под руководством подпольных и легальных курдских прогрессивных организаций, курдская феодальная верхушка стала укреплять сотрудничество с турецкими властями в подавлении демократического движения в восточных вилайетах, особенно усилившегося после военного переворота в Турции 1960 г.

Активизация национального движения курдов в 60-е—70-е годы привела к возникновению около десяти курдских политических партий и групп, отражавших различные течения в Турецком Курдистане. Анализ программных документов и иных материалов курдских организаций свидетельствует о том, что большинство курдских партий и групп, несмотря на широкое использование различной левой фразеологии и уверения в их приверженности к марксизму-ленинизму, по характеру являлись мелкобуржуазными. Они были далеки от понимания действительных задач, стоявших перед революционным движением в Турции вообще и национальной борьбой в Курдистане в частности. В результате некоторые из этих партий охватил «левый» авантюризм, что нанесло большой вред курдскому движению в Турции. Турецкая реакция, использовав эту мелкобуржуазную нетерпимость отдельных курдских организаций, стравливала патриотические силы друг с другом, начала жестокое преследование курдских прогрессивных деятелей, усилила карательные операции в Турецком Курдистане.

В этих условиях в начале 80-х годов наблюдался процесс координации усилий между некоторыми курд-

скими политическими партиями. Более того, возникли предпосылки для создания единого прогрессивного фронта, объединившего некоторые национально-демократические курдские партии с левыми общетурецкими политическими организациями, включая и Коммунистическую партию Турции. Это означало понимание того, что национально-освободительное движение курдов может добиться успеха только в совместной борьбе с турецкими рабочими и крестьянами против феодально-клерикальных элементов, против империализма, гнета правящих классов господствующей нации, против общих эксплуататоров-феодалов, шейхов, помещичье-буржуазного режима в Турции. Лишь совместная борьба курдских и турецких трудящихся масс против эксплуататоров, угнетателей, а также империалистов может поднять курдское освободительное движение на новую высшую ступень и содействовать решению курдской проблемы в Турции.

Решение курдской проблемы в Турции на нынешнем этапе в значительной мере зависит от того, насколько последовательно будут осуществлены буржуазно-демократические преобразования в стране. Объясняя рабочему классу, революционерам-марксистам место и роль национального вопроса в общественной жизни, помогая им выработать правильную политику в решении проблем национальных отношений, В. И. Ленин подчеркивал, что «есть только одно решение национального вопроса (поскольку вообще возможно его решение в мире капитализма, мире наживы, грызни и эксплуатации) и это решение—последовательный демократизм» [8, с. 118].

Нужно подчеркнуть, что о «решении» национального вопроса при капитализме В. И. Ленин всегда говорил условно, имея в виду в основном национальную консолидацию и образование национально-однородных государств, некоторые достижения в демократизации национальных отношений, то есть решение задач, выдвинутых жизнью в период перехода от феодализма к капитализму.

Основоположники научного коммунизма учили пролетариат, что именно ему предстоит сыграть определяющую роль в решении национального вопроса. Ф. Энгельс еще в конце 1845 г. сделал вывод: поскольку пролетариат во всех странах имеют одни и те же интересы и по своей классовой природе свободны от нацио-

пальных предрассудков, то только они и «способны уничтожить национальную обособленность... установить братство между различными нациями» [3, с. 590].

Что касается буржуазии, то она с целью сохранения своей власти пытается удержать свое господство над угнетенными народами. Поэтому для господствующих классов Турции порабощение курдов вызывается не только стремлением получить прибыль. К. Маркс и Ф. Энгельс еще на заре своей революционной деятельности пришли к выводу, что угнетение других народов нужно буржуазии и для укрепления ее господства над собственными народами. При этом они установили, что освобождение того или иного народа прямо зависит от ликвидации гнета его буржуазии над другими народами. Так, в ноябре 1847 г. Ф. Энгельс говорил, что «никакая нация не может быть свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации» [2, с. 372]. Позже К. Маркс эту мысль выразил следующим образом: «Народ, порабощающий другой народ, куёт свои собственные цепи» [1, 439]. Поэтому в освобождении национального гнета курдов и других национальных меньшинств в Турции заинтересован и турецкий пролетариат, поскольку его социальное освобождение в значительной мере зависит от устранения национального гнета над курдами.

Национально-освободительное движение курдов является одним из наиболее важных средств решения курдского вопроса. Однако это решение должно быть связано также с борьбой всех трудящихся масс за свое социальное освобождение, в том числе с борьбой турецкого пролетариата, который должен выступить за предоставление национальных прав курдам, вплоть до права на отделение.

В. И. Ленин учил коммунистов не только решительно отстаивать право наций на самоопределение, но при осуществлении его всегда исходить из того, насколько целесообразно отделение.

Классики марксизма-ленинизма, определяя важнейшие пути и формы разрешения национального вопроса, особое внимание уделяли интернационалистическому воспитанию пролетариата и всех трудящихся. Они учили, что в многонациональной стране революционерам угнетающих наций нужно настаивать на «свободе отделения», а революционерам угнетаемых наций, наоборот, на «свободе соединения» [7, с. 45]. Поэтому

решение курдской проблемы в Турции тесно связано с борьбой трудящихся масс всех народов страны против империалистического присутствия, национального гнета турецкой буржуазии и социального гнета всех господствующих классов, за социально-экономическое и политическое преобразование Турции.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абасеттин, сын шейха Саида 77
Абдул Хамид II 12, 15, 25, 107, 145
Абдулла Джевдет-бей 10
Абдуллах, шейх 73, 93
Абдуллах, шейх (из Меликана) 76, 77, 101
Абдулькадыр Кимино 140
Абдулькадыр Сейит (Сейт) 6—10, 14, 24, 27, 65, 97—100.
Абдулькадыр Сулейман 140
Абдулькадыроглу Мехмед 122
Абдулькерим 121
Абдуллятиф, шейх (из Джизре) 101
Абдульмеджит 101
Абдульхак Тевфик-бей 35
Абдульхамит 101
Абдуррахман Сами 92
Абдуррахман-ага (из Ширнака) 20
Абдуррахман, брат шейха Саида 73
Абиддин-бей 91
Абикоглу И. 237
Абрамович 165
Абубекир Эртуш 239
Агаев 8
Аджар З. 327
Азамат-бей 36
Азамет Бахри-бей 40
Азизоглу И. 246, 300
Азизоглу Ю. 246
Айбар М. А. 259, 262—263, 273—274
Айдар К. 271
Айдемир Ш. С. 113, 149, 162, 201, 218, 351
Аккуш К. 273
Акбаба М. 273
Акынджи Э. 282
Актонрак Х. Т. 237
Али, шейх 93, 101
Али Галиб-бей 25
Али Джемаль, губернатор 72, 123, 124, 143
Али Кемаль, брат Кючюка Агаоглу Мехмета Хулюси-эфенди 76
Али Кемали 37, 168.
Али Риза-бей 13, 124
Али Риза, сын шейха Саида 64—66, 76—78
Али Саиб 123
Али Саиб, председатель суда 101, 102, 103

Али Септи 62
Али Фуад-паша 86, 111, 113
Али Шурури 83
Али-ага, тесть Дерсими М. Н. 130
Алишан 34
Алишан-бей 26
Алишер 40, 41, 189
Али-эфенди (из Лидже) 11
Альпдоган Абдуллах 185, 187—189, 195, 199
Антер М. (Шехмуз Эльмас) 223—224, 242, 254, 279
Армстронг 70, 105
Асал Т. 258
Атай 244
Аталай Фалих Рыфкы-бей 113
Ататюрк М. К. 5, 16, 17, 19, 20, 23, 24, 26, 35, 41, 47, 48, 50, 63,
67, 74, 76, 79, 80, 84, 87, 90, 94, 95, 102, 112, 113, 125, 127,
137, 148, 166, 179, 186, 187, 190, 196, 197, 275—276, 280, 312, 318.
Атсыз Н. 252
Ахмад Хани 254
Ахмед, брат Джибранлы Халит-бей 77, 101
Ахмед Хани 13
Ахмед Али 106
Ахмет-бей, председатель торговой палаты 146
Ахмет Джемдет 137
Ашки-бей, 36

Баба, вожь племени джибран 76
Баба Ибрагим 144
Баба-бей 101
Бабан Фуат-бей 10
Бабан Хикмет-бей 10
Бабан Шюкрю-бей 10
Бабанзаде Азиз-бей 11
Бабанзаде Фуат-бей 7
Бабанзаде Шюкрю-бей 7
Баве Тужо (Мухаммед-эфенди, Хаджи Ахта) 11, 61, 99, 100
Багдур К. 279
Бадыллы К. 254
Байдаш Дж. 281—282
Балкас Н. 279
Барт Ричард 310
Барзани Мустафа 252, 261
Басри-бей 44
Батман 256
Батур II. 276
Бахри, майор 101,
Баяр Дж. 196, 197, 218, 224, 256
Бедин С. А. 339
Бедирхани Джемлет-бей, 25, 147
Бедирхани Кямуран Али 25, 50
Бедирхани М. Али-бей 7
Бедирхани Суррейя 153
Бедирхани Ферит-бей 10
Бедирхани Халиль Рахми-бей 10, 25
Бедирхани Эмин Али-бей 6, 8, 10
Бедирхани Эмир Кямуран 249
Бедирхани Молла Сант-бей 6, 8

- Беката 242
Бекир Сыткы-бей. депутат 22
Берли 122
Бехлеч Ширко 162
Бешкичи И. 200, 226—228, 273, 280, 351
Билек Ю. 279
Бильгич Е. 279
Бозарслан М. Э. 254—255, 278
Боран Е. 259, 277, 330
Бра Ибрагим 188,
Брукер, де 164, 165
Будак Т. 247
Будак Ю. 279
Буджак А. А. 237, 247
Буджак Ф. 237
Будуттекин Х. 279
Буркай К. 263, 278, 330
Бэлл, полковник 29

Вандемелебург Ж. 343
Ванлы И. Ш. 168, 198, 218, 221
Ванлы Расим 63
Вахаб Гази Мухаммед 207
Весек С. 279
Вехби-бей 180
Вильсон, полковник 5
Вильсон, президент США 8, 27
Вирсен М. 114
Вьено Ж.-П. 261, 269

Гаван С. С. 156, 162
Галиб, шейх 93
Ганизаде Джевдет-бей 11
Ганизаде Решат-бей 11
Гедик Н. 224
Генсой Ш. 248
Геренташ Т. 279
Гёкчен Сабиха 190
Гиритли И. 240
Гюзель Х. Дж. 343
Гюлек К. 247
Гюндюз М. 279
Гюнеш Н. 279—280
Гюнеш Х. Ф. 300
Гюрлер Ф. 276, 280
Гюрсель Дж. 236—237, 239—240
Гюресин Э. 280

Даваз Расим 191
Дал М. 237
Дели Фахри 145, 146, 147, 179, 180
Демирель С. 276, 300, 306
Демирджи И. 279—280
Дерсиами М. Н. 103, 124, 130, 143, 147, 151, 180
Джабар Ф. 299
Джевдет-паша 45
Джелал-бей 21

Джедяль Мехмет 76, 102
Джедяль-бей, министр 190
Джемаль-паша 26
Джемиль Чето-бей 22, 121
Джемиль-бей 11
Джемиль-бей, министр 81, 90
Джемиль-паша Ахмет 103
Джемиль-паша Зия-бей
Джемиль-паша Мемдух 103
Джемиль-паша Омер-бей 11
Джемиль-паша Экрем-бей 25, 61, 103
Джемиль-пашазаде Касым-бей 11, 61
Джемшид, вождь племени 66, 144
Джерджисзаде Керим-бей 11
Джибранлы Касым 93
Джибранлы Кямиль-бей 66
Джибранлы Халит-бей 12, 12, 14, 51, 61, 63, 64, 66, 77,9 в, 107
Джихангир-ага 120
Джошкун Кырджа 344
Диджле С. 330
Дило 40
Дияп-ага 35, 74
Доббс Г. 172
Догандедеоглу Хусейн 75
Дурмаз-ага (Билен) 338

Зана М. 278
Зейдаиллиоглу В. 327
Зейноглу Ахмет 144,
Зейрек А. 279
Зия Гёкальп 8, 236
Зияэттин-эфенди 22
Зюльфизаде Зюльфи-бей 48

Ибиш Зеки 124
Ибрагим, шейх (из Чана) 69, 75
Ибрагим Тали-бей 137, 138, 140, 143—145, 149, 157, 160,
179, 185
Ибрагим Хаски (Хасике) см. Ибрагим-паша
Ибрагим-ага 145
Ибрагим-ага, управляющий волости Боти 155
Ибрагим-паша 155, 162
Илери А. 321
Илери Х. 237
Изеттин-паша 124
Ильяс Самя-эфенди 82
Ильяс-эфенди 100
Ильяс-бей 27, 28
Иван З. А. 237
Ивёню И. 48, 71, 79, 80, 84, 85, 88, 89, 126, 127, 131, 132, 141
149, 158, 166, 179, 184, 188, 192
Исмаил, майор 101
Исмаил, шейх, 73
Исмаил, шейх (из Джизре) 101
Исмаил Хаким 61, 95
Исмет-паша, см. Ивёню И. 217

Ихсан Нури 61, 63, 155—157, 162, 160
Исхан-бей, министр 80
Ишык А. 273

Иешильгез Ю. 327
Иигит О. 282
Иыкылмыш Х. 279
Иылдырым Дж. 278
Иылдырым С. 237
Иылдырым К. 237
Иылмаз Н. 300

Каддари М. 242
Кадри-бей Джемиль-паша, см. Силопи 3.
Кайя Я. 242
Камыл Азиз 40
Канбер-ага 180
Каплан А. 279
Карабалаи Кангооглу Мехмет Али 144
Карадениз Ш. М. Э. 237
Каракуш А. 237, 239
Караосманоглу Ф. Л. 247
Караосманоглу Якуб Кадри-бей 113
Карахан Э. 279
Картал А. 237, 239
Картал Б. 237, 239
Картал Д. 237, 239
Картал К. 237, 239
Картал Х. 237, 239
Касем 243
Касым, майор 101
Качмаз А. 330
Каялар М.
Каяр А. 279
Кемалетдин Сами-паша 92
Кемали Али 37, 168
Кемаль Сатыр 258
Кемаль Февзи-бей, 10, 11, 13, 100, 107
Кемаль-паша 5
Керем 77
Кендар Слим 336
Кескин Ф. 237
Кёр Пашо 39
Кёр Саади см. Саади Кёр Абдулла
Кёроглу Хюсейн 122
Килик Ю.
Кубат Ф.
Курдере Ф. 273
Кутлай Н. 263, 278
Кутлу Х. 330
Кызылоглу 236—237
Кылыч Али 87
Кырмызытопрак (Шыван) С. 279
Кюфревоглу З. Дж. 237
Кюфреви К. 246
Кюфреви-заде Абдульбаки Ф. 22

Кюфреви Дж. 237
Кючюк, полковник 236
Кючюк Агаоглу Мехмет Хюлюси-эфенди 76
Кязым Карабекир-паша 12, 20, 27, 83, 84, 86, 91, 111, 113
Кязым-паша, председатель ВНСТ 79, 80, 125, 126
Кязым-паша, командир дивизии 72, 75
Кямиль 101

Ленин В. И. 3, 4, 55, 354—355
Лютфю Мюфит 103
Лютфю Хаджи Ибрагим-эфенди 11

Мадан Пашо 33
Макар 103
Максут 101
Марке К. 355
Маурер 213
Махмуд-бей 139
Махмуд, отец шейха Саида
Махмуд-эфенди 22
Махмуд, шейх 10, 44, 45, 46, 47, 52, 53, 63, 114
Махмуд Мустафа-пашаоглу 40
Махмут Эртуш 239
Махмут Эсат-бей 80, 82, 84, 113, 141, 166
Махмут-бей, руководитель курдского отряда
Медхат-хан 120
Мелек Парсо 122
Медени, сын Хаджи Мусы 121
Мелен Ф. 280
Мемдух Селим-бей 10, 11
Мемет Али 40
Мендерес Ад. 215, 218, 220, 238
Ментешеоглу Х. 252
Мете О. 199
Мехмет Михри 101
Мехмет Решит, шейх 13
Мехмед Саид эль-Накшбанди, см. Саид, шейх
М. Эмин-бей (из Сулеймании)
Мехмет-ага 93
Мехмет-эфенди, мюфту 74
Мечо-ага 35, 145
Митхат-хан 146
Мисто, рук. курд. отряда 33
Моланзаде Рифат-бей 10
Молла Хюсейн-эфенди 155
Молла Ахмед Джебзир 13
Молла Эмин 101
Мориссон 256
Муса Беркили-ага 155
Муссолини 149
Мустафа, шейх 75
Мустафа Зекки-бей 35
Мустафа Кемаль-паша (см. Ататюрк)
Мустафаоглу Хусейн
Мустафа-паша Емлик-бей 10
Мурсель-паша 72
Мухиттин Джемаль-паша 103
Муштаг Х. 244

Наджмеддин Салык 83
Накшбанди, шейх 19
Насчи М. 279
Нафис (из Сулейманши) 99, 100
Нашид Хаккы 110
Неджати 141
Неджметтин Хюссин-бей (из Каркука) 10, 11
Неджиш-ага (из Охи) 75
Немрудди Мустафа 14
Неру Дж 163
Никитин В. 30, 49, 129, 192, 193
Никмет 101
Ниязи, чиновник здравоохранения 101
Ножь, манор 5, 23, 25, 27, 28
Нуреддин-паша 37, 38, 39
Нурп 40, 41, 66, 67
Нух-бей 121

Озайдылы 294
О. д. Т. 318—320, 334—335, 344—345
Оздемир-паша 43, 44
Октем Г. 279
Октемьян А. 279
Омер-ага (из Дершева)
Омер Фаро 70
Омерин-ага 155
Омероглу Омер 122
Омар С. С. 240
Омер А. 279
Омур Х. 279
Орза Дж. 215, 247
Осман, брат Степьяны Хюсю 140
Осман Генал-ага 39
Осман-паша 77
Осман-оглу С. Я. 281

Паша Аббас 40
Пекер Ш. 237
Перси Кюке 43
Пехливан 40
Пирамерд, поэт 107
Пиривчизаде Февзи-бей 47
Погос (сын Макара) 103
Позан-ага 73
Прайс Ф. 214

Раманлы С. 237
Раман-бей 43
Рауф-бей 86, 113
Рамбу Л. 178
Реджеп-бей, 87, 88
Реджеп Пекер 170
Реманлы Эмин 140
Ремиз-бей 35
Ресик Хюсейн 196
Ресул-ага (из Мушаса) 22
Ревф-бей 21

- Рефик Хильми-бей 208
Рехбер 189
Ресик Хюсю 196
Решид-паша 26
Решид-ага 73
Решит-ага 93, 101
Решит, черкес 101
- Риза, офицер 109
- Рюшти-бей, генерал 167
- Саади Кёр Абдулла 65, 97—100
Сабри 40
Сабит 40
Саваш Ф. 279
Садреттин Деяль 113
Садулла-эфенди 19, 22
Сазак Э. 215
Санд Нури 220—221
Саид, шейх 59, 61—64, 66—68, 80, 81, 88, 93, 95—97, 100—104, 107, 111, 114, 120—123, 133, 138—140, 163, 169, 180, 227
Сант-паша, отец Шериф-паши 5
Сайкс
Салим-бей, каймакам 76
Салих-бей (из Хани) 70
Салих-паша 158, 159
Сами-бей 75
Сарадж, шейх 73
Сатыр К. 258
Сахноглу Э. 305
Сейит Абдулла (счетовод) 6
Сейит Абдуллах 120, 121
Сейт Азиз 40
Сейт Мехмет, сын Сента Абдулькадыра 99, 100
Сейт Таха 120
Сейт Хусейн-ага 196
Сейит Риза 35, 40
Секбан Шюкрю Мемет-бей
Селим, брат Джибранлы Халит-бея 77
Сляхетдин 180
Септиоглу К.
Серхан М. 242
Сёзлер А.
Сёзлер Ф.
Силопи З. (Кадри Джемиль-паша) 48, 61, 103, 112, 151, 154, 170, 207
Симко Исмаил-ага 44, 45, 63, 78, 155, 159
Сойсал А. 271
Степьянлы Хюсю 140
Субхи Мустафа 4
Субхи Нури 83
Сулейман Сабри-бей 121
Сунай Дж. 248, 269—272, 280
Сырры-бей 66, 167
Сюлейман 101

Сюлейман Назиф-бей 8
Сюлейман из Чапакураи 101
Сурейя-бей 99

Тагмач М. 276
Тайфан М. 279
Тали 40
Талаат 26
Танрыкулу А. 279
Татлышев Н. 339
Торе Т. 330
Туная Т. З. 240
Туранлы З. 237
Тарбазалы Мемо 40
Татар А. К. 279
Таулис, полковник 144
Тахир, шейх 73, 122
Тахир, брат шейха Саида 68
Таштан Н. 273
Тевфик Джемил 63
Тевфик-паша 198
Тевфик Рюшту 197
Теймурташ С. 279
Тейно Али 62
Телеки П. 144
Темир-ага 155
Тевтик-бей, начальник жандармерии 28
Токеч Метин 7
Тимур-ага 93, 101
Тимурленг 191
Тюккер 99
Тюмтюрк И. 251
Тюркеш А. 251, 294

Убайдулла-эфенди (из Шемдинана)

Углу Ю. 279
Узун Мехмет 283
Угру Мумджу 339
Улусу Б. 306
Ульбрихе Ж. 343
Устюнгель 199

Фазыл 208
Факи Хасан 68
Факхан С. 279
Фахри, шейх 181
Февзи Чакмак 198
Февзи-эфенди, шейх 19
Фейзи-паша 125
Фейзи-эфендизаде Мухаммед-эфенди 11
Фелик Фикри 133.
Феридун Фикри 89, 91
Ферик Фуат-паша 6
Ферик Хамди-паша 6
Ферт-паша 27
Феттик 47
Фетхи-бей 46, 79, 80—87, 158

Фетхулла-эфенди 7
Фехли Али 40
Фрунзе М. В. 32, 39
Фуат-бей, доктор 11, 61, 101, 107, 163
Фырат Гиясеттин 237
Фырат М. Э. 237
Фырат О. 237
Фырат Ф. Ф. 237
Фырат Халиль 237
Фырат Ш. А. 237
Фырат Ш. Г. 237
Фырат Ш. Ф. 237
Фырат Ш. С. 237

Хабиб К. 321
Хаджим Мухизддин-бей 123
Хаджи Бадрага 125
Хаджи Ибрагим 101
Хаджи Ильяс-эфенди 82
Хаджи Муса, брат Нух-бея 121
Хаджи Муса-бей 19, 29, 61, 64, 77
Хаджи Омероглу Ферих 122
Хаджи Омер-ага 247
Хаджи Халит 101
Хаджи Хасан 10
Хаджи Мухизддин-бей
Хаджиюсуфоглу С. 279
Хаджо, предводитель отряда 121
Хеды Садики 101
Хайдар, брат Алишана 34
Хайдар-паша 130, 131
Хайдарианлы Хусейн-паша 121
Хакьярли Абдурахман 14
Хакки-бей 14
Хасананлы Халиб-бей 61, 64, 76—78
Халиль Хаяли-бей (из Мутки) 6
Халиль-бей полковник 7
Халиль Рахми-бей, мутесарриф 28
Халымоглу Р. 279
Халид-бей (из Микиса) 6
Халиль-бей, председатель муниципалитета 146
Халис-паша 167
Халис-бей, полковник 36
Хамди-эфенди Ходжа 11
Хамидоглу Шереф 122
Хамит 101
Хасан, шейх (старш сын Сейта Ризы) 75, 144
Хасананлы Халит-бей 61, 64, 76, 77, 78
Хасан-эфенди, управляющий 155
Хасан Хайри-бей 35, 47, 66, 67, 74, 102
Хатиноглу Ш. Р. 215
Хатто, вождь племени джибран 76
Хау М. 305
Хейдар-бей 37, 39, 40
Хикмет Назим 4
Ходжа Али-эфенди 7
Ходжа Аскери 100

Хаджи Сабри 105
Хасеин 300
Хасеин (сын Мечо-аги) 145
Харши (из Хергу) 61, 63
Хусеин Хюсюк-паша 146, 179
Хусеин Авин-бей 47
Хусеин Ашур 40
Хусеин, участник восстания 1925 г. 101
Хусеин, шейх 122

Чакмак Февзи-паша 80
Чеджен Р. 237
Чемберлен 117
Черхизаде Фикри-бей 11
Чифтчи Н. 279
Чифтчи Х. 279

Шахия З. 279
Шахия Ф. 279—280
Шевкет 101
Шевкет, офицер 188
Шемсеттин, сын Хасананлы Халит-бей 77
Шемсеттин, шейх 71
Шериф, шейх 74, 75, 101
Шериф-паша 14, 15
Шефи, шейх 73
Шефик (из Битлиса) 37
Шефик Хюсюк, д-р 113
Шефик-эфенди (из Арваса) 7
Шык Н. 279
Шюкрю Кая 132, 188

Шык М. 239

Эрен К. 300, 306, 310, 344
Эджевит Б. 281, 294, 296, 300—301
Эдмондс К. Дж. 215
Энджиоглу Дж. 276
Экен К. 278
Экинджи Т. З. 259, 278
Экинджи Юсуф 278
Экрем-бей Джемиль-паша 10, 11
Элекдаг 309
Эльфинстон 190
Эльчи Ш. 279, 296, 299
Эмери, министр колоний 117
Эмин-ага 121
Эвер-паша 26
Эгельс Ф. 109, 354—355
Энис-бей 77
Энсариоглу А. 237
Энсариоглу С. 237
Эрбакан Н. 295
Эрбул Орхан 278
Эрдем Б. 237
Эрим Н. 277

Эркан А. Дж. 279
Эрсин 300
Эрташ М. 237
Эрташ Э. 237
Эсенгин Кенан 234
Эсинер Али Кемаль 190
Эфемдолак А. 238
Эюб, шейх 71, 73, 112
Эюб Сабри-ходжа 82
Эюбоглу О. 300

Юнус Нади 136
Юсуф, казнен в 1925 г. 101
Юсуф Зия, депутат ВНСТ 15
Юсуф Зия 62, 63, 64, 76
Юсуф-ага 180
Юсуф Калинка 281

Явуз Ф. 279
Ягызер Дж. 237
Якут Д. 237
Ялчин А. 344
Ялчин Хюсейн Джахид 113
Яшар Кемаль 235

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Агда 41
Аглат 189
Агры 155, 156, 161, 162, 217, 219, 228, 233, 246, 255, 259, 267, 279, 299, 301, 320, 338
Агры, провинция 145, 187
Адана 90, 95, 293, 296, 333
Азербайджан Иранский 176
Азия 166, 323
Азия Передняя 49
Азия Средняя 251
Айбек 159
Айдын 125
Александретта, санджак
Алигёр 281
Амасья 7, 38
Америка 154, 164, 268
Америка Латинская 323
Анатолия 4, 7, 16, 17, 23, 28, 32, 43, 69, 92, 105, 137, 151, 256, 338
Анатолия Восточная 10, 24, 39, 141, 150, 163, 169, 227—229, 231—234, 248, 250, 251, 255, 256, 261, 268, 269, 271, 275, 284, 285, 319, 333, 337
Анатолия Западная 129, 163, 178, 232, 250
Анатолия Центральная 178, 233
Анатолия Юго-Восточная 227, 228, 233, 255, 272, 319, 333, 334, 337—339
Англия 5, 8, 24, 29—31, 51, 52, 57, 96—98, 114—118, 165, 172, 173, 212, 219—221, 308
Анкара 10, 33—35, 40, 48, 64, 65, 71, 72, 89, 90, 91, 94, 105, 111, 120, 122, 124, 125, 131, 141, 143, 153, 157, 158, 175, 176, 179, 180, 191, 198, 202, 207, 238, 242, 244, 246, 248—250, 261, 264, 279, 282, 283, 293, 315, 333, 338, 339, 345, 347
Анталья 237
Антеп см. Газинтеп
Арабкир 38
Аралык 159
Арарат 63, 121, 122, 142, 149—151, 153—156, 160, 162, 167—169, 176, 199, 201
Арарат Большой 151
Арарат Малый 151, 219
Арнас 7
Арджиш 159
Армения, 12, 20, 27, 42, 56, 104, 153—155

Армения Великая 252
Армения Западная 16, 18, 56, 237
Армения Советская 154
Армения Турецкая 16, 155
Арпадереси 77
Артин 91, 181, 311, 320
Арцах 160
Африка 166, 252, 321, 323
Афьон 237
Ашгирик 167

Багдад 8, 61, 106, 117, 121, 174, 220, 243
Багрикала 159
Базырган 159
Батман 266, 280, 281, 307
Батуми 137
Байбурт 38
Башкала 159
Баязит 70, 139, 142, 150, 160, 161, 181, 307
Бейликкёпрю 215
Бейрут 261
Бельгия 308, 343, 348
Берлин 15
Берлин Западный 322, 324
Бингёль 66, 67, 73, 122, 187, 228, 258, 267, 278, 293, 301, 311, 312, 320, 340
Бисмиль 266
Битлис 7, 10, 13, 16, 18, 21, 22, 37, 51, 61, 62, 64, 66, 70, 76, 77, 80, 93, 121, 122, 125, 132, 139, 140, 145, 150, 184, 219, 227, 228, 233, 239, 250, 278, 301, 302, 311, 320, 338
Бихамдун 151
Ближний и Средний Восток см. Восток Бл. и Ср.
Богазвиран 37
Бойкёй 272, 273
Болгария 344
Борчко 181
Босния 110
Бостор 255
Ботан 6
Боти 155
Буланьк 13, 14, 157, 184
Бурдур 125, 237
Бурса 98

Ван 16, 70, 80, 92, 93, 121, 125, 132, 140, 145, 150, 157, 159, 160, 199, 214, 219, 228, 233, 239, 250, 282, 296, 301, 308, 320, 338, 340
Варто 13, 14, 63, 65, 66, 73, 74, 76, 122
Варшава 137
Великобритания см. Англия
Византия 252
Вирашехир 122
Восток 137, 218, 224, 232, 246—248, 254, 255, 267, 270, 271, 273, 274
Восток Ближний 24, 29, 43, 51, 53, 106, 164, 177, 195, 211—213, 219, 221, 222, 245, 291, 308, 321—323, 345, 347, 349, 350, 352
Восток Средний 194, 208, 209, 211—213, 219, 221, 225, 308, 321—323, 345, 347, 349, 350
Вульвич 24

- Вьетнам 253
Гаага 116
Гавзедан 72
Газиянтеп (Антеп) 139, 229, 231, 255, 282, 293, 296, 307
Галала 260
Гарзан 22
Гендж 62, 67—70, 73, 78—80, 83, 85, 92, 93, 104, 122
Генджская котловина 93
Германия 92
Германия Западная или ФРГ 232, 304, 305, 322, 346—348
Германия (фашистская) 207
Герцеговина 110
Гейнюк 76
Гекдере 74
Гёкоглан 63
Гёксу 63
Гиресун 38, 123, 250
Голландия 327, 355
Греция 180, 183, 327
Гюмюшане 187, 320
Гюрк 167

Дагбей 167
Даинпара
Дамаск 147, 184, 345
Данзиг 167
Дания 327
Дарахини 51, 62, 67, 70, 73
Дарданеллы 92
Денгеджюк 72
Денизли 237
Дерик 267, 282
Дерсим 7, 24, 27, 28, 32, 35, 38—42, 66, 67, 71, 75, 80, 89, 91—93, 96, 99, 102, 105, 123—126, 129, 131, 143—146, 167, 178—180, 185—192, 194—198, 200, 201, 226, 332
Дерсим Восточный 33, 124, 125
Дерсим Западный 33, 35, 129
Дершев 22
Дешт 188
Джабар, село 72
Джаник 26
Джизре 229, 282, 296
Дивриги 40, 226
Диярбакыр 6—8, 11, 16, 22, 24, 25, 35, 45—47, 51, 61, 62, 65, 66, 69, 70—73, 80, 93—95, 99—101, 110, 112, 124, 132, 137—139, 143—145, 148, 180, 181, 184, 224, 227, 229, 231, 233, 235, 238, 239, 246, 250, 255, 261, 266, 267, 270, 277—280, 282, 291, 296—300, 305, 307, 311, 312, 320, 335, 336, 340
Долмабахче 197
Донбат 159
Дуйсбург
Европа 109, 124, 154, 163, 221, 222, 239, 265, 304, 344
Европа Западная 322, 326, 347—349
Евфрат 32, 37, 42, 232, 345
Ереван 339
Женева 114, 249, 342

Заквказье 12
Заквказье Советское 5
Запад 165, 177
Зара 38, 46—47
Зейлан 217, 219
Зидан 157, 159, 161
Зиданская долина 159
Зингуллак 60

Индур 150, 181
Измаир 48, 60, 98, 120, 237, 282, 333
Иранья 323, 346
Илидже 219
Индия 252
Ирак 5, 10, 42, 43, 57, 61, 65, 66, 74, 78, 114—121, 152, 157, 164,
172, 180, 184, 190, 195, 198, 201, 203, 207, 209—212, 215, 219, 220,
236, 243—245, 260, 261, 282, 288, 297, 300, 302, 307, 309, 321, 323,
341—347, 350
Иран 5, 44, 74, 77, 78, 118, 120, 121, 155—162, 164, 172—174, 176,
177, 184, 195, 198, 203, 207, 209—212, 214, 215, 219, 220, 236, 243—
245, 252, 281, 282, 293, 295, 297, 300, 302, 307, 309, 321, 341, 344,
346, 347, 350
Иксидерун 309
Испарта 125, 237
Италия 29, 149, 308
Ичель 97

Пеллидже 33
Позгат 37, 38, 122, 250, 320

Казыман 157
Кзылте
Каир 162
Кайсери 16, 48, 121
Калан 130, 199
Камарлу 159
Кангал 33, 37—39
Каниреш 66
Карабахче 73
Караджа 123
Каракилисе 72
Карокёз 77
Каракочан 267
Караизы 266
Кареси 83
Карзар 72
Карлыова 13, 14, 63, 76
Карныярык 219
Карс 157, 181, 187, 219, 233, 251, 255, 293, 294, 301, 311, 320
Кастамону 125, 250, 279, 320
Кахраманмараш (Мараш) 293, 294, 296, 320, 332
Кемаль, дер.
Кемальпаша 181
Кемах 36—38, 40, 226
Киги 66, 73, 75, 76, 80, 93, 122, 125, 226, 266
Киликия 105
—Килис 307
Кире 151, 158, 159, 161, 162

Киркук 10, 43, 106, 309, 344
Койхан 155
Коджэли 277
Козан 123
Козлуаж 190
Колхисар 63
Конья 82, 98, 250, 292, 308
Корн 155
Корхан 155
Кочан 187
Кочкири 32, 34, 39—42, 75, 189, 190, 226
Кочхисар 37, 39, 226
Куьль 181
Курдистан 5—11, 13, 15—17, 20—32, 35, 36, 41, 42, 44, 47—49,
51—64, 69—72, 74, 77, 81, 82, 96—101, 104—111, 119, 124, 127, 128,
132, 133, 138, 140, 148, 150—155, 157, 102—166, 172, 179, 185,
189, 194, 197, 202—205, 207—210, 221—223, 233, 235, 238, 243, 261,
266, 269, 281, 283, 285, 287—289, 291, 295, 297, 298, 303, 304, 307,
308, 322, 324, 327, 347, 348, 352, 353
Курдистан Великий 203, 207, 210
Курдистан Иракский 15, 31, 43, 106, 207, 210, 243—245, 260, 309
Курдистан Иранский 161, 207, 293, 300
Курдистан Северо-Западный 343
Курдистан Северный 10, 16, 17, 45, 50
Курдистан Турецкий 1, 7, 13, 32, 60, 65, 131, 165, 184, 202—204, 207,
208, 213, 214, 224, 228—232, 235, 237, 243, 253, 255, 260—263, 266,
267, 276, 282, 283, 286—291, 293, 297, 298, 300, 304, 305, 308, 310,
311, 319—321, 323, 326, 329, 330, 333—334, 336, 348, 349, 351, 353
Курдистан Южный 44, 45, 53, 63, 208
Курдская Республика
Куручай 226
Кызылтепе 282, 299
Кырыкхан 64, 66
Кяхта 28, 29
Кюрник

Лемнос 23
Ливан 151, 152, 174,, 322
Лидже 11, 67, 121, 122
Лозанна 47, 115

Маден 71
Мазгирт 179, 180, 187, 188, 226
Мазыдаг 282
Малазгирт 13, 14, 61, 76, 77, 78, 101, 150, 157, 184, 266
Малатья 16, 24—28, 38, 75, 92, 93, 95, 125, 126, 139, 196, 255, 263,
278, 293, 308, 320, 332
Мамахатун 39
Мяку 77, 159
Мамикан 199
Мамуретульазиз, см. Элязиг
Маниса 91, 125, 237, 294
Мардин 70, 71, 80, 93, 122, 132, 139, 140, 145, 160, 184, 229, 231,
258, 266, 268, 270, 278, 281, 282, 296, 297, 299—301, 311, 312, 320,
335, 340
Мезрик 281
Мелекан 66, 67, 76

Мендо 75
Мерзифон 39
Мерсии 125, 304
Месопотамия 5
Мидьят 121, 122, 160, 267
Микис 6
Москва
Мосул 5, 30, 31, 43, 51, 52, 114, 116, 117, 172, 309, 341
Мосульский вилайет 5, 30, 58, 82, 114, 115, 117
Мосульский район 114, 115
Мраморное море 233
Мугла 237
Мудрос 23
Мунзур 199
Мурадие 160
Мурадчай
Мурат 38, 77
Мутки 6, 21
Муш 65, 71, 76, 77, 80, 82, 92—95, 122, 145, 148, 150, 157, 184, 199,
227, 228, 233, 268, 278, 311, 312, 320, 338
Мушас 22

Назымие 180, 187, 226
Нехри 120
Нигдэ 95, 125
Норвегия 327
Нуршин 22

Оваджик 36, 129, 130, 187, 190, 226
Одемиш 125, 166
Ольти 181
Орду 250
Орти 155
Османская империя 8, 12, 16, 18, 22, 23, 25, 32, 56, 57, 158
Охи

Пакистан 220, 252, 321
Пакую 180
Палестина 110, 324, 328
Палу 62, 64, 73, 74, 97, 103, 125, 198
Париж 15, 24, 101, 178, 246, 249, 348
Патноц 159, 160
Персидский залив 5
Пертек 226
Персия см. Иран
Пиран 62, 67, 68
Пишдар 43
Пюлюмюр 39, 167, 187, 226

Рака 28
Рания 43
Ревандуз 43, 44, 120
Рефахие 33, 37
Ризе 187
Россия, 4, 5, 50, 189
Россия Советская 4, 5, 50—53
Румелия 23

Сайс-Пико 31
Сакарья 48
Самсуи 26, 105
Санджак 76
Сан-Франциско 208
Сарай 159
Сарухан, см. Маниса
Сасун 151, 217, 219
Сәудовская Аравия 335
Септи. дер. 62
Сердарбулак 219
Серди 68
Сейлемез 77
Сивас 16, 22, 23, 26—28, 33—41, 48, 75, 166, 180, 189, 235, 237,
250, 293, 320
Сиверек 27, 28, 71, 72, 80, 93, 95, 239, 267
Сиджил 281
Сирт 51, 70, 80, 92, 93, 95, 132, 139, 145, 150, 184, 219, 226, 237,
229, 268, 277—280, 282, 297, 311, 320, 338, 340
Силифке 97
Сильван 246, 261, 266—268, 278
Синоп 92, 105, 320
Сирия 5, 42, 63—65, 74, 78, 92, 110, 121, 122, 152, 157, 164, 172,
174, 184, 201, 207, 211, 236, 302, 306, 321, 322, 341
Советская республика
Советская Россия, см. Россия Советская
Советский Союз, см. СССР
Солхан 14, 76, 122
Средиземное море 341
СССР 207, 210, 323—325, 344, 346
Стамбул 6—14, 20, 26, 29, 60, 63—65, 79, 90, 97—101, 124, 125, 137,
139, 192, 225, 238, 242, 246, 247, 253, 261, 277, 282, 283, 293, 333,
345
Стокгольм 15
Страсбург 343
Суадье 65
Сулеймания 5, 10, 15, 43—45, 52, 61, 99, 106
Сурци 160
США 152, 212, 219—221, 302, 308—310, 320, 321, 323, 326, 328,
335, 344, 346, 347, 349
Таиф 100
Тала 71
Ташлычай 279
Тебриз 52
Текман 187, 266, 272
Телялу 69
Телло 155
Терджан 122
Тигр 345
Токат 250
Токатлы 219
Трабзон 90, 112, 187
Тузлуджа (Кульп)
Турецкая Республика, см. Турция
Турция 5, 6, 13, 15, 20, 24, 29, 30, 31, 32, 41—43, 47—50, 54—59,
67, 76, 79, 80, 83, 85, 87—89, 94, 101, 104—111, 114—119, 122, 131

133, 137, 146, 147, 151—152, 255—158, 161, 164—166, 170—177, 180, 181, 184, 186, 191—193, 195, 196, 200—214, 217, 220, 221, 223—229, 232, 233, 236, 238—249, 253—257, 259—262, 264, 266—270, 272—278, 174, 175, 181, 201, 207, 211, 236, 302, 306, 321, 322, 341
281—290, 292—310, 312—314, 317—337, 339, 341—347, 349—356.

Турция Восточная 95, 121, 243, 334

Турция Центральная 95

Турция Юго-Восточная 5

Тунджели 66, 185, 187, 199, 217, 219, 249, 258, 263, 268, 297, 301, 311, 332, 338, 340

Тылхам 72

Тутак 266

Узун-Меше 190

Умрание 26, 34, 36, 189

Урфа 51, 80, 92, 93, 101, 112, 123, 132, 139, 142, 145, 196, 231, 239, 258, 278, 279, 281, 282, 293, 296, 336

Финляндия 327

Франция 29, 31, 165, 174, 327

ФРГ см. Германия Западная

Хаджи-Лейлек 72

Хаджи-Омер 63

Хаккяри 70, 80, 93, 120, 132, 145, 227, 247, 251, 253, 266, 282, 297, 311, 320, 340

Халеб 29, 61, 65

Хальвенк 180

Хани 62, 67, 70, 73, 122

Ханик 161

Харпут 16—18, 103, 111, 122, 123, 139, 184.

Харсы 167

Хатай 294

Херту 61

Хизан 63

Хильван 279

Хозат 34, 66, 124, 179, 226

Хсльвенк см. Хальвенк

Хыныс 13, 14, 62, 63, 65, 76, 77, 80, 93, 122, 157

Хыркал

Хюсейн-Аптала 33

Хюсейник 74, 102

Цюрих 163

Чан 69, 75

Чанкыры 320

Чапакчур 14, 73—75, 103, 122, 151

Чарсанджак 226

Червеш 76

Челемерик 121, 122

Чемишкезек 34, 38, 103, 179, 226

Черник 101

Чорум 143, 237, 250, 320

Чорух 181

Шабин-Карахисар 38

Шанши 181

Шаки 74
Шарафутдиндаг 94
Швейция 289, 322, 325—327, 339
Шейхан-Кепрю 156
Шеманам 6
Шемдинан 120, 121
Шехиргирден 219
Ширваншейх 78
Ширвак 20
Широ 25

Эгейское море 233

Эгин 38, 40

Эаирне 17, 125

Эльбистан 28

Элязиг (Элязиз, Мамуретулязиз) 7, 16, 24—28, 33—35, 38, 51, 62,
70, 73—75, 80, 92, 93, 96, 102, 123—126, 129—132, 144, 145, 179,
185, 187, 189, 196, 198, 199, 227, 278, 293, 311, 320, 332, 340.

Эрбиль 43, 106

Эргани 67, 71, 73, 80, 93

Эрзинджан 16, 19, 34, 38, 39, 40, 66, 75, 92, 123, 126, 130, 131,
144, 167, 187, 195, 233, 293, 320

Эрзинджанский вилайет 33, 92, 167, 168

Эрзурум 13, 14, 16, 22, 47, 51, 53, 61—64, 109, 120, 181, 187,
251, 272, 275, 293, 320

Эрзурумский вилайет 16, 18, 93, 167, 199

Эскишехир 215

Эшек-Мейдан 76

Юго-Восток 247, 254, 280

Юкарыничо 219

Языхаджи 36

Япония 207

Ярымкая 159

1. Маркс К. Конфиденциальное сообщение. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 16.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. О Польше. — Соч., Т. 4.
3. Энгельс Ф. Принадлежность наций в Лондоне. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 2.
4. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 7.
5. Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. — Полн. собр. соч., Т. 39.
6. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о концессиях на Франции РКП б/в VIII съезда Советов 21 декабря. Полн. собр., соч., Т. 42.
7. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. — Полн. собр. соч., Т. 30.
8. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., Т. 24.
9. Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? — Полн. собр. соч., Т. 24.
10. Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме. — Полн. собр. соч., Т. 30.
11. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. — Полн. собр. соч., Т. 26.
12. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., Т. 25.
13. Ленин В. И. Развращение рабочих утонченным национализмом. — Полн. собр. соч., Т. 26.
14. Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., Т. 27.
15. Ленин В. И. Резолюция летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками. — Полн. собр. соч., Т. 24.
16. Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., Т. 27.
17. Ленин В. И. Тезисы реферата по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., Т. 24.
18. Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза.
19. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.
20. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. М., 1986.
21. Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959.
22. Конституция Турецкой Республики. — Современная Турция. М., 1958.
23. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. ч. II. М., 1926.
24. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. Вып. II. М., 1929.
25. Программные документы коммунистических партий Востока. М., 1934.
26. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927.
27. VII Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1920.

28. ЦГАОП СССР. Ф. 4459, оп. 2.
29. Anayasa Nizami ve Parlamento Seçimleri ile ilgili Temel Kanunlar. Ankara, 1961.
30. Bozbeğli F. Parti Programları (birinci cilt). İstanbul, 1970.
31. Cumhuriyet Halk Partisi Programı. Ankara, 1976.
32. Çoşitli yönler ile Dogu ve Güneydogu Anadolu. Diyarbakır, 1967.
33. Diyarbakır İddianamesi. 1972.
34. Devrimciler, Yurtseverler, tüm Emekçiler.
35. Düstur.
36. Güneydogu. Birinci Genel Mufettislik Bölgesi. İstanbul, 1939.
37. Hayat Ansiklopedisi. Cilt 7. İstanbul, 1932.
38. Hayat Ansiklopedisi. Cilt 20. İstanbul, 19
39. Hebal ji bo rizgariya Kurdistan. 1979.
40. İktisadi Rapor. Ankara, 1975.
41. İstatistik Yilligi. Cilt 5. 1931/32, № 21.
42. İstatistik Yilligi. Cilt 19. Ankara, 1951.
43. İstatistik Yilligi. 1960 — 1962, № 460.
44. "Jenosit". Hukuku-Beşere tecavuz. Beyrut, 1956.
45. Kökdemir N. Eski ve Yeni toprak, iskân hükümleri ve uygulama klavuzu. Ankara, 1952.
46. KUK I. Konferans Kararları. 1981.
47. Kürdistan Devriminin Yolu (Manifesto). 1978.
48. Kürdistan İşçi Partisi Programı (1978).
49. Kürdistan Öncü İşçi Partisinin 2. Kongresi basariyle sonuçlandı. 19883.
50. Kürdistan Ulusal Demokratik Güçbirliği (UDG). Deklarasyon. Van, 1980.
51. 14 Ekim Seçimlerinde kitlelere gerçek yolunu gösterelim. Bitlis, 1979.
52. Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası (Tutanaklar). Cilt II. Ankara, 1966.
53. TIP Dosyası. Ankara, 1973.
54. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. İstanbul. 1970.
55. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. Ankara, 1973.
56. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. Ankara, 1982.
57. Türkiye Cumhuriyeti Onbesinci kitabı. Ankara, 1938.
58. T. C. Resmi Gazete.
59. Türkiye İstatistik Yilligi. 1975. Ankara, 1976.
60. Türkiye İşçi Partisi Programı. İstanbul, 1964.
- 61 — 62. Türkiye İşçi Partisi Programı ve Tüzüğü. İstanbul, 1975.
63. Türkiye Komünist Partisi Programı. 1983.
64. Türkiye Kürdistanı Sosyalist Partisi (TKSP). 1981.
65. Türkiye Kürdistanı Sosyalist Partisi. Kürdistan Halkına. 1980.
66. Türkiye ve Kürdistan Halklarına. Dünya ilerici demokratik kamuoyuna (1980).
67. Türkiye ve Türkiye Kürdistanı Sol Birliği. Sol Birlik (Belgeler). 1984.
68. Türkiyede Kürdistan Demokrat Partisi Siyasi Programı (1974).
69. 23 Ekim 1960 Genel Nüfus Sayımı. Ankara, № 452.
70. 24 Ekim 1965 Genel Nüfus Sayımı. Ankara, 1969, № 568.
- 71 — 72. 25 Ekim 1970 Genel Nüfus Sayımı. Ankara, 1972, № 659.
73. Yeni Kanunlarımız. Ankara, 1960.
74. Yurtdisi Kürdistan Öğrenci Birliğinin Programı ve Tüzüğü. (Bati) Berlin. 1980.
75. Iraq-report on Iraq administration. April 1922-March 1923. London. 1924.
76. Memorandum sur la situation des Kurdes et leurs revendications.— Bulletin du Centre de d'etudes kurdes. Paris. 1948, № 2.
77. Report by His Britanic Majesty's government to the Council of the league of Nations on the administration of Iraq for the year 1926. London, 1927.
78. Rizzo J. A. La Legislation turque. Vol. IV — V, İstanbul.

79. Solidarität mit den Demokatischen Kräften der Turköi und Turköi Kurdistans. 1980.
80. Аванесов С. С. Положение национальных меньшинств в Турции. Ереван, 1963.
81. Аюлов Г. Б. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране. М., 1952.
82. Аюлов А. Курдский вопрос и дашнаки — Большевик Закавказья. Тифлис, 1931.
83. Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата (1922 — 1923). М., 1960.
84. Асратян (Гасратян) М. А. Политика турецких правящих кругов по отношению к курдскому населению (1924 — 1939). — Краткие сообщения. 1961, № XXX.
85. Барзани Х. Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы. М., 1971 (канд. дис.).
86. Васильев К. Причины и движущие силы курдских восстаний. — Аграрные проблемы. М., 1931, кн. 9 — 10.
87. Гасратян М. А., Орешкоова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983.
88. Гурко-Кряжин В. Мосул и Ирак. — Международная жизнь. М., 1926., №1.
89. Дживелегов А. К. Армения и Турция. М., 1946.
90. Джилов Х. Экономика Турции. М., 1971.
91. Завриев Д. С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов в Турции. Тбилиси, 1947.
92. Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском (Южном) Курдистане (1918 — 1932) (канд. дис.). М., 1963.
93. Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане (1918 — 1932). Баку, 1967.
94. Кузнецов А. А. Курдский вопрос на первом этапе общего кризиса капитализма. 1966 (рукопись).
95. Курд Оглу. Курды и империализм. — Бюллетень прессы Среднего Востока. 1932, № 13 — 14.
96. Лахути. Курдистан и курды. Новый Восток. 1923, № 4.
97. Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М. — Л., 1948.
98. Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. I — III. М., 1929, 1932, 1934.
99. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. М., 1975.
100. Никитин В. Курды. М., 1964.
101. Новичев А. Д. Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959.
102. Прокофьев В. Агрессивный блок СЕНТО. М., 1963.
103. Рост-н. Ф. Заметки о курдах. — Бюллетень прессы Среднего Востока № 13 — 14.
104. Фаризов И. О. Вступительная статья к кн.: Никитин В. Курды. М., 1964.
105. Фрунзе М. В. Поездка в Ангору. — Собрание сочинений. Т. I. М. — Л., 1929.
106. (Хауз) Архив полковника Хауза. Т. IV. М., 1944.
107. Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918 — 1923 гг. М., 1966.
108. Сасуни К. Национальные движения курдов и армяно-курдские отношения. Бейрут, 1969 (на арм. языке).
109. Жамкочян. Айни (на арм. яз.).
110. Abadan N. Anayasa Hukuku ve Siyasi Bilimler Açısından 1965 Seçimlerinin Tahlili. Ankara, 1967.
111. Aladag C. Kürdistanin Somurgelestirilmesi ve Kürt ulusal Hareketi. Istanbul, 1978.

112. Aladağ C. Milli Metele ve Doğu'da Feodalite-Apiret. Ankara, 1976.
113. Atatürk K. Nutuk. Cilt I—II. İstanbul, 1962.
114. Atatürk'ün söylev ve demeçleri. Cilt I. İstanbul, 1945.
115. Aybar M. A. Bağımsızlık, Demokrasi, Sosyalizm. İstanbul, 1948.
116. Aydemir S. S. İkinci Adam. İsmet İnönü. Cilt I. İstanbul, 1968.
117. Aydemir S. S. Tek Adam. Mustafa Kemal. Cilt III (İkinci baskı). İstanbul, 1961.
118. Askun V. E. Sivas Kongresi. İstanbul, 1963.
119. Avcıoğlu D. Türkiye'nin Düzeni. Cilt I—II. (Beşinci baskı). Ankara, 1971.
- 119a. Bakı M. Kürt Tarihi (kısa). Stockholm-Sverige, 1972.
120. Bedirhan C. A. Mektup Türkiye Reisicumhuriyeti Mustafa Paşa Hazretlerine. 1933.
121. Beşikçi I. Doğu Anadolunun Düzeni. Sosyo-ekonomik ve etnik temeller. 2. baskı. İstanbul, 1970.
122. Bozarslan M. E. Doğunun Sorunları. Ankara, 1964.
123. Cem I. Türkiyede geri kalmışlığın Tarihi (Üçüncü baskı). İstanbul, 1973.
124. Cemal B. Seyh Said İsyanı. İstanbul, 1955.
125. Demircioğlu D. İşte Doğu Anadolu. Ankara, 1969.
126. Dersimi M. N. Kürdistan Tarihinde Dersim. Melep, 1952.
127. Esengün K. Küttçülük Sorunu. İstanbul, 1964.
128. Fırat M. S. Doğu İlleri ve Varto tarihi. Ankara, 1967.
129. Gologlu M. Oçüncü Mesrutiyet. 1920. Ankara, 1970.
130. Gökman M. 50 Yılın Tutanağı. 1923 — 1973. İstanbul, 1973.
131. Hasretyan M. A., Ahmed K. M. Ciwan M. 1923 Kürt Ayaklanması (Seyh Said Hareketi). Uppsala, 1985.
132. Hıbat çizgisinin estirisi. 1978.
133. İpekçi A., Cosar M. S. İhtilalin iç yüzü. Cilt I. İstanbul, 1965.
134. Karal E. Z. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi (1918 — 1960). İstanbul, 1963.
135. Keleş B. Türkiyede Şehirleşme, Konut ve Gecekondu. İstanbul, 1972.
136. Kemali A. Erzincan. Tarihi, coğrafi, içtimaî, etnografik, idari, dışarı tetkikat tecrubesi. Erzincan, 1932.
137. Kırzioğlu F. Kürtlerin Türklüğü. Ankara, 1969.
138. Kıvılcımlı H. İhtiyat kuvvet: milliyet (sark). İstanbul, 1977.
139. Kıvılcımlı H. 27 Mayıs ve Yön Hareketinin Sosyal Eleştirisi. İstanbul, 1970.
140. Koças S. Tarih boyunca Ermeniler ve Türk Etneni İhtilalleri. Ankara, 1967.
141. Lavrentoğlu M. Atatürk'ün vasiyeti. İstanbul, [1966].
142. Murat H. Özgür Kürdistan için. Frankfurt, 1980.
143. Murat H. Türkiye Şartlarında Kürt halkının Kurtuluş mücadelesi. 1977.
144. Neset Halil. Büyük Meclis ve İnkılap. Ankara, 1933.
145. Silopl Z. Doza Kurdistan. 1969.
146. Şivan. Kürt Millet Hareketleri ve İraki Kürdistan Örtülü. Brüssel-Stocholm, 1970.
147. Tokar M. Şeyh Said ve İsyanı. Ankara, 1968.
148. Tunaya T. Z. Türkiyede Siyasi Partiler (1859 — 1952). İstanbul, 1952.
149. Ulubelen E. İngiliz gizli Belgeleriyle Türkiye. İstanbul, 1967.
150. Ulug I. H. Atatürk'ün çizdiği portreler. İstanbul, 1968.
151. Ustünel. Şavaş Yolu. Sofya, 1952.
152. Yamuklı A. A. Kürdistan ve Kürt ihtilalleri. Bağdad, 1946.
153. Arfa H. The Kurds. An historical and political study. New-York — Toronto, 1966.
154. Armstrong H. G. Grey Wolf. Mustafa Kemal. London, 1934.
155. August K. Le Pais de Kemal Atatürk. Leipsig, 1938.
156. Bedir-khan K. A. La Question kurde. Paris, 1959.
157. Bedir-khan K. A. Preface. — J. Pradier. Les Kurdes. Revolution silencieuse. Bordeaux, 1968.
158. Biau V. Le Probleme kurde, essai sociologique et historique. Bruxelles, 1963.

159. Bois Th. *Connaissance des kurdes*. Beyruth, 1965.
160. Eagleton W. *The Kurdish Republic of 1946*. London, 1963.
161. Edmonds C. Y. *Kurds, Turks and Arabs. Politics, travel and research in North-Eastern Iraq (1919—1925)*. London, 1957.
162. Gervan S. S. *Kurdistan: divided Nation of the Middle East*. London, 1958.
163. Gentizon P. *Mustafa Kemal ou L'Orient en marche*. Paris, 1929.
164. *Histoire de la Republique turque*. Istanbul, 1935.
165. Kinnane D. *The Kurds and Kurdistan*. London—New York, 1964.
166. *Les Kurdes et le Kurdistan. La Question nationale kurde au Proche-Orient*. Paris, 1981.
167. Majeed K. Y. *Under-Underdevelopment. A Regional case of study of the Kurdish Area in Turkey*. Helsinki, 1976.
168. Maurès R. *Le Kurdistan ou la mort*. Paris, 1967.
169. Pradier Y. *Les Kurdes. Revolution silencieuse*. Bordeaux, 1968.
170. Rambout L. *Les Kurdes et le droit*. Paris, 1947.
171. Roth V. *Geographie der Underdnickten*. Hamburg, 1978.
172. Sebastien A. *Kurds and Kurdistan*. London, 1948.
173. Vanty I. Ch. *Le Kurdistan et le Question kurde*, Paris, 1960.
174. Vanty I. Ch. *Survey of The National Question of Turkish Kurdistan with historical background*. Roma, 1971.
175. Wilson A. *Mesopotamia: 1917—1920*. London, 1931.
176. «Аграрные проблемы».
177. «Бюллетень прессы Среднего Востока».
178. «Заря Востока».
179. «Известия».
180. «Коммуниста».
181. «Международная жизнь».
182. «Правда».
183. «Проблемы мира и социализма».
184. «Революционный Восток».
185. "Akşam".
186. "Ale Rizgari".
187. "Ant".
188. "Armanc".
189. "Atılım".
190. "Aydınlık".
191. "Aydınlık".
192. "Bahoz".
- 192a. "Berxwedan".
193. "Cumhuriyet".
194. "Çeğri".
195. "Denge Komal" (Duisburg).
196. "Denge Komkar".
197. "Der Spiegel".
198. "Durum".
199. "Dünya".
200. "Emek".
201. "Forum".
202. "Gazet".
203. "Gaziya Welat".
204. "Qerin".
205. "Günaydın".
206. "Hakimiyeti Milliye".
207. "Havadis".
208. "Hewar".
209. "Hürriyet".
210. "İkdam".

211. "İnkilâp Yolu".
212. "İstanbul".
213. "Kadro".
214. "Kitle".
215. "Kürdistan".
216. "Milliyet".
217. "Nişîman".
218. "Öncü".
219. "Özgürlük".
220. "Özgürlük Yolu".
221. "Riya Azadi".
222. "Rizgari".
223. "Roja Nu".
224. "Ronahi".
225. "Roja Welat".
226. "Serxwebun".
227. "Somut".
228. "Son Posta".
229. "Tan".
230. "Tanin".
231. "Tercuman".
232. "TIP Haberleri".
233. "Türkiye Postasi".
234. "Ulus".
235. "Vakit".
236. "Varlik".
237. "Vatan".
238. "Yanki".
239. "Yeni Gazete". 24
240. "Yön".
241. "Yurttan Haberler".
242. "El-Hedef".
243. "Учабep".
244. "L'Asie Française" (Paris).
245. "Avanti".
246. "Bulletin mensuel du Centre d'Etudes Kurdes".
247. "The Dayly Telegraph".
248. "Echo".
249. "Economist".
250. "International affairs".
251. "Journale d'Orient".
252. "The Christian Science Monitor".
253. "Kurdish facts and West-Asian affairs".
254. "Le Monde Diplomatique".
255. "The Near East and India".
256. "The New York Post".
257. "The New York Times".
258. "L'Orient".
259. "Republique".
260. "Temps".
261. "The Times".

О Г Л А В Л Е Н И Е

Г Л А В А I. КУРДСКИЙ ВОПРОС В ПЕРИОД КЕМАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1918—1924 гг.)

1. Великий Октябрь и курдский вопрос в начале кемалистского движения 3
2. Первые послевоенные курдские организации и их деятельность 6
3. Антикемалистское выступление в Малатье (1919 г.) 16
4. Движение курдов в районе Кочкири-Дерсим (1920—1921 гг.) 32
5. Лозаннская конференция и проблема курдов 42
6. Первая конституция Турецкой Республики и игнорирование прав курдов 53

Г Л А В А II. КУРДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1925 ГОДА (ВОССТАНИЕ ШЕЙХА САИДА)

1. Подготовка и начало восстания 61
2. Ход восстания 70
3. Законодательные и военно-административные меры по подавлению восстания 78
4. Суд над курдскими руководителями 97
5. Характер восстания 107
6. Подавление либеральной оппозиции 111
7. «Решение» Мосульской проблемы 114

Г Л А В А III. ПОЛИТИКА УСМИРЕНИЯ КУРДОВ И АРАРАТСКОЕ ВОССТАНИЕ

1. Курдские выступления и полицейско-административные меры по их подавлению (1925—1927 гг.) 119
2. Генеральная инспекция и политика «умиротворения» курдов в Восточной Анатолии 131
3. Восстание в районе Арарата (1927—1931 гг.) 149
4. Соглашение Турции с другими странами по подавлению курдского движения 172

Г Л А В А IV. УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПОДАВЛЕНИЯ КУРДОВ В 30-е ГОДЫ

1. «Решение» курдской проблемы накануне восстания в Дерсимае 178
2. Восстание в Дерсимае (Тунджели) (1936—1938) 185
3. Некоторые выводы в связи с национально-освободительной борьбой курдов в 20-х — 30-х годах 200

Г Л А В А V. КУРДСКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1945—1970 гг.)

1. Состояние курдской проблемы в первые послевоенные годы 207
2. Численность и социально-экономическое положение курдов в Турции 225

3. Политика турецких властей в курдском вопросе после военного переворота 1960 г.	235
4. Активизация борьбы курдов во второй половине 60-х годов	245
5. Политические и общественные организации, руководившие курдским движением во второй половине 60-х годов	260
6. Усиление карательных операций в Турецком Курдистане и Западной Армении	266
Г Л А В А VI. КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУРЦИИ Г 70-Х НАЧАЛЕ 80-Х ГОДОВ	
1. Меморандум 12 марта 1971 г. и утверждение режима террора в стране	276
2. Программные положения политических партий по курдскому вопросу в 70-х годах	284
3. Продолжение репрессий в Турецком Курдистане и Западной Армении в конце 70-х годов	293
4. Проблема курдов в условиях военного режима	305
5. Новая турецкая конституция и курдский вопрос	310
6. Деятельность курдских политических партий. Их попытки к объединению усилий в борьбе за свои национальные права	322
Заключение	351
Указатель имен	357
Указатель географических названий	369
Использованные источники и литература	375

**МАНВЕЛ АРСЕНОВИЧ ГАСРАТЯН
КУРДЫ ТУРЦИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

Редактор Н. Э. Хунунц
Художник А. М. Цатурян
Художественный редактор Г. М. Оганесян
Контрольный корректор М. В. Петанов
Технический редактор А. М. Блбулян

ИБ № 6742

Сдано в набор 12.05.1989 г. Подписано в печать 25.04.1990 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная»

Печать офсетная, 20,16 усл. печ. л. 22,16 уч. изд. л.

ВФ 05822. Тираж 2000. Заказ 2205. Цена 1 р. 70 коп.

Издательство «Айастан», Ереван—9, ул. А. Исаакяна, 28.

Типография цветной печати Госкомитета по делам
издательств и книжной торговли

Ереван—82, пр. Адмирала Исакова, 48